

АБДУЛЛА КАХХАР

Избранные
произведения
в 3-х томах

том I

Рассказы и пьесы

Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
Ташкент — 1972

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

**С. Бородин, Н. Владимирова, К. Каххарова, Л. Каюмов, С. Ля-
ходзиевский, А. Удалов, А. Шарафутдинов**

Составитель кандидат филологических наук Н. В. ВЛАДИМИРОВА

Художник Б. ШТИН

РАССКАЗЫ

Прозрение слепых

Не вы ли это, мулла Умар?
Не вас ли ждет кабанья стрела?

Песня

Итак, Ахмад-палван ждал смерти. Правильней было бы сказать, что смерть ждала Ахмад-палвана... Сам-то он не имел ни малейшей охоты к переселению в иной мир, но, связанный, как баран, и поставленный бок о бок с десятником, которому на этот раз поручили исполнять обязанности палача, мог ли он крикнуть «да» в одну сторону и «нет» в другую?

Палач был парень малого роста, но крепкого сложения. Когда он подтолкнул Палвана, тот качнулся, как слабая тростинка, и упал навзничь, придавив спиной связанные крест-накрест руки.

Увесистым пинком палач заставил Ахмада подняться. Встав на ноги, Палван осторожно пошевелил плечами, пробуя, нет ли где-нибудь перелома или вывиха, но тут же с горькой покорностью подумал, что переломы и вывихи теперь уже не имеют значения.

Палач опять подтолкнул Палвана — на этот раз полегче, — и тот, пробежав иль, вернее, проковыляв несколько шажков, оказался прямо перед супой, на которой, опираясь на подушки, возлежал одноглазый курбаши в полосатом, сильно засаленном халате. Справа от курбаши сидел горбатый улем, слева примостился желтолицый индусский табиб, за спиной же пристроился хозяин дома — маленький вертлявый старикашка, похожий на летучую мышь.

С трудом разлепив зрячий, но в эту минуту почти ничего не видящий глаз, курбаши набрал в легкие воздуха и во всю силу крикнул:

— Отродье дьявола! Скоро ль услышим мы гнусные
пмена твоих пособников?

Ахмад-палван по-прежнему хранил молчание. Мог ли он прибавить самую ничтожную малость к тому, что было сказано раньше? Да, он убил эффенди Исмаила, но пособников, если не считать пособником простого топора, у него не было.

Курбаши считал эффенди своим главным помощником, и эффенди действительно был правым крылом стержня. Когда под Алкармазаром пуля красноезвездного конника пробила грудь эффенди Исмаила, курбаши выхватил его из самой гущи боя и, поддерживая в седле, ускакал с ним в горы. Если б погоня не была такой неотступной, курбаши перевязал бы рану своего первого помощника, но конники с красными звездами на остроконечных щлемах так упорно преследовали беглецов, что остановиться — даже на одно мгновение! — было просто немыслимо.

Только ночью, потеряв половину своих всадников, курбаши достиг того кишлака, в котором жил Ахмад-палван. Истекающий кровью эффенди попросил, чтобы его не везли дальше, а оставили в доме какого-нибудь надежного человека.

Курбаши имел в этом кишлаке сторонников, которым он верил безоговорочно. Но ни в одном из двух или трех преданных басмачам домов нельзя было поместить эффенди, потому что эти дома принадлежали баям, а курбаши отлично знал, что именно к богатым и почтенным баям красноезвездные воины относятся с настороженной враждебностью. Справедливо рассудив, что самым надежным убежищем для эффенди будет в этих условиях жилище бедняка, курбаши решил оставить умирающего в жалком домишке Палвана.

Ахмад-палван с рук на руки принял эффенди и в ответ на приказ курбаши пообещался обеспечить не только уход за раненым, но и ничем не нарушаемый покой. Свое обещание Палван выполнил еще до того, как в непроглядной тьме ночи затих дробный топот коней, уносящих курбаши и его джигитов в более безопасные места.

Ахмад-палван не стал ждать выздоровления или смерти эффенди: опасаясь, что курбаши вернется и заберет своего помощника, он успокоил раненого ударом тяжелого топора, и притом успокоил навек.

Через тридцать семь дней после того, как тело эффенди было схоронено в глубокой яме, курбаши, узнавший от одного из кишлачных баев о поступке Палвана, схватил и связал Ахмада и бросил поклажей на коня. Палван два дня трясся на этом коне, чтобы ровно на сороковой день после смерти эффенди получить возмездие за кровь верного помощника курбаши.

Теперь он стоял перед лицом врага и ждал его слова.

Но курбаши безмолвствовал, потому что то напряжение, которое ему понадобилось, чтобы разжечь в себе мстительную ярость, окончательно истощило его силы.

Сидя на супе, улем, таиб и вертлявый старикашка растерянно переглядывались, но старались не смотреть на палача и на спешенных джигитов, которые томнились в невеселом ожидании.

Но вот улем набрался храбрости и легонько подтолкнул курбаши. Тот вздрогнул, вскинул голову и, глянув на небо, сразу же вспомнил, что на закате ему надо вывести джигитов для набега на соседний кишлак, где у него остались незаконченными кое-какие затянувшиеся счеты с враждебными ему дехканами. Так как солнце склонилось низко и до заката оставалось не более двух-трех часов, то курбаши решил: «Надо кончить с этим негодяем...» Единственное око его, горевшее волчьим огнем, устремилось прямо на Палвана.

Палван перенял этот, полный угрозы, взгляд и не опустил перед ним своих усталых, но очень твердых глаз.

Стремительно качнувшись вперед, курбаши заорал во всю глотку:

— Грязный отступник! Неужто ты думаешь, что за спиной твоей не палач стоит, а жизнь иль даже — две жизни?

Палван пошевелил за спиной затекшими пальцами и заговорил, глядя прямо в лицо курбаши:

— Бек мой! Я сказал все и больше мне нечего сказать... Эффенди убивал дехкан, я убил его, а теперь вы собираетесь убить меня... Но перед концом жизни я хотел бы сделать угодное аллаху дело, чтобы аллах...

— Вшивый дурак! — кричал курбаши. — Не смей осквернять священное имя!

— Могу ли я о кощунстве помышлять? — печально усмехнулся Палван. — Нет, бек, мне надо в мой последний час о другом помыслить. Смирно молю вас, бек, доз-

вольте совершить угодное аллаху дело, от которого и вы, мудрый бек, получите пользу!

— Какую же пользу могу я получить от тебя? — свирепо закричал курбаши.

— Бек мой, — сказал Палван, — вы сильны, как лев, а я слаб, как пчела. Но ведь вам известно, что лев едва не погиб, когда пренебрег пчелой? Не пренебрегайте мной, могучий бек, и я открою вам одну тайну.

Судорога не то злобы, не то смеха прошла по лицу курбаши, но он подавил ее и тут же превратил в зовок. Показав полную неохоту к дальнейшему разговору, курбаши сердито сказал:

— Я вижу тебя насквозь, собака!

— Вы видите меня одним глазом, а можете увидеть двумя! — твердо возразил Палван и, заметив недоумение и гнев на лице курбаши, неторопливо прибавил: — Бек мой, ваш левый глаз лишен света, потому что темная вода залила его. Но я могу вернуть свет вашему незрячему глазу, потому что мне известна тайна исцеления слепых.

При слове «исцеление» индусский табиб, не вполне понимавший узбекскую речь, вдруг встрепепулся и стал спрашивать улема, что сказал этот обреченный на смерть человек.

Улем растолковал смысл сказанного, и табиб уже не безучастно, а очень внимательно глянул на Палвана.

«Он, конечно, говорит ложь», — подумал табиб и тут же усомнился в своем сомнении и строго спросил себя: «А что, если в большой лжи этого человека таится зернышко правды?»

Курбаши вдруг обернулся к табибу и сказал:

— Табиб, я дарю вам тайну этого паршивца. Вы мало что смыслите в искусстве врачевания, потому что даже из своего тела не можете изгнать болезнь, которая три раза в неделю трясет вас, как дьявол трясет одержимого. Возьмите тайну исцеления слепых, и пусть она умножит ваше искусство!

Курбаши расхохотался и откинулся на подушки, которые успел подсунуть вертлявый хозяин дома. Если бы не эти подушки, курбаши, наверно, раскололся бы от хохота: так расколыхалось его тучное чрево. Внезапное веселье курбаши передалось другим. Даже строгий улем не смог удержаться от улыбки, а старикашка, похожий на

летучую мышь, весь изошел смехом. Табиб один остался в стороне от этого непристойного веселья.

Но вот курбаши успокоился и, переведа дух, сказал:

— Мне надоело слушать сказки этого дурака! Поговорите вы с ним, табиб, а я помолчу и послушаю.

Табиб молча кивнул и повернулся к Палвану.

— Удалось ли тебе исцелить хоть одного слепца? — строго спросил он.

— Нет, — просто ответил Ахмад-палван. — Сам я еще никого не исцелял, но старик — мой учитель — возвратил однажды свет слепцу. Слепой стал видеть, а старик ослеп сам и умер.

— Отчего же он умер?

— Оттого, что отдал свой свет другому.

Палван опять поневелил затекшими пальцами и спокойно прибавил:

— Я ведь тоже ослепну, когда отдам свой свет темному глазу бека.

Табиб принял такой вид, как будто ответ несколько не удивил его, и еще строже спросил:

— А как звали твоего учителя?

Палван ответил, что имя учителя он назовет позднее, когда все увидят, что он, Ахмад-палван, действительно имеет власть исцелять.

Табиб еще раз кивнул головой и погрузился в раздумье. Суеверия в нем было больше, нежели знаний, однако в искусстве врачевания он кое-что понимал. То, о чем говорил Палван, казалось ему невозможным и даже чудовищным, но он помнил давние наставления своих учителей, которые настойчиво утверждали, что в природе нельзя провести грань между невозможным и возможным. Только такой невежда, как этот безмозглый курбаши, может смеяться над табибом, который не имеет силы излечить себя от малярии. Самые великие хакимы покорно склоняются перед болезнями, но то, что скрыто от посвященных... разве оно не может открыться непосвященному?

Табиб глянул на Ахмад-палвана и вдруг решил: будь что будет, а пройти мимо этого случая нельзя.

Путаясь в словах чуждого для него языка, табиб обратился к Палвану и спросил, какие снадобья или травы понадобятся для лечения курбаши.

Палван ответил, что ему будут нужны пять незабудок, пара плодов хурмы, одно яйцо, одна ложка меда и ползолотника тмина. В хозяйстве вертлявого старикашки — домовитого бая — нашлось все перечисленное, за исключением незабудок, за которыми послали одного джигита.

— Нужно тебе еще что-нибудь? — спросил табиб.

— Да, — ответил Палван, — понадобится медный котел и свеча.

Похожий на летучую мышь старикашка привес и эти предметы, и Палван попросил прилепить свечку так, чтобы она пришлась как раз против мертвого глаза курбаши, а котел велел поставить на огонь и налить в него две пиалы воды.

Все это было исполнено.

Когда вода закипела в котле, Палван велел растворить в ней мед, вылить туда же содержимое яйца и опустить хурму и тмин.

Один из джигитов, сидя у котла, все время перемешивал варево, и Палван потребовал, чтобы этому джигиту отдали незабудки, за которыми сходил посланный. Когда это было исполнено, Палван велел отделить пять незабудок и тоже бросить их в котел.

Табиб не спускал с Палвана внимательно настороженных глаз. Стараясь запомнить последовательность его действий, табиб в то же время терзался сомнениями.

«Ах, если б оказалось, что этот человек действительно владеет тайной», — раздумывал он и тут же начал прикидывать и подсчитывать те выгоды, какие открылись бы перед ним, когда великая тайна сделалась бы его достоянием. Прежде всего он перестал бы нуждаться в покровительстве хозяина. Пожалуй, тогда можно будет вернуться и в родной город, из которого он, табиб, по низким пронкам других табибов был изгнан как назначенный мошенник и невежда. Что скажут тогда все эти гнусные и завистливые табибы, что скажут высокоумные хакимы и куда спрячут они свои бесстыжие глаза, когда увидят его возвращение в могуществе и славе самого великого из всех самых великих табибов, которых когда-нибудь знал подлунный мир?

Так иль примерно так размышлял индусский табиб, глядя на синий дымок пара, который струился и восходил над котлом.

Палван тоже смотрел на котел.

Когда парок стал курчавиться и из синего сделался белым, Палван велел снять котел и принести таких камней, которых никогда не касалась вода.

— Пусть принесут камни! — приказал курбаши, вдруг сообразивший, что перед набегом на соседний кипшлак надо расшевелить джигитов зрелищем, которое он, курбаши, сумеет увенчать одной потешной, хотя и очень кровавой выдумкой.

Три джигита принесли в полах своих халатов три груды камней и свалили их у ног Ахмад-палвана.

Тот попросил, чтобы ему показали каждый камень в отдельности, и в конце концов остановил свой выбор на одном камне весом в семь или восемь фунтов.

— Я не уверен, что вода не касалась этого камня, — сказал Палван и велел обтесать камень так, чтобы он стал похож на железный сошник омача.

— Сделайте это! — приказал курбаши, и здоровенный верзила-джигит тотчас же вооружился насечкой, какой мельники вырубают рубцы на жернове, и принялся обтесывать камень.

Палван повернулся к табибу и сказал:

— Хаким, мне нужна теперь кровь человека!

— Где же ее взять? — озадаченно отозвался таиб и покосился на курбаши. Тот пристально взглянул на Палвана.

— Я дам кровь! — сказал Палван и, обращаясь к курбаши, прибавил: — Бек, прикажите палачу отсечь мне палец!

Смутный гул восклицаний прокатился по обширному двору и тут же затих.

Курбаши запустил пятерню в свою курчавую бороду и, как бы раздумывая вслух, вяло проговорил:

— Но тогда придется развязывать руки!

— А вы что же... боитесь меня, бек? — спросил Палван и дерзко посмотрел прямо в лицо курбаши.

Пятерня, сжимавшая бороду, дернулась, а щеки курбаши, изрытые оспой, густо побагровели, отчего рябины проступили отчетливее.

— Развяжите этого кабана! — заорал курбаши. — Развяжите этого кабана, и пусть два джигита обнажат сабли и встанут справа и слева от него! А ты, палач, также обнажи саблю и смотри в оба!

Три человека с саблями наголо окружили Палвана, а веревка, разрезанная ножом, упала наземь. Палван вскинул освобожденные руки и помахал ими над головой:

— Принесите толстый пенек и небольшую пшалу! — крикнул он, растирая багровые рубцы у кистей.

Пенек и пшалу принесли, и Палван знаками показал, куда их следует поставить.

— Прпготовься, палач! — негромко сказал он. — Когда я крикну — руби! — ты должен рубить!

Палач пробормотал что-то невнятное.

— Хаким! — позвал табиба Палван. — Встаньте здесь и держите пшалу!

Табиб сошел с супы, взял пшалу и встал на указанное место. Палван опустился на колени, прижал к ладони левой руки четыре пальца, и, выставив наружу мизинец, положил его на пенек.

Во всем домовладении вертлявого старикашки стало так тихо, что можно было отчетливо услышать шелест крыльев пролетающей бабочки.

Горбтому улему стало вдруг дурно, и он, побледнев, закрыл лицо руками. Должно быть, улем не слышал ни возгласа «руби», ни свиста сабли.

Когда он открыл глаза, Палван выпрямился уже во весь рост, выше головы подняв изувеченную руку, которую табиб, чтобы остановить кровотечение, присыпал на месте отрубленного мизинца каким-то порошком. Лицо Палвана блестело от крупного пота, и дышал он тяжело и спцо.

Увидев уголком глаза пшалу, теперь уже не пустую, а наполненную, улем быстро отвернулся. Как раз в это мгновение полуопущенные веки Палвана дрогнули. Взглянув на свою руку и заметив, что кровотечение прекращается, он спросил:

— Готов ли камень?

Курбаши, как эхо, повторил:

— Готов ли камень? — И, взмахнув рукой, нетерпеливо прибавил: — Несите его сюда!

До этой минуты курбаши не сомневался, что Палван дурачит его, стараясь увернуться от смерти, теперь же он почти безоговорочно поверил, что этот непонятный человек способен возвратить зрение невидящему глазу. Смутное сожаление или, вернее, тень сожаления шевель-

нулась в одичавшем сердце курбаши, и он с меньшей свирепостью поглядывал теперь на Палвана.

А Палван продолжал распоряжаться, и приказы его выполнялись так, как если бы это были приказы самого курбаши.

Верзила-джигит принес камень, обтесанный в форме сошника, и табиб, следуя указаниям Палвана, начал смазывать камень тем снадобьем, которое было сварено в котле. Важная медлительность оставила табиба, и он двигался и действовал с необыкновенной бойкостью, так как не сомневался теперь в Палване и верил, что великая тайна достанется ему, табибу, утомленному нелегкой и опасной службой в отряде курбаши.

Подняв камень, табиб пошел с ним к месту, открытому для ветра, так как Палван сказал, что камню надо дать обсохнуть. Именно в эту минуту табибу вдруг вспомнились слова Палвана о том, что человек, владеющий тайной исцеления слепых, потеряет свет своих глаз после того, как он вернет зрение слепцу. Одна мысль об этом так испугала табиба, что он споткнулся и едва не выронил камень. Но на смену этой мысли тут же пришла другая:

«Я буду исцелять только богатых, и сам буду богат, и, значит, у меня найдутся деньги, за которые любой нищий согласится ослепнуть вместо меня...»

Обрадованный этой мыслью, табиб положил камень на место, открытое ветру, и вопросительно посмотрел на Палвана.

— Все остальное я сделаю сам,— сказал Ахмад-палван, и табиб с видом человека, выполнившего нелегкий долг, поднялся на супу. Палван проводил его глазами и, опустив на уровень плеч руку, рана которой уже не кровоточила, медленно обернулся к курбаши.

— Если позволит бек,— почтительно сказал он,— я, пока сохнет камень, отдохну немного!

— Отдыхай, отдыхай! — поспешно отозвался курбаши, и окружающие услышали бы ласку в его голосе, если б только этот хриплый голос способен был звучать мягко.

Палван, посреди трех стражей, опустился на корточки и устало поник головой. Если б изувеченная рука не лежала сейчас на его колене, то со стороны можно было б подумать, что это крестьянин присел для короткого отды-

ха, после которого он опять примется за работу в своем саду или же на своем поле. Непонятное спокойствие обреченного на смерть удивляло и, пожалуй, даже тревожило курбаши.

Видя, как спокойно наслаждается отдыхом этот непонятный человек, курбаши перебирал в памяти все известные ему пытки, но не находил такой, какая могла бы сломить необыкновенное спокойствие Палвана.

«Если б этот бесчувственный дьявол согласился стать моим джигитом, он один заменил бы десятерых!» — думал курбаши, и злость, смешанная с восхищением, точила его сердце, так как он знал, что разбить камень можно, но согнуть нельзя.

Поглаживая свою бороду, курбаши до тех пор ворочал тяжелые жернова дум, пока улем не склонился к его плечу.

— Время идет, мой бек! — прошептал улем, и курбаши встрепенулся, как задремавший мельник, и грозно окликнул:

— Эй, ты! Не пора ли приступить к делу?

— Да, мой бек! — поднимая голову, спокойно отозвался Палван. — Камень, наверное, обсох... Пусть принесут его.

Верзила-джигит поспешно выполнил приказание, Палван принял от него пошу и не спеша ощущал трехгранное острое камня.

— Бек мой! — сказал он, кладя камень у своих ног. — Перед тем, как начать лечение, я хотел бы попросить...

— ...Чтобы я оставил тебе жизнь? — прервал Палвана курбаши, и недоброе торжество зажглось в его зрячем глазу. — Но это невозможно, мой шутяк! Это невозможно, потому что на тебе кровь эффенди...

— Вы правы, бек! — сокрушенно и как бы сознавая правоту курбаши, проговорил Палван. — Но скажите мне, кем был эффенди до того, как он стал вашей правой рукой?

— Он был правоверный мусульманин! — важно и даже торжественно ответил курбаши.

— Я слышал об этом, — простодушно признался Палван. — Но я также слышал, что когда падишаха чужеземной страны изгнали из его белого дворца, стоящего на берегу моря, то эффенди не пожелал вернуться на свою родину.

Курбаши кивнул головой и насторожился.

— Стало быть, так...— все с тем же простодушнем проговорил Палван.— Эффенди, стало быть, бросил свою родину и остался на чужбине, то есть на нашей земле? Что же он делал на нашей земле? Не трудитесь отвечать, бек, я сам скажу. Эффенди скакал рядом с вами, бек, и вместе с вами поджигал наши селения и убивал, и грабил...

Палван быстро и дерзко глянул на курбаши и выкрикнул:

— За это я и убил его!

— Собака! Грязная свинья! — прохрипел курбаши, и рука его, ища рукоятку кинжала, судорожно запарила по халату.

— Леченье!.. Вы забыли о лечении! — завопил слева табиб, и ему откликнулся справа улем, который, тыча желтой ручонкой в сторону Палвана, тоненько заверещал:

— Не поддавайтесь обману, бек! Разве вы не видите?.. Негодяй ищет быстрой смерти!..

— Вы правы, мой улем... И вы тоже, табиб!..— тяжело отдуваясь, прорычал курбаши.— Но пусть эта собака остержется играть с ножом! Ты слышишь, царшивец?

— Слышу, мой бек! — с прежней, а может быть, еще большей почтительностью отозвался Палван.— Простите, бек, я только хотел узнать, все ли еще горяч ваш гнев...

— А зачем тебе знать? — не удержался от вопроса курбаши.

— А затем, что гнева вашего я не так боюсь, как боюсь вашей доброты...

И опять курбаши не удержался и удивленно проговорил:

— Мне непонятно...

— Сейчас будет понятно! — возразил Палван.— Я хочу исцелить вас — не так ли? Стало быть, я должен опасаться, что, когда в вашем темном глазу просверкает искра, вы из благодарности оставите мне жизнь.

— Ты, как я погляжу, все со своими шутками...— сердито проворчал курбаши.

— Подождите, бек, я еще не все сказал.

— Говори! Только покороче!

— Хорошо, мой бек! Вот моя изувеченная рука, а вот глаза мои. Когда я отдам их свет...

— Понятно! — прервал Палвана курбаши. — Что же дальше?

— А дальше, мой бек... Я не хочу, чтобы вы дарили мне жизнь... На что мне жизнь нящего-слепца, которому надо выпрашивать подающие на базаре.

— Слова твои, пожалуй, разумны, — сказал курбаши и вдруг коротко хохотнул: — Но откуда ты взял, что я собираюсь подарить тебе жизнь?

Палван, до сих пор сидевший на корточках, поднялся, выпрямился и, глядя в усмехающееся лицо курбаши, сказал:

— Я сомневаюсь, мой бек!

— Нет, ты не сомневайся! — со зловецей уверенностью возразил курбаши. — Ты знаешь, что я убью тебя, как только окончится лечение... Поэтому ты и не торопись с лечением... Не так ли?

— Нет, не так, мой бек! Я готов приступить к лечению, но раньше должен увериться...

— В чем увериться?

— В том, что вы убьете меня.

— Но я ведь сказал...

— Я слышал, мой бек...

— Чего же ты хочешь?

— Хочу сказать несколько слов джигитам.

— Зачем?

— Чтобы вы рассердились.

— Но я и без того сердит.

— Нужно, чтобы вы рассердились еще больше...

— А если я не позволю тебе говорить глупые слова джигитам?

Палван усмехнулся и дерзко ответил вопросом:

— Вы, стало быть, боитесь моих глупых слов?

Курбаши побагровел и, кивнув в сторону сторожей, пробормотал, как будто спрашивал самого себя:

— А что, если я скажу, чтобы они поточили сабли на одной глупой банке?

— А что, если один темный глаз останется темным? — проговорил Палван.

Курбаши подскочил на подушках и на весь двор заревел:

— Дьявол! Выплывай поскорее свои глупые слова!

— Хорошо, мой бек! — сказал Ахмад-палван и, с неуправимой быстротой переходя от дерзости к смирению, почтительно потупился перед курбаши.

— Не мне, не мне говори! — завопил курбаши и взмахом руки указал на джигитов, которые с жадным вниманием смотрели на то, что сейчас происходило перед ними.

Палван повернулся к джигитам, плечом к плечу сидевшим на земле, и они увидели лицо его, освещенное косями лучами солнца.

— Люди! — сильным и чистым голосом воскликнул он. — Вот вы глядите на меня и думаете: «Этот глупец отдал палец, а теперь хочет отдать свет своих глаз своему злейшему врагу — беку!» Не удивляйтесь этому, люди, потому что я отдаю только палец и глаза, а вы отдаете на растерзание врагу самих себя. Вы сами расстреливаете себя, потому что убиваете своих братьев и отцов и предаете огню свои же селения. Не думайте, что от страха я лишился рассудка! Пусть тело мое соскоблят с костей, пусть кости мои перемелют под железным жерновом, я готов на все, чтобы только правда моих слов дошла до вас, люди! Не пройдет и четверти часа — и я умру... Но перед смертью я хотел бы знать, ради кого вы с оружием в руках скитаетесь по горам и ущельям и наносите кровавые раны братьям вашим, таким же, как вы, беднякам? Скажите же мне, ради кого вы променяли честный омач пахаря на бесчестное английское ружье?..

— Замолчи, замолчи, негодяй! — вскричал разъяренный курбаши, но Палван даже не оглянулся на него и воскликнул еще более громким и смелым голосом:

— Когда народ наш истребит всех басмачей, это до смерти перепугает богатеев, разжиревших баев... Но вам, вам, немущим... Чего вам бояться?..

Курбаши, почернев от гнева, дал знак, чтобы палач ударил ослушника саблей, но не острием, а плашмя. Палач тупо выполнил приказание, и Ахмад-палван пошатнулся от удара, но все-таки устоял на ногах.

Тогда курбаши одним движением стряхнул со своих плеч и руки табиба, и слабые руки улема, подвинулся к краю супы и прохрипел прямо в лицо Палвану:

— Я долго терпел твою болтовню, теперь ты послушай мои слова. Шутник мой, ты умрешь не от сабли палача, как я думал раньше, а от пожа, крепкого, как клык кабана. Но раньше, чем ты умрешь, таибб осторожненько сде-

рет с тебя кожу, и я прикажу натянуть ее на барабан, и ты сначала услышишь, как под моим ударом загремит барабан, а уж потом увидишь нож, которым палач разорвет твою поганую глотку. Я сказал все и больше ничего не скажу. И ты перестань без толку лаять, а приступай к делу!..

Палван почтительно поклонился и знаком показал, чтобы ему подали пиалу. Знак был понят, и Палван обмазал камень содержимым пиалы. Но следующие знаки, как ни старался Палван, остались неугаданными, и курбаши, проворчав ругательство, велел ему объясниться словами.

Палван распорядился принести соломы и накрутить из нее жгутов. Затем, подозвав табиба и хозяина, он попросил их:

— Возьмите жгут, хозяин, а вы, хаким, возьмите камень!

Когда это было исполнено, Палван велел старикашке зажечь жгут и поднести его к лицу курбаши.

— Но это может повредить здоровому глазу бека! — усомнился старикашка.

— Пусть здоровый глаз завяжут платком! — распорядился Палван и, когда это было исполнено, заставил табиба (вертлявого старикашку опуститься перед курбаши на колени.

— Теперь зажгите свечу и следите, чтобы она горела, на угасая, — сказал он.

Свечу зажгли, и Палван, глянув на трепетный язычок пламени, проговорил, обращаясь к табибу:

— Хаким, направьте камень острием прямо на больной глаз и покачивайте его вот так!..

Палван жестами показал, что нужно делать, и табиб, несколько раз подкинув камень, начал его покачивать.

— Плавнее, плавнее! — покрикивал на него Палван. — вспомните, как мягко покачивает ребенка мать.

Табиб, должно быть, никогда не приглядывался к тому, как мать покачивает ребенка, потому что Палван еще и еще раз крикнул:

— Плавнее, плавнее!

Сколько ни старался табиб, а Палван кричал свое:

— Не так, не так, хаким! Начинайте снова!

Между тем вертлявый старикашка зажег уже четвер-

тый жгут, и дым от горящей соломы душил жаждущего излечения курбаши.

В конце концов он не выдержал и, раздраженный беспечностью табиба, приказал:

— Отдайте камень, табиб! Пусть он сам справляется, как ему надо.

Улем опять припал к плечу курбаши и опять стал шептать на ухо. Должно быть, он предостерегал повелителя против неосторожного поступка, потому что курбаши выругался и сердито прохрипел:

— Мне бояться этого убудка?.. А на что палач и два джигита с саблями! Пусть они подвинутся ближе, а его поставьте сюда!

Палвана ввели на сузу, а джигиты и палач придвинулись вплотную.

Палван опустился перед курбаши на колени и сказал:

— Бек мой! Чтоб не сомневался ваш мудрый улем, пусть мне тоже завяжут глаза.

— Пусть завяжут! — кашляя от дыма, прохрипел курбаши.

Когда это было исполнено, Палван приказал:

— Теперь, хаким, дайте мне камень!

Табиб всунул в протянутые руки камень и смущенно отступил в сторону.

— Следите за свечой, хаким! — проговорил Палван.— И следите, чтобы острое камня все время приходилось прямо против большого глаза. Я начинаю, мой бек!

...Медленно и плавно покачивался камень в руках Палвана, и от этих покачиваний сильнее разгоралось пламя жгута, и все гуще и гуще валыл дым, обволакивающий голову Ахмад-палвана и голову курбаши. Пламя свечи трепетало и билось за спиной исцелителя и табиба, а за ним и все присутствующие поглядывали на это пламя, следя в то же время за руками Палвана.

Движения этих рук, не управляемых зрением, были столь верны, что острое камня все время было направлено против большого глаза. Но когда острое чуть уклонилось, табиб не успел предупредить об этом, потому что исцелитель крикнул: «Свеча!» — и на одно мгновение все, и табиб в том числе, оглянулись на свечу.

Именно в это мгновение камень с трехгранным острием пробил висок курбаши.

В следующее мгновение сабля палача со свистом рас-

секла воздух, и на мертвого курбаши упал мертвый Палаван.

Но палач не успел вытереть саблю, как пуля одного из джигитов сразила его.

За первым выстрелом послышался и второй и третий: джигиты мертвого курбаши начали убивать друг друга, и ожесточенная схватка затянулась до полуночи.

А в полночь загорелся дом старикашки, похожего на летучую мышь, и высокий факел пожара взметнулся в небо, оповестив соседние кишлаки о смерти свирепого курбаши, который многим и многим известен был под кличкой «Одноглазый тигр».

1934

М а с т о н

Лошадь вдруг споткнулась, повалилась на бок и испустила дух. Что случилось, отчего пала лошадь — раздумывать над этим нет надобности; причины смерти выясняют для того, чтобы сохранить жизнь, а здесь, в бескрайней пустыне, спасти уже некого — других лошадей нет.

Молодая женщина, лицо которой не утратило свежести от тягот долгой дороги, попыталась было вытащить ногу из-под крупа павшей лошади, но вдруг вскрикнула, заметив ящерицу, что выскочила из-под ее паранджи, отлетевшей на несколько шагов. Второй седок, девушка без паранджи, при падении с лошади скатилась кубарем, но тотчас вскочила на ноги и поспешила на помощь спутнице. Та, опершись одной ногой о круп, потянула вторую ногу, вытащила ее, но лакированный ичиг остался под лошадью.

— А, пропади все пропадом! — сквозь слезы проговорила женщина. — Чтобы тебе пусто было с этой учебой, Мاستон! Лучше бы я не расставалась с мужем!

Не обращая внимания на ее слова, Мастон приподняла морду лошади и заглянула в ее едва прикрытые глаза; их уже заволкло мутновато-серой пеленой. Мастон выпрямилась и посмотрела вдаль. Степь, необозримая степь! Все вокруг колыхалось в знойном мареве. Жаркий ветер трепал подол ее платья, выпущенного из-под сивего жакета, шевелил пряди волос, налипших на загорелую шею и виски. Мастон, словно только сейчас вспомнив о своей спутнице, резко обернулась к ней.

— Что ты сказала, Тургуной? — спросила она и присела перед женщиной на корточки. — Разве муж не доводил тебя до слез, и сколько раз? Разве он не издевался над тобой?.. А лошадь пала...

Тургуной вздрогнула, забыв о боли в руке.

— Пала?!

— Да.

Мастон вытащила из-под лошади сумку и проверила провизию: еды хватит лишь на день, да и то если ехать верхом. Воды и вовсе нет, глиняный кувшинчик с водой разбился при падении.

Уложив на голове две короткие, но толстые косы, девушка оглядела свои крепкие яловые сапоги, словно собиралась идти вброд через реку. Продукты из сумки она переложила в скатерть, обвязала ее поясом вокруг талии.

Мастон знала, сколько примерно километров они проехали и сколько еще им предстоит пройти. Оазисов поблизости не было. Идти вперед не опаснее, чем повернуть обратно. Позади — кочующие пески и заросли иргая. А заблудиться в песках или в зарослях, и будешь там бродить до конца своих дней... Ну, а если еще ветер поднимется, живо погребут тебя пески.

Мастон решила все забыть — и гибель лошади, и разбитый кувшин с водой, и то, что еды в обрез. Она взяла себя в руки. Надо идти, дорога дальняя. Обхватив плечи Тургуной, которая плакала, уткнувшись в скрещенные локти, она заставила ее подняться.

— Не плачь, Тургуной, не плачь. От слез голова разболится... Обуй ичиги, кавуши. Уложи косы на голове и повяжи платком. До темноты надо выбраться из степи, а то, видишь, здесь ящерицы, их тут много. Ну, скорей!

Тургуной рыдала.

Солнце стояло в зените. Короткие тени двух женщин неровно скользили по камням и травам степи. Жег знойный ветер. Юркие ящерицы, увидев людей, стрелой исчезали в норах, в щелях под камнями; те, что похрабрее, отскочив в сторону, задирали головы и с любопытством глядели на путниц выпуклыми глазками, словно вопрошая: «Кто вы такие?» Мастон пыталась как-нибудь отвлечь Тургуной, — только бы она не замечала ящериц.

— Спой что-нибудь, Тургуной!

Мастон тряхнула плечом, поправляя ношу.

— Лошадь околела... А сколько там вещей осталось... а сами... в степи, и неизвестно, что с нами будет. Как ты можешь спокойно идти?..

— Что осталось, того не вернешь. Сколько ни горюй, вещи не побегут за нами. А что с нами будет — это от нас самих зависит.

Солнце склонялось на запад, когда путницы выбрались из степи и стали подниматься на холм. Но взойти на холм куда трудней, чем идти степью. Мاستон, словно лошадь с тяжелым возом, шагала, упираясь ногами в землю; Тургуной же еле шла, пригнувшись и нажимая ладонями на колени.

— Ой, Мاستон, как хорошо было дома... И пусть бы муж измывался надо мной,— простонала Тургуной.

Мастон, шедшая впереди на шаг-другой, остановилась. Выйдя на вершину холма, она сняла с пояса скатерть, вынула лепешку, разломил ее, половину лепешки сунула обратно, а другую поровну разделила на двоих и протянула кусок Тургуной. Та подвела руку — потому только, что это был хлеб, ничто другое сейчас не заставило бы ее сделать это. Тургуной, не прожевав, в два приема проглотила лепешку и умоляюще взглянула на Мاستон.

— Довольно. А то не хватит лепешек. Да и пить захочется... воды нет. Пока не доберемся вон до склона, воды не найдем. Без воды только верблюд протянет...

— К этой лепешке, видно, ящерица прикоснулась. А говорят, от этого еда вкуснее бывает. Может, так оно и случилось?

Мастон рассмеялась.

— А тебе приходилось есть пищу, которой коснулась ящерица?

— Нет, слышала только. Мою двоюродную сестру выдавали за торговца тибетейками Абдуразака. Ему лет пятьдесят, а она молодая девушка... Было это лет десять назад... В ту пору только по воле родителей замуж выходили... Сестра и так и сяк, лишь бы избавиться от мужа... Вот и решила: заражусь-ка проказой... глядишь, он и прогонит меня. Слышала она, что, если съесть ящерицу, на лице белые пятна выступают, как у прокаженных. Так и сделала, сварила ящерицу...

Мастон прервала рассказ и посмотрела на склон холма. Тургуной захныкала. Но девушка, потянув ее за руку, велела встать.

— Рука у тебя, Мاستон, как у парня — такая крепкая, — пройдя немного, сказала Тургнуной. — Вот выйдешь замуж, будут у тебя неприятности из-за рук.

— А я, выходя замуж, не стану скрывать свои руки, — возразила девушка. — К тому же я не выйду за такого, которому не понравятся мои руки. Кто сказал тебе, что хорошая жизнь мужа и жены зависит от мягких или жестких рук... У тебя-то руки мягкие, как шелк, а вот...

— Если бы у меня отец был жив, ни одного дня бы не стала жить с этим оборотнем. Умер отец — и смелости нет. Ну, уйду от мужа, а куда? Пусть хотя бы слепым на оба глаза, хромым на обе ноги, а родись мужчиной... А уйду от мужа, некуда мне податься... В первую ночь свахи мне напештывали: мол, не давайся, пока не пообещает золотого ожерелья. Наутро я пожалела, сижу, плакать хочется, жалко себя стало, а муж подходит: «Ха-ха-ха, обманул я тебя, не куплю золотого ожерелья!» А, пропади ты пропадом, думаю... Эх, Мاستон, суждено нам маяться. Рожать — вот наша судьба, от стариков ли, от молодых, от любимых или нелюбимых — все едино. А ты еще девушка, у тебя надежда на счастье. Я тоже в девушках надеялась... А не встретишь хорошего парня — и счастья не найдешь. И будешь век вековать, охать да ахать. Станешь ждать, что завтра будет лучше, чем сегодня, и не заметишь, как старость придет...

Слезы подступили ей к горлу, она умолкла. Она шла, пошатываясь, как пьяная. Мاستон подхватила ее под руку.

— Мы рождены, чтобы видеть светлую жизнь, Тургнуной, как и мужчины, — сказала Мاستон. — Мы не курицы, чтобы покорно высидивать яйца, какие ни подсунут. Человек ведь не курица, и любовь его не куриная... Почему мы должны иметь детей от старика или нелюбимого? Если ребенок не от любимого, пусть уж вовсе не рождается. Ты говоришь, что я девушка и потому надеюсь на счастье? Нет! Если бы я ждала счастья только потому, что я девушка, это было бы несчастьем. Получается, что я свою жизнь ставлю на карту: проиграла — пропала жизнь!.. Нет, Тургнуной, по-моему, искать счастье у мужа — это уже начало несчастья. У нас женщины так привязываются к мужу, так ищут в нем свое счастье, что, когда умирает муж, им кажется, будто ключ от их счастья он унес с со-

бой... Вот и плачут не оттого, что муж умер, а оттого, что потеряли надежду на счастье. Если муж при жизни отвернется от жены, она будет плакать не меньше, чем по покойнику. Многие женщины живут рабынями своих мужей, только бы не терять ключа от счастья, только бы не проливать слез. Вчера одна старуха так и сказала: «Сердце мужчины — камень, его смягчают только женские слезы».

Стемнело. Вдали над горами, темной громадой закрывшими полнеба, падали звезды, оставляя за собой огненные хвосты.

У Тургуной развалились кавуши, и в гору ей пришлось взбираться в одних ичигах. Хотя тропинка вилась вверх полого, женщина еле передвигала ноги, при каждом шаге с усилием упираясь руками в колени. Масто́н взяла из рук Тургуной маленький узелок и пошла позади, потому что подруга ее каждую минуту могла упасть и скатиться вниз по склону. Но вот Тургуной совсем выбилась из сил, не смогла больше сделать ни шагу. Припав головой к плечу Масто́н, она заплакала.

— Ноги не держат... умру я здесь, в степи... — произнесла она. Колени ее подкосились, и она мешком повалилась наземь. Упал не просто обессиленный человек, упал человек, примирившийся со смертью.

— Тургуной, если мы останемся здесь, волки нас разорвут, — сказала Масто́н.

Жители долины называли гору Волчьей. Слышала об этом и Тургуной, но она не знала, что они находятся как раз на Волчьей горе. С трудом поднялась и побрела дальше. Масто́н поддерживала ее. Они направились к гребню горы напрямик, не сворачивая на извилистые боковые тропинки.

Когда они одолели половину склона, с гребня послышалось протяжное: «Ку-ук!..» Тотчас позади спутниц раздалось в ответ: «Ку-ук!» И звук повторился еще раз где-то вдалеке. То кричали ночные «соловьи» Волчьей горы — филины. При первом вскрике Тургуной вздрогнула, а когда раздалась ответные, ее охватил ужас. Она кинулась бежать.

— Ах, проклятый филин! — задыхаясь, проговорила она.

А Масто́н шла, прислушиваясь к другим звукам, слышимым издали, — вою волков.

— Слышишь,— прошептала девушка,— волки... Кричат филины или не кричат, а если не доберемся вон до той вершины, погибнем. И потом — это вовсе не филин, а кукушка, не пугайся. Волков надо бояться, а не птиц.

Извилистая тропа осталась позади, внизу. В темноте она смутно белела. Мاستон остановилась и, выпрямившись, поглядела вперед. До вершины оставалось несколько метров. Но Тургнуной повалилась на землю и тотчас забылась тяжелым сном.

Мастон сидела возле нее, не сомкнув глаз до рассвета; лишь когда заалел горизонт, она вздремнула, но тут же проснулась от кашля Тургнуной.

— Вставай, что так долго спишь? — легонько тронула Тургнуной ее за плечо.— Вставай!

Мастон снова смежила веки, но Тургнуной опять закашлялась. Когда Мاستон проснулась, Тургнуной, прижав головой к ее плечу, всхлипывала.

Мастон стала успокаивать подругу, поглаживала ее по голове.

— Не плачь, Тургнуной, не плачь! Вон он, видишь? — Она показала на долину, что серела в тумане.— Мы теперь почти дома. Это наш колхоз, наш кишлак...

— Ой, ноги... Все тело болит...

— Ноги... Понимаю... Это с непривычки... Вот пойдем, и станет легче... Я спущусь вниз, погляжу, где вода, и мы позавтракаем.

Мастон стала спускаться по склону, но, дойдя до тропинки, услышала крики Тургнуной и вернулась. Тургнуной показывала в сторону степи и кричала что есть мочи. Мاستон взглянула. В степи, возле горизонта, пауком ползла арба. Мастон вскрикнула от радости и захлопала в ладоши. Путницы стали спускаться. Тургнуной, задыхаясь от кашля, останавливалась на каждом шагу. Они сели в тени уступа на камень и стали ждать арбу. Тургнуной мучил кашель, но лицо ее просветлело, и она с аппетитом жевала лепешку. Вдруг она забеспокоилась: хорошо, если в арбе, кроме возницы, никого нет, а если там мужчины...

— Если там мужчины, я пропала...

— При слове «мужчина» тебе одно только на ум и приходит, — рассердилась Мاستон.

— А то как же,— отозвалась Тургнуной, вытирая нос подолом платья.— А что еще ожидать от них...

Мастон обычно соглашалась с Тургнуной, верила ей во

многом, а если думала иначе, не возражала. Но сейчас она никак не могла согласиться с подругой. Тургуной пыгалась доказать Мастою, что мужчина и женщина при первом знакомстве могут говорить лишь об одном... Они долго спорили, так что арба оказалась уже совсем близко от них. Мастою вышла навстречу арбе. Возница, обернувшись к двум парням, сидевшим на арбе, показал кнутовищем на девушку. Парни, вытянув шеи, поглядели на Мастою. Дорога стала неровной, арба накренилась. Все трое спрыгнули.

— Это ваша лошадь пала там? — спросил один из парней, махнув рукой в степь.

Мастою кивнула. Арба остановилась, и девушка пожала руку вознице и парням, в двух словах рассказала им о несчастье. Парни переглянулись.

— Мы выехали ночью, на рассвете проезжали там... — сказал один из них. — Лошадь изгрызли волки... А в сторонке валялась паравджа. Мы не знали, что и думать. Вам повезло... Вот молодцы!..

Тургуной, присевшая в сторонке на камень, тоскливо думала: «Вот кончат сейчас об этом, а что дальше... будут говорить?»

На арбе, поверх снопов клевера, лежала сбруя павшей лошади.

— А мы-то о чем только не думали... Вот молодчины, — удивился возница. — Ну, садитесь, садитесь на арбу, сестрицы! Каждая небось сорока мужчинами смогла бы командовать!

Тургуной села на задке арбы, на клевере, прикрыв рот, исподлобья поглядывая на попутчиков. Мастою уступили место впереди. Повозка тронулась. Одолев подъем, арба, поскрипывая, поползла под гору. Когда спустились на ровное место, один из парней расстелил скатерть, разложил еду, другой вытащил из-под клевера две бутылки с холодным чаем и разлил по пиалам. Тургуной, как заяц, испуганно вздрагивала при каждом слове и движении мужчин и не дотрагивалась до еды, пока Мастою что-нибудь не протягивала ей.

Арба свернула на дорогу, которая шла между двух гор, и страшная Волчья гора пропала из виду. Потекла беседа, говорили о том о сем.

Собеседники Мастою все больше проникались уважением к ней. Сперва они называли ее попросту: сингил —

«сестрица», а погода уже почтительно: апа — «старшая сестра». А когда Мاستон сказала, что она в прошлом году получила на трудодни триста двадцать девять рублей и сто пятьдесят шесть пудов пшеницы, один парень даже покраснел. Возница насмешливо вставил: «А наш Юлчибай тоже не сплоховал: он один заработал восемьдесят пудов пшеницы и сто девяносто рублей деньгами», — так что парня пот прошиб, и он стал оправдываться:

— Да нет... это наш... наш такбирчи...¹

— Не такбирчи, а табельщик, — поправила его Мастон.

— Да, да, табельщик. Табельщик у нас негодный... Я всего заработал... хотя и были прогули... а этот бездельник чуждый элемент... — пробормотал парень.

Арба ползла, поскрипывая, разговор шел, перескакивая с одного на другое. Тургуной не вступала в беседу, она сидела, покачиваясь, в снопах клевера и скоро уснула, убедившись, что молодые люди не замышляют ничего предосудительного.

1934

¹ Игра слов: такбирчи — воздающий хвалу богу.

Городской сад

О погибшая, опустошенная родина...
О погибшая родина, каждый
уголок которой в темницу превращен

«Рамузат»

Кадакчи Хамракул занемог. Может быть, причиной тому был вчерашний поминальный плов или в жевательный табак дехканина, которому он чинил сегодня чайник, было что-нибудь подмешано... Хотя нет, ведь еще утром ему было как-то не по себе: неспроста же показалось, что чай отдает кукурузой.

Старого Хамракула знобило, даже поднять руку не было сил. Блюдце, в котором не хватало всего лишь одной скренки, так и осталось непочиненным. Кое-как прибрав инструменты, Хамракул вышел на улицу. Голова была тяжелая, ноги не слушались — он весь горел. Хамракул никак не мог собраться с мыслями; как ни пытался сосредоточиться, перед глазами всякий раз вставало видение: пьет он горячий-прегорячий чай, потом, закутавшись в одеяло, взлетает под потолок. Зовет имама своего квартала, чтобы тот прочел молитву, но вместо имама в комнату, покачиваясь, вливает гроб.

Испуганный видением, Хамракул пошел быстрее, только бы поскорей попасть домой. Вдруг кто-то окликнул его с противоположной стороны улицы. Хамракул хотел обернуться, но пошатнулся и едва устоял на ногах.

Человек, окликнувший Хамракула, был старый Устакулол — сторож Романовского сада. Собственно, фамилия его была Стукалов, но Хамракул не мог выговорить эту трудную русскую фамилию и звал друга на свой манер: Уста-кулол.

Хамракул познакомился с ним прошлой весной, когда старик принес ему починить цветочную вазу — память о погибшем сыне. Раньше они жили в Сибири. Сын рабо-

тал на Ленских приисках и был расстрелян со многими другими рабочими. Почему это произошло, Хамракулу так и не удалось узнать, — едва Уста-кулол, бывало, заговорит об этом, как затрясется весь, начнет ругаться на чем свет стоит, и толку от него не добьешься.

Увидев, что приятель еле-еле стоит на ногах, Уста-кулол отвел его к себе в сад. Усадил старика на голубую скамью с чугунными ножками и принес воды. Выпив воды, Хамракул как будто немножко пришел в себя, но ему почему-то невыносимо было слышать воробьев, чирикающих в ветвях карагача. Он заткнул уши пальцами и закрыл глаза. Посидев немного, он приоткрыл глаза в предчувствии, что увидит что-то страшное...

Он увидел своего друга. Уста-кулол кричал и ругался, как кричал, когда рассказывал о смерти сына. Увидел он также, как юный офицерик, похожий на девушку, подпрыгнул и ударил Уста-кулола в грудь. Старик упал. Еще не пришедшего в себя Хамракула тоже ударили. Он упал со скамейки, поднялся. Второй удар пришелся ему по шее.

Пронзительный свисток...

— Городовой!!!

Откуда-то появилась жена Уста-кулола и унала офицера в поги.

Потом двое городских повели Хамракула и Уста-кулола из парка в околоток, находившийся напротив церкви. Собралась толпа. Старуха Уста-кулола шла за ними и голосила. Уста-кулол обернулся к жене.

— Не плачь, старая! Чего убиваешься. Всего и делов-то: из одной тюрьмы в другую переводят...

Двери околотка затворились.

Призывая православных к вечерне, тяжело и протяжно гудели церковные колокола. Волны этого звона плыли над домами. Город был погружен в дремоту, хотя солнце еще не село.

Через неделю в газете «Туркестанский край» появилось следующее сообщение: «23 сентября в Романовском саду, находящемся в русской части города, имел место следующий безобразный случай. Один из сартов, нарушив установленный порядок, осмелился войти в парк, являющийся местом отдыха господ чиновников, и учинил беспорядок...»

Неудача Баки-Мирзы

Пройдоха даже с луж снимает
жизнь густой...

Турды

Приходилось ли вам претерпевать те испытания, какие выпадают на горькую долю человека, переступившего порог чужого дома в качестве незваного гостя?

Мы спрашиваем об этом не из простого любопытства и не из желания вызвать краску стыда на вашем лице, а по той единственной причине, что хотим избежать ненужного многословия. Этого легко будет достигнуть, когда мы узнаем, что печальный удел незваного гостя был хоть однажды и вашим уделом. В этом случае нам не придется докучливо и пространно объяснять всю затруднительность положения почтенного Баки-Мирзы, который после довольно длительного путешествия неожиданно-негаданно заявился к своим дальним родственникам и сразу же нарвался (простите за грубое словечко!) на самый заурядный скандал.

Когда Баки-Мирза отворил калитку садика, то взорам его прежде всего представился айван, на котором в это время находились все хозяева дома, а именно: двое молодых мужчин — в них почтенный Баки сразу признал своих троюродных племянников — и одна молоденькая женщина, сидевшая в плетеной качалке. Женщину Мирза видел впервые, но так как он знал, что прошлой осенью племянник Рахим, старший из двух братьев, женился, то почтенному дяде вышеупомянутых племянников не столь уж долго пришлось раздумывать, чтобы прийти к совершенно правильному заключению, которое он, если б только ему вручили бойкое его перо, выразил бы примерно такой фразой:

«Бесконечно счастлив приветствовать в вашем привлекательном облике новую, но уже близкую моему сердцу родственницу...»

Ни на одно мгновение не сомневаясь в том, что предстоящая встреча дает ему возможность еще и еще раз блеснуть великолепным пониманием тончайшего обращения, Баки-Мирза бодро двинулся вперед. Так как невысокие кусты, зеленым бордюром обрамлявшие тропинку, оставляли его фигуру открытой для взоров хозяев, он шел особенно щеголеватой походкой, и каждый шаг его, прилично неторопливый, был отмечен размеренным взмахом трости.

Здесь мы должны будем сказать, что тростью своей, богато украшенной серебряными инкрустациями, почтенный Мирза весьма дорожил: до сих пор не было еще случая, чтобы изящная эта вещица, которая являлась единственным доказательством бывшего великолепия ее обладателя, осталась бы незамеченной окружающими. Но — странное дело! — сейчас ни эта красивая тросточка, ни сам Мирза с его величественной осанкой почему-то не привлекали к себе внимания находившихся на айване людей.

Будь на месте почтенного Баки другой человек, он непременно бы решил, что его просто-напросто не желают замечать. К счастью, у нашего героя завидная быстрота соображения соединялась с осторожностью, и он, чуть замедлив шаг и тщательно приглядевшись к тому, что сейчас происходило у хозяев, безошибочно понял, что невежливость их не была преднамеренной.

Братья, племянники Мирзы, имели вид людей, разозленных до последней крайности. Сидя с угрюмо опущенными лицами, они не глядели друг на друга, и в то время, когда один нервно крутил в руках шахматную фигурку, другой барабанил по столу пальцами, сердито отстукивая какой-то воинственный мотив.

Баки-Мирза решил, что племянники его поссорились, и женщина, сидевшая в качалке, тут же подтвердила эту догадку. Соскочив со своего места и подбежав к патефону, стоявшему на углу стола, она потрогала пальчиком мембрану и укоризненно сказала братьям:

— Вы можете спорить сколько угодно, но зачем же срывать злобу на беззащитном патефоне? Видите, мембрана испорчена!..

«Ссора зашла слишком далеко!» — подумал Баки-Мирза и, справедливо рассудив, что в этих условиях гораздо разумнее всего осведомить хозяев о появлении постороннего человека, кашлянул раза два или три.

Хозяева, как по команде, обернулись на звук, и одинаковое движение досады и обидного недовольства отразилось на их лицах. Эта мгновенная мина столь сильно смутила почтенного Мирзу, что тросточка, взнесенная для изящного взмаха, дрогнула в его руках.

В следующее мгновение хозяева опомнились и принялись всеми способами заглаживать допущенную ими неучтивость: братья сошли вниз и, подхватив гостя под руки, почтительно ввели на айван, молодая хозяйка подарила ему одну из наиболее привлекательных улыбок, но Баки-Мирза растерялся настолько, что едва смог пробормотать какое-то нескладное приветствие.

До сих пор не было еще случая, чтобы человек, преславленный своим красноречием, до такой степени затруднялся в выборе слов. На самые обычные вопросы о здоровье, о состоянии дел и о том, благополучна ли была дорога, почтенный Мирза отвечал так, как будто он вдруг стал косноязычным.

Видя замешательство гостя, хозяева засуетились вокруг него с еще большим усердием. Младший из братьев взял у Баки-Мирзы его чемодан и отнес в комнату, старший помог ему почиститься после дороги, молодая же хозяйка принялась накрывать на стол.

Когда все приготовления были окончены и гость, по настоянию хозяев, занял за столом почетное место, расположение его духа улучшилось, но улучшилось не настолько, чтобы он почувствовал себя легко и неприужденно.

Ему, правда, удалось, сказать несколько приятных слов хозяйке, однако и она сама, и муж ее, и брат мужа не могли не заметить явной настороженности гостя. Объяснение сделалось необходимым, и Рахим, старший из племянников, понял это первым...

— Уважаемый дядюшка, — сказал он, виновато потупив глаза. — Перед тем как вы осчастливили наш дом своим приятным посещением, мы поспорили с братом об одном предмете. Не можете ли вы оказать нам милость быть судьей в нашем споре?

— О чем же был спор? — спросил Баки-Мирза, при-

осаниваясь в плетеном кресле, сиденье которого заботливая хозяйка прикрыла мягким тюфячком.

Рахим чуть приметно покосился на брата и, сделав ему потаенный знак, почтительно стал излагать суть дела.

— Мы поспорили из-за обучения неграмотных, — говорил он. — Брат Сабир защищает тот метод обучения неграмотных, который был предложен одним научным сотрудником Самаркандской педагогической академии, а я являюсь сторонником метода, предложенного Ташкентским педагогическим институтом.

— И вы делаете ошибку! — воскликнул младший брат и с горячностью, которая Баки-Мирзе показалась несколько чрезмерной, стал доказывать неправильность ташкентского метода. Старший брат прервал его речь, твердо заявив, что он, Рахим, берется по ташкентскому способу обучить любого неграмотного в месячный или даже в трехнедельный срок.

— Мне достаточно и двух недель! — с вызывающим видом сказал Сабир, и гость, который по неторопливому жесту старшего племянника совершенно правильно заключил, что в следующее мгновение ссора может возобновиться с новой силой, поторопился вмешаться в разговор.

— Ваш спор можно решить очень просто, — сказал он, глубокомысленно оглаживая свою седеющую бородку. — Надо только найти двух неграмотных и испытать на одном ташкентский способ обучения, а на другом — самаркандский.

— Это так, уважаемый дядюшка, — возразил старший племянник. — Но вы забыли о том, что у нас в городе так же легко найти неграмотных, как купить на базаре топор времен каменного века.

— Никогда не поверю этому! — сказал Баки-Мирза, глядя прямо в глаза племянника. — Хотите, я найду вам не двух, а целый десяток неграмотных?

Племянник сдержанно улыбнулся и сказал, что ему и его брату Сабиру достаточно и двух неграмотных, и если уважаемый дядюшка действительно разыщет таких людей, то и он, и брат Сабир будут считать себя настоящими счастливыми.

— Завтра же приведу двух неграмотных! — с жаркой готовностью проговорил Баки-Мирза, но тут же вспомнил о правилах тонкого обращения и с вежливым поклоном

прибавил: — Если, конечно, вы позволите привести их в ваш почтенный дом.

На это обращение братья отозвались с приятным единодушием: пусть только дядюшка разыщет двух неграмотных, а за приемом дело не станет.

Баки-Мирза еще раз заверил, что это дело не кажется ему трудным, а хозяева еще раз подтвердили, что когда дядюшка приведет неграмотных, то они будут встречены так, как встречают самых дорогих гостей.

Разговор принял совершенно спокойное и благожелательно-веселое направление. Баки-Мирзе удалось сказать несколько удачных шуток, что привело его в самое доброе расположение духа.

Наконец, настало время расходиться на покой.

Братья проводили Баки-Мирзу до той комнаты, где ему была устроена постель и, произнеся надлежащее пожелание, удалились. Баки-Мирза остался один, но застольное оживление еще шумело в нем, и, раздеваясь, он потихоньку напевал ту песню, которую совсем недавно спела на айване молодая веселая хозяйка.

Только постепенно почтенный Мирза успокоился и стал размышлять здраво. Обязательство, которое он взял перед племянниками, вдруг вспомнилось ему, он перестал напевать и с беспокойством подумал, что если родственники его правы, и в этом городе, в который он только что приехал, действительно не осталось неграмотных, то положение его становится весьма сомнительным.

Вопрос о количестве неграмотных в городе тревожил почтенного Мирзу не только в связи с тем обещанием, которое он так неосторожно высказал перед родственниками, — этот вопрос имел для нашего героя столь немаловажное значение, что от решения его... Но мы не считаем возможным мучить вас сомнительными догадками и поэтому расскажем о почтенном Мирзе все, что знаем сами.

Дело в том, что в своем городе Баки-Мирза был довольно-таки известным человеком. В старое время, когда существовали частные банки и фирмы, он служил в различных конторах и служил не без успеха, потому перед первой мировой войной ему удалось стать пайщиком одного из акционерных обществ. Капитал у Мирзы был небольшой, но в годы войны дела его пошли так хорошо, что он начал уже подумывать об основании собственной фирмы.

Революция помешала этим замыслам, отняв у Мирзы не только горделивые его упования, но также акции и вклады. Тогда Мирза весь ушел в обиду и принял твердое решение ни при каких условиях не служить Советской власти. К сожалению, в этом суетном мире человек не может обойтись без хлеба насущного, и Мирзе пришлось изыскивать занятие, которое могло дать ему хотя бы самое скудное пропитание. Приглядевшись к тому, что происходит вокруг, почтенный Баки быстро нашел применение для своего бойкого пера: он начал строчить заявления и жалобы, с которыми простые люди — пахари, батраки и всякие ремесленники — усердно обращались к новой власти.

Скажем прямо: на свое вынужденное занятие Баки-Мирза смотрел только как на средство пропитания. Но заказчиков, которые пуждались в услугах умелого пера, нашлось столько, что, с утра до вечера сидя над бумагой, Мирза едва успевал справляться с работой. Пахари, батраки, ремесленники и всякие иные люди, пострадавшие от несправедливости старой власти, твердо уразумев справедливость законов новой жизни, толпами приходили к Баки-Мирзе, и он, излагая на бумаге их старые обиды и новые светлые ожидания, получал за свой труд такую плату, которой хватало не только на черствый кусок хлеба, но и на довольно-таки жирный плов.

Бумаги, написанные Баки-Мирзой, почти всегда достигали цели. Заказчики Мирзы наивно объясняли успех сочиненных им жалоб и заявлений искусством изложения, вследствие чего наш герой получил широкую известность под именем Обройли-Мирза, то есть «авторитетный писарь».

Так прошли годы, и люди уже забыли, почему Мирзе было дано это прозвище, но упорно продолжали называть его «авторитетным писарем». Между тем «авторитет» Мирзы был уже не прежний: людей, овладевших грамотой, стало так много, что наш герой постепенно растерял свою клиентуру, вследствие чего доходы его резко сократились. В конце концов, дело дошло до того, что «авторитетный писарь» сделался ежедневным посетителем одного из почтовых отделений, где, смиренно сидя на подоконнике, предлагал нуждающимся свои скромные услуги.

За день ему удавалось заполнить несколько бланков и надписать несколько адресов, но, отлично помня те счастливые времена, когда доходами одного дня покрывались его десятидневные расходы, он не мог удовлетвориться созданным положением, при котором десятидневных доходов едва хватало на покрытие потребностей только одного дня.

Отлично понимая, к чему в конечном счете приведет нарушение равновесия между доходами и расходами, Баки-Мирза, после долгих раздумий, пришел к решению, что ему необходимо переехать из маленького города, в котором он жил, в тот большой город, где жили троюродные племянники. Суждения Мирзы были просты, но по своему вески и основательны: «В большом городе,— справедливо заключил он,— живет больше людей, чем в маленьком, и, следовательно, в большом городе я скорее найду заказчиков, нуждающихся в моих услугах».

Так как под именем «заказчиков» Баки-Мирза разумел неграмотных, то читатель без труда поймет, насколько сильно поразило его утверждение старшего племянника, что в городе, на который он возлагал такие большие надежды, ему трудно будет найти даже двух неграмотных... Сон Мирзы в ту ночь был, конечно, тяжелым, но утром наш почтенный герой все же проснулся бодрым и совершенно готовым к действию.

Торопливо позавтракав с хозяевами, он немедленно отправился в город и сразу же начал поиски тех двух неграмотных, которых обещал вчера доставить в распоряжение племянников.

Первым делом Баки-Мирза зашел в парикмахерскую. Мастер, искусству которого наш герой вверил свою бородку, оказался чрезвычайно любезным человеком. Изящно и ловко орудуя ножницами, он в самое короткое время успел узнать все, что ему хотелось знать, а именно: из какого города приехал уважаемый клиент, которого он имеет честь обслуживать впервые, и как ему понравился здешний город?

Разговор завязался вполне приятный, и все шло хорошо, пока Баки-Мирза не спросил, знает ли парикмахер грамоту.

Вопрос произвел действие совершенно неожиданное: мастер как-то особенно неуклюже лягнул ножницами и, оскорбленно ответив, что он грамотен, сделался сух

и непроницаемо холоден. Все попытки Баки-Мирзы продолжить приятный разговор были отвергнуты, и ему ничего больше не оставалось, как возможно скорее покинуть парикмахерскую, что он, конечно, и сделал.

Следующий свой опыт почтенный Мирза произвел в чайхане. Но он кончился еще более печально, потому что после вопроса о том, грамотен ли он или нет, чайханщик с оскорбительной невежливостью сунул странному посетителю чайник и с едкой насмешкой в голосе ответил:

— Могу обучать вас три, а то и четыре года!

Баки-Мирза ушел из чайханы, не понимая причины внезапного раздражения чайханщика, так как ему, приезжему человеку, неизвестен был один случай, а именно: полгода тому назад в стенгазете этой чайханы была помещена остроумная статья, в которой подвергся беспощадному осмеянию уклонявшийся от обучения единственный неграмотный житель квартала. Вопрос «грамотны ли вы?» с тех пор стал восприниматься жителями квартала так, как если б человека ни с того ни с сего вдруг спросили: «А в своем ли вы уме?»

Баки-Мирза, повторяем, не знал случая с последним неграмотным и потому, раздумывая о странном поведении парикмахера и чайханщика, пришел к печальному выводу, что жители этого большого города перестали считаться не только с правилами тонкого обращения, но и с правилами простой вежливости.

«Надо быть настороже», — решил Баки-Мирза и, в согласии с этим решением, стал избегать разговоров с первым встречным.

«Первые встречные», разумеется, попадались ему на бульваре, по которому он прошелся, и в магазинах, в которые он заглядывал, и в городском саду, в котором он с полчаса посидел на скамеечке.

Прелестная тросточка Баки и весь «иностранец», если можно так выразиться, облик его привлекали к нему внимание людей. Некоторые из них обращались к нему с вопросами, и он вежливо отвечал, но уклонялся от дальнейшего сближения.

Так было до тех пор, пока внезапная прихоть не привела его в городскую баню. Здесь почтенный Баки обратился к услугам банщика-массажиста, и он, молодой и здоровый парень, с таким усердием промял его усталое тело, что все косточки в нем сладко завыли.

Взбодренный массажем, герой наш почувствовал такое расположение к парню, что вопреки доводам осторожного ума, вдруг решился сделать третью попытку и спросил, знает ли грамоту уважаемый мастер банного дела? В это время к банщику подошел его товарищ. Они лукаво переглянулись и в свою очередь спросили, с какой целью задают им подобный вопрос.

Баки-Мирза преодолел мгновенное колебание и пошел напролом.

— Мне поручено найти двух неграмотных и пригласить их на обед! — объявил он, с опаской глядя на банщиков.

Они засмеялись так громко, как если б им сказали самую забористую шутку.

Баки-Мирза жестом прекратил этот неуместный смех и с горделиво-важным видом стал объяснять сокровенную суть дела. Дар красноречия и на этот раз выручил его. Банщики быстро угомонились и выслушали его с полным вниманием.

К сожалению, увлеченный своей речью, Баки-Мирза не заметил, как переглянулись его слушатели, и поэтому, когда они сказали, что несчастливое стечение обстоятельств не позволило им насладиться светом грамотности, то он безоговорочно им поверил и стал просить, чтобы они немедленно отправились с ним на обед.

Банщики приняли приглашение, но попросили, чтобы им позволено было дожждаться смены. Баки-Мирза с присущей ему вежливостью объявил, что он отдает себя в полное распоряжение гостей и поэтому готов ждать их хотя бы целую вечность.

К счастью, ждать пришлось недолго, потому что сменщики явились аккуратно.

О дальнейшем мы скажем коротко: когда Баки-Мирза, в сопровождении двух неграмотных, появился в доме своих родственников, изумлению их не было предела. По счастливому стечению обстоятельств, стол был уже накрыт, и хозяева сидели за ним не одни, а с двумя гостями — с приятелем старшего брата, учителем средней школы, и подругой хозяйки дома — женой этого учителя. Новых гостей, то есть двух банщиков, усадили как раз между учителем и его женой. Хозяева принялись потчевать их с особым усердием, и все шло хорошо, пока учителю не вздумалось учинить маленькую проверку:

внимательно посмотрев на банщиков, учитель написал что-то крупными буквами на клочке бумаги и хотел передать записку одному из братьев. Банщики вдруг побледнели и разом, будто сговорившись, отодвинули стулья и вскочили. Хозяева, Баки-Мирза и молодая гостья растерялись и переменялись в лице. Только один учитель остался спокоен и, как ни в чем не бывало, спросил банщиков, что с ними приключилось.

Банщики растерянно смотрели на него, и один из них, задыхаясь от ярости, проговорил:

— Вы написали тут: «Эти негодяи обокрали меня в бане!..»

— Дорогие мои, я пошутил,— начал оправдываться учитель.— Я хотел...

— Мы знаем, чего вы хотели! — прервал его второй банщик и, повернувшись к своему товарищу, коротко добавил:

— Уйдем отсюда, друг!

Учитель поспешил успокоить банщиков и разъяснил, что случилось. Все от души посмеялись.

Больше всех, конечно, был смущен Баки-Мирза.

Он уехал в тот же вечер.

1935

В о р ы

(Из прошлого)

Смерть коня — радость для собани.

Пословица

Старуха, поднявшись чуть свет замесить тесто, решила первым делом заглянуть в хлев и проведать вола. Хлев был пуст. В стене, выходящей на улицу, зиял пролом.

Для дехканина пусть уж лучше дом сторит, только бы не потерять вола. Одна-две копны соломы, десяток-полтора жердей, арба камыша — дом слажен, а чтобы купить вола — сколько долгих лет надо жить впроголодь!

В кишлаке привыкли к женским воплям: одну бьет муж, у другой дом идет с молотка. Все же на крики старухи народ сбежался довольно быстро.

Старик Кабылбобо — босой, полуодетый, с обнаженной головой — стоял у входа в хлев и вздрагивал всем телом. Колени его подгибались, широко раскрытые глаза перебежали с предмета на предмет, но ничего не видели.

Женщины громко проклинали вора, заливались лаем собаки, кудахтали куры. Кто-то старался доказать окружающим, что через такую узкую дыру в стене вола не протацишь.

Подошел сосед Кабылбобо — безносый элликбаши. Войдя в хлев, он внимательно оглядел пролом и столб, к которому привязывали вола, зачем-то покачал его, все осмотрел и, наконец, сказал гнусавым голосом:

— Никуда ваш вол не денется, найдется!

Тщательное обследование, которое произвел в хлеву элликбаши, и особенно его слова вселили в Кабылбобо надежду.

Старик заплакал.

— Да пошлет вам аллах здоровье... Вол-то был пегий...

Горячо споря о том, как, когда и каким орудием вор проломил стену, в какую сторону увел вола и на каком базаре нужно его теперь искать, люди стали расходиться. Шум утих. Жена Кабылбобо перестала плакать, и в глазах ее, устремленных на элликбаши, затеплилась надежда...

Элликбаши еще раз пошел осмотреть пролом. Сложив руки на груди, Кабылбобо, плача, последовал за ним.

— Да не плачь же ты! Говорю тебе, не плачь! — гну-савил элликбаши.— Если твой вол не ушел за пределы земель белого царя, он бесприменно найдется.

Элликбаши говорил так уверенно, словно стоит только выйти на улицу — и вол тут же отыщется. «Этому человеку — помоги ему аллах! — ведь надо что-нибудь дать за такие труды. Даром ведь и кошка на солнце не выходит. А разве мало денег потратил он на то, чтобы стать элликбаши? Одному только минтбаши он принес в дар семьсот снопов клевера и годовалого жеребенка. И к тому же он ведь не получает от казны жалованья!» Кабылбобо потряс своим кошельком и вручил элликбаши все, что там было. Приняв подношение, тот обещал немедленно доложить о случившемся амину.

Вечером Кабылбобо собрался к амину. Сухая ложка, говорят, рот дерет. Сколько же денег нести амину? Для того, кто дает, и одного много, а для того, кто берет, и десяти мало. Посоветовавшись со старухой, Кабылбобо решил: этот расход последний, притом такой расход, от которого зависит возвращение дорогой пропажи. Разве можно тут скупиться?

Когда Кабылбобо предстал перед амином, тот зычно рыгнул, а затем загоготал так, что затрясся жирный подбородок.

— Что, корова пропала?

— Нет... не корова... вол... пегий вол...

— Вол?! Да ну?! Гм... пегий вол... так-так...

— Вол у меня единственный...

Амин воткнул в поздю полмизинца и снова затрясся от смеха.

— А до покражи-то был у тебя этот вол? Какой, говоришь, вол?

— Пегий...

— И хороший, говоришь, вол?

— Хороший... очень хороший...

— А разве хороший пойдет, если его чужие поведут?

— Вол у меня единственный... Пегий...

— Постой, а сам он не вернется? Впрочем, ведь никто не приказывал ему возвращаться, если его уведут... А плакать-то зачем? А?! Нельзя плакать!

Кабылбобо замер, уставившись в землю.

— Объявить розыск, что ли,— сказал амин, очищая мизинец о подошву сапога,— а кто потом отблагодарит меня за это? Что я получу, если найду пропажу?

Эти слова амина Кабылбобо воспринял так, словно тот уже нашел его вола.

— Не обессудьте,— сказал он, протягивая деньги.— Я перед вами в большом долгу...

— Ну что ж!.. Раз так, я тотчас доложу приставу. Он сам займется этим делом.

Прошла неделя. Старуха уже несколько раз ходила погадать к ворожке, «силой молитвы открывающей замки», снесла ей полмешка джиды, три больших чашки кукурузы и два мотка ниток.

На восьмой день Кабылбобо снова пошел к амину. У того даже волосы стали дыбом от гнева.

— Тебе что же, вола на дом доставить, что ли? Надлежит самому ходить и заявлять о себе: бедняк, приходящий с просьбой к начальству, показывает тем самым, что уважает его.

Кабылбобо посоветовался с друзьями: что же нести приставу, кроме денег? Ведь известно — пока дойдешь до него самого, спина от поклонов переломится.

Три курицы, одна из них наседка,— все скромное хозяйство Кабылбобо. Сотню яиц собрали соседи. Однако с этим подношением дальше толмача пройти не удалось. Толмач взял все, что принес старик, и обещал тотчас же «растолковать» дело приставу.

Кабылбобо стал терять надежду. Уж не напрасны ли все его хлопоты? Кто не знает, каковы эти чиновники...

Хорошо «уразумевший» дело пристав взял себе двух лучших кур и три рубля, но, к счастью для себя, Кабылбобо, не сказал, что «доложит обо всем хакиму», а велел опять обратиться к амину. Амин был краток: «Ступай к элликбаши!»

Старик заплакал.

— Да пошлет вам аллах здоровье... Вол-то был пегий...

Горячо споря о том, как, когда и каким орудием вор проломил стену, в какую сторону увел вола и на каком базаре нужно его теперь искать, люди стали расходиться. Шум утих. Жена Кабылбобо перестала плакать, и в глазах ее, устремленных на элликбаши, затеплилась надежда...

Элликбаши еще раз пошел осмотреть пролом. Сложив руки на груди, Кабылбобо, плача, последовал за ним.

— Да не плачь же ты! Говорю тебе, не плачь! — гнул элликбаши.— Если твой вол не ушел за пределы земель белого царя, он бесприменно найдется.

Элликбаши говорил так уверенно, словно стоит только выйти на улицу — и вол тут же отыщется. «Этому человеку — помоги ему аллах! — ведь надо что-нибудь дать за такие труды. Даром ведь и кошка на солнце не выходит. А разве мало денег потратил он на то, чтобы стать элликбаши? Одному только минтбаши он принес в дар семьсот снопов клевера и годовалого жеребенка. И к тому же он ведь не получает от казны жалованья!» Кабылбобо потряс своим кошельком и вручил элликбаши все, что там было. Приняв подношение, тот обещал немедленно доложить о случившемся амину.

Вечером Кабылбобо собрался к амину. Сухая ложка, говорят, рот дерет. Сколько же денег нести амину? Для того, кто дает, и одного много, а для того, кто берет, и десяти мало. Посоветовавшись со старухой, Кабылбобо решил: этот расход последний, притом такой расход, от которого зависит возвращение дорогой пропажи. Разве можно тут скупиться?

Когда Кабылбобо предстал перед амином, тот зычно рыгнул, а затем загоготал так, что затрясся жирный подбородок.

— Что, корова пропала?

— Нет... не корова... вол... пегий вол...

— Вол?! Да ну?! Гм... пегий вол... так-так...

— Вол у меня единственный...

Амин воткнул в поздю полмизинца и снова затрясся от смеха.

— А до покражи-то был у тебя этот вол? Какой, говоришь, вол?

— Пегий...

— И хороший, говоришь, вол?

— Хороший... очень хороший...

— А разве хороший пойдет, если его чужие поведут?

— Вол у меня единственный... Пегий...

— Постой, а сам он не вернется? Впрочем, ведь никто не приказывал ему возвращаться, если его уведут... А плакать-то зачем? А?! Нельзя плакать!

Кабылбобо замер, уставившись в землю.

— Объявить розыск, что ли,— сказал амин, очищая мизинец о подошву сапога,— а кто потом отблагодарит меня за это? Что я получу, если найду пропажу?

Эти слова амина Кабылбобо воспринял так, словно тот уже нашел его вола.

— Не обессудьте,— сказал он, протягивая деньги.— Я перед вами в большом долгу...

— Ну что ж!.. Раз так, я тотчас доложу приставу. Он сам займется этим делом.

Прошла неделя. Старуха уже несколько раз ходила погадать к ворожке, «силой молитвы открывающей замки», снесла ей полмешка джиды, три больших чашки кукурузы и два мотка ниток.

На восьмой день Кабылбобо снова пошел к амину. У того даже волосы стали дыбом от гнева.

— Тебе что же, вола на дом доставить, что ли? Надлежит самому ходить и заявлять о себе: бедняк, приходящий с просьбой к начальству, показывает тем самым, что уважает его.

Кабылбобо посоветовался с друзьями: что же нести приставу, кроме денег? Ведь известно — пока дойдешь до него самого, спина от поклонов переломится.

Три курицы, одна из них наседка,— все скромное хозяйство Кабылбобо. Сотню яиц собрали соседи. Однако с этим подношением дальше толмача пройти не удалось. Толмач взял все, что принес старик, и обещал тотчас же «растолковать» дело приставу.

Кабылбобо стал терять надежду. Уж не напрасны ли все его хлопоты? Кто не знает, каковы эти чиновники...

Хорошо «уразумевший» дело пристав взял себе двух лучших кур и три рубля, но, к счастью для себя, Кабылбобо, не сказал, что «доложит обо всем хакиму», а велел опять обратиться к амину. Амин был краток: «Ступай к элликбаши!»

Увидев Кабылбобо, элликбаши вспылил:

— Скажи сам, кого подозреваешь! Я ведь не святой, откуда мне знать, кто украл твоего вола. Да и вола-то небось давным-давно уже прирезали. Чем плакаться тут, сходил бы лучше к кожевникам и поглядел на шкуры. Впрочем... если шкура вола попала к кожевникам, она уже давно стала кожей. А из этой самой кожи сделали кавуши и теперь продают их на базаре...

— О господи, горе-то какое! Бедная моя головушка,— прошептал несчастный старик.

— Да что ты в самом деле, ребенок малый, что ли? Взрослый человек, а плачешь. Есть о чем убиваться! Если бы этот вол был единственный во всем свете — дело другое. Бог даст, пропажа твоя возместится... Так уж и быть, скажу своему тестю — он одолжит тебе одного из своих волов. Разве вол — это плата за кровь человека?!

На следующий день элликбаши, позвав Кабылбобо, отправился с ним к своему тестю — торговцу хлопком Эгамберды. Купец посочувствовал старику и на время пахоты дал ему не одного, а даже двух волов, но... с одним «маленьким» условием. О том, что это за условие, Кабылбобо узнает осенью...

1936

Бо́льная

Небо высоко, земля жестка.

Пословица

У Сатывалды заболела жена. Пригласили муллу прочесть над ней молитву — не помогло. Позвали знахаря; он пустил кровь. У больной потемнело в глазах и закружилась голова... Заговаривал болезнь заклинатель. Приходила какая-то женщина, стегала больную ветками тальника, смазывала кровью только что зарезанной курицы...

Все это, конечно, стоило денег. Ведь так оно всегда: где толсто — там тянется, где тонко — рвется.

В городе есть лечебница. Что знает о ней Сатывалды? В прохладном тихом парке прячется за деревьями высокое и красивое белое здание. На светло-серых дверях со стеклянными ручками — кнопка для звонка. Когда его хозяина, Абдугани-бая, торговавшего хлопковой шелухой и жмыхом, чуть не до смерти придавило в амбаре мешками, он почему-то поехал не в эту лечебницу, а в Сим. При слове «лечебница» перед глазами Сатывалды возникал извозчик и четвертной с портретом белого царя...

Больной день ото дня становилось хуже. Сам толком не зная зачем, Сатывалды пошел к хозяину и рассказал ему о своем несчастье. Абдугани-бай выслушал его и очень огорчился. Казалось, будь это в его власти, он немедленно поставил бы женщину на ноги.

— А ты что-нибудь пожертвовал блаженному Бахаутдину? А блаженному Гавсулазаму? — участливо спросил он батрака.

От больной уже нельзя было отходить, и, чтобы хоть как-нибудь свести концы с концами, Сатывалды обучался плести корзины.

И вот с утра до вечера сидит он на солнцепеке, окруженный ворохами прутьев, и плетет корзины. Его четырехлетняя дочка, присев подле больной матери, платком стогнет с ее лица вялых, назойливых мух. Иногда девочка засыпает, положив головку на руки, крепко сжимающие платок. Вокруг тишина... Только жужжат мухи, стонет больная, да откуда-то издалека доносится дребезжащий голос нищего: «Подайте милостыню ради аллаха... Подаяние отвращает несчастья... Пророк божий да исцелит немощных и больных...»

Как-то ночью больная почувствовала себя особенно плохо. Каждый ее стон, точно петля, стягивал горло Сатывалды. Он позвал старуху соседку. Та пришла, поправила у больной растрепавшиеся волосы, легонько погладила ее, а потом села и... всхлипнула.

— Молитва, которую читает на рассвете безгрешное дитя, дойдет до бога, — сказала она. — Надо разбудить вашу девочку!

Девочка спросонок было расплакалась, но, испугавшись хмуро глядевшего отца и стонов матери, торопливо зашептала за старухой:

— Боже милостивый, исцеление дарующий...

Прошло несколько дней. Состояние больной стало совсем безнадежным. Чтобы в сердце умирающей не осталось неисполненных желаний, надо было совершить над ней «чилёсин». У лавочника, скупающего корзины, Сатывалды занял на расходы двадцать таньга.

После чилёсина больной как будто полегчало. В эту ночь она даже открыла глаза, подозвала девочку и прошептала:

— Бог услышал молитву моей доченьки. Мне теперь лучше, отец, не будите девочку на рассвете...

Она снова закрыла глаза и уже больше их не открывала. На рассвете она умерла.

Когда Сатывалды взял на руки девочку, чтобы уложить ее подальше от покойной, девочка проснулась и, не раскрывая глаз, привычно залепетала:

— Боже милостивый, исцеление дарующий...

Г р а н а т

Вокруг обилье плодов, а ты
голодаешь, дитя!
Арыки полны воды, а ты умираешь
от жажды, дитя!

(Из прошлого)

Турабджан, открывая калитку, так волновался, что зацепил рукавом яхтака за железную щеколду и разорвал рукав до самого локтя.

Жена сидела на терраске и толкла в ступе джугару. Увидев в руках мужа сверток, она бросила деревянный пестик на мешок и порывисто поднялась ему навстречу. Тяжелый пестик опрокинул мешок, джугара рассыпалась.

Турабджан спрятал сверток за спину и сказал:

— Попроси хорошенько, тогда отдам! Что ты дашь мне за это?

— Все, что хочешь, полжизни отдам!..

Турабджан передал сверток жене. Присев на ступеньке терраски, она стала вскрывать его, торопливыми пальцами разворачивая бумагу, и вдруг замерла: большие черные глаза неподвижно уставились на содержимое свертка. Потом она медленно подняла голову и посмотрела на мужа, Турабджан улыбнулся, увидев слезы в ее глазах.

— Да ты знаешь, что это такое? — весело заговорил он. — Соты! Чистый мед! Сожмешь зубами вот так — сам потечет в рот. А это — воск. Он совсем не поганый, его можно сосать, можно и жевать.

Жена, закусив зубами конец рукава, сидела молча, глядя куда-то мимо свертка, в одну точку.

— Аллах, она не верит! — воскликнул Турабджан, наклоняясь к свертку. — На вот, попробуй! Попробуй сначала, а потом скажешь...

Но жена с отвращением отвернулась, и Турабджан даже покраснел от досады. Точно в таком же положении очутился он, когда однажды, купив дыню, отправился навестить большого друга: эту дыню он увидел потом в коровьей кормушке.

Бродивший по двору хромой кот медленно вошел на терраску, подошел к зернам джугары, понюхал их и, подняв желтые глаза на Турабджана, жалобно мяукнул: «Мя-а-у!»

— Встань, собери зерно,— сказал Турабджан жене.— Видишь, кот обнюхивает!

Та, поднимаясь, всхлипнула и зарыдала во весь голос.

— Провалиться бы ему сквозь землю... что это за несчастье! Почему меня не тянет на соль, на мед, как всех?

Турабджан снял с головы тюбетейку и хотел стряхнуть с нее пыль, но увидел разорванный рукав и нахмурился; яхтак был почти новый, всего несколько раз стиранный.

— Если уж ты беременна, знай хоть меру,— сказал он и снова надел тюбетейку, так и забыв стряхнуть с нее пыль.— Гранат, гранат... А ты знаешь, сколько стоит фунт гранатов? С самой зари таскаешь воду, колешь дрова, мечешься по всему дому, а на руки в месяц попадает всего тридцать пять таньга. У меня братьев-благодетелей нет...

Оба умолкли. Жена натолкла в ступе джугару на кашу и, пересыпая ее в таз, проворчала:

— Будто я прошу гранат из упрямства...

— Знаю! — вскипел Турабджан.— А что мне делать? Прикажешь убить хозяина и ограбить его или заложить себя ростовщику?

Жена занялась стряпней. Ее сильно обидели слова мужа: «Если уж ты беременна, знай хоть меру». Она разводила огонь в очаге, а на глаза навертывались слезы.

Через час обед был готов. Гуджу, почерневшую от варки в старом котле, не убелило даже кислое молоко. Турабджан быстро опорожнил две миски, а жена не съела еще и половины своей. Ее медлительность почему-то напоминала Турабджану хромого кота, а вспомнив про

кота, он подумал о порванном рукаве и совсем расстроился. Его хмурый взгляд словно говорил жене: «Только напрасно переводишь джугару и кислое молоко». И потому, как ни отвратительна была ей давно опротивевшая гуджа, она сделала над собой усилие и доела ее. Но тут же, бледная, встала и выбежала за угол дома, а когда вернулась, глаза ее были красны.

— Ты назвала несчастьем еще не родившегося ребенка! — возмущенно проговорил Турабджан.

Жена молча убрала скатерть. Потом, наливая воду в котел, еле слышно сказала:

— За деньги, истраченные на мед, можно было купить не один гранат.

— Как же, как же! — язвительно отозвался Турабджан. — А я вот меду привес!

— Конечно, можно было! Вы парочно вместо граната принесли эти поганые соты, собаки бы их лизали!

В такие минуты умолкает разум и язык отнимается. А когда язык начинает ворочаться, он бьет сильнее, чем кулаком.

— И хорошо сделал! — крикнул Турабджан, весь дрожа. — И пусть тебе все нутро сожжет! Мне-то какое дело?!

Как подействовали эти слова на жену, о том могут судить только женщины в положении. А Турабджан сказать-то сказал эти слова, но когда взглянули на жену, сам испугался. Гнев его сразу прошел, и не будь он так самодуш, он сейчас же подошел бы к ней, погладил бы ее по голове и сказал: «Не надо, не плачь, я это со злости сказал».

— Сама доводишь до этого, — проворчал он после длительного молчания. — Зря меду купил... Да его теперь нет даже верховому, а мы с тобой пешие! Это друг хозяина привез ему в подарок немного, так я... выпросил у него чуточку. Думал, вот удача — жена обрадуется!.. Ты сколько раз в жизни ела мед?

Турабджан говорил уже в примирительном тоне, без всякого раздражения, но жена его не слышала. Вернее, слышать-то слышала, да не улавливала смысла, воспринимала его речь как обычное недовольное бурчание. И все-то три года их жизни он вот так же недовольно бурчит себе под нос, и бывает трудно его понять. Но сегодня он ясно выговорил шесть слов: «И пусть тебе все нутро сожжет!» Единственным ее желанием было — съесть гранат,

и вот муж, ее единственная опора в жизни, оказывается неспособным исполнить даже это ее маленькое желание.

Жена ушла в дом. Много времени спустя в окне появился мутный свет.

Вошел в дом и Турабджан. Жена сидела у окошка, облокотившись на согнутое колено, подперев рукой подбородок, и неотрывно глядела в черновато-серую мглу неба. Турабджан остановился посреди комнаты, не зная, что делать. В нише, потрескивая, горела пятилинейная лампа, вокруг нее кружилась ночная бабочка. Что-то громко треснуло в потолке, в стене чиркнула ящерица, — и снова мертвая тишина. В ушах Турабджана даже зазвенело от нее. Он тоже присел к окну и стал смотреть в небо, на мигающие звезды.

Вдруг над высокими тополями в саду казия взвился красный комок огня; оставляя за собой светящийся след, он полетел еще выше и, словно ударившись в небо, лопнул и рассыпался искрами.

— Фейерверк, — сказал Турабджан. — Мулладжанказий бешик-той сегодня справляет.

Жена не промолвила ни слова, даже не пошевелилась.

— Из города много гостей поваехало, — продолжал Турабджан.

Жена опять промолчала. Она ни разу не была в саду казия, но много слышала о нем. Не сад, а сплошная гранатовая роща, на деревьях иссметное количество гранатов, с чайник величиной каждый...

— Один фейерверк сколько стоит, — рассуждал как бы про себя Турабджан. — Если выпустят сто фейерверков... то по одной таньге — это будет сто таньга. В десять да еще в десять раз больше того, что казий платит мне за месяц работы.

Оба молчали долго. Наконец Турабджан широко зевнул и стал снимать яхтак.

— На-ка, зашей, — сказал он, бросая яхтак жене. — Держи!

Та взяла яхтак и положила возле себя.

— Живей! — сказал Турабджан, видя, что жена вовсе не собирается сейчас же зашивать его. — Бери в руки, тебе говорю!

— Зачем кричите? Зашью... Приспичило...

— Хочешь срывать обиду на мне? — Турабджан схва-

тил яктак и опять надел.— Если обижаться па каждую мелочь, лучше не жить. Бедность ведь...

— Будь она проклята эта бедность! — тихо сказала жена.

Она произнесла эти слова, сетуя на бедность, а Турабджан понял их как упрек, и у него снова закипело в груди.

— А что,— сказал он хмурясь,— разве я скрывал от тебя свою бедность? Разве наряжался в день свадьбы в чужой халат и чужие ичиги, подобно Эркабаю?.. Еще не поздно, можешь выйти за человека с деньгами.

— Ну, что же, продайте свою жену баю... за пару гранатов.

Эти слова как ножом ударили Турабджана в сердце.

— А-а, продать?.. Баю?..— заговорил он тихим голосом, но этот голос был страшен.— Значит, я никогда не приносил тебе гранатов?

— Никогда! — зло бросила жена, отворачивая от него пылающее лицо.

— А те гранаты, которые ты ела в прошлый базарный день, любовник, что ли, тебе покупал?

— Любовник покупал!

Впоследствии Турабджан так и не мог вспомнить: то ли он толкнул жену в плечо, а потом поднялся, то ли сразу вскочил и ударил жену. Он увидел перед собой только ее побледневшее лицо и широко раскрытые, испуганные глаза.

— Не надо... не надо... — в ужасе шептала она.

Турабджан кинулся к двери, и немного спустя за ним хлопнула во дворе калитка.

Жена плакала долго и безутешно. Упрекая себя за то, что она так несправедливо обидела мужа, она даже пожелала себе смерти. Потом, устав от слез, вышла во двор.

Ночь, во тьме где-то остервенело лают собаки. Вышла за калитку, оглядела улицу. Чайханы давно закрыты. Только вдали, на гузаре, мерцает одинокий маленький огонек.

Вернулась в дом. Легла. Много ли, мало ли времени прошло,— за крышей захлопал крыльями петух и звонко прокричал: «Кук-каре-ку-у-у!»

И тотчас же вслед за тем заскрипела калитка.

Не успела жена подняться с постели, как вошел Турабджан с узлом за спиной. Он бросил его на пол, и по

всей комнате раскатились гранаты — крупные, с чайник величиной.

Жена с изумлением взглянула на мужа и, увидев его бледное лицо, страшно перепугалась.

Опустившись на кошму, Турабджан обхватил широкой ладонью лоб и закрыл глаза. Жена кинулась к нему, положила руки ему на плечи.

— Где вы были? — спросила она, задыхаясь от волнения. — Что вы сделали?

Турабджан молчал. Его трясло, как в лихорадке. Открыв глаза, он с тоской посмотрел на жену, и губы его скривила болезненная улыбка. А из груди вырвалось — мучительно, тяжело, с каким-то надрывом:

— Не я... бедность... будь она проклята!

1936

Знамение

Ворона каркает и в том обретает радость.

Пословица

Во времена царя Николая кишмиш стоил бешеные деньги, зато кукнар был дешев. Нынче же дешевле кишмиша ничего нет, но за кукнар отваливай денежки. Каким же дураком надо быть, чтобы выбрасывать едва отжатый кукнар. Сколько добра пропадало даром!

С этими мыслями мулла Саид Джалалхан откинулся к стене и утомленно прикрыл глаза. Ему на нос опустилась муха. Но поднять руку, взмахнуть платком было выше его сил. Он вытянул верхнюю губу и слабо дунул: «Пуф!» Муха взлетела, но тут же снова села. В этот раз на губу. Саид Джалалхан тихонько шевельнул губами и прихватил ее за лапку. Он хотел раздавить муху, приносящую человеку столько беспокойства! Но пока рука, поднимавшаяся с мстительным намерением, добиралась до рта, муха пожертвовала лапкой и была такова.

Саида Джалалхана охватила ярость: едва им овладело блаженство, едва кукнар, добытый с таким трудом, начал действовать, тут эта проклятая муха!

Говоря по совести, нет существа зловреднее. Кто, кроме мухи, ползет в только что налитый чай, кто засиживает кишмиш! А разве редкость, когда в процеженном, прозрачном, как слеза, кукнаре плавает ненавистное крылышко... Интересно все-таки, как она летает без одного крыла?

Мысли муллы устремились вслед за мухой, столь бесцеремонно нарушившей его блаженную расслабленность.

В комнате — видимо-невидимо мух. Но которая из них та?

Саид Джалалхан полон решимости. Он плотно приотворяет дверь и вооружается веником, насаженным на длинную палку. Как только веник просвистел в воздухе, мухи с жужжанием сбились в комок и уподобились ежу. Еж выпустил крылья и обратился в огромную муху. Муха вскинула передние лапы, поднялась на задние и, уставившись на Саида Джалалхана, вполне отчетливо прожужжала:

— Как смеешь ты, заступник правоверных мусульман, обижать божью тварь?

— А сама ты кто такая? — прищурился Саид Джалалхан, вскинув веник на плечо, как вилтовку.

— Я — повелитель мух.

— А коль повелитель, то почему ты не наказываешь своих подданных, когда они занимаются разбоем среди бела дня?

— Сладких крошек, приставших к твоей бороде, достаточно для пропитания всех моих подданных, целый день они будут сыты ими. Неужто ты смеешь именовать это разбоем? Что они у тебя украли?

— Меня лишили покоя! С великим трудом раздобыл я себе чуть-чуть кукнара, и только было он начал действовать, как муха уселась мне сперва на нос, потом на губу. За это я буду мстить, я оторву у тебя крылья!

Повелитель мух сбавил тон, он смиренно молил о снисхождении. Но Саид Джалалхан грозно стоял на своем. В конце концов они пришли к соглашению: повелитель мух даст ему крылья, и Саид Джалалхан полетит, сам найдет преступницу и покарает ее.

Повелитель погладил задними лапками свои крылья, передние потер одна о другую, и Саид Джалалхан ощутил вдруг, что у него выросли крылья. Сердце учащенно забилось, мулла почувствовал невесомость и — взлетел.

Долго ли, коротко ли летал Саид Джалалхан, но миновали десятилетия, а не исключено, что и века, прежде чем он отыскал злонамеренную муху. Она как ни в чем не бывало сидела на осле, который пасся вдаль от жилища. Муха потихоньку ковыляла на одной лапке вокруг болячки на ослиной спине. Саид Джалалхан ловким взма-

хом руки схватил ее, зажал в кулак, а затем осторожно, чтоб не раздавить, ухватился за одно крыло.

Муха жалобно зажужжала:

— Мало того, что ты исколечил меня, губами оторвал мне когда-то лапку, ты продолжаешь преследовать меня. Что еще тебе надо?

— Ты — уголовница! Будь ты человеком, я отрубил бы тебе руку. И поделом. А так оторву крыло!

Мухе ничего не оставалось, как униженно просить пощады. Однако Саид Джалалхан оставался неумолимым. Но сердце — не камень: в конце концов они договорились.

Муха привела Саида Джалалхана в неведомую пустыню. Ничего, кроме неба, песка и черепах, в этой пустыне не было. По совету мухи, Саид Джалалхан прихватил с собой одну черепаху и одно черепашьё яичко. В той же пустыне с помощью мухи он раздобыл котел. Опустив яичко на землю, Саид Джалалхан накрыл его котлом, а черепаху выпустил на волю. Муха влезла на самую вершину котла, держа в лапках соломинку. Черепаха же принялась кружить вокруг котла. Кружилась она до тех пор, пока котел не разлетелся на мелкие кусочки. Но разлетелся он беззвучно. Черепаха и яичко враз исчезли. Муха, улетевшая бог весть куда при взрыве котла, возвратилась к Саиду Джалалхану и, протянув ему соломинку, напутственно прожужжала:

— Загонишь эту соломинку себе под кожу и станешь невидимкой. Будешь все видеть, тебя же никто не заметит. Теперь весь кукнар, какой обнаружишь в кишлаке, твой.

Саид Джалалхан расцарапал палочкой себе локоть и вогнал под кожу соломинку. Тут-то и началось чудо. Сначала исчезли кавуши на ногах, затем — ноги, затем — все тело.

Растворившись целиком, Саид Джалалхан, не мешкая, направился к своему приятелю мулле Шамситдину.

Мулла Шамситдин сидел на супе и перебирал кишмиш. Саид Джалалхан молча подошел к нему и неслышно уселся рядом. Тот ничего не заметил. Запустив руку в решето, Саид Джалалхан достал пригоршню кишмиша. Шамситдин опять-таки ничего не заметил.

Кто кто, а Саид Джалалхан наверняка знал, что у муллы Шамситдина припрятано с фунт кукнара.

Намереваясь отыскать его, Саид Джалалхан вошел в дом. Какова же была его радость, когда он обнаружил не жалкий фунт, а целый мешок, под завязку набитый кукнаром. Ввалив мешок на плечи, он понес его домой.

Потом он побывал еще во многих местах. Однажды съездил даже в город, удобно устроившись на радиаторе грузового автомобиля.

Весь кукнар, который удалось раздобыть в этих путешествиях, Саид Джалалхан ссыпал на середину своей комнаты. Он стоял перед кучей и прикидывал, насколько же времени хватит ему добра. Не менее как на полгода. Эта мысль и обрадовала и огорчила его одновременно. Оно, конечно, неплохо, целых шесть месяцев не знать заботы и не терпеть нужды. А как быть потом, — во всей округе не осталось ни грамма кукнара. Его охватил страх.

Но не такой человек Саид Джалалхан, чтобы не найти выхода. Не зря же он — невидим. А коль так, что мешает ему явиться к председателю колхоза и потребовать: «Вдоль всего края хлопкового клина немедленно засеять для меня лично кукнар!»

Это решение успокоило Саида Джалалхана. Он явственно осознал собственную мудрость. Тело его оставалось невесомым, но голова несколько отяжелела.

Он тут же отправился в правление колхоза. Председатель в одиночестве попивал кислое молоко. На всякий случай Саид Джалалхан еще раз испытал себя: увидит его председатель или нет. Осторожность никогда не помешает.

— Ассалом-у-aleyкум! — протянул он, остановившись перед председателем.

Услышав приветствие, председатель оглянулся по сторонам и мертвенно побледнел. Обтерев рукавом усы, он, как загнипнотизированный, привстал и оторопело уставился перед собой.

— Не бойся, не бойся! — покровительственно произнес Саид Джалалхан. Он еще раз уверился в собственном могуществе. — Я пришел к тебе с нехитрым приказом. Выполнишь, и все будет в порядке. Нынче же по краю хлопковых полей посеешь кукнар.

Дрожащий, бледный председатель пробормотал:

— Надо с-с-собрать с-с-собрание, обе-с-судить...

— Можешь собирать собрание, можешь митинг, мо-

жешь сход. Но если завтра не приступишь к исполнению, то я ночью явлюсь к тебе в саване. Соображаешь, с кем имеешь дело?

Председатель молча кивнул. Саид Джалалхан прихватил горшок с кислым молоком, что стоял на столе председателя, и бросил его в арык. Работать надо, а не молоко распивать...

Но тут его осенила новая мысль, и голова его налилась новой тяжестью: «Если я могу заставить засеять край поля, то что мешает мне приказать засеять весь клин кукнаром?»

Мысль была гениально проста, и Саид Джалалхан вернулся в правление. Не церемонясь, он гаркнул во весь голос:

— Все поле засеять кукнаром! И не рассуждать!

Председатель безропотно согласился. А Саид Джалалхан, торжествуя победу, отправился восвояси. По дороге его осенила новая великая идея: «Если меня испугался председатель колхоза, то и главная власть испугается не меньше. А раз испугается, пусть объявит меня ханом. С испуга и не такое могут объявить!»

От этой гордой идеи голова его стала еще тяжелее. «Раз от мудрых мыслей голова делается все тяжелее и тяжелее, — размышлял он, — то я не поверю, будто Афлотун умер своей смертью. Не иначе, его раздавила собственная голова».

Едва Саид Джалалхан переступил порог своей комнаты, началось нечто невообразимое. Улица огласилась криками охваченных паникой людей, залаяли, завыли собаки, закудахтали куры, с треском валились стены, падали деревья... Какая-то женщина в истерике вопила:

— Кто же это хочет заставить нас сеять кукнар!..

От истошного бабьего крика с потолка посыпалась пыль, зазвенело медное блюдо, висевшее в нише.

Саид Джалалхан слишком верил в свое могущество, чтобы дать себя запугать: его криком не возьмешь. Как ни в чем не бывало, он отправился к мулле Шамситдину и, отломив половину соломинки, торчавшей из-под кожи, передал ему. Затем, оба невидимые, они пошли в пустыню и дружно затрубили в трубы.

Еще не затих трубный призыв, а вокруг них собралось несметное войско — пешее и конное, в сверкающих племенах, с развевающимися знаменами. Потом появились

тысячи черепах, они окружились вокруг тысячи котлов, и войны стали невидимыми.

Дальше все шло, как по маслу: Саид Джалалхан был провозглашен ханом, ему присвоили персональное звание «Саид Джалалхан сахибкрон». Муллу Шамситдина назначили его визирем.

Все было готово для газавата во имя священных заповедей мусульманства. Правда, не было оружия. От имени самого Саида Джалалхана сахибкрона тут же составили послание Куршермату, перебежавшему в Афганистан. Вскоре пришел ответ: «Я вступил в поход, со мной тысячи сипаев. Мы разгромим неверных. А тебе, великий, я отправляю в дар собственную победоносную саблю».

Итак, дело шло на лад, а голова Саида Джалалхана становилась все тяжелее и тяжелее...

В стародавние времена, в забытой пещере, в далеких-далеких горах бог сотворил двух чудовищ, дав им имена «Истреблю» и «Соберу». Отныне бог посвятил их Саиду Джалалхану, провозглашенному ханом.

Эти два страшилища с человеческими головами, обезьяньим туловищем и медвежьими ухватками предстали пред грозные очи хана и преклонили колени. Они не отличались красноречием. Но мудрейший Саид Джалалхан из их косноязычного бормотания понял, что один из них готов оторвать голову любому встречному, а второй умеет мастерски перекладывать в штабеля обезглавленные тела. Это были как раз те помощники, в которых нуждался Саид Джалалхан. Несказанно обрадованный, он придал этим двум чудовищам несколько тысяч суфи и повелел покарать непокорный кишлак. Когда суфи, поднимая густую пыль, отправились в поход, Саид Джалалхан напутствовал их боевым призывом:

— Истребляйте! Истребляйте все! Из посевов оставьте только кукурузу, из живых существ — черепах и мух!

Отряд ушел, но не остыл грозный пыл Саида Джалалхана. Он выхватил саблю и, размахивая ею над головой, командовал остальным войском:

— По коням! Газават! Газават! Вперед — на кишлак! Сравняем его с землей!

Вслед за невидимым ханом, невидимой, но могучей волной хлынули остальные войска.

Вдруг Саид Джалалхан заметил вдали скачущего во

весь опор мулле Шамситдина. Приблизившись, мулла Шамситдин спешился, поцеловал хана в левую ногу и робко доложил:

— В кишлаке — красные. Никак не удастся подступиться.

Тем временем со стороны кишлака показалось облачко пыли, — то скакал к хану верный «Соберу». Он спешился, задыхаясь, облобызал ханскую ногу и сообщил о великом несчастье:

— «Истреблю» пал на поле брани.

Услышав о гибели своей надежды и опоры, Саид Джалалхан застонал и свалился вниз головой с лошади. Ему сделали перевязку. Но сколько тряпок ушло на его большую, невероятно тяжелую голову!

Долго пролежал хан Саид Джалалхан без сознания. Может быть, десятилетия, а может быть, века. Но наконец очнулся и узнал свою комнату. Над ним сидел, поджав ноги, его верный визирь мулла Шамситдин.

— Что стряслось? Где моя сабля, где мой конь? — грозно вопрошал хан, едва приподнимая над подушкой свою тяжеленную голову.

Мулла Шамситдин, горестно обмахивая его платком, со слезой в голосе спросил:

— Зачем так пугать человека, мулла Саид Джалалхан? Какая сабля? О каком коне речь?

По плаксивому тону муллы Шамситдина Саид Джалалхан понял, что и другие войска, осаждавшие кишлак, пали геройской смертью на поле сражения. Но он не из тех, кто сдается.

— Все погибло? Немедленно снарядите гонца. Пусть установит, каковы потери. И вышлите второго гонца на афганскую дорогу! Да побыстрее!

Саид Джалалхан поднялся было на ноги, но зашатался и свалился под тяжестью собственной головы. Мулла Шамситдин пытался ему втолковать, что нет никакого газавата и войска никакого нет, что он с утра лежит здесь, у себя в комнате.

— Дурак, — ответил хан, закипая яростью, — ведь я же свалился с боевого коня... До сих пор трещит голова! Разве ты не видишь, каких великих размеров достигла она?!

— Ваша голова самых нормальных размеров, несколько не больше тыквы, — прикинул мулла Шамситдин. Ему

надоели странные капризы друга.— Когда я утром пришел к вам, то увидел, что ветер загоняет дым обратно в трубу, в комнате нечем дышать от угара и дыма. Не направо аллах мои стопы к вам, быть бы вам уже на том свете.

Саид Джалалхан все еще не верил. Очень трудно расставаться с былым могуществом. Даже если оно только пригрезилось. Придерживаясь за стенку, он выбрался во двор. Сделав два шага, свалился. Прошли долгие часы, прежде чем мулле Шамситдину удалось привести его в чувство.

После этого Саид Джалалхан, поминутно прерывая рассказ стопами, поведал другу о своих невероятных приключениях.

— Это я унес ваш куквар,— виновато признался он.

Было похоже, что Саид Джалалхан снова заговаривается.

— Какой куквар? — переспросил мулла Шамситдин.

Потребовалось еще некоторое время, и Саид Джалалхан окончательно пришел в себя.

Однако теперь великая мысль посетила муллу Шамситдина.

— Это — знамение,— уверенно произнес он.

На следующий день друзья отправились в степь. Они искали черепах для газавата.

1936

Два сапога — пара

Камалханов предупредительно изогнулся вопросительным знаком, уповая на благоприятный ответ. Но тут зазвонил телефон, и заведующий сектором Сулейманов величественно снял трубку.

— Слушаю... Да... да... Ха-ха-ха!..

Почему-то Камалханов почувствовал, что и он тоже не в силах сдержать смех, и вопросительный знак выпрямился: превратился в восклицательный, а потом и вовсе сломался — Камалханов опустил на стул.

— Конечно, конечно, — покровительственно соглашался Сулейманов, продолжая телефонный разговор. — Рыба — она тоже вещь отменная, в высшей степени отменная, особенно если ее умело поджарить. Но уж если дыня будет отдавать рыбой, да еще жареной, то увольте...

Камалханову в этих словах почудилась шутка, и он с готовностью открыл рот, чтобы засмеяться, но заметил, что Сулейманов сдвинул брови. В самом деле, подумал Камалханов, что тут смешного? Ничего. Рот сам собой закрылся.

— Когда? — недовольно спросил трубку Сулейманов. — Вам ведь отлично известно, мой друг, что меня не сможет провести и тысяча подхалимов. Я ихнего брата с первого взгляда распознаю. Да, да, с первого... Мой отец по коровьему мычанью определял, сколько корова дает молока, и не ошибался. А у меня нюх на подхалимов. И тоже безошибочный. Вчера пошел в баню, покупаю билет, а кассир эдак любезно: «Не угодно ли мыльца?» Каково? А? Я, друг мой, на три метра сквозь землю вижу. В душе у каждого читаю... Да, да!..

Произнося все это в трубку, Сулейманов поглядывал на Камалханова: «Вот, мол, смотри, каков человек перед тобой, а ты!..»

Камалханову стало не по себе.

Опустив трубку, Сулейманов передохнул и, сохраняя на лице значительность, нажал кнопку. Вошла секретарша.

— Скажите там, пусть принесут мне позавтракать! — распорядился Сулейманов и повернулся к Камалханову.

— Ну, так что же будем делать с вами?.. Трудно, очень трудно выполнить вашу просьбу.

Камалханов улыбнулся с обезоруживающей доверчивостью:

— Знаю, товарищ Сулейманов, знаю, что трудно, потому и пришел к вам. Вы, конечно, проявляете скромность. Но ведь за скромностью силу все равно не спрячешь... Как ни прячь осла, он выдаст себя ревом... Это я так, к примеру. Человек я откровенный, душа нараспашку. Посади вы в землю спицу от колеса — огурец вырастет... Это я что думаю, то и говорю.

Сулейманов расплылся в улыбке, но поняв, что она неуместна, и скрывая ее, стал подкручивать ус.

Принесли завтрак — небольшой кувшин с каймаком. Сулейманов прервал затянувшееся молчание — начал хвалить каймак. И желая подключить к разговору Камалханова, спросил:

— А вы замечали разницу между каймаком из одного города и каймаком из другого?

— Как же, как же! — обрадованно подхватил Камалханов. — Всегда разница.

— То-то же! Смогли бы вы, попробовав одну каплю каймака, определить, из какого он города? Я-то не промахнусь... Когда б прорыли канал и спустили в него весь каймак, который я съел за свою жизнь, то никакая плотина бы не выдержала! Оттого и опыт. Мне легче легкого определить качество любого каймака. Но такого, как сейчас, отродясь не едал. Попробуйте-ка!

Сулейманов протянул Камалханову лепешку и подо двинул кувшин. Камалханов испытал затруднение: если съесть ложку каймака, да еще похвалить, не будет ли это подхалмством?

Его выручил телефонный звонок. Сулейманов небрежно снял трубку и кивнул Камалханову на каймак. Тот улыбаясь и, деликатно обмакнув кусок лепешки в кай-

мак, стал, смакуя, жевать. Черте что! Ну и каймак, ну и сливки! Простокваша какая-то! Благо бы еще свежая. А то скисшая-перекисшая.

Сделав над собой усилие, Камалханов проглотил лепешку и изобразил на лице полнейшее удовольствие.

— Ну, как? — поинтересовался Сулейманов, положив трубку на рычаг. — Попадалось вам в жизни что-либо подобное?

— Нет слов. Не иначе, корова особенная. Самые лучшие сливки я однажды отвёдал в Маргилане, но те перед этими — тьфу! — И Камалханов деликатно сплюнул. — А какой аромат...

Сулейманов зачерпнул полную ложку и отправил ее в рот. Вдруг лицо его перекошилось. Он яростно выплюнул каймак.

— Ну и ну! — брезгливо проворчал он, вытирая рот. — Это же простокваша!

Камалханов опешил:

— Быть не может! Неужто простокваша? — переспросил он и облизал ложку, как бы сомневаясь в словах Сулейманова. — Да, в самом деле, вроде простокваша...

— Простокваша и есть! А запах? Чувствуете запах? Кислятина!

— И точно, простоквашка-то того, — подтвердил Камалханов, растерянно облизывая ложку. — Одно слово: прокисший каймак. Я, наверное, попробовал верхний слой — он вроде сливок...

В кабинет вошли сотрудники. Камалханов поднялся. Надо было как-то кончать разговор.

— Надеюсь, я могу с вашего разрешения приступить к работе?

— Пообещать и не выполнить — для меня нож острый. — Сулейманов тоже поднялся.

— А вы пообещайте...

И Камалханов, стараясь не толкнуть стул, никого не задеть, удалился из кабинета.

Спустя два дня состоялось собрание. Сулейманова критиковали всюю. Камалханов радостно хлопал в ладоши. После каждого выступления что-то вскипало в нем, и он самозабвенно выкрикивал:

— Правильно!

Человек искусства

Концерт, как и обычно, кончился обращенными к зрителям словами благодарности за внимание. Все, кроме известного певца, разошлись в добром настроении. Только певец был раздосадован: и то сказать, когда во время антракта он вышел в фойе, то услышал, как какой-то тракторист уличал его в невежестве.

Певец вскипел: тракторист, видимо, забылся, забыл свое место и осмелился критиковать его, прославленного артиста, человека искусства!

Он не мог успокоиться, и по дороге домой снова и снова переживал случайно услышанный упрек: «Научись сначала петь, хоть слова произноси правильно». Это я-то неправильно произношу. Ему хотелось пожаловаться извозчику, пусть бы тот разделил его негодование. Но на всякий случай травмированный певец все же решил воздержаться. До сих пор его не критиковали ни газетные рецензенты, ни ученые музыковеды, его не обвиняли ни в формализме, ни в натурализме, он неизменно оставался «талантливым», «одаренным», «самобытным». А какой-то тракторист!..

К удивлению извозчика, седок громко разговаривал сам с собой и кому-то грозил.

Дома певец не стал ужинать, — кусок не лез в горло. Он выпил две пиалы чая, продолжая мысленно спорить с трактористом: «Если я плохой певец, почему же тогда меня записывали на пластинку?» Ишь, покритиковать захотелось! Если ты тракторист, то и не суйся в искусство!

— Вы были на занятиях? — нахмурившись, спросил он домработницу.

— Ходила.

Две недели как домработница посещала курсы ликбеза. Это было сделано по его настоянию, и он считал своим долгом время от времени повторять этот вопрос: «Вы были сегодня на занятиях?»

«У меня даже прислуга ликвидирует свою безграмотность, а он осмеливается утверждать, будто я неверно спел: «От губ твоих мне выпить бы, о сладкогубая!» Ой, видите ли, считает, что «выпить» — не то слово, надо «испить». Пожарный скажет: «Не бросайте спички на пол», а наш режиссер: «Не бросайте спичек на пол». Насколько это красивее! Кстати, как правильно — пожарный или пожарник? Пожалуй, пожарный. Скорее всего, пожарный. Наш режиссер, слава богу, достаточно культурный человек. Если он и поругает, не обидно. У него есть любимые фразы. Вот, например: «Нужно согласовать формулировку». Интересно, этот несчастный тракторист знает, что такое «согласовать формулировку»? Ни черта он не знает!»

От такой уверенности певцу стало немного легче. Он даже пожалел, что отказался от ужина. Но вспомнил, что перед сном вредно наедаться, и успокоился.

Тут появилась домработница с тетрадкой и карандашом. Тетрадку она положила на стол перед артистом, а карандашом уперлась в щеку.

— Как пишется прописная буква «Ж»? Учитель показывал, а я не запомнила.

Певца почему-то очень рассердил этот вопрос.

— Вы только еще дошли до «Ж»? Интересно, когда вы при таких темпах дойдете до «Я»?! Кстати, буква «Ж» пишется в слове «боржом». Но если боржом оставлять откупоренным, из него выходит газ. А раз газ вышел, то грош цена боржому. Быть культурным, это значит приучиться закрывать боржом.— Певец почувствовал, что говорит что-то не то. Однако не мог остановиться:

— Вы умеете согласовывать формулировки? То-то же!

Он торжествующе поднялся и направился в спальню.

— Вы уже ложитесь? — разочарованно спросила домработница.

— А в чем дело?

— Вы так и не показали, как пишется большое «Ж». А завтра учитель наверняка меня спросит.

— Напишите маленькое и произнесите погромче.

Он был доволен своим ответом, разделся и лег под одеяло. Едва закрыл глаза, перед ним появилось множество голов в полумраке зрительного зала. Среди них выделялась громадная голова тракториста. Тракторист нагло улыбался до ушей.

— Чтоб тебе лопнуть! — пожелал артист и повернулся на другой бок.

Через мгновение он захрапел. Храп у него был какой-то необыкновенный. Я бы сказал — музыкальный...

1936

Националисты

Солице в зените. Душно даже в тени. Город дремлет. Два человека вышли из нотариальной конторы и по дорожке, в тени могучих акаций, направились к «Русско-азнатскому банку». Один из них — редактор-издатель «Национального религиозно-правственного литературного журнала» Мирза Бахрам, другой — поэт Тавхиди. (Собственно, Тавхиди¹ — псевдоним, который поэт взял в ознаменование своей преданности идеям единения турецких языков.) Литераторы дружески беседовали и приветливо улыбались друг другу.

Мирза Бахрам сунул руку во внутренний карман чечучового пиджака, вытащил тетрадку, передал ее собеседнику и с видом человека, сделавшего важное и трудное дело, принялся обмахиваться китайским веером. Тавхиди открыл тетрадку и, замедлив шаги, стал читать:

«В давние времена некий бедняк поселился подле богатого человека. Однажды сын богача пришел в дом соседа своего и увидел, что вся семья его, чада и домочадцы с хозяйном во главе, заняты трапезой. Они ели с большим аппетитом, а гостя не приглашали; сыну же богача захотелось отведать их пищи...»

Тавхиди полистал тетрадку и спросил:

— Это рассказ?

— Рассказ, мой друг, рассказ. Всю свою жизнь я отдаю служению нации. И вот решил писать — на этой стезе ведь тоже можно служить великой идее. Кстати, эта

¹ Тавхиди — единение (турецк.).

вещица получила весьма лестную оценку муллы Кутбидина. Да вы читайте!

Тавхиди стал читать дальше:

«Мальчик заплакал и пошел домой. Отец и мать стали спрашивать ребенка о причине его слез. Тогда мальчик пожаловался родителям на бедняка. Отец велел приготовить самые изысканные яства, но дитя не захотело даже отведать их, продолжало плакать и говорило, что желает кушания соседа. Тогда богач пошел к бедняку и сказал:

— Сосед, зачем ты доставляешь мне огорчения?

— О сосед, не заставляй меня приподнимать завесу над печальной тайной.

Богач настаивал, чтобы бедняк объяснил ему, в чем дело, и тот сказал:

— Есть пицца, разрешенная шариятом для немущих, но запретная для столь благородного отрока, как ваш сын.

— Разве существует такая пицца? — спросил богач.

— А разве вы не слышали в мечети, что людям, впавшим в нужду, дозволено есть падали? Дети мои три дня не ели. И потому, увидя сегодня сдохшего ишака, я отрезал кусок падали и принес домой. Когда ваш сын пришел к нам, мы как раз вкушали эту пищу.

Богач поблагодарил соседа и обещал построить мечеть, сказав, что бедняк будет тому причиной...»

Огромная, мохнатая, как медведь, собака, растянувшаяся под большими железными воротами, приподняла голову и угрожающе зарычала.

→ Бегите! — крикнул Мирза Бахрам, прячась за спину Тавхиди. Тот отпрянул и налетел на Мирзу Бахрама. Оба упали. Собака вскочила, явно намереваясь наброситься на упавших, но потом, видимо, усомнившись, стоит ли утруждать себя в такую жару, опять растянулась под воротами.

Прихрамывая и потирая ушибленное колено, Мирза Бахрам, перебрался на другую сторону арыка. Тавхиди, смущенный своей трусостью, пытался оправдаться:

— Вы сами виноваты. Так вдруг закричать... Я даже не успел сообразить, в чем дело. А собаку эту я знаю, это Касымджана-байбачи собачка, она меня знает... Ко мне, Турткуз, ко мне! Ах, негодная! А ведь какая тихая была!

Собака снова зарычала. Продолжая потирать колено, Мирза Бахрам обернулся.

— Я и сам знаю, что это собака Касымджана-байбачи. Потому и перепугался. Злющая псина, я уже с ней намучился. Правда, ее не Турткуз зовут, а Арслан. Поди сюда, Арслан, поди, песик!

Собака лениво оскалила зубы. Приятели перешли на другую сторону улицы.

— Скверный все же нрав у этой собаки,— сказал Мирза Бахрам, шагая рядом с поэтом.— А зовут ее Арслан, именно Арслан, я ведь часто бываю в этом доме, знаю.

Стараясь не обидеть Мирзу Бахрама, Тавхиди деликатно возразил:

— Нет, все-таки не Арслан, а Турткуз. Вы, может быть, и сами часто здесь бываете, но и я не чужой в этом доме и прекрасно помню, что собаку зовут Турткуз.

— Но я все же куда чаще бываю у Касымджана-байбачи,— вежливо возразил Мирза Бахрам, выказывая выдержку и учтивость.— А вообще... это совсем не важно: Арслан, Турткуз... Собака, и все... Лишь бы истина не пострадала.

— Но ведь когда я позвал ее: «Турткуз»,— она поехала ухом,— не менее учтиво заметил Тавхиди.

— Напротив, она зарычала. А вот когда я сказал: «Арслан»,— она пошевелила ушами.

— Это вам с испугу показалось.

— Нет, это вам показалось.

Приятели слегка повздорили. Дабы «не пострадала истина», они решили вернуться и испытать собаку. Ни на «Арслана», ни на «Турткуза» собака вначале не отзывалась. Но ведь надо же было приятелям доказать свою близость к Касымджану-байбаче. Наконец собаке, видимо, надоели их приставания, и она бросилась на литераторов. Тавхиди удалось удрать в соседний двор. Мирза Бахрам растерялся и просто сел на землю. К счастью, собака пронеслась мимо него. Потом она вернулась, подлезла в подворотню и скрылась.

Когда Тавхиди вышел из своего убежища, Мирза Бахрам сидел в пыли у арыка.

— Положим, с собаки спросить нечего,— поднимаясь, сказал Мирза Бахрам.— Но вы-то достойны удивления. Выяснять истину у собаки!

Некоторое время они шли молча. Потом Тавхиди спросил:

— А что вы, собственно, хотите этим сказать? Вы сравниваете меня с собакой?

Мирза Бахрам вовсе не ожидал такого оборота.

— Боже упаси! Если сказанное мной можно так понять, извините великодушно! Я просто думал... Не стоило возвращаться... Все равно собака не узнала.— И Мирза Бахрам, пытаясь рассеять неловкость, принялся рассказывать о чем-то забавном.

Говорить о близости к Касымджану-байбаче было уже неудобно. Поэтому они завели разговор о самом Касымджане, о его деловитости, о стремлении к прогрессу.

Тавхиди к месту вспомнил о стихах, которые байбача велел надписывать на пиалах, выпускаемых его заводом, и даже прочел особо понравившееся ему двустишие:

Чтоб достоинства сей чашы китайской описать,
Скажу лишь: сердце пьющего ей дано увеселять.

Мирза Бахрам в свою очередь рассказал историю написания рассказа о запретной пище. Оказывается, он недавно был с Касымджаном на принадлежащем тому кожевенном заводе. Один рабочий, очень бедный человек, сварил суп из лошадиной шкуры и накормил им детей. Многие смеялись над ним, а иные стали кричать: «Это хозяин во всем виноват!»

Мирза Бахрам обстоятельно объяснил рабочим, что ничего предосудительного в этом нет, шарнат разрешает беднякам употреблять в пищу шкуру животных, а придя домой, написал сей рассказ.

Размолвки между приятелями как не бывало. Непринужденно болтая, они направились в пивную.

1937

Товарищ Бакиджан Бакаев — преподаватель изящной словесности, как он себя именует, — войдя в хлев, ощутил крайнее раздражение: опять клещи в ушах у коровы! Но куда больше, чем клещи, рассердила его сама корова: не дает очистить уши. Трясет головой, фыркает...

— Скотина! Скотина, а не корова! — сказал он, хлопнув дверью хлева, и пошел по двору. Супруга Бакаева Мукаррам наливала в самовар воду.

— Скотина! — снова сказал Бакаев. Мукаррам покосилась. — Животина проклятая!.. Нужно продать эту корову, а на вырученные деньги купить свинью!

— В городе свиней держать нельзя, — сказала Мукаррам, накладывая в самовар уголь.

— Почему? Разве запрещено? Кто это сказал? Разве я это говорил? Ну, правильно, нельзя... Конечно, нельзя.

— Вы в дом зайдите, там Хамида пришла.

Шестнадцатилетняя Хамида, тоненькая, жизнерадостная девушка, увидев зятя, обрадованно вскрикнула:

— Ой! Вы, оказывается, дома! Знала бы — тетрадь принесла... ой, как жаль!

Настроение товарища Бакаева несколько прояснилось. Из мыслей его ушла прочь и корова со своими зелеными-презелеными клещами в ухе, и страшноватый призрак свиньи, которая с хрюканьем разрушает мордой берег рырка.

— Я слышал, ты из техникума на рабфак перешла, это правда? — спросил он. — Гм-м... Что ж, правильно

поступила. По-моему, это я тебе посоветовал на рабфаке идти? А? Гм-м... Уф-ф, опять изжога... На рабфаке хорошо... Я там как-то был. Там еще на двери канцелярии написано «Практикум». Да-да. Это неправильно! Практикум, максимум, минимум — это все латинские слова. Я, по крайней мере, так полагаю.

Хамида потупилась. Помолчали немного.

— Бакиджан-ака, — смущенно сказала девушка, — я вас, знаете, о чем хотела спросить — вот мы в классе читали «Спать хочется» Чехова и хотим устроить суд над девочкой, которая задушила ребенка... Потерпевшей, ну, матерью ребенка, будет Рахима, обвинителем — Шарифджан. И судьи будут! А я хочу потребовать оправдания этой девочки! Правда же, она не виновата, это все хозяева, которые ее так эксплуатировали! Она же сама маленькая! Вот.. Так я ее и написала. Правильно, как вы думаете? Чехов так ведь и хотел сказать?

Товарищ Бакаев подумал и спросил:

— Кто вам преподает изящную словесность? Хакимов? Глупый человек! Над собой не работает. Я ему говорю, что знак вопроса ставится после частицы «ли», а он, представь себе, смеется! Но деле даже не в этом...

Мукаррам вошла с самоваром. Хамида поспешно вскочила, взяла самовар и поставила его на стол. Она хотела было попенять зятю на то, что он позволяет беременной жене поднимать самовар, но застеснялась и промолчала. Товарищ Бакаев, оказывается, просто умирал от жажды — он тут же выпил одну за другой четыре пиалы и вспотел.

— Уф-ф, чай особенно хорошо идет после пельменей... — сказал он, вытирая пот. — О-о, опять борода выросла!.. Не будь на свете парикмахеров, люди давно уже превратились бы в обезьян. Вы знаете, как обезьяна стала человеком? Очень просто: облысела. Да, да, об этом у Энгельса сказано...

— Вы мне не ответили про девочку, Бакиджан-ака, — сказала Хамида. — Правильно я Чехова понимаю?

Товарищ Бакаев попросил еще чаю.

— Чехов? Гм-м... Видишь ли, говоря о буржуазном реализме, нужно... нужно сначала... гм-м... обратить внимание на его объект... То есть, нужно понять объективную действительность... гм... изображенную буржуазными реалистами... Гм-м, несомненно, Чехов... от начала до

конца... по сути своей, да, относится к раннему буржуазному реализму... Э, Мукаррам, ты положила подкладыш в куриное гнездо? Надо сейчас же положить, не то курица бродягой станет!.. Прости господи, да есть ли животное глупее курицы, а? Положишь подкладыш — несется! И почему она несется, если положить подкладыш? Или вот — почему петух на заре кричит? А? Кто это может понять? Интересная психология! Хамида, вы биологию изучаете?

Хамида неохотно рассказала, что они проходят по биологии, потом ей пришлось вкратце объяснить, что предстоит изучить до конца учебного года, и тут она свернула на свою речь в суде: в защиту девочки она приведет доводы из области биологии... Разговор вернулся к Чехову.

— Гм-м... — сказал Бакаев, — у меня есть свои мысли о Чехове. Пусть другие говорят, что хотят, но, по-моему, его мировоззрение... его мировоззрение отличается от мировоззрения Пушкина и Лермонтова. Да, да, отличается, хотя они писатели одной страны, одного класса, одной эпохи.

— Но Пушкин и Лермонтов не жили в одно время с Чеховым, — сказала Мукаррам, — у нас в библиотеке фотография висит, там Чехов снят с Горьким. Он, кажется, в девятьсот четвертом году умер?

Товарищ Бакаев почувствовал неловкость.

— Вы о каком Чехове говорите?.. Налей чаю!.. Об этом Чехове?.. Правильно, этот умер в первой половине девятьсот четвертого года. Дай мне другой платок, этот луком пахнет!.. Я говорю о том Чехове, который был представителем раннего гм-м... буржуазного реализма.

— «Спать хочется» какого Чехова? — спросила Хамида.

— Конечно, этого Чехова! Эта вещь была впервые напечатана в журнале «Современник»...

Тут товарищ Бакаев начал длиннейшую речь. Хамида, однако, потеряла нить на третьем слове. Какой-то знаменитый критик Дендинг писал какому-то писателю Шлеппингу: «Когда ты станешь нуждаться в помощнике, подрастет твой сын и станет тебе помощником». А драматург по имени Стендинг писал критику по имени Демпинг: «Если всех животных создал бог, где был его вкус,

когда он создавал барана?» Тут голова Хамиды отяжелела: она дважды тихонько зевнула, почти не раскрывая рта.

Было уже темно, когда, попрощавшись с сестрой и зятем, Хамида вышла на улицу. Она подумала, что мнения зятя о девочке из «Спать хочется» она так и не узнала. Она попыталась вспомнить, что он говорил, но в голове у нее загудело: практикум, максимум, минимум... Дендинг, Шлеппинг, Стендинг, Демпинг...

1937

Бывают же огорчения...

— Почему вы чешете мне голову?
— Я подумал, будто это — моя голова.

Анекдот

Однажды недурной собой молодой человек постучал в дверь. Ему открыла женщина с сединой в волосах.

— Входите, входите... Пожалуйста!

Человек вошел, в сердцах швырнул на диван портфель, тяжело вздохнул, трагически прижал руку к груди.

— Я должен либо умереть, либо убить! — воскликнул он.

— Неужто нет иного пути? — удивилась женщина.

— Иной путь — заложить в середину земного шара бомбу эдак в миллион тонн и взорвать! Не соблаговолите ли вы принести мне ппалу.

Он вынул из портфеля бутылку и, невзирая на предостережения женщины, залпом осушил две пиалы.

— Ответствуйте прямо: я ничего из себя? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Коль нужна красота, то ведь мне ее не занимать. И у такого, как я, жена пошла в баню с каким-то чужим мужчиной!.. Что мне прикажете делать?

— Когда пошла? — переспросила женщина. — Вы утверждаете, сегодня. Но ведь сегодня в шесть утра ваша жена вместе с моей невесткой улетела в Самарканд! Я сама их провожала.

Потребовались считанные минуты, дабы ревнивый молодой человек убедился, что его жена — вне подозрений, а разговор о бане — чистейшая клевета. (Если о клевете можно сказать «чистейшая».) От радости он поцеловал женщину в плечо, в голову и осушил еще пиалу.

Женщина тоже была рада, она избавила супругов от ссор и сцен. Пришелец еще раз приложился к пиале и потянулся поцеловать руку. Но женщина отстранилась.

— Выпили вы более чем достаточно, — твердо произнесла она.

— Нет, я буду пить и вы будете! Пейте!

Видя его назойливость, женщина вышла в соседнюю комнату. Гость последовал за ней. Из комнаты послышался женский голос:

— Не смейте! Уберите руки! Пустите меня! Убирайтесь вон!

Прекрасный молодой человек вернулся в столовую, придерживая пылающую щеку, взял портфель и, не прощаясь, удалился. Он был искренне раздосадован и всю дорогу думал: «Это мне урок... Нехорошо получилось. Эта ведьма может запросто все рассказать моей жене. Если и из этой беды я выберусь благополучно, никогда больше не дотронусь до женщин, знакомых с моей женой!..»

1937

Свадьба

Преполагалось свадьбы не устраивать — поставить перед четырьмя гостями блюдо с пловом и «объявить миру». И все. Но заведующий красной чайханой Сабирджан, узнав об этом, расшумелся и, несмотря на сопротивление жениха и невесты, затеял пир на весь мир. Он придавал свадьбе большое общественное значение.

И вот сейчас, как видите, двор не может вместить людей. Даже художественная самодеятельность из пошивочной артели прибыла.

Никто не знает, где жених. Невеста заперлась в комнате и не поддается ни на какие уговоры — только прокликает Сабирджана. Какая-то старуха отозвала Сабирджана в сторону:

— Это дело тебя не касалось! Что сделано, то сделано. Но зачем их обоих выводить на люди? Чтоб они стали посмешищем?

И без того раздраженный Сабирджан вспылил:

— Не жужжите, как малярийный комар! Что же, по вашему, люди сюда собрались, чтобы посмеяться над нами? А подарки?

— Стыдно же, сынок! С какими лицами они сядут здесь? Ведь возраст у них не тот.

— Ничего особенного! Значит, это вы спрятали жениха и внушили ему дурацкую мысль, что стыдно... И невеста вас послушалась, закрылась в комнате! Немедленно ведите сюда невесту!

— Смилуйтесь, сыночек! Браните меня сколько влезет. Но их не трогайте, не вгоняйте в стыд!

— Велю вам: идите! Не пойдете? Немедленно объявлю свадьбу собранием и поставлю вопрос о вас!..

— Какой вопрос? — не поняла старуха.

— Скажу, что вы срываете мероприятие, навязываете религиозные пережитки, и потребую призвать вас к порядку.

— Да разве это религиозные? Никто вам и не поверит, будто я — верующая. Все помнят, как я разъясняла насчет поста. Даже мужчинам разъясняла...

— Тогда.. тогда я скажу, что вы из зависти пытаетесь испортить чужую свадьбу. Думаете, боюсь? Да я ничего не боюсь!

— Что вы говорите!

— Товарищи! — зычно провозгласил Сабирджан. Все притихли, а старуха направилась к комнате невесты. — Товарищи! Поступило предложение, чтоб активный певец нашей махалли товарищ Шукурджанов спел песню «Наступили весенние дни». Кто против? Кто воздержался? Принято единогласно... Товарищ Шукурджанов, прошу вас.

Когда «Весенние дни» подходили к концу, старуха привела невесту. Закутавшись в платок, невеста неслышно прошла вдоль стены и села среди женщин. Потом старуха привела и жениха. Под громкие аплодисменты жених сел рядом с невестой. Невеста — тетушка Хадича — нагнула платок на глаза и опустила голову. Жених — Курбан-ата — положил руки на колени и замер, словно позируя фотографу. Время от времени он незаметно касался локтем невесты и тихо говорил ей:

— Держись прямо.

— Товарищи! — ораторствовал между тем Сабирджан, — разрешите еще раз открыть нашу славную красную свадьбу, приуроченную к бракосочетанию товарища Курбана-ата и тетушки Хадичи! Объявляя об открытии свадьбы, я вместе с тем хочу сказать, товарищи, несколько слов о том, кто такой Курбан-ата, кем он был и кем стал. Впрочем, об этом он сам доложит. Но если я, товарищи, хотя бы вкратце, не остановлюсь на его биографии, речь моя будет неполной.

Жизнь Курбана-ата не настолько богата событиями, чтоб оратор мог разгуляться. Юность жениха кончилась тем, что он решил: «На этом свете жизнь явно не удалась, надо хотя бы на том не попасть впросак». И в осу-

нствление этого намерения он посвятил себя службе ишану Саидахмадхану. Этот ишан, разговаривая с людьми, держался так, словно одновременно беседовал с господом богом, советуя богу, кому и где именно следует выделить местечко в раю. Когда ишан собрался в далекое путешествие и сказал Курбану-ата: «Идем», — тот даже не спросил: «Куда, зачем?» — безропотно последовал за ним.

Они приехали в незнакомую страну. Это был Афганистан. Курбан-ата и здесь служил ишану верой и правдой, но чувствовал, что силы уходят, и он подумал: «Наш пророк в шестьдесят три года сошел в могилу. Что же делаю я?» И обратился за советом к своему ишану. Тот ему ответил:

— Эти мысли вложил в твое сердце сам аллах!

Ему было безразлично, уйдет ли Курбан-ата под землю или будет ходить по ее поверхности. Ишан подумывал, как бы взять слугу помоложе.

Курбан-ата затосковал по земле, где родился и рос, по близким и знакомым. Он подумал: «Не допущу, чтобы мой прах покоился одиноко в чужой земле».

Когда этой своей мыслью он поделился с ишаном, тот ответил:

— Ее внушил тебе господь бог.

Ишан хотел отделаться от стареющего слуги. А Курбан-ата надумал остаток дней провести на родине.

Родственники обрадовались, увидев его живым, хоть и не вполне здоровым. Пасынок его давно умершей сестры — врач — настоял, чтобы Курбан-ата лег в больницу. В больнице он провел почти два месяца, пока не вылечил ноги и не окреп. После выписки доктор привел его в кружок безбожников и устроил садовником в детском саду имени Крупской. Там же работала тетушка Хадича.

Его отношения с тетушкой Хадичой, которые привели к сегодняшней свадьбе, начались с шутки. В прошлом году она, между делом, не желая его обидеть, бросила:

— Вы пришли поваром, когда плов уже готов. А мы нелегко добились этой жизни.

Произнеси эти слова кто-нибудь другой, они могли бы, конечно, задеть Курбана-ата. Но их сказала женщина, к которой он испытывал симпатию. Обида легко рассеялась, Курбан-ата ответил шуткой...

Курбан-ата и особенно тетушка Хадича всерьез забеспокоились, как бы вошедший во вкус оратор не коснулся деликатной темы. Но, похоже, оратор кончал свою речь.

— Вот так, товарищи,— витийствовал Сабирджан.— В прежние времена не только старики, молодые больше думали о смерти, чем о жизни. На сегодняшний день мы видим, товарищи, совсем другое. Курбан-ата в свои шестьдесят восемь лет строит семью — надежную ячейку нашего общества. Когда человек строит семью?.. Но об этом вас проинформирует сам Курбан-ата.

У Курбана-ата было такое ощущение, будто у него в груди что-то оборвалось. Он вытянул и без того длинную шею, сделал несколько судорожных глотков, замигал, оглянулся вокруг. Все ждали.

— Сабирджан, сынок,— произнес он тихо, вставая с места.— Вы спрашиваете, а я буду отвечать. Сам говорить я не мастер, не привык. Если говорить, то я могу рассказывать об ишанах, баях, об их лесских повадках. Вчера я слышал по радио такие слова: «Есть еще страны, где бедные строят богатым дома, чтобы заработать себе на саван». Те бедняки — несчастные и несознательные люди... Тысяча благодарностей нашему отцу Ленину. Это он избавил нас от страданий. Да здравствует наше время! Здоровья вам всем!..

Сабирджан под дружные аплодисменты и крики одобрения поднес жениху и невесте по бокалу шампанского. Они оба отважно приняли бокалы и одновременно подняли их.

Сабирджан дал знак начинать веселье. Ни жених, ни невеста на него теперь не сердились.

1939

Вы, может быть, знаете Джанфигана. Ну, тот самый, помните, все приставал к прохожим, просил посоветовать, о какую бы стену ему разбить голову. Он еще потом подпалил себе бороду и все ругал того, кто выдумал эти проклятые спички.

А вчера вечером слышим, у него во дворе плачет женщина.

Что бы это означало? Ведь известно, что Джанфиган давно уже не бил жену. Более того: известно, что однажды он даже высказался в чайхане следующим образом:

— Только подлец может бить женщину. Если у тебя руки чешутся, найди молодчика, который тоже не прочь подраться, и лупцуйте друг друга сколько влезет.

Войдя во двор к Джанфигану, мы увидели такую сцену: посреди двора пылает костер, а около него бегают плачущая Малохат-жена Джанфигана.

— Что случилось, Малохат? — спросили мы ее.

— Разве вы не видите? Облил керосином все мои вещи и поджег. За шесть лет хоть бы пару чулок купил! Все сама заработала. А он — вот спалил! В одном комбинезоне осталась...

Джанфиган крикнул, высунувшись в окно:

— Давай, давай рассказывай. Ты ведь всегда правду говоришь, это я вру.

Он выбежал из дома и с жаром заговорил — чувствовалось, что ему необходимо немедленно восстановить истину. Джанфиган жаловался на великую несправедливость, упоминал о какой-то статье уголовного кодекса,

рассказывал о святом, предостережавшем своего сына против женского коварства.

Оказывается, вчера вечером жена заявила ему, что жить с ним больше не желает, и потребовала развода.

Ссоры, как известно, бывают разные. Иногда они возникают из-за такой ерунды, что ни муж, ни жена не могут потом вспомнить, с чего же все началось. Понимая, что здесь именно тот случай, мы решили примирить супругов и не допустить, чтобы они, переступив порог загса, отправились в «отдел смерти и разводов». Мы попросили их подробно рассказать о причине ссоры. Из печальной истории, которую поведали нам супруги, другой на моем месте, наверное, сделал бы целый роман, я же расскажу только самое существенное.

Лет шесть тому назад Джанфиган был кучером в каком-то учреждении. Потом его выгнали: решил подработать «налево» и попался. После этого он заведовал овощным ларьком, но бросил и эту работу, слишком уж овощи дешевы: «Рубля не накопишь, а на копейке не разживешься».

Джанфиган устроился на завод, но и там ему не повзвилось — никаких доходов, кроме зарплаты. Чем только он ни занимался, уйдя с завода: и цветы продавал, и мясником был, и штукатуром, даже торговал на базаре дынями, разрезанными на куски,— все ему было не по душе.

Когда Джанфигана первый раз прогнали с работы, Малохат, несмотря на возражения мужа, устроилась в райсовет уборщицей. Вскоре она научилась грамоте, а через полтора года стала уже иногда говорить на собрании докладчику: «Товарищ, у меня к вам вопрос». Шофер райсовета Мария Тищенко была прямо в восторге от ловкости и понятливости Малохат. Как-то после работы она зазвала Малохат к себе домой и уговорила ее поступить на курсы шоферов.

Джанфиган неодобрительно отнесся к затее жены, но препятствовать ей не стал: «Пусть потешится, мечтать никому не запрещено». Окончив курсы, Малохат стала водить грузовик. Муж и тут не стал возражать: «Ну ездит и пусть ездит. Не она же в конце концов автомобиль выдумала». Малохат несколько раз получала премии, Джанфиган оставался равнодушным: «Тоже мне, деньги! Коня с верблюдом не купишь!»

Так шло до того памятного вечера, когда Джанфиган подпалил себе бороду и намеревался разmozжить голову о стену. В тот вечер он был в парке культуры и на Доске почета увидел огромный портрет своей жены. Джанфиган растерялся. Противоположные чувства боролись в нем: любовь и ненависть, зависть и страх. Придя домой, Джанфиган сначала расцеловал жену, потом начал скандалить. Это была их первая крупная ссора.

— Ну, а сейчас из-за чего вы поссорились? — спросил один из нас, когда мы выслушали этот невеселый рассказ.

— Да как же с ним не ссориться? — ответила Малохат. — Не одно, так другое... Ведь чего только не выдумает! Теперь, говорит, на тебя все смотреть будут. Влюбится еще какой-нибудь. У меня и в мыслях не было...

— Конечно, у тебя и в мыслях не было!

— А то было?

— Если бы у тебя не было никаких таких мыслей, за чем бы тебе зоб вырезать? А? Ну, скажи-ка вот при всех, скажи.

Действительно, у Малохат был раньше зоб с небольшою ппалу, и она прошлой весной вырезала его. Это послужило тогда причиной новой грандиозной ссоры, которая затянулась на целую неделю.

— А разве плохо, что я его вырезала? — смущенно спросила Малохат. — И как вам не стыдно так говорить? Все-таки я ваша жена.

— Да, да, а то для меня ты его вырезала! Еще чего! По мне ты и так хороша была!

— А зачем же вы тогда попрекали меня этим злосчастливым зобом? Сколько я из-за него слез пролила!

Джанфиган засмеялся.

— Попрекал... Бывало, конечно... Только чего же плакать...

Оказывается, после того как Джанфиган увидел жену на Доске почета, он решил, что теперь она его все равно бросит, и совсем перестал работать.

Малохат уговаривала мужа взяться за дело, несколько раз ссорилась с ним, плакала. Наконец Джанфиган решил взяться за ум и поступил на хлебозавод. Однако и там он продержался не больше месяца — прогнали за прогулы. Некоторое время ему удавалось скрывать это от жены, потом пришлось покаяться и дать слово работать честно. А третьего дня смотрит — опять он без дела шатается.

Малохат пошла к нему на работу, и ей рассказали там, какую штуку выкинул ее муженек. Он, оказывается, проработал недели две, надоело ему, и отправился Джанфиган в поликлинику за бюллетенем. А чтобы наверняка получить его, недолго думая, воды из кальяна напился. Доктор, не будь дурак, промыл ему желудок и говорит: «Ты что это? Ослеп? Табак есть вздумал!»

Дошло до начальства, пришлось уйти. Ну, конечно, дома опять скандал.

— А почему же вы все-таки так поступили? — спросили мы Джанфигана.

— Нечистый попутал, — ответил он, чертя палочкой по земле.

— Самп вы любого нечистого попутаете! Ведь надо же — воды из кальяна напился! — возмущенно сказала Малохат.

Помолчали. Джанфиган все чертил по земле. Наконец перестал, поднял голову и выпрямился.

— Вот мое слово. Разводиться я не хочу. Вручишь мне бумажку о разводе — пожалеешь. При свидетелях говорю тебе — намылю веревку...

Джанфиган зарыдал. Малохат, должно быть, никогда не видевшая мужа в таком состоянии, смутилась.

— Поймите, — мягко сказала она, — не зарплата ваша мне нужна, я хочу, чтобы вы работали, как все люди. Ведь соседям в глаза совестно смотреть!

Джанфиган стал уверять жену, что это в последний раз, что он возьмется за ум, и призывал нас поручиться за него. Мы выполнили его просьбу, но, прямо скажем, без особой уверенности. Были все основания опасаться, что придется краснеть перед этой женщиной.

Выйдя от супругов, мы зашли в чайхану. Немного погодя туда пришел Джанфиган и спросил нас:

— Ну, как думаете, успокоилась она или опять приставать будет?

Не успели мы ответить, как в чайхану заглянула Малохат. Джанфиган весь как-то съежился и пошел ей навстречу.

На следующее утро мы узнали ошеломляющую новость: Джанфиган не пустил к себе в дом приятелей-бездельников.

Г О Д Ы

Годы, увы, пролетели напрасно.
Из старинной песни

В автобусе Ходжимирсирож поспорил из-за места с женщиной, державшей на руках ребенка. В спор вмешался школьник и все испортил. Мальчишка — экая дрянь! — сказал ему, что он не прав, и слова эти колом вошли Ходжимирсирожу в грудь. А постреленок еще и прибавил: мол, чего вы на меня уставились?

Ходжимирсирож постоял-постоял, молча глотая обиду, но когда мальчишка сходил с автобуса, протянул руку, схватил его за ухо и сжал, сжал изо всех сил! Мальчик, видимо, испугался, что ему оторвали ухо, схватился рукой — нет, ухо на месте. Он сошел с автобуса и, держась за пылающее ухо, бросил Ходжимирсирожу самое тяжкое оскорбление, какое только знал: «Невоспитанный!»

Довольный, что наказал мальчишку и что тот не нашелся ответить как-нибудь похлеще, Ходжимирсирож откинулся на спинку сиденья и огляделся: тут ему показалось, что пассажиры, особенно мужчина с книгой, сидящий позади водителя, еле сдерживают смех. «Этот сопляк, кажется, осрамил меня,— мелькнуло в голове Ходжимирсирожа.— Вон тот, с книгой, того гляди рассмеется: не сейчас, так потом, дома, будет смеяться со всей семьей. Эх, не оборвал я ухо этому собачьему сыну!» И Ходжимирсирож торопливо сошел с автобуса и поспешил за мальчишкой. Тот шел, держась за ухо. Оглянувшись, он заметил Ходжимирсирожа, ускорил шаг и скрылся в дверях двухэтажного дома на углу улицы. Ходжимирсирож решил, что мальчишка забежал туда, чтобы спрятаться от него, и долго поджидал его у дверей. Зашло солнце, а

мальчишка все не показывался. Ходжимирсирож отворил дверь, тихонько вошел. Внизу никого не оказалось, и он стал подниматься на цыпочках на второй этаж. Вдруг кто-то зажег свет на площадке лестницы. Ходжимирсирож вздрогнул и поднял голову. Там стоял Арзикул, его старый знакомый. Ходжимирсирож слышал, что Арзикул работает где-то сторожем, но где именно — не знал.

— Вы — Арзикул! Что вы тут делаете? Живете здесь?

— Да, живу, — ответил Арзикул, продевая руку в рукав халата. — Сыну здесь дали квартиру. А вы что тут делаете?

Ходжимирсирож оторопел. Говорили, правда, что сын Арзикула человек стоящий и «один управляет тридцатью двумя машинами», но Ходжимирсирож никак не мог подумать, что он живет в таком доме.

— Вот как... — растерянно пробормотал Ходжимирсирож. — Здесь, стало быть, живет ваш сын, как же, слышал, что вы квартиру получили... Слава богу... А я проходил мимо, дай думаю загляну и поздравлю с новосельем.

— И хорошо сделали, почтенный Ходжимирсирож. Прошу, заходите... Нет, нет, галоши снимете там, в коридоре... Очень кстати пришли. Я и сам хотел пригласить вас посидеть, поговорить часок-другой.

Не ради любезности говорил такие слова гостю Арзикул, он и в самом деле думал пригласить к себе Ходжимирсирожа. Но не беседы рады, а показать, как он теперь живет. Не то что бы похвалиться своей квартирой и обстановкой, ведь добром хвастает тот, кто ставит его выше своей чести. Арзикул хотел лишь показать Ходжимирсирожу, как изменилась жизнь тех обездоленных людей, которым в прежние времена говорили: «Если хромой станет жаловаться на хромоту, а бедняк на бедность, их бог проклянет», — показать, чего они добились своей борьбой. Арзикул вовсе не собирался упрекать Ходжимирсирожа, ведь это значило бы поминать свои обиды. К чему обижаться на Ходжимирсирожа? Не за то ли, что, работая на заводе Ходжимирсирожа, Арзикул никогда не бывал сыт, но и с голоду не помер; что хозяин считал его рабочей скотиной, что, когда Арзикула придавило кпнами хлопка, поломало ему ребра, его выхаживали жители квартала? Разве мог Ходжимирсирож, владелец завода, поступать иначе? Зато теперь Ходжимирсирож может покаяться: мол, не стоило

бы так поступать. И он, конечно, так и сделает, смягчит «покаянием» сердце собеседника, а тот угостит его хотя бы пиалой чая.

Арзикул провел Ходжимирсирожа в конец коридора, к своей комнате. Они вошли. Все, кроме какого-то мешочка, висевшего на ручке балконной двери, показалось Ходжимирсирожу фальшивым; он подозрительно оглядел каждую вещь, потрогал стены, даже постукал по ним пальцами.

В комнату вошла Таджихон, невестка Арзикула. Она поздоровалась с гостем и пригласила его в другую комнату. Арзикул провел Ходжимирсирожа в комнату-столовую. За столом сидел Мурад, сын Арзикула, и рассматривал карту.

— Ты, сынок, уже вернулся, — промолвил Арзикул. — Вот к нам пожаловал почтенный Ходжимирсирож.

Мурад встал, учтиво поздоровался и предложил гостю сесть.

— Добро пожаловать, уважаемый Ходжимирсирож. Что-то вы совсем пропали...

— Спасибо, сынок, спасибо, — ответил гость, осторожно усаживаясь на стул. — Дай бог вам долгой жизни. Я давно радуюсь вашим успехам. Вот каков должен быть сын, отец на такого не нарадуется. Очень рад. Да... А ковер этот... сколько стоит?

— Не помню. Давно купили.

— На той неделе на базар привезли один ковер, всем коврам ковер. Я помог сыну Кадырали купить его за тысячу триста рублей. Кто понимает толк в коврах, без разговора даст за него две тысячи. Если вам понадобится ковер или что другое, вы скажите мне. Так... Живите себе в удовольствие, сынок, живите... Теперь Арзикул может спокойно себе полеживать на боку и не работать. Мы в прежнее время столько добра имели и то не могли позволить себе такое. Вы, Арзикул, теперь небось не работаете?

— Почему же? Сторожом работаю в сорок четвертой школе. Не могу не работать... потому — не привык.

— Вот это плохо! Не годится! Неблагодарный вы отец...

— Пусть так, да не привык я жить без работы.

Мурад рассмеялся.

— Вот видите, не привык. А я не могу лишать его права на труд.

Таджихон накрыла на стол. За едой Ходжимирсирож, не давая никому рта раскрыть, стал поносить прошлое. Он, дескать, хоть и был заводчиком, а его тоже угнетали. Вот уездный управитель пообещал Ходжимирсирожу провести его брата в тысяцкие, взял у него три тысячи двадцать семь рублей, а на выборах прошел на эту должность перекупщик котлов Исамиддин. Таджихон рассмеялась.

— Какие же это выборы? — спросила она мужа.

— Мне-то откуда знать. Расскажите, отец...

— Слышал я, что тысяцкого выбирали, но сам не видел, как оно было, — помолчав, ответил Арзикул. — А какие это были выборы — наш дорогой гость рассказывает... экий мошенник уездный управитель, вон как надул!

Смех Таджихон, пронический тон Арзикула не понравились Ходжимирсирожу. Ковыряясь ножом в мясе, он решил перевести разговор на другое, попытался польстить хозяевам.

— Вот, сынок, вы все говорите о стахановцах, — сказал Ходжимирсирож, отделяя мясо от косточки. — Я сперва многое не понимал в новой жизни, да вот стал разбираться. Однако ж работа стахановцев для меня и сейчас вещь непонятная. В прежние времена, как известно, один человек мог собрать за день самое большее три с половиной пуда хлопка, а теперь вроде собирает по сто двадцать пять пудов. Вот и вы, говорят, один управляетесь с тридцатью двумя машинами.

Мурад улыбнулся и взглянул на жену.

— Расскажите, Таджихон, почему нынешние люди вершат такие дела. Уважаемый Ходжимирсирож никак в толк не возьмет. Вы ведь тоже стахановка.

Таджихон не успела ответить, кто-то постучал в дверь, и она вышла. Мурад помолчал, упрекая себя, что обидел жену, и ответил:

— Стахановское движение, уважаемый Ходжимирсирож... это — знаете... есть пословица: «Не на себя работать — и в знойный день руки стынут». В том-то и дело, что тридцать две машины, на которых я работаю, и все, что они производят, — не чужое. Это во-первых. Во-вторых...

Из коридора донесся звонкий голос. Мальчик о чем-то весело рассказывал матери. Оказывается, это пришел сын Мурада Ульмас.

Улыбаясь, он торопливо вошел в комнату, спешил, видимо, поделиться своей радостью и с отцом. Вошел и...

остолбенел: в комнате сидел тот человек, тот самый, что показал себя таким невоспитанным в автобусе! Ульмас невольно схватился за ухо и медленно повернулся, чтобы пройти в спальню, но отец остановил его:

— Ну, товарищ командир, что вы смотрели в кино?

Узнав мальчика, оторопел и Ходжимирсирож. «Ох, поганец, сейчас пожалуется, — подумал он. — Если что — скажу, лез, мол, ко мне в карман».

— Товарищ командир хочет стать танкистом, — улыбнулась Таджихон. — Он раздумал быть летчиком... Ульмас, почему ты не поздоровался с гостем?

Мальчик протянул руку Ходжимирсирожу. Тот пожал Ульмасу руку и встал.

— Мне пора, а то уже поздно.

Зря опасался Ходжимирсирож, что мальчик пожалуется родителям и сконфузит его: Ульмас не любил ябедничать. Арзикул проводил гостя до нижней площадки лестницы. Ходжимирсирож перешел на ту сторону улицы, медленно брел и думал: «Машины и товары, которые производят эти машины, принадлежат тебе... Танкист... да, танк тоже твой... Эх, прошли годы, прошли. Все вверх дном перевернулось в жизни за эти годы».

1939

Этакий упрямец

Однажды приятель-охотник подарил Кутбиддинову двух фазанов.

Когда фазаны были ощипаны и посолены, когда Кутбиддинов представил себе их на столе, он понял, что еда ему будет не в радость, если рядом не окажется приятного собеседника, с которым можно отвести душу. А собеседник такой жил по соседству. Он уже месяц хранил бутылку вина на случай, коль придется зашить печенку, приготовленную на курдючном сале. Услышав о жирных фазанах, Заргаров понял, что решение можно изменить: «Когда зарежем барана, то и вино найдем».

Традиционные беседы друзей-соседей обычно ограничивались двумя темами. Первая из них касалась грандиозного будущего, которое ждет наш город. Вторая носила недоуменно-риторический характер: почему это в последнее время наука перестала заниматься проблемой омоложения?

Сразу же после обеда сын Кутбиддинова Суяр отправился во дворец пионеров. Часовая стрелка незаметно приблизилась к шести, а его все нет. Потому ли что Кутбиддинов был этим несколько обеспокоен или по какой-то другой причине, но на этот раз обычные темы не получили своего развития. Перспективы города были едва намечены, наука, пасующая перед серьезной проблемой, подверглась лишь поверхностной критике. Беседа зашла о воспитании молодого поколения: у Заргарова тоже есть сын, и приятели обладали достаточным запасом наблюдений. Оба отца с похвалой отозвались о современной си-

стеме воспитания. Заргаров произнес длинную речь, завершив ее словами: «Получи я в детстве такое воспитание и такое образование, то сейчас я бы занимался животноводством на Луэ».

— И я, и я! — подхватил Кутбиддинов, — обладал бы великой мудростью... Но, друг мой... Ну-ка, выпьем!.. Но, друг мой, даже самое дурное имеет свое «однако» и самое хорошее — свое «но». Нынешнее воспитание — куда как превосходно. Только разве у него нет минусов? Есть, увы, есть! Не сомневайся. Возьмем, к слову, обучение детей в шахматы... Детский мозг — это... Как бы сказать... На нашем финансовом языке: отдельный параграф. Вот именно, отдельный параграф!

— Лучше не скажешь! Параграф — да и только... Я это тоже имел в виду... Э-э, что это вы не допили? Так не пойдет.

Оба критика были чрезвычайно довольны совпадением мнений. Беседа принимала все более оживленный характер. Обнаружилось, что воспитание, оно, конечно, неплохое. Но вот вопрос: к чему это надо учить детей играть в шахматы?

Кутбиддинов снова наполнил рюмки и продолжал, задумчиво почесывая в плечо заросший подбородок:

— Шахматы потому еще вредны, что, если играешь с каким-нибудь шулером, начинаешь нервничать... А от этого всегда вред здоровью. Вот я как-то играл однажды с Бабаджановым — не помню, в каком году. Он нечестным путем забрал моего короля. Я ему говорю: верни короля, я тебе взамен дам другую фигуру. А он уперся и ни в какую, положил моего короля в карман. Я так рассвирепел, что продолжал играть без короля. И победил! С того времени больше в шахматы — ни-ни! Зачем это нужно? Ну, я его обставил или он меня, что изменится?

— Кто бы кого не обставил, обстановка в комнате не изменится!

Прятели дружно рассмеялись.

Был девятый час, когда, наконец, появился Суяр. Он торопливо вошел в комнату, но заметив отца и соседа, ступешался.

Однако Заргаров его уже заметил:

— Э-э, молодой человек, подойди-ка сюда! О-о, молодец! Ну, ответь нам прямо: кого больше любишь — папу или маму? Или обоих?

Кутбиддинов почувствовал прилив отцовской нежности — он поцеловал Суяра в лоб, привлек к себе.

— Не правда ли, отца?.. Наш парень что надо: ни с кем не дерется, не курит, не сквернословит, любит папу и маму, в шахматы — ни-ни...

Суяр прервал отца:

— Сегодня я выиграл у нашего инструктора!

— Только этого не хватало! — раздосадованно воскликнул Кутбиддинов. — Разве я не велел тебе прекратить играть в шахматы! Смотри, у тебя из носа течет, — значит, мозги разжижаются!

Расстроившись, Суяр пытался объяснить отцу:

— Это не от шахмат. Вчера вы заставили меня искать в арыке ваши очки... Я простыл и получил насморок...

— Неужели оттого, что человек ищет отцовы очки, у него начинает течь из носа? Черте что! Ступай, учи уроки!

Суяр вышел с испорченным настроением. И Кутбиддинов расстроился из-за непослухания сына: сколько раз он запрещал сыну играть в шахматы, а тот играет, да еще выигрывает! Хвастает перед гостем...

Заргаров, желая успокоить страдающего отца, заговорил о других детях, которые не очень хорошо себя ведут, нарушают отцовские запреты. Суяр, конечно, не такой, он послушный мальчик, потому нетрудно будет исправить отдельные его недостатки.

— Мой сын не в пример хуже. Я ему вдалбливаю: будь горным инженером, а он свое: я буду учителем! Надо же... Вот сукин сын. Будто я глупее его!

Приятель согласился: самый крупный недостаток современной молодежи в том, что дети смеют возражать отцам, не всегда следуют их советам. Они даже сочли себя виновными в том, что ежедневно, ежечасно не боролись с этим недостатком, не мобилизовали против него общественность.

— Я намереваюсь написать статью по этому поводу, — признался Заргаров. — Только боюсь, не сумею складно выразиться. А написать кое-как, идти к кому-то за помощью — это увольте, это не по мне. Сказать правду, в свои пятьдесят шесть лет я не вижу никого, кто мог бы учить меня уму-разуму. Теперь нам уже пора учить других. Не так ли?

— Святые слова! Я, правда, тоже не могу сочинить статью. Чего нет, того нет. Но наши дети не будут такими. Они должны овладевать литературным слогом. А литературе их плохо учат. Из рук вон плохо. Я попробовал экзаменовать вашего сына. Маловато в нем проку! Даже не различает двух великих писателей Салтыкова и Щедрина! Считает, что это — один человек. Вот умора. Я все хотел вам рассказать, да забывал...

Заргаров удивился:

— Неужели мой так сказал? У него ведь по всем предметам отлично. По литературе тоже.

— Небось вы хорошо знакомы с учителем литературы.

— Э-э, Салтыков и еще кого вы назвали? Щедрин, что ли? Если он этого не знает, я ему уши надеру!

— Не знает, поверьте мне, не знает. Твердит, будто оба — один человек!

Кутбиддинов рассмеялся. Этот неуместный смех стал раздражать Заргарова. У него вырвались слова такого примерно содержания: «Если мой сын не знает, то твой тем более». Но Кутбиддинов верил в своего сына и готов был доказать обоснованность этой веры.

— Суяр, эй, Суяр! — крикнул он. — Ты уже лег? Ну ничего, ляжешь еще раз. Помогн-ка нам выяснить, кто более великий писатель — Салтыков или Щедрин?

Суяр удивленно смотрел то на отца, то на Заргарова.

— Нет, неправильно поставлен вопрос, — решил уточнить Заргаров. — Кто умер раньше — Салтыков или Щедрин?

— Так это же один человек! — недоуменно воскликнул Суяр. Он не мог взять в толк, чего от него хотят.

Заргаров победно расхохотался, радостно захлопал в ладоши. Кутбиддинов возмущенно повысил голос:

— Один человек? Кто тебе сказал такую глупость?

— Об этом в книге написано.

— В книге, в книге, — передразнил Кутбиддинов. — Больше играй в шахматы и не такое в книгах вычитаешь! Паршивец!

Кутбиддинов долго ругал несчастного парня. До тех пор, пока Суяр не заплакал.

— Не настаивай, Суяр, — снисходительно посоветовал Заргаров. — Раз тебе отец что-то говорит, значит, он прав. Ты отвечай: «Хорошо, спасибо». И все.

— А если папа говорит неверно?

Прятели посмотрели друг на друга и почувствовали полное единство точек зрения: «Разве можно допустить, чтоб ребенок рос таким упрямецем?» Кутбиддинов вознамерился завтра же идти к Суяру в школу и поднять настоящий скандал. Заргаров советовал также пойти во дворец пионеров и там тоже устроить принципиальный скандал.

Через несколько минут в комнату робко вошел Суяр с толстой книгой в руках.

— Вот,— отсутствующим тоном сказал он, показывая на портрет.— Тут написано: Салтыков-Щедрин.

Кутбиддинов вконец разгневался: этакий упрямец, он еще хочет доказать свою правоту. Но взял себя в руки — все-таки рядом гость.

Заргаров недоверчиво прочитал подпись под портретом и пожал плечами с таким видом, будто увидел крылатого верблюда. Он осторожно подвинул книгу Кутбиддинову. Кутбиддинов мрачно уставился на портрет и подпись. Снимая очки, он медленно произнес, ни к кому не адресуясь:

— Гм, Салтыков тирэ Щедрин! Бывает же такое... Тогда, оказывается, писатели отпускали бороду...

Воцарилось молчание. Суяр им воспользовался, чтобы уйти.

Здесь и сказу конец. Его можно было бы продолжить, поведав о мести Суяра. Но мести не последовало. Этот упрямец Суяр от нее отказался.

1939.

Д р у ж к и

Гремит оркестр. Сбились с ног официантки. За столом в углу за мощными рядами пивных бутылок укрылись два друга. Они сегодня гуляют. Один широким жестом разлил по стаканам пиво, со стуком поставил бутылку, огляделся вокруг, всем своим видом говоря: «Вот каков я!» — и горячо продолжил давно начатый разговор:

— На этом свете человеческому созданию ничего не нужно. Ни денег, ни барахла... Все найдется, коль у тебя имеется верный друг! Не имей сто рублей... Все найдется... Ну-ка, выпьем, пока не нагрелось пиво! Вытри бороду, дорогой Туляган!

Нагнувшись, Туляган краем скатерти вытер бороду и, вытянув шею, натужно рыгнул, будто поперхнувшийся петух. Потом, скривившись, точно он пил не пиво, а уксус, сказал:

— Не неволь, Абдуманноф, пошевельнись — разольюсь. До краев налился... Вот ведь пиво, чтоб ему высохнуть! Полно воды... Хорошо бы отжать воду и лакать чистое пиво!..

— Сейчас, мой верный друг, минуточку терпения, — успокоил его Абдуманноф и кивнул официантке. На столе появился графин с водкой.

— Вот так-то, дорогой товарищ, и среди друзей бывают разные. Бывают просто друзья, а бывают такие, что свою душу гвоздями прибивают к твоей.

— Такой друг один из тысячи! Из миллиона!

— Спасибо, милый... Ты же знаешь, каков я был в двадцать седьмом, двадцать восьмом, до двадцать девятого..

В старом городе — огромная столовая, на Пьян-базаре — вполне приличная лавка... Торгуй — не хочу. Что ни день, пирушка, попойка... Сегодня те друзья-приятели, как встретят на улице, нос воротят. Это ли дружба? В прошлом году на праздники один прежний приятель стукнул на меня: «Пойдите к нему домой, найдете двести метров бархата». Представляешь, испоганили все праздники...

Густо пересыпая речь ругательствами, Туляган рассказывал, как он страдал по вине своих друзей, как обижен на них, особенно на одного. Тот вызвался загнать шестьдесят метров бархата и тринадцать с половиной килограммов чая и обсчитал Тулягана — ни много ни мало — на пятьсот двадцать восемь рублей. Оказывается, и у Абдуманнофа произошел аналогичный случай. Один из приятелей провел его, сказав, что когда он обдeldывал дельце, двадцать пар туфель попали в руки милиции. Тулягану тут же вспомнились происшествия с олифой и вентиляторами, Абдуманнофу — с черным перцем и цементом... Списку не было, видно, конца. Вывод напрашивался сам собой: нет в мире людей, чище этих двух, нет вернее их дружбы.

— Дай я тебя поцелую! — воскликнул Абдуманноф. — Дорогой ты мой! Я стал теперь без ошибок определять друзей. Ты всегда умел распознавать. А теперь и я научился. Вот идет твой друг Шоабдуфаттах Ходжаев. Сразу видно: настоящий мужчина! Я это знаю, хоть и не разговаривал с ним, вижу по походке!

— Легок на помине, — криво усмехнулся Туляган.

Абдуманноф вскочил с места. Шоабдуфаттах Ходжаев с тремя приятелями стоял посреди зала и смотрел по сторонам в поисках свободного места.

— Мой дорогой Туляган, — сказал Абдуманноф, не сводя глаз с «настоящего мужчины», — позови его, приведи к нашему столу.

— Зачем он тебе?

— Если ты мне верный товарищ, то послушаешься, исполнишь мою просьбу. Иди!

Шоабдуфаттах Ходжаев куда-то отправил одного из своих спутников, а с двумя остальными подсел к столу. Как выяснилось, они пришли не вышивать и закусывать, а искать нужного человека. Абдуманноф, однако, надумал всех на славу угостить.

Шоабдуфаттах Ходжаев так и не развеялся, да и другие, против ожидания, не веселились. Абдуманноф удивленно посмотрел на Тулягана. Туляган ответил тихо и невразумительно. Часа через два вернулся уходивший куда-то человек, что-то шепнул на ухо Шоабдуфаттаху Ходжаеву. Тот сразу поднялся, поднялись и его спутники.

— Уважаемый товарищ Шоабдуфаттах Ходжаев,— прочувствованно произнес Абдуманноф, почтительно сложив руки,— эта наша встреча не в счет. У вас срочные дела, и я не смог вас достойно принять. Двери моего дома всегда распахнуты перед вами...

— Как-нибудь свидимся,— неопределенно пообещал Шоабдуфаттах Ходжаев.— Будьте здоровы...

Абдуманноф проводил их.

— Настоящий мужчина! — повторил он, садясь на место.— Только что-то не в духе.

— Будешь не в духе, когда дело попало прокурору.

— Какое еще дело?

— При ревизии что-то обнаружилось... Разве может при ревизии в магазине что-нибудь не обнаружиться?

— Надеюсь, он еще директор?

— Месяц, как освобожден. Неужто не знал? Похоже, посадят...

Абдуманноф сплюнул на пол. Воцарилась тишина. Официантка принесла счет.

— Почему ты не предупредил? — возмущился Абдуманноф, просматривая счет.— Гм, двести тридцать один рубль семьдесят копеек!

— Думал, ты сам знаешь.

— Думал, думал,— передразнил Абдуманноф,— много думаешь. Гонимые денежки! Клади сто пятнадцать рублей восемьдесят копеек... Счет дружбы не портит.

— Вот еще! Я сам считал свои расходы. С меня двадцать шесть рублей сорок копеек. Держи...

— Шутить дома будешь, а здесь гони монету!

— Я и не шучу. Был бы ты человеком, то и эти двадцать шесть рублей не взял — ты ведь сам меня пригласил. Что ж, мне теперь и за Шоабдуфаттахом Ходжаевым платить прикажешь? Ты его звал, ты все заказывал... Раскошеливайся, может, он когда-нибудь еще станет директором...

Обидные слова цеплялись друг за друга. Потом на переносицу Тулягана опустился кулак, потом перевернулся

стол. Потом их попытался развести официант, но отскочил, придерживая щеку. Оркестр умолк. Посетители сгруппировались возле сцепившихся на полу дружков.

Когда их наконец вывели, ресторан продолжал свою жизнь. Причина ссоры передавалась из уст в уста. У одних она вызывала смех, у других — чувство брезгливости. Но и те и другие вскоре о ней забыли. Лишь один сухонький старичок, свидетель этой сцены, продолжая свой одинокий ужин, бормотал себе под нос:

— Нет, меня нисколько не удивляет его попытка подмаслить директора магазина. Удивительно другое — откровенность, с которой они на людях бахвалятся своими спекулянтскими операциями. Они крепко уверены в собственной безнаказанности. Впрочем, и тут не приходится удивляться, их судят, точно малых детишек бранят за шалости. Вот они и разгуливают, как ни в чем не бывало...

Старик продолжал бормотать что-то, но я не расслышал его слов.

1939.

Диспут на том свете

(Рассказ не для верующих)

Мастер Турдыали раньше был с богом на короткой ноге, но после смерти трехлетней дочки, их отношения осложнились. Многое можно забыть, страдания и обиды постепенно уходят из сердца, но скорбь по ребенку, умершему в три с половиной года... Мастер Турдыали почувствовал необходимость облегчить душу и обратился к всевышнему:

— Направь меня в какой угодно отдел ада, но даже когда будут жечь огнем мои глаза, я не устану повторять: все твои свершения сплошная дурь!

Он действительно замечал, что господь бог не так уж редко глупит: сотворил человека, а вместе с ним — тысячи всевозможных болезней; выращивает для людей различные растения, а их то сожрет саранча, то побьет ливень, то поразит тля... Где же логика?

Подобные разговорчики, разумеется, не нравились богу. О его гневе говорил тот факт, что едва мастера Турдыали, отдавшего богу душу, положили в могилу — даже землей не успели засыпать, — а уже тут как тут мункар-накир.

Поскольку мастер, еще пребывая в бренном мире, приготовился страдать за правду в могиле и в аду, он не особенно струсил.

— Кто таков? Какой веры? — набросился на мастера мункар-накир.

— Я — мастер Турдыали. Изготавливаю арбы в колхозе...

— Почему не совершал намаза, не соблюдал поста?
— Откуда это тебе известно?
— Для того я и мункар-накир, чтобы знать.
— Врешь ты все. Мое имя ты узнал от меня же. Тебе известно только то, что тебе говорят.

Мункар-накир опешил от подобной дерзости. Не придумав ничего лучшего, он опустил дубину на голову мастера. От удара Турдыали развалился на мелкие кусочки и собрался воедино через несколько тысяч земных лет.

— Если я чего-нибудь не знаю, знает бог! — как ни в чем не бывало продолжал мункар-накир.

— Раз так сказал бог, то он брешет!

Мункар-накир снова занес дубину.

— Как ты смеешь именовать господа бога — лжецом?

— Устрой мне с ним очную ставку. Пусть он сам посмеет бросить мне обвинения!

По летосчислению нетленного мира, мункар-накир был следователем с солидным стажем, он давно вел допросы покойников. Но с таким встретился впервые. Поэтому решил снова прибегнуть к палице. Когда мастер опять распался на мелкие кусочки и через несколько тысячелетий пришел в себя, он увидел, что вместе с мункар-накиром и прочими ангелами плывет в тумане, словно рыба в реке. Еще через тысячу земных лет они причалили к престолу всевышнего. Престолом оказался дворец, сооруженный из густого синего тумана. Не только стены, но и лестница, и дверь, и даже цепочка на двери были из синего тумана. Мункар-накир сдал мастера Турдыали с рук на руки двум ангелам, дежурившим у ворот престола, а сам удалился.

Мастер немного струхнул и решил войти к господу богу, совершив омовение. Он попросил у ангелов воды. Но ангелы недоуменно пожимали плечами: они не понимали по-узбекски. Тогда мастер попытался объяснитьсь знаками. Но тут пришел мункар-накир и приказал следовать за ним.

Внутренние покои тоже были из тумана. Продвигаясь сквозь туман, они куда-то вошли. Мункар-накир торжественно остановился. Перед ними был занавес, который не известно где начинался и где кончался. Мастер подумал: «Это и есть так называемая «тайная завеса»». Он не ошибся. Не прошло и пяти минут—если считать по-земному,— из-за занавеса послышался голос, напоминающий звук сурная.

— Та-а-к, та-а-к, интересно знать, почему ты меня обозвал лжецом?

То был голос бога. Мастер Турдыали вздрогнул. Но взял себя в руки.

— У меня тоже есть к тебе вопрос,— сказал он, сохраняя самообладание,— почему тебе нужно, чтобы я возносил молитвы?

— Это не мне. Порядок такой. Хочешь попасть в рай, молись.

— Коль не тебе, а мне, выходит, молитва — личное дело каждого. Кто хочет в рай, пусть и молится. Но зачем же пугать людей, зачем ты сотворил ад?

Бог призадумался и не сразу нашелся:

— Ну, для тех, кто прелюбодействовал, крал чужое и так далее.

— Выходит, не молиться — это еще не значит грешить? Ты не отказываешься от своих слов? Хорошо. А теперь объясни мне: те, кто совершают намаз, попадают в рай, те кто развратничают — в ад, а куда тем, кто, как я, ни делал ни того, ни другого?

Бог явно растерялся. Так не принято было ставить вопрос. Ему на помощь поспешил мункар-накир:

— Не молиться — вообще-то не грех. Но люди, которые не молятся, невольно поддаются дьявольскому соблазну. Потому и числятся грешниками.

Когда бог, величественно кивнув, подтвердил эти слова, Турдыали вконец рассвирепел:

— Как же прикажешь тебя понимать? Дьявола-то разве я создал? Ты сам его сотворил! И вообще, какой бы твой раб не согрешил, ты соучастник, ибо в ниспосланной тобою книге сказано: «Ничто не происходит помимо моей воли».

На сей раз даже пронырливый мункар-накир, несмотря на свой опыт следовательской работы, не нашелся. Он перешел на крик.

— Я тебя сюда отконвоировал, чтобы допросить, а ты сам устраиваешь допрос господу богу! Ты скажи лучше, почему, когда я вел допрос в могиле, ты обозвал бога... Короче говоря, нехорошо обозвал. И почему все-таки на земле не молился?

Бог, вспомнив, что он — всемилостивейший, решил быть снисходительным:

— Я все понимаю, я вхожу в твое положение. И поче-

му ты не творил молитвы, мне ведомо. Однако порядок — есть порядок, у всех спрашивают... Некрасиво получается: все люди, как люди, отвечают и ладно, а ты — что, умнее всех?

Видя, что бог снизил тон, мастер Турдыали тоже смягчился:

— Ты мне напоминаешь нашего колхозного секретаря Мукима. Заполняя анкету, он всякий раз не забывает спросить: «Вы мужчина или женщина?» Когда я говорю: «Ты что, слепой?» — он отвечает: «Что поделаешь, анкета требует...» Нет, я считаю, что ты ведешь себя несолидно и и на том свете, на земле, и здесь, в загробном царстве. Лучше закрой свою лавочку, — пусть твои слуги найдут себе работу по душе и запишутся делом — на земле, слава богу, дел хватает. Подумай сам, — когда все время, уходящее на молитвы, будет тратиться на труд ради ближних и себе подобным, когда любовь, которую отдают тебе, обратят друг на друга, когда лишения, которым подвергаются во имя тебя, будут приноситься ради высоких земных целей, то сама земля уподобится раю. Ты сам станешь молиться людям, чтобы попасть в тот рай... Когда я угодил сюда, люди как раз намеревались идти этим путем. Сейчас они совершают такие дела, что если б кто-нибудь из твоих пророков совершил тысячную долю этого, ты бы впрямь объявил себя богом.

Мункар-накиру ничего не оставалось как ретироваться. Бог молчал. Мастер Турдыали хотел развить свою мысль. Но на его голову откуда-то сверху опустилась дубина. Он снова рассыпался на кусочки. Когда, спустя некоторое время, он пришел в себя, то увидел, что покоится в могиле. Над ним стоял мункар-накир с занесенной дубиной.

— Повторяю, отвечай, почему на том свете не творил молитву?

Мастер Турдыали поглядел на него, громко расхохотался и проснулся от собственного хохота.

1940

Эй, Асроркул,
не знающий ни себя,
ни своего места...
Мухи

Редактор отпил глоток только что принесенного чая и посмотрел на нас. Предстоял долгий разговор. Но вдруг дверь шумно распахнулась, и в кабинет влетел незнакомец. Не обращая на нас ни малейшего внимания, он решительно направился к редакторскому столу. Бросив на стул свой тощий портфель и усевшись на него, он исподлобья посмотрел на редактора.

— Так как же обстоит с моим делом?

— А что у вас за дело?

— Когда будет опубликована моя статья?

— Мы не собираемся ее публиковать. Я не совсем понял ее смысл...

— Не поняли? Значит, вы ее не читали!

— Прочитал и чрезвычайно внимательно.

— Если прочитали, то отчего же не поняли? Я даже затрудняюсь квалифицировать этот факт непонимания!

Редактор тяжело вздохнул, потер ладонью лоб и, призвав на помощь все хладнокровие, обратился к посетителю со встречным вопросом:

— Вы когда-нибудь слышали, как кричит петух?

— А почему вы полагаете, что не слышал? — заранее обиделся посетитель.

— О чем он кричит?

Несколько озадаченный, посетитель задумался, приложив палец ко лбу, и ответил как человек, которому все действительно известно, однако в данный момент он что-то забыл:

— Э-э, как вам сказать...

— Коль слышали петуха, то отчего же не знаете, о чем он кричит? — спросил редактор, с трудом подавляя улыбку. — Значит, либо вы не слышали, как кричит петух, либо... Не знаю, как квалифицировать этот факт!

Я невольно засмеялся, но приятель толкнул меня. Посетитель грозно глянул в мою сторону. Привстав и доставая из-под себя портфель, он закричал на редактора:

— Ага, вы хотите сказать, что я — петух. Вы намекаете...

— Нет же, нет, — поспешил успокоить его редактор. — Я не считаю, что вы — петух. Я хочу лишь сказать, что можно ничего не понять из прочитанного, точно так же, как можно ничего не понять из услышанного... Вполне вероятно, что инженер Юлдашева в двадцать шестом году, когда она училась на рабфаке, ходила в парандже. Но почему надо теперь обвинять ее в этом? Правда, что ее муж Рахимов в девятнадцатом году побывал в Чека, но не как преступник, а как беспризорник. К вашему сведению, в те времена заботу о беспризорных детях приняла на себя Чека... Из слов инженера Юлдашевой о том, что «безобразные разводить свиней во дворе клуба», вы заключаете, что она выступает «против животноводства». Для чего вам понадобилось порочить специалиста, на воспитание которого Советская власть затратила столько лет, столько сил и средств? Кто вас научил травить людей? Кто вас уполномочил писать: «Мы, трудящиеся махалли...»?

Редактор был взбешен. Между тем посетитель снова уселся на свой портфель, откинулся на спинку стула и приготовился к длительному разговору. Часто моргая, он произнес:

— Это я-то травлю людей? Разве я не указал в своей статье и на отдельные положительные стороны товарища Юлдашевой?

— Вы написали не то, что есть, а то, что придумали. Зачем?

Разговор редактора с посетителем затягивался. Приятель снова толкнул меня и кивнул на дверь. Мы вышли в приемную и вот уж нахохотались от души и жалели редактора.

— Неужто ты не знаешь этого деятеля? — удивился приятель. — Известен всем. Это — Бек. Он стоит того, что-

бы рассказать о нем. Редактор все равно теперь не скоро освободится. Кровушка у него попьет этот самый Бек.

Удобно устроившись на диване, он начал свой рассказ: — Человек этот отстал от жизни лет на двадцать. Но сам этого не замечает. Попробуй заговорить с ним об этом, так он выхлопочет себе отпуск минимум на шесть месяцев только для того, чтобы спорить с тобой. Спорить он способен часами, днями, неделями... Субханкул, который работал курьером в те времена, когда Бек, засунув за пояс газеты, ходил по чайханам, занимаясь «просветительной деятельностью», теперь — директор кожевенного завода и депутат. Бек это признает. Но никак не может согласиться с тем, что женщины, носившие в те времена паранджу и посещавшие курсы ликбеза, теперь вышли в инженеры, агрономы, врачи. Вначале я не мог понять его, понять, откуда эта чудовищная слепота. Но постепенно раскусил его. Слепота — лишь следствие самодовольства. Он горд своими скудными знаниями, он не замечает, что другие знают уже куда больше. Как утопающий за спасательный круг, он держится за дешевые сентенции, вроде «сколько женщины не учи, все равно дальше грамоты не пойдет, а для того, чтобы стать грамотной, не обязательно сбрасывать паранджу!» Такого рода сентенции преследуют его всю жизнь, становятся самой жизнью. Бек ни за что от них не откажется. Да и что он без них! Отказаться — это значит признать себя, по меньшей мере, недалеким. Пойми: недалеким — для человека, считающего себя пупом земли, эрудитом, общественным деятелем и не сомневающимся, что после смерти ему будет воздвигнут памятник на самой людной площади... Надежда на посмертный памятник — великая надежда. Не смейся, его ни на минуту не оставляет уверенность в памятнике. Сколько он переживал из-за того, что на берегу озера в парке культуры и отдыха установили гипсовую физкультурницу! Он так и говорил: «Жаль, жаль, заняли подходящее для памятника место!» Он не говорил, для какого памятника, но ясно было, кого он имеет в виду. И вовсе не шутил. А если и шутил, то лишь для того, чтобы сделать свою идею более доступной для простых смертных...

Ему всего важнее доказать правильность своих прописей. Этим он занимается, не жалея пышных слов. Он беден знаниями, но богат словами. Ими он и маскирует свою пустоту. Но даже тухлое яйцо, посыпанное перцем, не

проглотить. Однако этот тип уверен, что его мысли высоко ценятся всеми — и мужчинами, и женщинами. Да, да, особенно, женщинами. На этот счет у него имеется своя теория: «Чем больше я их оскорблю, тем вернее они меня поймут и сделают для себя верные выводы».

Ты улыбаешься, тебе все это кажется пустяком. Но Бек неутомим и бесконечно активен. Ему хватает сил и на письма, и на споры, и на статьи, и на выступления. Он не пропускает ни одного собрания. Является важный, величественно шествует через зал и торжественно усаживается в первом ряду. Стоит посмотреть на него, когда на трибуну поднимается женщина. Во время ее речи он фыркает, хихикает, бросает плоские реплики. И все для того, чтобы сбить выступающую. Люди смеются не над его остротами, а над ним самим. Но он этого не замечает. Он доволен, на его лице написано: «Здорово я ее срезал, не правда ли?» Он представитель той породы людей, которая не способна видеть себя со стороны.

Он никогда ни с кем не соглашается, всегда остается «при своем мнении». Но это не самостоятельность, это тупость, глупое упрямство. Его нельзя ни в чем убедить. После каждого оратора он тянет руку, просит слова. Он вещает и в том случае, когда ему и не дают слова. Но уж если дали, то держись — он поднимается на трибуну, принимает картинную позу и, уставившись на первую попавшуюся на глаза женщину, начинает смеяться. Потом, подперев свою многодумную голову, как понесет, как понесет... Пока у председателя не лопнет терпение...

Его статья о Юлдашевой — бред как раз такого сорта. Я ее вчера читал. Бек из кожи вон лезет, чтобы опорочить Юлдашеву. И слова Юлдашевой о свиньях, и то, что ее муж когда-то побывал в Чека... Я не думаю, что он испытывает к ней личную неприязнь. Скорее другое, таким образом он должен самоутвердиться, оправдать свою пустоту и никчемность...

Моему приятелю не удалось закончить свою речь. Дверь распахнулась. Из редакторского кабинета выбежал Бек. В одной руке — пальто, в другой — портфель. Бросив в сердцах портфель и пальто на стол секретаря, он завопил:

— Жизни не пожалею, ничего не пожалею... Останусь без пальто, без портфеля, но доведу это дело до конца! Меня еще узнают!

Приятель налил ему в стакан воды, накинул на плечи пальто, сунул в руки портфель.

— Не расстраивайтесь, дорогой Бек, — успокаивал он разбушевавшегося посетителя. — Конечно, вы разоблачите... Конечно, доведете... Не будь проклятого Колумба, вы бы сами открыли Америку!

— А что, и открыл бы! — Бек окончательно потерял над собой власть. — Я их всех разоблачу! Всех до одного выведу на чистую воду!

Видимо, Колумб не составлял исключения.

Бек ушел разгневанный, раскаленный. Последние его яростные слова донесли с лестницы.

Нам нужно было переговорить с редактором, и мы вернулись к нему в кабинет. Редактор, еще багровый от возбуждения, нервно посмеивался. Мой приятель рассказал ему историю Бека.

— Хорошо познакомить бы с этим Кумрихон, — сказал редактор. — Не забудьте и про то, что здесь произошло сегодня. Пусть она напишет рассказ о Беке.

— Написать-то она, возможно, и напишет, — ответил мой приятель, — да боюсь, как бы он сам не прочитал его. Тогда шуму не оберешься. «Что автор хотел сказать своим рассказом? Разве подобные люди бывают в наше славное время?»

— Он слишком самоуверен, чтоб читать газету, а если и прочтает, слишком самодоволен, чтобы принять это на собственный счет. Да, в конце-то концов, неужели мы должны принимать во внимание реакцию такого Бека?..

Редактор помолчал, уныло отхлебнул остывший чай и неожиданно закончил:

— Должны или не должны, а полтора часа мы уже потеряли...

1940.

Девушки

Ржут жеребята — нонями стали,
Плачут невестки — чужими для родных стали.
Из старинной песни

Пусть скажет какой-нибудь беспристрастный человек: отыщешь ли во всем Узбекистане другого такого парня, как Нурматджан? Ну, если и отыщешь, едва ли он станет вертеться перед зеркалом, как, бывало, наш Нурматджан, да еще рассуждать: «Какую бы мне взять жену?»

Вы только поглядите на него: право, тысячу раз пожалеешь, что у него две руки. А без одной руки фигура у него была бы ни дать ни взять — кальян для курения.

А знали бы вы, как изменились в последнее время его понятия. «Это раньше, говорят, я ничего не смыслил. Конечно, хорошо, если жена где-нибудь служит и приносит мужу жалованье. Особенно если она не очень-то на виду: где-нибудь в мастерской или в учреждении, где работают женщины. Красота — вещь хорошая, но она как фарфоровое блюдо: совсем недурно, если на нем еще и казы».

В домовой книге Нурматджан теперь значится не как Ташходжаев, а просто — Ташев. А не всякий осмелится исказать имя такого выдающегося человека, как ишан Ташходжи. Ведь это был не какой-нибудь захудалый человечешка: из пятнадцати его коней только два могли поднять хозяина.

Правда, есть у Нурматджана один недостаток — бедноват. Может, он и не был таким, доставься ему отцовское добро. Но ведь от имущества отца остались рожки да ножки, и Нурматджану самому пришлось думать о хлебе насущном. Пойти на какую-нибудь недостойную его черную работу Нурматджан, разумеется, не мог, а подходящей

должности не попадалось. Тогда он и решил: как-нибудь перебыюсь дня три-четыре, а там, глядишь, и подвернется что-нибудь приличное...

И вот уже пятнадцать лет он так думает, особенно по средам, в день исполнения желаний.

Оно и понятно, может ли такой человек не обидеться, если его заденут. Если даже подумает о нем кто неуважительно, и то ему очень тяжело. Так что дочерям Ядгора следовало бы знать это.

А с дочерьми Ядгора вот какое дело: в свое время Ядгор обещал отцу Нурматджана, Ташходжи, обеих своих дочерей: Каромат и Адолят. Каромат тогда было десять лет, Адолят — три. А через полгода Ядгор зарезался в суде. Почему в суде, почему зарезался — так и осталось тайной. Потом, после свержения царя Николая, имам Ташходжи уехал в Бухару, сынок только его и видел. Обе девушки, обещанные ишану, по наследству должны были перейти к Нурматджану. А тут оглянуться не успели, Каромат подросла — невеста! Нурматджан стал было хлопотать о свадьбе, да вмешался женотдел, и все расстроилось: девушка, видите ли, не любит его. Нурматджан не стал особенно огорчаться: если девушка связалась с этими бесстыдницами, тем хуже для нее, он умывает руки. Нурматджан оставил Каромат в покое и все свои надежды возложил на младшую сестру. Оно и к лучшему, потому что теперь эта Каромат — директор завода и под началом у нее больше тысячи мужчин, в том числе и собственный муж.

Когда старшая сестра вышла замуж, младшей было только одиннадцать лет, и по новым порядкам, чтобы жениться на ней, надо было ждать еще лет пять-шесть. Нурматджан полагал, что вдова Ядгора, посрамленная недостойным поведением своей старшей дочери, стыдится на глаза ему показываться, и был вполне спокоен за Адолят.

Полгода спустя он услышал, что девушка поступила в интернат, а потом вместе с подругами уехала учиться в Самарканд.

Сначала Нурматджан был несколько озадачен, что старуха не посоветовалась с ним в таком важном деле, но, поразмыслив, понял, что она поступила совершенно правильно: очень мудро избавить Адолят от тлетворного влияния старшей сестры; к тому же в Самарканде много святых, там Адолят лучше будет помнить об обете, данном ее отцом.

Эти соображения помогли Нурматджану спокойно ждать Адолят еще шесть лет. Правда, иногда у него возникали сомнения, но он твердо решил, что, если Адолят не вернется такой же, как уехала, он ей кишки выпустит.

Когда девушка должна была вот-вот вернуться, Нурматджан узнал неприятную новость: Адолят уехала в Ташкент и будет там еще пять лет учиться на химика!

Нурматджан хорошо знал, что такое химика. Они из камней могут золото делать. Если Адолят станет химиком, ей незачем работать в мастерской или в учреждении, — сиди себе дома и делай золото. Конечно, с другой стороны: пять лет... девушка молодая... опять же химиком будет... как бы не увел ее какой-нибудь молодец. Всякому интересно заполучить жену, которая, сидя дома, будет запросто делать золото. Допускать этого нельзя!

Что же предпринять? Не очень-то приятно, но ничего не поделаешь — придется повидать старуху. Надо ей сказать: «Адолят приедет сюда, а пока что давайте устроим плов и оповестим о сговоре весь квартал».

С таким намерением Нурматджан отправился в среду вечером к вдове Ядгора.

Встретив старуху на мосту, он немного растерялся.

— А... тетушка, — сказал он поспешно. — Адолятхон должна бы приехать... А мы бы плов устроили...

— А, это ты, Нурматджан? Почему ты в совхоз не поехал? Там рабочих набирают...

— А разве Адолят в совхозе?

— Адолят? Нет, Адолят в Ташкенте. Я недавно к ней ездила. Такого хорошего мальчика родила...

Нурматджан открыл рот и захлопал глазами.

— Как, почему родила?

— Ну, а почему бы ей не родить?

— Она что же, замуж вышла? — сообразил наконец Нурматджан. — Как же вы, с вашими седыми волосами, могли допустить такое?

— А что же тут плохого?

— Но ведь обе ваши дочери были обещаны...

Старуха с трудом удержалась от смеха.

— Ах, ты вот о чем. Так они твоему отцу были обещаны. А потом ведь нынешнюю девушку насильно не выдашь, надо, чтобы она тебя полюбила.

— Подождите, тетушка. Правда, девушки были обещаны моему отцу, но ведь у него нет других наследников,

кроме меня. А потом, зачем мне добиваться любви Адолят? Исполнение обета — ваша забота. Каромат тогда по своему поступила, я промолчал. И сейчас ничего не скажу, делайте как знаете, могила — каждому своя.

Тут уж старуха не выдержала, рассмеялась.

— Что же теперь делать, Нурматджан? — сказала она, вытирая выступившие от смеха слезы. — Так вышло. Видно, так тому и быть. Ты уж не жалуйся отцу, когда видишь его во сне. Я тебе такую девушку высватаю. Приемным зятем моим будешь!

— Не нужна мне ваша девушка!

— Это почему же?

— Мне и Адолят хороша!

— Ну? Тогда делать нечего, придется написать ей, чтобы на развод подавала... Ну, будь здоров, сынок, до свиданья.

Когда старуха была уже довольно далеко, Нурматджан крикнул ей вдогонку:

— Тетушка, когда же мне зайти к вам, узнать?

Старуха не расслышала. Она шла и рассуждала сама с собой: «Подумать только, ведь в старое время Адолят пришлось бы выйти замуж за этакое пугало. А сказать ей — не поверит, умереть мне, не поверит».

1941.

Нажми на спусковой крючок

О чем помышляет вороватая кошка, протискивая голову в тыквянку, в которой лежит кусок мяса? Ни о чем, кроме мяса. А когда не может вытащить голову из тыквянки и мечется от одной двери к другой? Тут уж ей никакие мысли на ум не идут, ей не до кошачьего тщеславия.

Любопытно, о чем думал самодовольный фашист Хорст Шустер, когда с винтовкой в руке вступил на нашу землю?

В годы детства Хорста Шустера учили в школе: «Война — чрезвычайно интересное занятие. Вырастешь, один убьешь десять врагов, тогда убедишься. Фюрер любит тебя и обожает войну. В тебя пуля не попадет. Будешь спокойно сидеть в блиндаже. В блиндаже тепло, уютно; есть — сколько хочешь, спи вволю...»

До восемнадцати лет Хорста Шустера, члена гитлерюгенд, учили:

«Немецкий народ будет владеть рабами, рабами в самом прямом смысле. Мы создадим новую форму истинного рабства. Крепче сжимай свой нож. Ты — будущий рабовладелец!»

Хорст Шустер с упоением распевал такие песни:

Если весь мир превратится в развалины, пусть превращается!
Мы будем продолжать идти вперед,
Потому что если мы сегодня правим Германией,
То завтра будем править всем миром...

В восемнадцать лет Хорст Шустер стал солдатом и получил такую инструкцию:

«Солдат великой армии! Если будешь придерживаться следующих правил, тебе все будет нипочем и ты победишь. Если нарушишь хоть один пункт этой инструкции, погибнешь.

1. С утра до вечера и по ночам помни о фюрере. Больше ни о чем не думай, потому что фюрер думает за тебя. Выполняй свою задачу, не бойся... С тобой не случится никакого несчастья. В тебя не может попасть пуля, тебя не может поразить штык.

2. Если окажешься в тяжелом положении, вспомни о фюрере и смело действуй. Тебе все будет нипочем. С мыслью о фюрере ты победишь любого врага. Понятия вроде «сочувствие», «жалость» вообще выбрось из головы, они не нужны на войне. Кто бы ни попался тебе на пути — старик ли, старуха ли, мальчик или девочка — убивай. Будешь так поступать — спасешь себя от смерти, обеспечишь счастье своей семьи, мир прославит тебя.

3. Нет на земле такой силы, что могла бы тягаться с нами. Мы поставим человечество на колени. Никого не щади, всегда помни о фюрере — и победишь...»

Его отец в 1903 году приезжал в Туркестан в качестве агента фирмы «Бишоп» для закупки хлопка. Он прожил здесь какое-то время и вынес кое-какие знания. Провожая сына на войну, он его наставлял: «Будешь в Бухаре, не пей сырую воду, там распространена рихшта».

О чем может думать Хорст Шустер? Ни о чем, кроме убийства и грабежа. Если повстречается ему обыкновенный красноармеец и скажет: «Руки вверх, шантрапа!» — поймет ли он, что попал в плен? Он, «один убивающий десять врагов», облегчающий свои тяготы мыслями о фюрере, самодовольный Хорст Шустер — «правитель вселенной», решит, что это недоразумение.

— Чем провинилась перед тобой восьмилетняя девочка, которую ты застрелил?

Хорст не понимает вопроса.

— Ты застрелил восьмилетнюю девочку?

Это он понимает.

— Да, застрелил, — ответит Хорст.

— За что?

— Немец не может понимать.

— У тебя есть сестра?

— Есть!

— Что бы ты сказал, если б я убил ее?

Хорст искренне удивлен. Что за нелепый вопрос?

Слова, взывающие к человеческим чувствам, напоминающие о том, что и он когда-то был человеком, не воспринимаются фашистом, начиненным зловещей дребеденью. В его голову войдет только одно — двадцать пять граммов свинца!

— О сын советской державы, нажми на спусковой крючок!

1942

Барон фон Ринг

Тот, кого гложет червь ненасытности,
Будет повешен вместе с червем.

А. Навои

Осел одного богатого галантерейщика вдруг разочаровался в жизни: подумать только, каждое утро хозяин взваливает на него груз, садится сам и со словами «хи, скотина!» пинает его в бока! И так каждый раз: «Девчонкам — усма, молодухам — сурьма!..» Вечером они возвращаются. Галантерейщик повторяет свое «хи, скотина!» и запирает его в хлев.

Больше терпеть нельзя. Осел решил покончить с собой. Сказано — сделано. Он направился к реке. Но здесь встретил двух ссорившихся мужчин.

— Пуцу весь дом на ветер, но свое возьму! — кричал один.

— Никогда! Чем тебе, лучше вон тому ослу отдам!

Осел остановился, насторожил уши, задумался: «Надо, пожалуй, подождать денек-другой... Появилась перспектива. А главное в жизни — перспектива...»

Так перебранка и туманные посулы спасли драгоценную жизнь осла.

Барон фон Ринг, слов нет, не осел, совсем даже не осел, он — представитель великой арийской расы. Но, говоря о бароне, приходится начинать с осла. Почему? Неужели барон похож на осла? У осла уши длинные, у барона их вовсе нет. Да, да, у барона нет ушей. Когда барон продулся в пух и прах в карты — это случилось в Сан-Марино, — по совету банкомета вместо тысячи золотых поставил свои уши. И — надо же — проиграл. Испанский богач выиграл баронские уши и отрезал их... Есть и еще отличие.

Даже все ослы земного шара сообща не осият и одной книги, а барон сам лично за какие-нибудь семь лет прочел две: «150 фокусов» и «Дневник французского офицера, жившего в окрестностях Ужа».

Причиной того, что, заведя разговор о бароне, мы прежде остановились на осле, как раз и явилась эта вторая книга.

Задумался как-то барон и пришел к выводу, что нет ни малейшего интереса продолжать жить на свете: все, что он видел после двадцати лет, всего лишь продолжение того, что видел до двадцати. Достаточно было после двадцати поставить «и так далее».

Барон сказал себе: «И так далее» — и вознамерился покончить с собой. Сказано — сделано. Он написал завещание и отправился за веревкой. Тут-то и подвернулся ему «Дневник французского офицера, жившего в окрестностях Ужа». Барон углубился в книгу, и его увлекли картины роскошной жизни во дворце среди экзотических арабских красавиц.

«Бывает же такое», — подумал барон и решил отложить самоубийство. «Дневник французского офицера» спас ему жизнь. Впрочем, не будем спешить, так как вскоре барон угодили на Восточный фронт.

В одном из украинских сел барон фон Ринг успешно насадил «новый порядок»: приказал повесить молодую женщину, муж которой, как он полагал, связан с партизанами; когда она начала биться в конвульсиях, к ее ногам привязали трехлетнюю дочь, а для назидания согнали смотреть все население — молодежь и стариков, мужчин и женщин.

Рвение барона было оценено, и его направили в город С, дабы он и тут установил «новый порядок».

Барон мчит на автомобиле к новому месту службы, предаваясь мечтам о завоевании Востока. Да, хорошо, надо полагать, восточные красавицы. У этого француза губа не дура. И у барона не дура... Где в Средней Азии находится Лунная долина? Я попрошу у фюрера пост ее правителя. Велю построить мраморный дворец. Кто там живет в Средней Азии? Во всяком случае меня ждут блестящие перспективы. А главное в жизни — перспективы.

Взрыв нарушил ход сладостных мыслей. Что стряслось?

О том, что стряслось, барон узнал через два часа, когда очнулся в незнакомой землянке. Занятый чем-то лейтенант, заметив, что барон пришел в себя, небрежно бросил:

— Добро пожаловать!

Барон приподнялся на локтях, льстиво улыбнулся, оттянув верхнюю губу и сморщив нос. В его мутных, словно у дохлой лошади, глазах, дрожал страх: «Хоть вираги меня в плут вместо вола, хоть нагрузи, как осла, только не убивай».

Вскоре поступил приказ отправить пленного в штаб. Он упирался из всех сил, уверенный, что его ведут на расстрел. Приди сам фюрер и скажи: «Я сделал тебя правителем Лунной долины, в мраморном дворце тебя с нетерпением ждут узбекские, киргизские, казахские, туркменские женщины», — он все равно не сдвинется с места.

Красноармейцы удивленно рассмеялись, увидев, что у пленного нет ушей. Этот смех немного ослабил его страх смерти.

Барон кое-как вылез из землянки, заглядывая в рот каждому, кто говорил, и вздрагивая, точно заяц, от любого жеста. Поднимаясь с помощью шофера в автомобиль, он неожиданно подумал: «Оказывается, нет никакого смысла мечтать о дворцах, об экзотических восточных красавицах...»

1942

Синий конверт

Гвардии сержант Иркабай Мирзаев сидел у окна в госпитальной палате и задумчиво смотрел на улицу. Мимо окна прошел человек с полной корзиной персиков. Персики были крупные, спелые, с пушистой желтовато-красной кожицей. Иркабаю страшно захотелось попробовать вкусный плод, и он с сожалением посмотрел вслед обладателю полной корзины персиков. «Эх, подбросил бы штуки четыре!» Он живо представил себе, как осторожно снимает с персика мягкую, бархатистую кожицу, как кладет в рот сочный, мясистый плод и глотает слегка терпкий, сладкий сок.

На другой день опять тот же самый человек прошел мимо окна с персиками. Весь долгий день Иркабаю мерещились персики и персиковые сады. Даже ночью приснилось, будто он гуляет с девушкой в благоухающем саду, а она говорит: «Смотри, какие замечательные персики. Что медлишь? Срывай скорее!..»

Уже пять с половиной месяцев Иркабай находился в госпитале. С некоторых пор он начал испытывать ужасную скуку. Скука переходила в тоску. С товарищами по палате давно обо всем переговорено, со стороны никто не приходит, а выйти самому... но куда же пойти? Ни одного знакомого в городе нет.

Хотелось поскорее вернуться на фронт. Там товарищей много, каждый день приносит интересные новости... Кроме того, со всех концов страны бойцам посылают письма, подарки. Мирзаев только за один месяц, перед ранением, получил три письма и две посылки от совершенно незнакомых людей.

Как-то на Западном фронте, когда Иркабай был еще рядовым бойцом, командир отделения подошел к нему с маленькой посылочкой и сказал: «На, тебе, чернобровый, черноглазый парень!» Иркабай был удивлен словами командира, но, взглянув на посылку, увидел, эти слова были написаны на ней, как адрес: «Западный фронт. Вручить чернобровому, черноглазому парню, убившему более десяти фашистов».

В посылке было граммов двести хорошего табаку, маленький батистовый платочек красивой расцветки и коротенькая записка, вложенная в синий конверт: «Товарищ красноармеец! Табак курите вместе с товарищами, а платочек сохраните — востребую после войны. Латифа Гулямова».

Иркабая так взволновала записка, что в тот же день он написал Латифе сразу два письма. Одно из них состояло из самых изысканных приветствий и благодарностей, а в другом он намекнул на чувства, о которых можно говорить девушке только на ушко. Прошло месяца два, — ответа на письма не было. Тем временем разыгрались крупные бои. Часть, в которой находился Иркабай Мирзаев, стала гвардейской, и сам он стал гвардии сержантом. Он снова написал Латифе, но ответа не получил. Осталось предположить, что Иркабай своими намеками сильно обидел девушку.

Вскоре Иркабай был тяжело ранен и больше месяца лежал в прифронтовом эвакогоспитале. Для окончательного излечения его эвакуировали в глубокий тыл, и он попал в тот самый город, где проживала Латифа. Вспомнив о девушке, Иркабай решил: «Как только встану, обязательно пойду навестить ее». Но когда он поднялся с койки, получив возможность передвигаться с помощью костыля, решимость оставила его. «На что мне надеяться? — думал он. — Письма мои она оставила без ответа, платочек обещала востребовать только после войны, а это значит, что она предупреждала: пока не разделаешься со всеми фашистами, не показывайся мне на глаза...»

В последнее время Иркабай перестал было и думать о Латифе, но странный сон о персиковом саде и девушке, чем-то смутно напоминавший о Латифе, снова всколыхнул мысли о ней. Разве обязательно при встрече говорить: «Я — Иркабай Мирзаев!» — можно назваться, к примеру говоря, товарищем Мирзаева и передать фрон-

товой привет от него. Кажется, она у меня хорошая девушка, с ней будет приятно поговорить, может быть, удастся погулять в городском саду или сходить в кино.

Так думал гвардии сержант Иркабай Мирзаев и, решив, не откладывая, выполнить свое намерение, в первое же воскресенье собрался в гости к Латифе. Принарядившись, он посмотрел в зеркало и остался доволен собой: выданное из госпитального склада обмундирование ладно сидело на его стройной фигуре, побледневшее после долгого лежания в палате лицо теперь снова приобрело юношеский — розоватый оттенок, а припеченная к гимнастерке ленточка двух тяжелых ранений объясняла и даже делала почетными легкое прихрамывание на левую ногу и стандартный, белого некрашеного дерева костыль в правой руке.

Разыскав дом, где жила Латифа, Иркабай с волнением постучался в калитку. В голове мелькнула неприятная мысль: «А что если Латифа — старая женщина, которая, подобно виноградине, потеряв сок, превратилась в кишиниш?» И когда в калитке перед ним показалась сморщенная старуха, он так растерялся, что не смог слова сказать.

Старушка, моргая подслеповатыми глазами, несколько секунд молча разглядывала сержанта и вдруг, обняв за щеку, поцеловала в обе щеки.

— Ах ты, голубчик, красавец мой, — заговорила она с Иркабаем, как с самым дорогим человеком. — Что это у тебя с ногами? Заходи, заходи скорей. Сюда, мой милый... — Шаркая ногами, она торопливо пошла к низенькому крылечку. — Эй, доченька, где ты там, ставь самовар. Выдь-ка, посмотри: вот, приехал боец с фронта...

Сердце Иркабая вздрогнуло при мысли, что сейчас он увидит Латифу.

На крыльцо вышла девушка лет семнадцати, в полосатом стрельчатого узора платье, с длинными черными косами, уложенными в несколько рядов вокруг головы. Она только поздоровалась с фронтовиком и убежала в дом хлопотать по хозяйству. Иркабай с горечью подумал, провожая ее глазами: «Такую красавицу я отпугнул своими дурацкими письмами!»

— И таким парням, как ты, война все еще не дает устроить свой угол и исполнить свои желания, — между тем говорила старушка, расстилая для Иркабая одеяло

па глиняном возвышении в тени.— Ох, времечко. А все из-за сумасшедшего Гитлера,— гореть бы ему в огне на том свете... А Латифа, наверно, тоже с вамп, сынок?

Из дома вышла девушка со скатертью в руках. Услышав последние слова матери, она улыбнулась:

— Вот с этого бы и начинали, мама... Вы с какого фронта? — обратилась она к Иркабаю.— Сестра на Центральном.

— Как?! — удивленно воскликнул Иркабай.— Латифа на фронте? Почему она там?

— Медсестрой пошла. Уехала отсюда в мае прошлого года.

— Вот оно как!

— Да, сынок, так...— снова заговорила старушка-мать.— Сколько я говорила ей: не можешь ты ездить на коне, не умеешь стрелять из пушки,— что будешь делать на фронте? Нет, не послушалась. Храбрая уж очень. Только и думала о войне. Писала письма красноармейцам и командирам, посылала подарки. Вот уж больше года прошло, как уехала, а письма все идут и идут для нее со всех фронтов. Доченька, сколько ты переслала ей писем. Да, помню: сто два письма.

Иркабай даже испугался: «Три моих... и еще девяносто девять!»

— И все с фронта?

— А с темп, кто в тылу, она и знаться-то не хотела. Уж такая... Иди, принеси, доченька, ее карточку, пусть братец посмотрит... Некоторые письма дочка прочитала мне. Так рады, так благодарят ее красноармейцы и командиры... Два письма написаны каким-то озорным парнем... Да уж ладно, пусть живет долго.

Иркабай густо покраснел.

Девушка принесла несколько фотографий.

— Снималась еще здесь,— сказала она, протягивая Иркабаю одну из карточек.

С фотографии застенчиво, чуть потупясь, смотрела молоденькая девушка. «А ну вас, молчите»,— словно говорила ее смущенная улыбка, предупреждая всякие похвалы ее красоте.

— Посмотрите, сынок,— указала старушка-мать на другую карточку.— Это она снималась в Москве.

«Как идет ей военная форма!..» — У Иркабая даже зарябило в глазах. Здесь Латифа была совсем другая. Она

стояла с гордо вскинутой головой, глаза ее задорно поблескивали, и весь ее вид как бы говорил: «Эй, парень, поберегись!»

Иркабай задумался. Машинально он перевернул карточку и увидел фронтовой адрес Латифы.

— Вы узнали ее? — спросила старушка.

— Мамаша! — дрогнувшим голосом обратился к ней Иркабай.— Дайте мне карточку. Одна из посылок Латифы досталась моему близкому другу. Он раненый, лежит в госпитале, а ему очень хотелось познакомиться...

— Как его зовут.

Иркабай растерялся.

— Из тех писем, которые вы получили,— стал он объяснять,— три письма — от него. Но он не тот озорной парень, о котором вы говорили. Он...— Иркабай совсем запутался и замолчал.

— Хорошо, возьмите,— сказала сестра Латифы и улыбнулась, как будто разгадав, кто этот «он».

Иркабай положил карточку в нагрудный карман и встал. Как ни уговаривала его хозяйка остаться пить чай, он распрощался и ушел, боясь выдать себя.

Вернувшись в госпиталь, Иркабай до самого вечера составлял письмо. Написав его, наконец, набело, он взял синий конверт — точно такой, в каком прислала ему свое письмо Латифа, и сделал на нем четкую надпись:

«Действующая армия. ППМ 19640-Б. Вручить чернобровой и черноглазой Латифе Гулямовой, если она вынесла с поля сражения более десяти раненых».

На этот раз Иркабай сумел многое сказать в своем письме девушке, но пересказывать здесь его содержание было бы, пожалуй, нескромно.

1943

Старый Асроркул

Хайдар-ата крепко дружил с ультарминцем Асроркулом.

Еще в тот год, когда белый царь силой стал забирать народ на тыловые работы, однажды вечером Хайдар-ата зашел к кузнецу Уста Мумину и увидел, что меха раздувает незнакомый человек. Хайдар-ата спросил: «Кто такой?» Ему ответили: «Беглый».

А месяца за три-четыре до этого случая в кишлаке прошел слух, что в Ультарме были беспорядки, из города приехали солдаты и угнали много людей, которых будто бы станет допрашивать чуть ли не сам губернатор. И вот этот незнакомый человек оказался как раз одним из тех, которые тогда убежали от солдат; это мельник по имени Асроркул.

Известно, что, когда толпа возмущенных людей настолько распалится, что готова идти на решительные действия, достаточно иногда лишь слова, чтобы вызвать взрыв. Как раз в такую минуту Асроркул, растолкав народ, вышел вперед и крикнул: «Эй, слушайте, люди: у белого царя дом разваливается, так пускай он набирает себе покорных рабов из своих людей, а мы никуда не пойдем!»

Толпа ринулась к дому волостного управителя. Волостной сбежал. Из города нагрянули солдаты... С тех пор вот и скрывался Асроркул, перебираясь из одного кишлака в другой.

Асроркул обосновался в кузнице Уста Мумина и помогал ему во всякой работе.

Хотя и в те времена Асроркулу было уже лет тридцать пять, он еще не успел обзавестись семьей. В Ультарме он жил на скудный доход, который приносила ему маленькая кустарная мельница о двух поставах, доставшаяся в наследство от отца.

На новом месте Асроркул крепко подружился с Хайдар-ата, стал по вечерам заходить к нему потолковать о том о сем. При этом Асроркул всегда вспоминал о своей мельнице и так сокрушался о ней, что Хайдар-ата однажды нарочно отправился в Ультарму, чтобы все разузнать. Оказалось, что сельский управитель, амиш, захватил мельницу Асроркула в свои лапы, ссылаясь на то, что она, мол, «перешла в казну».

Прошло несколько месяцев. Однажды Хайдар-ата, приехавший по своим делам в город, услышал: «Белому царю дали по шапке». «Ну, если так, надо скорей ехать обратно, обрадовать Асроркула»,— решил Хайдар-ата и поспешил к себе в кишлак, а Асроркула уже и след простыл: он уже, оказывается, узнал обо всем и умчался в Ультарму. Недели через две, однако, он прибред обратно разочарованный.

— Ну, как? — спросил его Хайдар-ата.

— Царь-то слетел,— ответил Асроркул,— а вот амиш сидит себе как ни в чем не бывало.

И вот прогнали царских амишов в Петрограде, Ташкенте, Коканде, но Асроркул все равно не смог вернуться в свою Ультарму. Кишлак стал к тому времени настоящим гнездом басмачей. Тогда Асроркул махнул рукой на Ультарму и на мельницу и при посредничестве Хайдар-ата женился на одной здешней вдове. Жена родила ему сына. Покойный Уста Мумин был грамотей; он поглядел в какую-то книгу и нарек младенца Едгором, пояснив отцу: «Пушкой это будет тебе память о том времени, когда ты скитался, как беглый, у себя же на родине».

Вот так и прожил здесь Асроркул вплоть до того самого года, когда приезжал в Узбекистан Михаил Иванович Калинин. А потом житье стало мирное, и Асроркул перебрался вместе с семейством в свою Ультарму. Мельница его к тому времени развалилась, но он ее восстановил. С этой мельницей он и вступил в колхоз.

Хоть и немалый путь был до Ультармы от кишлака, где жил Хайдар-ата, однако приятели часто виделись друг с другом. Сын Асроркула, тот самый Едгорбай, отслу-

жил уже в Красной Армии и хотел было свататься к племяннице Хайдара-ата, как вдруг началась война, и свадьбу пришлось отложить.

Однажды в кишлак пришло от Асроркула письмо, адресованное Хайдару-ата. Письмо было какое-то странное, не поймешь: не то Асроркул недоволен чем-то, не то еще что-нибудь такое... В общем что-то не так. И вот Хайдар-ата отправился в путь, решив во что бы то ни стало увидеться с другом.

До Ультармы Хайдар-ата добрался уже в сумерках. Асроркула дома не оказалось (он ушел в чайхану), и гостя встретили его жена и младший сын хозяина — Аб-рар. Старушка, несмотря на позднее время, сейчас же принялась готовить ужин. Хайдар-ата справился у нее насчет Едгорбая:

— Ну как, ищет что-нибудь сын?

Старухе, видно, только этого вопроса и недоставало: слезы ручьем полились у нее из глаз.

— Друг-то ваш, ну просто горе мне с ним: не показывает мне писем сына, да и только. Да и Абрару тоже не показывает. А если нет писем, все равно ничего не говорит. Сам-то он к старости совсем из ума выжил, заделался, видите ли, чайханщиком. Абрар мой чуть ли не сгорел со стыда. Подумайте сами: ну что скажут люди, «сын не сумел прокормить отца, голодом заморил, не так ли? Уж и председателю говорила, сама в сельсовет ходила — ничего не помогает. Старик-то мой, знаете, что сказал: «Кто против того, чтобы я был чайханщиком, тот мне враг, в район сообщу». Вышел у него насчет этого крупный разговор с председателем, он и на председателя нажаловался в район.

— А в чайханщики-то годится он, что ли?

— Такой бедовый... Даже без палки стал ходить.

Как раз тут и Асроркул, легок на помине, явился домой. Хайдар-ата с трудом его узнал. До того бодрый он стал, такая уверенность у него появилась в походке, что просто удивительно: ну, ни дать ни взять седобородый юноша. Однако похудел он сильно, да и загорел. Он, видимо, и сам это знал, потому что предупредил вопрос Хайдара-ата:

— Ну что, похудел я, загорел, а?

— Да нет, ничего, все в порядке. Ты как сушеный вишгород... Ну как, есть письма от Едгора?

— Чуть не в каждом письме о тебе спрашивается... А ну, сынок, наладь-ка нам чилим покурить!

Раньше Асроркул не курил табака. Только было раскрыл рот Хайдар-ата, чтобы спросить его об этом, как вдруг увидел старуху, которая, стоя за спиной Абрара, выбиравшего раскаленные угли из очага, делала руками гостю знаки, чтобы он попросил показать письма сына.

Хайдар-ата едва заметно кивнул ей головой.

— Так... Да, не берет пуля твоего Едгора. Нет ли у тебя какого-нибудь письма, почитаем, что он пишет.

— В чайхане все письма лежат.

Старуха не удержалась и заговорила: видно, терпение у нее лопнуло:

— Да покажи хоть одно письмо, бесстыжие твои глаза! Всех уж ты измучил.

— Какое письмо ни напишет сын: хорошее ли, плохое ли — ты все равно плачешь. Что толку тебе их показывать?

— Что я, у тебя слезы в долг беру?

Старуха заплакала. Асроркул вскипел.

— Опять! Нет, давно уже ты меня выводешь из себя. Будь это в прежнее время, я бы тебе все ребра пересчитал.

— На, бей, ломай ребра! Не бойся, жаловаться не побегу!

— Я не боюсь, просто зазорно мне бить женщину.

Асроркул так затянулся чилимом, что табак вспыхнул. По выражению лица старика чувствовалось, что он вот-вот обидит старуху. Хайдар-ата решил маленько его утихомирить.

— Брось, не обижай, видишь — тоска ее заела.

Старик еще больше раскипятился:

— Если тоска ее заела, значит и мозги ей заело? Когда в дом к тебе воры лезут, ты ведь не станешь прятать сына в сундук да соседей звать. Каждому свое дитя дорого.

— Хорошо, что хоть ты понимаешь, что дорого свое дитя! — снова вмешалась старуха. — Пойми: тоскую я по сыну, а раз тоскую, так и плачу.

— Ну и реви, от этого иногда легче бывает. Но уж реви, как все ревут, вот в чем дело.

— А как все ревут, скажи?

— Другие ревут, когда им делать нечего, а ты реवेशь

без перерыва. Ни за собой не смотришь, ни за домом. Посмотри только вон на лампу да на стекло!.. В кишлаке ни у кого мухи не увидишь, а у нас даже ночью житья нет от них.

— У меня все из рук валится, понимаешь ты!

— Очень хорошо!.. Вот как, дескать, я люблю Едгорбая. Так, что ли? Иди сюда, садись. На вот тебе пиалу, пригодится на слезы... Значит, ты его так сильно любишь?.. Абрар, сынок, я там засунул газету в дупло айвового дерева, принеси-ка ее сюда. Очень хорошо... Ну, так вот, если ты так любишь его, то послушай, что я тебе прочитаю:

«...За истекшее время, то есть за два года войны, потери СССР составили: орудий — 35 000, самолетов — 23 000». Понимаешь? Ты забудь о другом, пойми только: если пушек столько потеряно, то сколько всего потеряно? Как ты думаешь: из этих пушек за день сколько вылетело снарядов? А кто доставляет столько снарядов? Разве не отцы и матери, братья, сестры и жены таких вот солдат, как наш Едгорбай? На солдат, вроде нашего Едгорбая, враг сразу по сто — двести самолетов напускает. А кто строит много больших самолетов, которые сбивают немецкие? Опять же отцы, матери, братья, не так ли? Я думаю, что они тоже любят своих, тоже скучают по ним. Или не скучают, по-твоему? Нет, тоже скучают, да не так скучают, как ты! Они рук не опускают, они все терпят! Это верно, что ты самолета не можешь построить, кетменем не можешь махать, но все же, если захочешь, так и ты работать сумеешь. У тебя есть огонь в сердце, так вот разжигай его, пускай все горит: и сухое и мокрое. Враг хочет нас всего лишить, да немалого уже и лишил. Если есть еще сердце, которое не горит, так и оно загорится, когда ты напомнишь об этом. Так поджигай его, жги! Вот тогда больше станет немцев, которые будут плакать о своих детях, лучше тогда будет.

У Асроркула даже голос изменился. Он вскочил с места и, схватив чилим, подошел к очагу. Хайдар-ата понял, что у старика слезы подступили к горлу. Он внимательно посмотрел на старуху, чтобы знать, заметила ли она это. Старуха заметила. Она молча глотала слезы. Тем временем Асроркул выкурил свой чилим и позвал старуху:

— Ну ладно уж, иди сюда, выкладывай свой плов! —

и затем добавил язвительно: — Или уж мне самому, что ли? Вид у тебя такой, что, пожалуй, если я тебе не положу плов в рот и не заставлю жевать, так сама ты и не справишься!

Старуха бросила быстрый взгляд на Хайдара-ата. Взгляд этот говорил: «Ну, слава богу, шутит».

Асроркул опять сел на свое место. Жилы на висках у него набухли, дышал он тяжело и неровно.

— Что с тобой? — спросил Хайдар-ата.

— Ничего... Табак, верно, ударил в голову.

Хайдар-ата хмыкнул что-то и промолчал. Теперь он уже по-другому истолковал слова старухи о том, что муж не показывает писем Едгорбая.

За пловом разговор возобновил сам Асроркул.

— Тут с фронта приехал один джигит, раненый, Сыдыкджаном его зовут. В прошлую пятницу зашел он в чайхану и порассказал немало о том, что видел на войне.

Старуха спросила с нетерпением:

— Что же он говорит?

— Ешь, ешь, я расскажу. Налей-ка мне чаю... говорил Сыдыкджан об одном солдате, о том, как его убили. После сильного боя они, значит, отстали как-то от своих, а было их тринадцать человек. Двое суток бродили они по лесам и вот выходят к какому-то хутору. Кто там: немцы ли, свои ли — никак не узнаешь. «Ну, тут мы вдвоем, — говорит Сыдыкджан, — решили пойти вперед разузнать, что и как. Со мной пошел Агабеков, молодой джигит, красивый он был, просто замечательный». Он еще в походе показывал Сыдыкджану письмо от своей жены, карточку ее и сына своего да все печалился. «Ну вот, идем мы это по полю, — говорит Сыдыкджан, — выходим на большак, глядим, на обочине валяется машина перевернутая, а около нее копошатся трое в серых мундирах. Мы сейчас же залегли». Дальше, значит, Сыдыкджан нажимает автомат и уже хочет стрелять, а тот боёц хватя его за руку: «Пстой, пстой, говорит, он письмо читает. От жены, наверно, от детей». «Я, — говорит Сыдыкджан, — не послушал его, дал очередь, только замешкался малость, тут и пошла пальба. Все же я всех троих уложил, а потом обернулся, а друг-то мой лежит весь в крови».

Старуха сильно расстроилась из-за того, что джигит пропал зря. Сначала она выругала немцев, а потом высказала упрек и по адресу убитого:

— Эх, джигит! Да ведь тебя с семейством как раз враги и разлучили, зачем же ты хватаешь того за руку, кто хочет их застрелить! Письмо читает, скажи на милость! В гроб его надо было загнать... Сам себе навредил, да и только.

— Вот Сыдыкджан как раз это самое хотел сказать, да не сказал. Бедняга-то, джигит тот, перед смертью сам признался: «Если любишь свою семью, так лучше не думай о ней», — вот что он сказал. «Эти его слова, — говорит Сыдыкджан, — потом у бойцов стали вроде пословицы». Так вот, нельзя на войне так себя распускать, да не только на войне — и здесь то же самое. Надо ум иметь и понятие, чтобы держать себя в руках. Если у кого голова не управляет сердцем, так замычи тебе теленок, а он уж охает, потому что раз теленок мычит, значит, он плачет по-своему... Абрар, сынок, полей-ка на руки воды!

Когда старуха готовила постель, она опять сделала знак Хайдару-ата, чтобы тот попросил письмо Едгора. Хайдар-ата, тоже жестами, дал ей понять, что письма в чайхане и что он завтра их сам принесет.

Утром Асроркул поднялся чуть свет и ушел, наказав старухе, чтобы Хайдар-ата был к полудню у мельницы.

Мельница стояла на берегу бурной речки Шух-сай. Хайдар-ата решил воспользоваться прогулкой, чтобы осмотреть окрестности, а потом пошел через базар, хотя для этого ему пришлось сделать изрядный крюк.

Как раз около базарчика, во дворе сельской школы, весной того года, когда началась война, оба друга смотрели кино, видели на экране Ленина и слышали его... По выходным дням автомобиль с кинопередвижкой приезжал сюда из города и показывал картины. Сейчас на киноплощадке Хайдар-ата увидел груды сухого янтака. «Что ж, разве могут теперь здесь быть картины? — подумал старик. — Да и где сейчас та молодежь, которая шутлила, смеялась и вверх дном переворачивала весь кишлак в тот вечер, когда здесь шло кино?»

Погрузившись в раздумье, Хайдар-ата незаметно для себя подошел к мельнице. Скрытая среди деревьев на берегу речки, она глухо гудела где-то внизу. Хайдар-ата стал оглядываться вокруг, ища глазами чайхану, как вдруг увидел молодую женщину, которая гнала вверх шесть ишаков, груженных мешками с мукой.

Она уже добралась до поворота дороги, как вдруг один из ишаков заартачился и встал как вкопанный. Женщина и била его, и толкала, но все попусту. Хайдар-ата подошел к ней. Увидев его, женщина сконфузилась и опять стала шлепать ишака, приговаривая: «Ах ты, холера тебе в бок, бензин, что ли, у тебя кончился!» Потом она взглянула на старика и добавила: «У нас ведь в колхозе две машины были, не то чтобы одна...» Хайдар-ата помог ей сломить упрямство ишака и спросил, где находится колхозная чайхана. Женщина показала ему в сторону мельницы, немного выше ее по течению реки.

Чайхану Асроркул расположил очень живописно. Она стояла на высоте двухэтажного дома над уровнем речки, которая шумно катила свои воды где-то далеко вниз. Здесь, в тени огромного чинара и двух карагачей, были размещены несколько плоских глиняных возвышений — «супы», на каждой из которой могли сидеть по четыре-пять человек. Между супами были разбиты цветники.

Хайдар-ата понюхал кустик душистого райхона и стал отламывать для себя веточку. В это время кто-то закричал: «Эй, эй, что ты делаешь!» Хайдар-ата оглянулся. В беседке стоял улыбающийся Асроркул.

— Однако молодец ты все-таки, Асроркул, — сказал Хайдар-ата, засовывая сорванную веточку райхона себе под губетейку. — Ты в жизни никогда не притрагивался даже к самоварному крану, а такую чайхану отхватишь, что самым завзятым чайханщикам в пример можно поставить. Но где же у тебя чаевники?

— Чаевники мои приходят вечером, сейчас все в поле... Иди сюда, присаживайся.

— Я не потому пришел, что ты наказал старухе, я явился сам по себе. Хотел у тебя спросить о двух вещах. Первое дело такое: с чего это ты вдруг вздумал стать чайханщиком да еще разругался из-за этого с председателем? А теперь вот осмотрел я чайхану и не ошибусь, если скажу, что ты полюбил это дело.

— Понравилась тебе чайхана или нет?

— Понравилась.

Асроркул вдруг увидел мальчика, ехавшего верхом на лошади по другой стороне речки, и замахал ему руками. Мальчик в ответ отрицательно махнул рукой. Хайдар-ата заметил, что Асроркул нервничает.

— Это что за мальчик?

— Помощник мой. Я его послал в Бешсерка. Один тамошний джигит, Абдумаджидом его зовут, с фронта вернулся раненый. Вот уже дней пятнадцать как я бьюсь и никак не могу затащить его сюда. Два раза я за ним посылал, да, видишь ты, жена не согласилась пустить его: «Слаб он еще, говорит, того гляди, надорвется». Он в армию ушел на двадцать шестой день после женитьбы... Не знаю, какую причину она пошла сегодня.

Хайдар-ата с недоумением спросил:

— А что ты с ним хочешь делать? Разговор, что ли, у тебя к нему есть какой?

— Да нет, у него ко мне есть разговор, а у меня к моим чаевникам... Ты помнишь, как мы заставляли покойного Уста Мумина читать нам по ночам старинную книгу о прошлых войнах. И ведь как занятно нам было слушать всякие рассказы. Так разве не интереснее послушать сейчас рассказы о нынешней войне, от которой весь мир ходуном ходит? Каждый такой джигит, который побывал на фронте, это, брат, тебе целая книга. Поэтому я, как только услышу, что кто-нибудь в нашем районе приехал с фронта, сейчас же тащу его сюда.

Тем временем мальчик переехал через мост, привязал лошадь на берегу сая, а сам поднялся наверх. Он поздоровался с Хайдар-ата и протянул Асроркулу записку. Асроркул вслух прочитал ее:

— «Уважаемый Асроркул-ата! Я вчера хотел приехать сам, но из города нагрянули гости. Сегодня мы хотим поехать в Карашаар. Будем завтра вечером вместе с гостями в вашем распоряжении.

Ваш сын Абдумаджид».

Асроркул чуть не задохнулся от досады, читая записку.

— Нельзя разве было ему сразу сюда приехать вместе с гостями? Он и завтра меня надует. Ну, что за дела у него в Карашааре? Нет, видно, если я сам к нему не поеду, ничего не выйдет. Ты, сынок, займись-ка газетами и журналами и приготовь все к вечеру. Хайдар, давай съездим вместе, часа за полтора доедем туда.

Хайдар-ата ехать отказался, и Асроркул отправился сам. Переехав через мост, он выбрался на большую дорогу, огрел лошадь камчой и скрылся в низине между буграми. Хайдар-ата молча наблюдал за желтоватой пылью,

Гости поднялись, чтобы уйти, каждый сказал хозяйке несколько слов в утешение, хотя и знал, что никакие слова не могут помочь. Хайдар-ата повел гостей в чайхану.

...Проводив гостей, Хайдар-ата остался в чайхане. Он расположился на супе, посреди большого цветника, и сидел молча, поглядывая на дорогу.

Вскоре приехал Асроркул. Как ни старался Хайдар-ата казаться спокойным, Асроркул заметил что-то неладное.

— Ну, тебе как будто скучно, я вижу,— сказал он.

— Нет... Тут приходили гости.

— Встретил их по дороге. Завтра придут, это уж наверняка. А теперь пойдем домой.

Хайдар-ата боялся встречи Асроркула с его старухой. Он прибегнул к уловке.

— Постели одеяло на этой супе и давай посидим немного... Если бы кто-нибудь спросил у меня: «Чего ты хочешь? Хочешь провести остаток жизни в путешествии по белу свету или просидеть здесь на супе?» Я нисколько бы не задумался и сказал бы ему: «Давай мне лучше эту супу».

Слова друга пришлись по душе Асроркулу. Он расстелил на супе одеяло, полил землю для прохлады и пригласил Хайдар-ата.

— Ну вот, располагайся здесь! Раз эта супа так приплась тебе по вкусу, то посидим тут до обеда... Да, к слову сказать, ты ведь спрашивал меня, почему мне понравилось быть чайханщиком, а я тебе так и не ответил.

— Можешь теперь не объяснять. Знаю сам...

— Понял, почему мне нравится чайхана?

— Понял. Эти цветы выросли из того огня, который горит у тебя в груди. Ругай меня, я лодырь и шалопай! Ругай меня, скажи, что я ленивая курица, а не человек!

Асроркул раскатисто захохотал. Он решил перевести разговор на другую тему, чтобы вывести и себя и Хайдар-ата из неловкого положения.

— Ты у меня хотел спросить две вещи,— какая же вторая?

Хайдар-ата, говоря о двух вещах, имел в виду письма Едгорбая. Сейчас он растерялся и не знал, что сказать.

— Второе... теперь это уж твое дело. Раз от Едгор-

бая нет писем, пожалуй, это хорошо, что ты так утешаешь старуху... Может быть, еще и придет письмо.

Асроркул стал молча вглядываться в белые как снег мелкие облака, легкие тени от которых скользили по далеким изумрудно-зеленым холмам. Это продолжалось довольно долго. Потом старик приготовил чилим и закурил.

— Сколько времени нет писем? — спросил Хайдар-ата.

— Давно.

Хайдар-ата, не поднимая головы, быстро взглянул на друга. Лицо Асроркула показалось ему еще более загоревшим, потемневшим.

— Придет еще письмо, ты, друг, того... не томи себя всякими мыслями.

У Асроркула вдруг покраснели веки, и он улыбнулся какой-то деланной улыбкой.

— Какими там еще мыслями? Не на охоту ведь поехал Едгорбай, а на войну!.. Ты только старухе не говори, а я тебе всю правду скажу. Смотри не проболтайся, она не снесет... Я получил черное письмо.

Хайдар-ата на секунду задумался, не зная, говорить ли о том, что старуха уже знает об этом.

Асроркул спросил:

— Ты что, слышал разве?

Хайдар-ата решил ничего не говорить. Он понял, что горе одного из стариков еще больше усилит горе другого.

— Слышал в кишлаке, да не поверил... А верно это?

Асроркул, не отвечая на вопрос, стал приглаживать свои брови пальцами.

— Крепись, друг, горем да плачем тут ничего не сделаешь, — пересилив себя, проговорил Хайдар-ата.

— Я не плачу! Не будет у меня слез до тех пор, пока не обниму собственными руками его могилу и не приложу землю от нее к своим глазам...

Пришел Абрар сказать, чтобы шли к обеду. Асроркул при виде сына постарался изменить выражение лица, и пока они дошли, на нем не осталось и следа печали.

Старуха двигалась проворнее, чем обычно, и больше обычного говорила. Асроркул, вытирая руки полотенцем, испытующе взглянул на нее.

— Так-так, душецька моя, опять плакала?

На лице у старухи мелькнуло что-то вроде улыбки,

но она сейчас же отвернулась и стала скрестить котел шумовкой.

— Кроме как о слезах, тебе не о чем говорить, видно! — отрезала она с раздражением.

Однако, когда она подала обед, в глазах у нее были слезы. Поставив блюдо перед стариком, она сказала:

— До чего едкий дым от этих дров, ну прямо сил моих нет!

— Садись с нами, — сказал Асроркул, кладя ломтик редьки в рот, — нам едкого дыма вдать не пришлось: дым едкий там, где война идет.

За обедом старуха вела себя очень беспокойно. Один раз она, желая, видимо, сдержать слезы, подступившие к горлу, набросилась на Асроркула:

— И чего это ты чавкаешь так, разве нельзя жевать, как все люди!

— Редька, моя милая, ничего не поделаешь...

— Какая тебе редька! Ты мягкую лепешку жуешь, ровно лошадь сухой клевер!

— А ты не унывай, старуха, не распускай сердце.

— При чем тут сердце? Посиди-ка тут с утра до ночи, как я!

Хайдар-ата вмешался в разговор:

— Старуха твоя верно говорит... Послушайте, дорогая моя, ваша подружка ведь как наказывала мне, чтобы я вас к ней доставил. Я здесь проживу дня три-четыре, а вас завтра свезу в наш кишлак; идет, что ли? Что скажешь на это, Асроркул?

Муж и жена быстро взглянули друг на друга. Одна и та же мысль промелькнула при этом у обоих: «А что, если ты услышишь это известие без меня, не слишком ли одиноко будет тебе?»

Хайдар-ата долго упрашивал и наконец убедил их согласиться. Утром, когда к дому подъехала арба, старуха отозвала Хайдара-ата в сторону.

— Оставайтесь лучше с моим стариком. Не могу никак бросить его здесь одного.

— Может, Абрар вас свезет?

— У него работа. Сама-то я работать не могу да еще других буду в такое время от дела отрывать! Арбу приплю с почтальоном.

И старушка уехала.

1943

На работу он является одной-двумя минутами раньше срока и уходит на одну-две минуты позже, педантично платит профсоюзные взносы, на собраниях восседает в первом ряду и непременно выступает, дабы присоединиться к чьему-либо мнению и кого-либо поддержать. Он никогда не скажет «план производства хлопка», «задание правительства». Никогда. А обязательно «план производства нашего хлопка», «задание нашего правительства». На основании его информации, переданной «куда следует», в свое время изобличили одного человека как шпиона. Он об этом говорит многозначительно и немногословно, он дает понять, слегка прищурив глаз: это — государственная тайна...

Первые дни войны. Обеденный перерыв. За своим столом он неторопливо пьет чай. На стуле у стены женщина качает плачущего ребенка, ей не удается его успокоить, даже дав грудь. Она просит:

— Ну, пожалуйста... Что вам стоит подписать... Вы ведь знаете, что муж ушел на фронт.

Человек неторопливо очистил яйцо, старательно по солил и опустил в рот. Долго жевал, по-куриному вытянув шею, проглотил, и, прихлебывая чай, глазами показал на часы, висевшие на стене: обеденный перерыв еще не кончился.

Женщина, чуть не плача, вышла, опять вошла, поглядела на часы и снова вышла... Ребенок не успокаивался, он не желал ждать, пока пройдут семь-восемь минут!

Наконец стрелки часов отметили начало работы. Человек длинно отрыгнув, промокнул бумажкой рот, еще раз посмотрел на часы и вытащил из ящичка какую-то бумагу. И, протягивая бумагу женщине, хихикнул.

«Что значит это «хи-хи»?» — с недоумением уставилась на него женщина. Что он хотел сказать своим «хи-хи»? Хотел ли он дать понять, что имеет законное право пользоваться обеденным перерывом? Нет. Намерен ли он был лишний раз убедиться в своей необходимости кому-то? Нисколько.

Разгадка иная. Я подскажу ее, так как хорошо знаю этого хихикающего человека.

Когда женщина, вконец измучившись, вернется домой, она, возможно, вместо того, чтобы в сердцах сказать: «Чтоб ты сгорел!» — скажет: «Чтоб вы все сгорели!» Очень может быть. Такова, по крайней мере, цель хихикающего. Его «хи-хи» означает, что он заранее пересылает ругань, предназначенную ему, в другой адрес, адрес более высокой персоны: «Ты норовишь плюнуть в меня, но твой плевок через мою голову падает на стол самого правительства! Хи-хи!»

Радио принесло весть: наши войска оставили Киев. Он хотел бежать вперед всех, приложив ладонь к уху. Но вдруг неожиданно для себя и окружающих громко хихикнул.

В тот день, перерыв тетин ларец, он искал купчую на участок земли в Пасткуруке.

А в день, когда стало известно об угрозе, нависшей над Москвой, он снова захихикал и до поздней ночи искал документ на право владения бывшим именем «Фантазия». Ладно, на худой конец, найдутся свидетели, они подтвердят, что покойный отец купил «Фантазию» за наличные деньги у Альфреда.

В эти дни Хи-хи смаковал неудачи Красной Армии, старался посеять тревогу в людских сердцах, в сердцах тех, кто проводил на фронт родных.

Всегда кто-то поставлял ему эти слухи. А кто именно, «хоть убей, вылетело из головы». Он слезливо жалуется на беспамятность, на склероз. Но не забывает добавить:

— Я, разумеется, этому не верю. Но даже, если это правда... Хи-хи... Пусть останется между нами...

Эти фразы неизменны, как припев в песне.

Если вдруг оказывается, что от него потребовалось

собственное мнение, он отшутится, отделается неизменным «хи-хи». Он — великий шутник, его «хи-хи» призвано помочь и когда собеседник ему по душе, и когда совсем даже не по душе. Ведь это такое милое, такое безобидное «хи-хи»...

Гитлеровцы, разбившись в кровь о стальную оборону Москвы, откатились назад. Хи-хи опять караулит под рупором репродуктора, настороженно ловит каждую сводку.

— Наши войска перешли в наступление... Да здравствует!.. Хи-хи!..

Он радуется своей пронизательности: хорошо, что не поспешил побеседовать с теми, кто знает про «Фантазию», — оказывается, еще рановато. Ничего, подождем... Он дьявольски терпелив, этот хихикающий человек.

Московская область освобождена от фашистов.

— Да здравствует!.. Хи-хи!..

Он поспешил спрятать купчую на дно тетиного ларца.

Ему трудно подавить печаль. Каждый шаг наступающей Красной Армии отдается унынием в его сердце.

— Что-то вы, сударь, повесили нос?

— Э, дорогой товарищ, мне сегодня немного не по себе.

Кто-нибудь наивный предположит, будто ему «немного не по себе» из-за бытовых неурядиц либо сердце пошаливает. Он тщательно таит свою душонку. Лишь при простофиле осторожно выползет из дупла и, хихикая, сообщит кое-что по секрету.

До каких, однако, пор будет звучать это гнусное «хи-хи»?!

1942

Если фашист вдруг лицом к лицу встретится с красноармейцем, он или струсит, как жалкий щенок, который со страху начинает тявкать, чтобы напугать, и закричит: «Рус, сдавайсь!» — или сам поднимет руки. Если сдастся сам, то встретит снисхождение, ибо Красная Армия пообещала окруженным под Сталинградом немцам «жизнь и безопасность всем офицерам и солдатам, не оказывающим сопротивления».

Если фашист завопит: «Рус, сдавайсь!» — он либо получит пулю в лоб, либо, коль поспеет, с проворством голодной вши забьется в первую попавшуюся щель. Если он грохнется на землю, значит, застреливший его красноармеец вышиб еще один зуб у Гитлера-дракона и тем самым исполнил свой священный долг перед Родиной и человечеством.

Если же фашист попытается сохранить свою поганую жизнь, укрывшись в первой попавшейся щели, то услышит, как фашистские газеты поднимут вопль о «жестокости русских», либо, дабы взбодрить немецкий дух, вопят, что «Красная Армия состоит из шестнадцатилетних детей». Теперь уже неуместно проливать слезы по поводу «русской жестокости».

Красная Армия поднимает меч на тех, кто замахнулся на нее, она вышвыривает захватчиков со своей земли, предоставляя им возможность пожинать плоды их собственного посева. Советский народ отомстит за кровь своих детей!

Когда фашистская печать и радио надрываются по поводу «шестнадцатилетних детишек», служащих в Красной Армии», «поднявший свой дух», оболваненный немецкий солдат, чувствуя общее положение на фронтах, или удивляется, недоуменно разводя руками, или же у него не хватает сообразительности, даже чтобы удивляться. Если удивляется, то есть чему: «шестнадцатилетние» наступают на всех фронтах, гонят в шею врага, лупят спесивых, вполне совершеннолетних немецких, румынских, венгерских генералов. Гитлеровский солдат, если ему не достает сообразительности, чтобы удивляться, либо ждет объяснений, либо — чуда. Ждать объяснений от Гитлера — занятие зряшное, еще в прошлом году осенью он в своей крикливой речи заявил: «Захват Сталинграда будет иметь особенно важное значение, а когда мы захватываем какую-либо территорию, нас невозможно заставить сдвинуться с места». Тут, пожалуй, была доля истины: Красная Армия не сдвинула с места его отборные войска под Сталинградом — она их либо уничтожила, либо пленила.

Если свершится чудо и объявится кто-то желающий разъяснить немецкому солдату почему он, «сверхчеловек», оказался в столь плачевном состоянии, и солдат удовлетворится этим враньем, то сама Красная Армия растолкует ему что к чему и у него откроются глаза.

Ну, а если не откроются? Тогда плохи его дела. Ему не уйти от кары — он упадет на землю и уже никогда не откроет глаза!

1943

С тех пор как Аскар-ата услышал рассказ об узбечке Магфират-хон, которая с оружием в руках погибла в борьбе за Советскую власть, его не оставляла мысль посетить могилу героини. И вот однажды зимой выдался подходящий случай. Несколько человек собрались на охоту как раз в ту сторону, к реке. Аскар-ата присоединился к ним. Все было уже готово: и ружья, и лошади; ждал только охотника, который должен был привезти ловчих птиц. Аскар-ата решил пока опробовать коня, показавшегося ему посмирнее: он сел на него, и конь тотчас же ринулся к большому арыку. В этот момент слышался чей-то нежный голос:

— Отец, не надо поить!

Аскар-ата придержал коня и обернулся. Он увидел молодую женщину в стеганой ватной телогрейке и в грубых сапогах, сшитых внутренней стороной кожи наружу.

— Да нет, дочка, я не хочу поить. Скажи-ка мне лучше, какая из лошадей у вас здесь посмирнее?

— Посмирнее? Ну возьмите мою.

— А сама ты как?

— Мне все равно.

Эти слова показались Аскару-ата похожими на заносчивую похвальбу какого-нибудь мальчишки, первый раз в жизни севшего верхом на лошадь и уже возомнившего себя удалым ваездником.

Но вот приехал человек с ловчими птицами. Охотники спарядились в путь. Аскар-ата все еще колебался: са-

даться ему на лошадь, предложенную женщиной, или нет, как назнакомка, держа свою лошадь под уздцы, сказала:

— Садитесь, отец!

Делать было печего, и Аскар-ата взобрался в седло. Молодая женщина вошла в конюшню и сейчас же выехала оттуда верхом на сером жеребце. Жеребец так и танцевал под всадницей, кидаясь то в одну сторону, то в другую. Когда Аскар-ата увидел это, сердце у него упало.

— Дочка, а нет ли у тебя другой лошади?

— А что?

— Эта лошадь... того... не годится для охоты.

— А я еду не на охоту, отец. Я еду во вторую МТС.

Несмотря на то что женщина без всяких усилий справлялась со своей лошадью, Аскар-ата изболелся душой, пока они выехали из кишлака. Каждый раз, когда жеребец начинал резвиться, у старика захватывало дух. Женщина это заметила и, засмеявшись, сказала:

— Не беспокойтесь, уж если и упаду, то земля удержит.

— Да я не беспокоюсь, дочка, а только не дает твоя лошадь спокойно разговаривать. Сменила бы ты ее на другую, мы бы и ехали себе да беседовали.

Охотники уехали далеко вперед. Женщина чуть-чуть ослабила поводья, и жеребец, только и ждавший этого, сразу рванулся вскачь. Аскар-ата сначала испугался, но потом, глядя, как сидит в седле женщина, сам приободрился, несколько раз огрел свою лошадь камчой. Женщина ожидала его.

— Ловко ты управляешь лошадьми, дочка! Молодец... Что ты делаешь в колхозе?

— Трактористка МТС.

Аскар-ата оглядел ее с головы до ног. Опять тронулись в путь. Лошади шли ровно, голова в голову.

— Тебе и с лошадьми приходится дело иметь?

— Нет, теперь не очень-то приходится.

— Значит, раньше приходилось? А что делает твой муж?

— Раньше он тоже работал трактористом. Теперь на фронте.

— Когда уехал?

— Как война началась, так и уехал.

— Дети есть?

— Есть, один сын. Из-за него-то я и научилась ездить на лошади.

— Из-за него?

— Ну да. Сказать вам по правде, отец, до войны были мы с мужем люди неопытные: завели дом, хозяйство и работали, радовались, что я хорошо шью и готовлю. Я окончила только семилетку, но муж сказал: «Хватит тебе учиться; мало будет — потом доучишься». Я даже не работала. Так и осталась домохозяйкой. Это привело к тому, что, когда началась война, все мои ровесницы нашли себе работу, а я растерялась совсем. У других-то мужья уехали со спокойной душой, а у моего камень на сердце... На следующий день после отправки, вечером, пришла к нам во двор тетка Камиля. Знаете, она смотрит на всех молодых, которые уехали на фронт, как на своих собственных сыновей. Вот расспросила она меня, как я живу, а потом и говорит: «Ну, дочка, а теперь плати долг народу, говори, что умеешь делать?» Такая меня тут досада взяла, что мочи нет, я и говорю ей в ответ: «Все умею, кроме домашнего хозяйства». Сыну моему было тогда шесть месяцев... «Ну, коли так, тогда не беспокойся о сыне, уж я-то лучше тебя знаю, как надо ходить за детьми». Через неделю она повела меня в МТС. Брат ее работал механиком в бригаде. У него-то я и потрудилась здорово целых два месяца. Потом две недели меня еще проверяли, и получила я звание трактористки. Тут уж и я стала прямо глядеть в глаза всем сверстницам своим. За сыном смотрела тетка Камиля. Раз в день, примерно, в полдень, садилась я на первую попавшуюся лошадь и ехала кормить. Вот так и научилась ездить верхом.

— Да, здорово пришлось тебе помучиться. Как твой муж говорил: «Мало будет — после доучишься»?

— Сам он помучился еще больше моего. Он ведь привык, что я день-деньской сижу дома; если выйду, бывало, на улицу: так для него это все равно, что зуб здоровый выдернуть... Так вот, в одном письме он мне написал: «Мы сейчас, мол, отдыхаем после большого похода. Устали очень. Знаешь, когда человек устанет, в голову лезут всякие неприятные мысли. Сейчас, мол, уже двадцать минут десятого. Сижу и пишу тебе письмо. А вот ты что делаешь сейчас, в эту минуту?..» Я не очень огорчилась этими словами, сказала себе, что мужчина иногда может подумать о женщине плохо. Дня так через три еще пи-

сьмо пришло. «Скоро, мол, Новый год. Где ты его будешь встречать? Позовешь к себе друзей-приятелей или сама к кому пойдешь? Если к себе позовешь, то смотри, пей чай из той самой ппалы, что я тебе привез из Крыма, на которой твое имя написано». Я на это ответила ему коротко: «Для меня Новый год, мол, придет, когда ты вернешься домой». Еще это мое письмо к нему не дошло, а уж от него новое получаю: «Видал я во сне встречу Нового года, будто ты сидишь с кем-то на чужом айване... На рассвете вернулась домой и, не умывшись, подошла к сыну. Он спал, а ты поцеловала его в щеку...» Эти слова запали мне глубоко в душу.

Женщина нагнулась и погладила гриву лошади. Видимо, слезы подступили к глазам. Аскар-ата притворился, что ничего не заметил. Прошло несколько минут, пока женщина выпрямилась и, указывая на кишлак, черневший у подножия далеких гор, покрытых снегом, сказала:

— Видите, вот там вторая МТС. Мне нужно ехать по той тропинке. Но уж ладно, я вас провожу дальше и поеду большаком. К слову сказать, отец, почему вы едете на охоту без ружья?

Старик раскрыл женщине цель своей поездки и попросил, чтобы она поехала вместе с ним, если у нее не так много дела в МТС. Оказалось, что спутница его очень чтит память Магфиратхон и что она с радостью поедет. Они знаками дали понять охотникам, чтобы те ехали дальше, не ожидая их, а сами свернули на тропинку. Вскоре охотники исчезли с глаз.

У самого въезда в кишлак ребяташки катались на льду. Когда всадники подъехали ближе, девочка лет семи, крепко придерживая рукой штаны, надетые поверх халатика, побежала навстречу.

— Сабирахон-апа!

Женщина придерживала лошадь.

— Крошка ты моя маленькая! Иди сюда, дай ручку!

Женщина посадила девочку к себе в седло.

— Ой, как ты замерзла! Чья ты?

— Базарбая... Когда отдадите нам дядино знамя? Вы ведь увезли...

— Ой, значит, ты племянница Бутабая! — воскликнула женщина и пояснила тут же Аскару-ата: — Мы отобрали у них переходящее Красное знамя за озимую вспашку, вот про это она и говорит... Дядя дома?

— Дядя уехал в район. Он привезет братишке люльку.

Из красных ворот, возле которых высился огромный старый карагач, какой-то старик выкатил бочку, выпрямился, поглядел на всадников и тут же скрылся. Путники еще не доехали до ворот, как оттуда вышли три человека. Младшему из них было лет двадцать, а старшему около тридцати. Когда Аскар-ата увидел, с какой почтительностью они обращаются к его спутнице, он ощутил неловкость оттого, что всю дорогу разговаривал с ней на «ты». И молодые люди, и старик, подошедший к ним через некоторое время, так почтительно обращались к женщине, что Аскар-ата усомнился в том, что она всего-навсего простая трактористка. Однако разговор между ними шел только о ремонте, запасных частях, бригаде и горючем; даже шутки их и несколько аския, сказанных очень удачно,— все не выходило за пределы той же темы. Аскар-ата видел на своем веку немало женщин, пользовавшихся уважением мужчин, но то были, главным образом, руководящие работники: председатели, заведующие, директора. Уважение, которым пользовалась простая трактористка, как-то выделяло ее среди всех других. Аскар-ата подумал: «Плохо же тебя знает муж, если писал тебе такие письма. Ты знаешь себе цену, а если женщина знает себе цену, никогда ни один мужчина не посмеет дурно смотреть на нее». Ему захотелось поделиться этой мыслью с женщиной и спросить у нее, что она написала мужу в ответ на его письмо.

Но не успел он оглянуться, как набежало с десяток женщин. Собрались подружки и приятельницы Сабирахон. Аскар-ата почему-то предполагал, что его уважаемая спутница будет вести себя как-то иначе, чем остальные женщины, и был удивлен, видя, что она ничем не отличается от своих подруг. Когда они вошли в дом, Сабирахон не захотела сесть на почетное место напротив двери. Да ее, впрочем, не особенно и упрашивали. На почетное место усадили Аскара-ата с двумя женщинами средних лет. Аскар-ата чувствовал себя не в своей тарелке, видя, что он единственный мужчина среди стольких женщин. Он поздоровался отдельно с каждой, высказав при этом добрые пожелания.

Вдруг женщина, стоявшая у окна, сказала:

— Староста идет.

Когда Аскар-ата услышал слово «староста», он живо

представил себе старика и облегченно вздохнул. Но в комнату вошла женщина лет сорока. Все поднялись. Хотел встать и Аскар-ата, но женщина быстро подошла к нему и, положив руку на плечо, не позволила подняться.

— Сидите спокойно, отец! Мне при вас и постоять будет прилично, а уж вам-то вставать, когда я вошла, будет просто нехорошо.

Это была председатель сельского Совета. Она обнялась с Сабирахон и поцеловала ее в лицо и глаза. В это время взгляд ее упал на девушку, ревавшую лук на подоконнике.

— Бахри, будь ты неладна!

Бахри побледнела и выронила из рук нож.

— Что я сделала, ападжан?

— Цыц, бессовестная!

Бахри оглядела всех, находившихся в комнате, и залилась румянцем. Глаза ее наполнились слезами:

— В чем я провинилась?..

— Почему не пишешь мужу?

— Ой, какую напраслину вы возводите на меня! Как это я не пишу. Вот хоть их спросите!

— Кто лучше знает, пишешь ты или не пишешь: эти люди или твой муж? На вот, почитай, как ты пишешь письма.

Письмо взяла Сабирахон и прочла то место, которое было подчеркнуто синим карандашом.

«...Я узнал, что Бахрихон получила премию: барана и отрез шелка на платье. Я два раза писал ей и просил ответить, за что ее премировали, но она не написала. Прошу вас, товарищ Ибрагимов, если можно, сообщите мне сами об этом».

Бахри, вытирая рукавом слезы, улыбнулась:

— Не говорит же он, что я не пишу ему! Погодите, ападжан, я вам сейчас объясню. Когда он в прошлом году получил орден Красной Звезды, я три раза в письмах спрашивала его: «За что тебе дали орден?» Три письма он мне прислал, и в каждом один ответ: «За то, что особо отличился, защищая тебя». Вот и я тоже не написала ему, за что получила премию; на его письма ответила так: «Получила за то, что тебя не забывала».

Так закончился общим смехом этот разговор. Бахри продолжала свою работу. Аскар-ата стал внимательно

к ней присматриваться, и она показалась ему слишком молодой.

— Сколько тебе лет, дочка?

Бахри с лукавничкой взглянула на старика и затем ответила:

— Я вот сама все думаю, стать мне восемнадцатилетней или подождать...

Староста, поняв, почему Аскар-ата задал такой вопрос, объяснила:

— Мы говорим «муж», а она ведь за того парня еще и не вышла. Только договорились. Что ты ему сказала, Бахри, когда он уезжал на фронт? «Если я полюблю другого, пусть пули, которые у тебя останутся после разгрома фашистов, пробьют мою грудь...» Так ты сказала?

Бахри покраснела, но не ответила.

Аскар-ата с глубокой нежностью посмотрел на девушку и сказал шутливо:

— Смотри, дочка, ты только не умри, а живи долго-долго.

Хозяйка, расстилая дастархан, многозначительно добавила:

— Если она не будет похожа на Умри, то, бог даст, будет жить долго.

Кто-то приглушенно засмеялся. Аскар-ата, решив, что допустил какую-то неловкость, почувствовал смущение. Сабирахон поспешила разъяснить:

— У нас в кишлаке была женщина Умри, или, вернее сказать, Умриниса. Она про нее говорит.

Аскар-ата не удовлетворился этим объяснением:

— Кто она? Что за женщина? — спросил он.

Никто не ответил на его вопрос. Воцарилось тягостное молчание. Такое молчание наступает, когда вдруг упомянут имя человека, погибшего в результате какого-нибудь трагического случая, о котором язык не поворачивается говорить и о котором вспоминать слишком тяжело. Долго длилось это молчание. Аскар-ата так и не понял, в чем тут тайна, но счел неудобным расспрашивать.

Сабирахон вытащила из-за пазухи пачку бумаги и, передавая их старосте, тихо сказала:

— Бутабай, оказывается, уехал в район, вот, пожалуйста, передайте это ему.

— Он придет, вечером придет, — возразила та,

— Мы с Аскар-ата хотим поехать к реке. Он решил посетить могилу Магфиратхон и просил меня съездить вместе с ним. На обратном пути, наверное, не придется заехать к вам.

При упоминании имени Магфиратхон беседа снова оживилась. Двое из присутствующих захотели присоединиться к едущим. Одна из них тщедушная женщина Шарафатхон, работавшая сторожихой и уборщицей в кишлачной школе, а вторая — Рисолят, женщина лет двадцати пяти, назначенная недавно бригадиром комсомольской бригады. Муж Рисолят весной 1942 года был призван в армию и с тех пор все время слал жене письма то из Ленинабада, то из Алма-Аты. Очень, видимо, хотелось Рисолят поехать к нему, но она не смела заявить о своем желании. Староста, поднимаясь из-за дастархана, сказала:

— Сабирахон, возьмите с собой Бахри, пусть прогуляется.

У девушки от этих слов будто крылья выросли за спиной. Она собралась в путь раньше всех и выехала на дорогу.

Тронулись. Бахри ехала далеко впереди вместе с Рисолят и пела песню в такт шагу своей лошади:

Жизни своей не губи брешною страстью, смотри!
Страсть от любви отлпчай, не оппбайся, смотри!

Аскар-ата ехал позади всех, погрузившись в свои думы.

Человек так уж устроен, что всегда обращает внимание на то, что исчезает, даже если это происходит очень медленно, но часто не замечает появления нового. Вот так и Аскар-ата: никогда не прислушивался к тому, о чем говорят между собой женщины, а сегодняшний разговор открыл ему глаза. Он увидел то, чем раньше вообще не интересовался — как выросли кишлачные женщины.

Теперь ни к одной из этих женщин не подходят такие слова, как «болезная моя», «моя пушилка». И вовсе не борьба за хлеб насущный заставляет их делать то или иное дело. У всех этих женщин есть какой-то внутренний порыв. И если бы не этот порыв, никакие законы и никакие личные интересы не заставили бы их работать так, как они работают.

Сабирахон попридержала свою лошадь.

— Отец, о чем это вы задумались?

Аскар-ата поравнялся с ней и ответил:

— А вот, дочка, о нашем с вами разговоре... Ответили вы на письмо мужа или нет?

Сабирахон улыбнулась:

— Он, значит, написал: «Ребенок спал, а ты подошла к нему, неумытая, и поцеловала его в щеку». В самое сердце ударили меня эти слова. Не сдержала я слез. Села и написала ему письмо. А потом пошла с письмом к тетке Камиле. Я рассказала ей все, как есть, и прочитала письмо мужа и свой ответ. Она, когда слушала, смеялась, а меня за мое письмо поругала. «Что же ты, то писала нежные письма, и вдруг, ни с того ни с сего, посылаешь такое холодное письмо: душа-то у него прюстынет». Взяла она мое письмо и разорвала в клочки. Когда злость во мне остыла, я поразмыслила и решила, что не стоит так сильно обижаться на моего бедного муженька... Ведь когда говорят у нас здесь «война», мы вроде бы слышим шум и гром и видим кровь, а когда узнаем, что какой-то трус бросил винтовку и побежал, мы говорим: «предатель» — да и все. Но мы ведь не можем смотреть на этого предателя так, как смотрит на него солдат, который ранен в бою, или солдат, который в ту минуту идет вперед и которому нужна подмога товарища, так ведь? Вот точь-в-точь так же мой муж там думает о кишлаке, и ему кажется, что кишлак такой же, как до войны. И вот его воображению рисуется женщина, которая топчет мужнину честь в то самое время, когда муж на фронте пробивается вперед через тысячи опасностей. Но ведь не может он так смотреть на эту самку, как мы смотрим, когда мы тут душой болеем за родину и за своих мужей, и страдаем, и отводим душу в тяжелом, очень тяжелом труде. Нет, не может он смотреть так, как мы!

Когда Сабирахон сказала «не может», в ее голосе было сожаление.

— Вы давеча спросили об Умри,— продолжала Сабирахон,— но никто о ней не захотел говорить. И я не стала бы говорить о ней, если бы к слову не пришлось.

Но Сабирахон не стала продолжать свой рассказ, сжала молча, поглощенная своими мыслями, и, должно быть, машинально, напевала себе под нос какой-то груст-

ный мотив. Аскар-ата взглянул на Шарафат, ехавшую справа от него. Шарафат по-своему истолковала его взгляд, слегка покраснела и, улыбувшись, сказала:

— Кому делать нечего, тот с жиру бесится, отец.

Заметив смущение молодой женщины, Аскар-ата предположил, что она имеет что-то общее с Умри, и спросил:

— А кем тебе доводится Умри?

Шарафат бросила быстрый взгляд на старика и будто хотела что-то сказать, но сдержалась.

— Никем она мне не доводится. Спросите лучше у Рисолят.

Они, увлекшись разговором, сильно отстали. Рисолят и Бахри давным-давно проехали через кустарник и теперь, взобравшись на высокий холм у дороги, осматривали окрестности в ожидании своих спутников.

Сабирахон пустила свою лошадь вскачь и поднялась на холм. За ней следовали Аскар-ата и Шарафат. С холма была видна река, и сюда доносилось криканье уток. Все притихли, наслаждаясь созерцанием прекрасной картины.

Спустившись с холма, они долго еще ехали в полном молчании. Наконец Аскар-ата решил его нарушить и, не найдя ничего лучшего, спросил у Рисолят:

— Рисолятхон, дочка, скажи, может быть, тебе кем-то доводится Умри?

Рисолят взглянула на Шарафат, потом — на Сабирахон и, увидев, что обе улыбаются, сказала:

— Мне-то она никто, а вот слыхала я, что она собирается стать соперницей сразу и Сабирахон и Шарафат.

Посыпались аския. Аския были такого характера, как если бы ехавшие увидели лежащую на дороге отвратительную грязную тряпку и, подцепив на палку, стали бы ее перебрасывать друг другу, приговаривая при этом: «Вот тебе «платочек» — держи!»

Смеялись так, что стало наконец невмочь, и Рисолят, вытирая слезы, сказала:

— Ну и удивитесь же вы, отец! Был у нас в кпшлаке Гаффарджан, парень тихий, воды не замутит, и к тому же одинокий. Все его знали — он больше года работал заведующим сельпо, а я знала его лучше всех, потому что мы с ним из одной махалли. Вот запаало ему в голову жениться, и что же: за какую-нибудь неделю сладили свадьбу. В невесты он выбрал себе девушку Умри. Фасон

у нее был большой. Вот пожилли они вместе месяцев девять, и, знаете, мужчине всегда досада брала при виде их, а женщинам было жалко Гаффарджана. Его жена — ну каждым словом, каждым шагом своим показать хотела, что, мол, «ты мне по гроб жизни должен быть благодарен, что я за тебя пошла». Сам-то Гаффарджан будто не замечал этого, а может, и замечал, да думал, что это, мол, все — «капризы красавицы».

Так они и жили. И вот месяцев через шесть после свадьбы Гаффарджану, нашему заведующему сельпо, дали по шапке. После того, за три месяца они чуть ли не три раза расходились да сходились. Каждый раз, как разойдутся, Умри уезжает в свой кишлак Доврук, а потом опять появляется. Ну, нрав Гаффарджана все знали и считали, что Умри во всем виновата. Но вот провожали Гаффарджана в армию, и Умри такой крик подняла, что все, кто говорил, что она всему виновой, прикусили язычки. Если бы измерять любовь слезам, которые люди льют в такие минуты, так, наверное, любовь сотни Ширин и Лейли была бы просто пустяком по сравнению с любовью Умринсы. Не было, пожалуй, таких слез на свете с тех пор, как появилось самое это слово «разлука». Ну и рев был, ну и рев!

— Еще и под паровоз хотела броситься, — вставила Бахри, ехавшая сзади.

— Да, да, она хотела руки на себя наложить. Ну ладно, прошло так месяца три-четыре. Как-то раз лежу это я дома — мне нездоровилось, — и вдруг является Умри. Бывало, когда ее муж еще был здесь, поздороваешься с ней, спросишь: «Как здоровье?» — «А тебе какое дело?» — отвечает. А тут откуда только у нее взялись сладкие речи! Расспрашивает о здоровье, двор мне подмела, даже голову мне растерла. Я про себя подумала, вот, мол, одиночество как действовало. Долго мы с ней разговаривали. После этого она часто стала ко мне приходить. Да и я начала всегда о ней спрашиваться. Ну, словом, подружились мы с ней. Раньше я удивлялась, как эте Умри не могла найти себе подружки с тех пор, как переселилась в наш кишлак. Но после того как мы с ней подружились, я узнала, в чем тут дело. Для нее, оказывается, ровни не находится: те люди, которых она знает, либо ниже ее, либо выше. На людей, какие ниже ее, она указывает пальцем ноги, а если кто выше ее, так она ему

в ноги падает. А чтобы узнать, кто выше, а кто ниже, у нее своя мерка есть: она смотрит, сколько у кого в доме ковров или сколько людей в подчинении... Весной из-за полевых работ я целую неделю не была дома: когда пришла домой, то узнала, что Умри уехала в Доврук. В отъезде находилась месяц, а потом опять появилась. Гляжу я, сбруя у нее совсем не та: на бровях усма, в глазах сурьма, локоны спущены на виски, над губой синяя мушка налеплена... Шею замотала кисеей. «Что случилось, — говорю, — горло, что ли, болит?» А она хихикает: «Дверью прищемила». В руках у нее письмо от Гаффарджана. Я просто не знала, что сказать, взяла у нее письмо. Она тоже молчит, я читаю себе. Читаю... Эх, бедняга Гаффарджан! Такое письмо написал, такие слова, что слезы у меня из глаз брызнули...

Рисолят при этом прослезилась.

— Нет, послушайте, послушайте, что он написал там в одном месте: «Как придет мне конец, как ударит меня пулей, что я крикну, когда буду падать: «ана» или «Умри-хон»?»

Аскар-ата не мог совладать с собой и, дернув за повод, огрел лошадь камчой. Он не видел ничего, только две картины стояли у него перед глазами: побелевшие, окровавленные губы, готовые принять последний поцелуй любимой женщины, и шея, обмотанная кисеей.

Рисолят продолжала:

— После этого я стала избегать ее. Все-таки она находила разные поводы и заходила ко мне... Я все ломала голову — чего это она трется около меня? Секрет раскрылся... Была у нее очень красивая тюбетейка, вышитая золотом; и вот как-то раз я, когда ходила в Доврук, увидела вдруг эту самую тюбетейку на голове у моего двоюродного брата Аминджана. Порасспросила я кое-кого и узнала, что бедняга попал паучихе в лапы. Умри ему наговорила, что она, мол, любила его, еще когда ходила в девушках, что он, дескать, на нее не обращал внимания, и она разозлилась на него да и вышла замуж, а теперь, мол, с мужем разошлась. Аминджан хоть и молодой, но парень крепкий, серьезный, работающий, за то и сделали его председателем колхоза, его колхоз был самым первым в Довруке. Я ему рассказала все, что знала об Умри, и под конец говорю: «Не жди того, чтобы жена, которая мужу изменила, была тебе верна». После того он

долго не мог увидиться с Умри, потому что после уборки урожая уехал на Фархадстрой и там проработал всю зиму. Про наш разговор с ним я Умри ничего не сказала. И вот как-то заходит она ко мне и ломается, как всегда, а я ее спрашиваю нарочно: «Ну, Умри, когда же свадьба?» Она сперва побелела, потом покраснела, кинулась мне на шею и в рев. А я говорю: «Ну ладно, ладно, вижу, что любишь Амнджана, а вот мужу что ответишь?» Она мне говорит: «Уже полтора месяца от него ничего не получаю. Да и все равно не любила я его».

«Хотя и полтора месяца муж тебе не писал, неизвестно ведь, убит он или жив, что ты людям говорить будешь?» Умри, видно, поняла мои слова так, что я хочу ей что-нибудь посоветовать. Она убежала и принесла из дома какую-то бумажку. Оказалось, что это извещение, которое кому-то было прислано. «Ну и что же? — говорю я, а она мне: «Не стереть ли тут мне адрес и написать свое имя, а?»

Аскар-ата вдруг дернул лошадь за повод, потом бросил его и поднял кверху руки.

— Боже милостивый! — сказал он. Из его глаз капля за каплей скатывались на белую бороду слезы. — Боже милостивый! Пусть вытекут оба глаза у этой бабы, и пусть Гаффарджан вернется домой целым и невредимым, и пусть водит он ее по всем улицам! Господи, боже мой, до стольких лет я дожил, но никогда ни о чем тебя не просил!..

Все подавленно молчали. Лошади сами потихоньку пошпи.

— Ну, что же дальше было? — спросил наконец Аскар-ата, взяв поводья в руку.

Рисолят оглядела всех, как бы желая узнать, стоит ли ей рассказывать дальше. Однако никто не проронил ни слова, и она продолжала:

— И хоть я не особенно опасалась того, что Амнджан женится на Умри, все же решила показать ему настоящее ее лицо. Пусть, мол, узнает, что есть на свете такие женщины, для которых любовь — ключ, подходящий к любому замку. Я и говорю ей: «Насчет извещения ты посоветуйся с самим Амнджаном, потому что, если ты не скажешь, что у тебя есть муж, Амнджан все равно ведь узнает правду». Умри ждала, ждала с нетерпением, когда

вернется Амнджан с Фархадстрой. Наконец, как услышала, что Амнджан приехал, в тот же день нарядилась и отправилась к нему. Через два дня явилась она ко мне с завязанной щекой. Стала я ее спрашивать, — говорит, зуб болит, то да се, а в общем дознаться трудно. Амнджан тоже не сказал мне, что там у них произошло.

Только через несколько дней узнала я об этом от его друга закадычного. Умри, оказывается, показала Амнджану то самое извещение и сослалась на мой совет, а он ее спрашивает: «Ну, ладно, ты объявишь, что муж твой погиб, соберутся его друзья-приятели, начнутся разговоры; сумеешь ли ты тогда сесть где-нибудь в сторонке и притвориться, что плачешь, а?» Умри говорит: «Сумею!» Когда Амнджан рассказывал об этом своему другу, то очень возмущался, но не сказал, что именно он ответил на те слова Умри. Наверное, ударил ее по лицу тогда. Как бы то ни было, с того времени Умри, как увидит меня на улице, так переходит на другую сторону. Так прошло месяцев шесть. Как-то раз я еще издали увидела Умри, а в руке у нее кисть винограда. Она узнала меня на сей раз и кричит: «Посмотри-ка» — и протягивает мне бумажку. Гляжу, оказывается, это извещение о смерти Гаффарджана на ее имя. Не знаю я, верить или нет, и спрашиваю: «А не липовое ли это извещение, может, ты сама его изготовила?» Ну, когда я разобрала, что оно не поддельное, я и говорю ей: «Ну, что же, чего ты хотела, того и добилась: попал твой муж под пулю. Когда он там упал и крикнул, как писал в письме, «Умрихон!», где ты была в это время и что делала?»

— Извещение поддельное оказалось? — поразился Аскар-ата.

— Да нет, не поддельное, а вышла здесь ошибка. Месяца через четыре от самого Гаффарджана пришло письмо.

— Слава богу!

— Да... А Умри оставилась на меня и хлопает глазами. «Жаль, что ты не сберегла хотя бы немного из тех слез, которые пролила, когда провожала его на станцию», — говорю я; беру это самое извещение и иду в правление колхоза. В тот же вечер собрались и старики и молодежь, был тут плач и слезы. Умри там не было, да и никто не спросил, где, мол, Умри. Я думала, что только

я одна ее раскусила и одной мне она противна, а оказалось, что весь кишлак ее хорошо знает и всему кишлаку она противна. После того вышло наружу то, что было у людей внутри. И осталась Умри одна, как прокаженная, а через сколько-то времени перебралась она в Доврук. Но и там не было ей жизни. Она развалила домишко, что остался ей от матери, и хотела продать балки, да никто не захотел купить. Эти балки и сейчас там валяются и гниют. Так вот и пропала Умри, и нет о ней ни слуху ни духу.

Шарафат вставила свое замечание:

— Умри рассказывала всякие сплетни про лучших женщин и девушек нашего кишлака, ну, вроде того, как делают это воры, когда спасают свою шкуру, бегут с толпой и орут: «Держите вора!»

— Да, она знала, что люди ее по головке не поглядят, вот и хотелось ей сказать: «Не я, мол, одна такая, глядите, вон та или эта не лучше меня».

— Золото огнем проверяют,— сказала Сабирахон.— Война кончится — соберемся мы тогда повеселиться, а теперешние дни будут нам, как сказка... Вода сойдет — камни останутся; усма сойдет — брови останутся.

Шарафат подмигнула Сабирахон.

— Начнем веселье на свадьбе Бахрихон,— сказала она.

Бахри всеми пятью пальчиками прикоснулась к носу, пытаясь скрыть улыбку, растянувшую ее губы. Потом, чтобы переменить разговор, она показала на реку, белевшую между зарослями дикой джиды, и сказала:

— Апа, бог-то создал реку, а когда создал, то сам испугался. Так, что ли?

Аскар-ата засмеялся.

— Ты еще моря не видала, дочка! Бог даст еще придется поглядеть вместе с женихом.

— А вы видели, отец?

— Нет. Слышал от тех, кто видел. Я бы сам увидел, если бы не война. Да и ты увидела бы. Все мы много кое-чего увидели бы. После уж, видно, доведется.

Когда всадники выехали из зарослей гребенника, камыня, дикой джиды, кизила и спустились к большому саю, Сабирахон указала на туган, находившиеся за саем, и сказала:

— Вон там лежит Магрифатхон.

Сай этот, образовавшийся от весенних паводков, назывался Кичикдарья, и когда он наполнялся водой, туган превращались в остров. У берега стояла огромная лодка, поставленная на четыре сваи. Аскар-ата сошел с лошади. Его примеру последовали остальные. Аскару-ата казалось, что каждое дерево, каждый куст здесь покрыты трауром и что даже весной молодая листва здесь бывает черной. Чудилось ему, что деревья как бы приветствуют его, шепча: «Наконец-то вы пришли, Аскар-ата».

Лошадей оставили ввизу, и все поднялись наверх по тропинке, извивавшейся среди камней и выходявшей на небольшую площадку. Под старой плакучей ивой на краю площадки две черных каменных глыбы, прислоненные друг к другу, образовали нечто вроде надгробного памятника. Женщины, идя на цыпочках, разошлись в разные стороны, к краям площадки, где сели на огромные камни, поставленные специально для этой цели. На камне, стоявшем с правой стороны, была видна крупная надпись, сделанная арабскими буквами и гласившая: «Место райского упокоения Магфиратхон», после чего была приписана дата — 1335 год хиджры. Помимо этой надписи, на обеих плитах было еще много надписей, сделанных арабскими, латинскими и узбекскими буквами; записей, с превеликим трудом начерченных посетителями могилы, применявшими разнообразные орудия письма: ножи, камни и другие предметы. Какой-то неумелый художник изобразил красноармейский шлем, который носили бойцы в те годы.

«Кто позаботился об этой могиле? Кто принес сюда эти тяжелые камни?» — спросил сам себя Аскар-ата и тут же вслух сказал:

— Кто бы мог их принести? Кто заставил меня приехать сюда? Бывают ведь такие люди на свете, что когда они рождаются, ни одна душа даже не порадует, а вот когда умирают, то весь народ одевается в траур. Так я говорю, дочка моя, слышишь ты, Бахри? Сабирахон, так я говорю или нет?

Рисолят повела осматривать остров. Площадь, которую он занимал, не превышала четырех — четырех с половиной тананов. Подошли к могиле курбаши Сангина, застреленного Магфиратхон. Могила эта, расположенная в северной части острова возле обрыва, у крутого поворота реки, обвалилась и представляла собой яму.

Когда путешественники вышли из тугаев, серые тучи, закрывавшие небо, вдруг разорвались на западе, и заходящее солнце осветило реку кроваво-красным светом. Рисолят взглянула на огненный горизонт и сказала:

— Завтра будет ясный день.

Путешественники сели на лошадей и тронулись в обратный путь.

1944

История одной телеграммы

— Пора, Назирабиби! Вставайте, идем к Тухтабиби!

Назирабиби спала, спрятав ноги под сандал, подставив лицо щедрым лучам весеннего солнца. Услышав сквозь блаженный сон чей-то голос, она вздрогнула, словно отгоняя муху, попыталась открыть глаза. Открылся почему-то только один глаз. Но и его было достаточно, чтобы увидеть Шаходатбиби, стоявшую в дверях. Назирабиби спросила спросонок:

— Что стряслось?

— Давайте побыстрее, — торопила Шаходатбиби, — нас ждет сам председатель!

— Председатель? — удивленно переспросила Назирабиби.

Она легко поднялась, повязала голову кисейным платком и вместе с Шаходатбиби отправилась к Тухтабиби.

У Тухтабиби сидят Розиябиби и тетушка Ортыкджан. Председатель не спеша рассказывает им о положении на фронте. Отвечая на вопрос, он говорит:

— Что до того, будто немецкий царь когда-то спрятался на дне морском, не скажу, мне про это в газетах читать не привелось. А если Гитлер попробует там укрыться, то ничегошеньки у него не получится. Среди наших красноармейцев, слава богу, найдутся и водолазы, вытащат его оттуда. Нет такого места ни на земле, ни в воде, чтобы он укрылся от расплаты... А, вот и тетушка Назира с тетушкой Шаходат пожаловали! Очень, очень кстати, я и сам все собирался с вами свидеться и по душам поговорить кое о чем. Вы не хуже моего знаете, как

нужен нашему государству хлопок. Знаете, сколько у нас людей на хлопке? Я тут как-то прикинул: выходит, каждый рабочий час колхозник дает один килограмм хлопка! Вот и думай, ломай голову, чтобы всех людей, занятых на других работах, по возможности перебросить на хлопок. А ведь и другие работы кто-то исполнять должен. К примеру, разведение шелковичного червя. Я не мечтаю, чтобы вы, все пятеро, разводили червей и высвободили пяток людей для хлопка. Не те у вас силы, не тот возраст. Сколько-нибудь помочь сумеете, и на том спасибо. Хоть одного, хоть двух человек удастся перебросить с коконов на хлопок, и то государству помощь. Я решил устроить с вами собрание и обсудить этот вопрос... Так что собрание прошу считать открытым. Кто желает высказаться?

Женщины молчали. Они испытывали какую-то неловкость, жались друг к другу и старались смотреть себе под ноги.

— Может, не согласны со мной? Может, мое предложение не подходит? — спрашивал председатель, всматриваясь поочередно в каждую из участниц этого немногочленного собрания.

Старухи переглянулись между собой и вдруг разом заговорили:

— Почему не подходит? Кто сказал, не подходит?

— Отчего же тогда молчите? — недоумевал председатель. — Вот вы начните, тетушка Тухта. Что вы лично думаете?

Тухтабиби концом платка прикрыла рот и со смущением посмотрела на подруг, потом перевела взгляд на председателя.

— Вы тут, сынок, внезапно собрание открыли... Напрасно это. Не с того бы начинать надо. Сперва бы поговорили с нами, посоветовались, — что да как. Тогда бы в самый раз обсудить на собрании.

Тухтабиби, как видно, выразила общую мысль. Объявив беседу собранием, председатель все-таки напугал старух. Теперь он понял свою оплошность и решил исправить ошибку:

— Что верно, то верно. Давайте-ка сначала посоветуемся, поговорим попросту... Собрание объявляю закрытым. Мы его потом откроем...

Едва председатель закрыл собрание, заговорила Рознябиби:

— Разводить червей — дело для нас нехитрое, управимся. Как вы, товарищ председатель, считали, не знаю. Я же так полагаю: если мы, пятеро, возьмем одну коробку грены на всех, то в самый раз.

Остальные с ней согласились: одна коробка грены вполне под силу.

— Мы что... и опыт у нас есть. Если уж неважкоту станет, молодые нам помогут.

Председатель чуть заметно усмехнулся:

— Что ж, хотите взять на себя одну коробку грены, не возражаю. Ваша воля. Это твердо?

— Твердо, твердо! — отозвались старухи.

— Можно теперь открывать собрание?.. Собрание объявляю открытым. Вас пятерых будем считать за звено. Но звену нужен звеньевой. Кого выбираете?

После недолгого обсуждения звеньевой избрали семидесятилетнюю Тухтабиби Сарымсакову.

Председатель произнес заключительное слово и объявил собрание закрытым.

Когда Тухтабиби легла спать, на нее напал ночной страх: «Они дали слово председателю, избрали меня звеньевой... А что будет, если завтра одна скажет: «Ох, поясницу ломит!», другая: «От сына давно нет писем, до червей ли мне!»

Тухтабиби ворочалась с боку на бок, так и не уснув, поднялась и отправилась к соседке Назирабиби. Оказалось, что и та тоже не спит.

— Скажи-ка, Назирабиби, всерьез ли мы взяли за такое дело? Может быть, поговорили, чтобы председателя успокоить?

— Ах, Тухтабиби, как можно? Конечно, всерьез. Ведь на собрании утвердили. Грех не уважать собрание. У меня о другом забота: хоть мы и старухи, да не хуже молодых! Если возьмем только одну коробку грены, не засмеют ли нас? Не опозоримся ли на весь район? Что мы, немоцнее других? Отчего мы испугались, не взяли две коробки грены?

Сердце Тухтабиби начало успокаиваться, и она подумала вслед за Назирабиби: «В самом деле, почему мы не взяли две коробки?»

Вместе с Назирабиби она направилась к Шаходатбиби. Выслушав их, Шаходатбиби сказала:

— Это как приняться за дело. Если уж порешили, то не только с двумя, с тремя коробками управимся...

Втроем подруги отправились к Розиябиби. Та помолчала, подумала и одобрила их намерение. Вчетвером они пошли к тетушке Ортыкджан. Тут выяснилось, что тетушка Ортыкджан еще на собрании хотела предложить три коробки, но постеснялась. Теперь же, когда остальные решили взять три коробки грены, она прибавила еще одну: стало четыре.

Так в результате собраний, проведенных на дому, старухи решили развести четыре коробки шелковичных червей. С этим и отправили утром в правление колхоза специального посла.

Председатель недоверчиво пожал плечами и сказал:

— Им впятером не под силу съесть один персик — зубов у них нет. А тут — четыре коробки грены! Посулят, а потом и им самим и мне будет неудобно.

Эти слова председателя посол в точности передал старухам: «Вам всем вместе и один персик не по зубам».

Когда спустя два дня к ним заявился председатель, крепко ему досталось. Он кое-как оправдался.

— Я пошутил, это я в шутку!..

И сам принес все четыре коробки грены!

Вскоре на зеленых листьях стали ползать шелковичные черви. По мере того как черви увеличивались в размере, поднималось настроение старух. Ни у одной из них ни разу не заломило поясницу, никто из них не пожаловался: «От сына нет писем, до червей ли мне!» Все были здоровы, бодры, как никогда прежде. У них-то и времени для жалоб не осталось.

Однажды к ним нагрянул председатель. Осмотрев червей, несказанно обрадовался, принялся хвалить старух. Даже назвал их героинями.

Тухтабиби, подбоченясь, подморгнула своим товаркам:

— А ну, сынок, как по-твоему, выполним мы норму или нет?

— По моим подсчетам, с каждой коробки грены соберете не меньше шестидесяти килограммов коконов.

— Вот тебе и на! — отозвалась тетушка Ортыкджан. — Тогда нам не выполнить норму.

— Почему? Сколько по норме? Разве не сорок пять килограммов?

Старухи засмеялись.

— Ту норму ты предложи старухам, которые осият персик! Наша норма — семьдесят килограммов с каждой коробки!

Председатель смущенно прикусил язык.

А через несколько дней появились первые коконы. Их сняли и отправили в правление колхоза. Вечером старух навестил председатель. Он еще с порога крикнул:

— В тот день, когда снимете первый урожай, получите в премию откормленного барана. Я узнавал в районе, ни у кого еще не появились коконы!

Для старух это было приятной новостью.

— Коли так, то тебе не отделаться одним бараном, — сказала Тухтабиби. — В день, когда мы сдадим первый урожай, ты отобьешь телеграмму в Ташкент... Чтс там написать, знаешь сам, не нам тебя учить... Нынче у нас вторник? Ну, так вот: в воскресенье будет первый урожай!

Три дня звено не отходило от ящиков. Старухам казалось, что черви медленно, слишком медленно, словно нехотя, наматывают на себя шелковые нити.

Председатель каждый день звонил в район. Там было тихо, никто еще не сдавал коконов.

Наконец, на четвертое утро старухи одна за другой стали появляться с корзинами, полными коконов.

Председатель первым в районе сдал государству коконы и, выполняя свое слово, отбил телеграмму в Ташкент.

Старухи сидели в доме Тухтабиби и гадали — отправил председатель телеграмму или нет. Вдруг сама не своя вбежала Розиябиби.

— Чего вы расселись! Сидите и ничего не знаете! Радио не слушаете! Про нас говорили! Сказали: матери красноармейцев Тухтабиби, Назирабиби, тетушка Ортыкджан, всех, всех назвали...

— А что сказали-то?

— Не знаю, не слышала, не до того мне было...

Взволнованные старухи выбежали на улицу. Навстречу им шел улыбающийся председатель и торжественно вел откормленного барана.

1945

Когда один из ораторов, имевших обыкновение обращаться не иначе как к «самым широким массам слушателей», вернулся с работы, у него на шее, обливаясь слезами, повисла жена.

— Ты меня не любишь... Ты не счастлив в нашей совместной жизни... До последней минуты я еще надеялась, я ждала, ты вспомнишь, что сегодня... сегодня год со дня нашей свадьбы...

Он в самом деле забыл об этом. Но быстро нашелся. Не зря же он слыл опытным оратором.

— О-о! — воскликнул он. — Как быстро промчался этот год несравненного блаженства!.. Меня душат слезы счастья!

Жена, улыбаясь — ее глаза высохли от слов мужа, — показала на празднично накрытый стол, убранный цветами. Разливая по рюмкам вино, она попросила:

— Ну, скажи, скажи что-нибудь.

— Что-нибудь, что-нибудь, — машинально повторял муж.

— Неужели ты хочешь выпить молча?

Оратор поднялся с рюмкой в руке. Брови его сдвинулись, лицо обрело значительность. Он посмотрел вначале на рюмку, потому куда-то в угол, набрал в легкие воздуха и — начал речь.

— Уважаемая товарищ супруга! Разрешите поздравить вас лично в незабываемый день, когда исполнился ровно год с того великого часа, как мы вступили на путь образцового выполнения своего семейного долга и достойно продолжаем нашу счастливую жизнь!

Жена приняла это вступление за шутку и весело зааплодировала. Но оратор продолжал с самым серьезным видом:

— Триста шестьдесят пять дней тому назад мы совершили решительный поворот в своей судьбе и с сознанием ответственности начали наш совместный семейный путь. Считаю излишним останавливаться подробно на истории вопроса о семье, во главе которой раньше стоял мужчина, а теперь — коллегиально мужчина и женщина.

После того как муж-оратор изложил свое мнение о семье вообще и в данных исторических условиях, он взял известную книгу «Женщина и социализм» и прочел две страницы из одной главы, три — из другой и еще полторы — из третьей. Жена тем временем дважды зевнула, осторожно прикрывая рот рукой, и поставила рюмку на стол. Оратор продолжал, все более увлекаясь:

— Каковы же наши успехи в результате годичной семейной жизни, с чем мы приходим к юбилею? Во-первых, следует констатировать, что в процессе возникновения тех или иных принципиальных разногласий, мы научились их разрешать, не привлекая внешние силы. Во-вторых, товарищ супруга, мы достигли невиданного подъема в вопросе организационно-хозяйственного укрепления нашей семьи. Я не стану перечислять факты, потому что ваша орденосная матушка в каждое свое историческое посещение в основном занимается их регистрацией.

В виду отсутствия воды оратор отпил глоток вина, но не более, и продолжал:

— Итак, могут ли эти достижения перекрыть отдельные наши недостатки, можем ли мы успокаиваться на достигнутом? Если мы закроем глаза на наши недостатки и отдадимся благодущию, это будет ошибкой и самоуспокоением. Есть ли у нас упущения? Да, есть. И немалые! Возьмем, к примеру, серьезные промахи в деле сохранения продуктов питания в первой половине июля. В результате нашего с вами преступно-халатного отношения имел место целый ряд фактов гниения, заплесневения, порчи! Чем это можно оправдать? Ничем! Мы должны эти факты подвергнуть анализу и критике.

Оратор разгорячился.

— Возьмем вторую проблему — проблему использования внутренних ресурсов. Как вам известно, у нас имеется высококачественный медный чайник. На сего-

дняшний день у него нет крышки. Сигнализировали ли мы друг другу об этом? Нет! Если бы мы решительно покончили с настроением «как-нибудь обойдется» и на повестку дня ребром поставили вопрос о крышке, если б мы своевременно обеспечили чайник этой необходимой деталью, он сыграл бы соответствующую роль в те дни, когда выходит из строя наш самовар. К сожалению и стыду, тут мы проявили примиренчество. На данном этапе наш чайник лишен крышки, как таковой...

Жена тихонько вздохнула. Заметив это, оратор подумал, что он слишком уж увлекся критикой и стеснил общую картину отдельных недостатков. Он постарался перестроиться на ходу.

— Несмотря на отдельные и нетипичные недостатки, можно не сомневаться, что мы ведем правильную, проверенную опытом линию в личной жизни. Разрешите, заканчивая свою короткую речь, выразить полную уверенность, что и впредь наша семья будет идти дорогой славы от одной победы к другой. Прежде чем поднять эту рюмку, я заверяю, что и в дальнейшем буду практически делами подтверждать свою супружескую любовь.

Жена подумала, что он хочет ее поцеловать.

— Неужели об этом нельзя сказать прямо? — наивно удивилась она.

— Как это, — спросил оратор, — из-за одного поцелуя я буду комкать ответственное выступление?

Оратор сел, чтобы отдышаться и набраться сил для продолжения речи. Жена больше не задавала вопросов, она радовалась каждому его слову. Она поняла: в своих речах муж изливает любовь к ней.

1945

Кроватка

У Ганиджана и его жены долгое время не было детей.

Только на седьмой год супружества жена Ганиджана забеременела и в положенный срок родила сына, крепенького и хорошенького, как барашек.

Ганиджан был счастлив необыкновенно. Весь кишлак, казалось ему, разделял с ним счастье. Каждый человек, который входил в дом, чтобы принести подарки новорожденному и поздравление родителям, должен был, по его мнению, испытывать те же чувства, какие испытывал он,— безмерно обрадованный родитель, впервые услышавший торжественное слово «отец» в применении к самому себе.

Несколько дней Ганиджан ходил, не чуя под собой ног. Радость буквально не вмещалась в нем, требуя от него родительских хлопот и всяких полезных действий, целью которых сделался маленький сын. Именно поэтому в первый же базарный день он выпросил на колхозной конюшне лошадь и поехал в районный центр.

Базар на этот раз был особенно многолюдным, и Ганиджан сразу же встретил пять или шесть знакомых, но, однако, не стал задерживаться с ними, а, выбрав красивую и прочную кроватку с сеткой, немедленно (так ему не терпелось возвратиться домой) отправился в обратный путь.

День был неприветливый, и по-зимнему холодный; арыки вдоль дороги подернулись ледком, деревья стояли

похожие на кургузые метлы, и небо хмурилось, словно оно было недовольно тем, что не могло уже собраться с силами и швырнуть на землю хотя бы горсть снежинок. Несмотря на скверную погоду, Ганиджан пребывал в отличном настроении.

Держа поперек седла кроватьку, он прислушивался к дробному топоту копыт и звяканью уздечки и задорно распевал:

— Гей, мой конь, скачи, скачи!

Ты меня скорее мчи!

Светит мне любовь моя,

Словно свет луны в ночи...

Так он шел, пока впереди не показался попутный кишлак Пахтаабад. В сумерках наступившего вечера кишлак представился Ганиджану неопределенно длинным пятном, в котором нельзя уже было различить отдельных домов.

Когда крайний дом оказался за спиной Ганиджана и впереди опять раскрылось окутанное тьмою поле, какой-то человек, сидевший на обочине дороги, вдруг поднял руку и крикнул пронзительно и тревожно.

В то же мгновенье из кишлака вырвался грузовой автомобиль, и лошадь, испуганная его грохотом, вскинулась и галопом помчалась по полю.

Ганиджан не выпустил из рук кровати, но раньше чем он успел остановиться и вернуть на дорогу лошадь, она довольно далеко ускакала от того места, где он был окликнут неизвестным человеком.

Возвращаться назад Ганиджану не захотелось и он поехал дальше. Однако беззаботное настроение его сменилось смутной тревогой, причину которой он не мог понять. По мере того как он удалялся от кишлака, тревога росла, и он уже не шел, а ехал в молчании, угрюмо поглядывая по сторонам.

Внезапный выстрел, раздавшийся в тот самый момент, когда Ганиджан поравнялся с придорожным тополем, вывел его из мрачной задумчивости. Стая воронья, сидевшая на ветвях тополя, поднялась с громким карканьем, и Ганиджан может быть поэтому вспомнил резкий окрик, которым при выезде из кишлака хотел его остановить неизвестный человек. Теперь он понял причину своей тревоги и даже оглянувшись назад, но ничего, кроме темного поля, конечно, не увидел.

Так вот что томило его все это время!.. Но кто же был окликнувший его человек и почему он сидел близ дороги? Быть может, это был больной? Или инвалид, демобилизованный из армии? Быть может, он просил подвезти его до дому? Если так, получилось нехорошо.

Ганиджан решительно повернул лошадь и поскакал обратно.

Примерно через полчаса он достиг окраины кишлака, но здесь никого уже не было, и на окрик Ганиджана никто не отозвался.

Тогда Ганиджан решил, что инвалида — теперь он твердо уверился, что неизвестный человек был инвалидом — надо обязательно найти. Уверенность его была так крепка, что он, будто воочию, увидел человека в шинели, который, прихрамывая, бредет по дороге.

Однако, встретившиеся ему несколько колхозников на его вопрос, не видели ль они хромого солдата, ответили отрицательно.

Ганиджан опять возвратился на то место, где его окликнул неизвестный человек, и не нашел там ни живой души...

...Домой он приехал только незадолго до полуночи. Жена сразу заметила, что он чем-то расстроен и, даже не взглянув на красивую кроватку, со всех ног кинулась к нему, встревоженно спрашивая:

— Ах, умереть мне!.. Что с вами случилось?

— Ничего!.. — угрюмо пробормотал Ганиджан. — Просто я устал немного.

Жена недоверчиво взглянула на него, но ничего больше не сказала и принялась собирать ужин.

Тем временем Ганиджан занялся кроваткой. Тюфячок, сшитый заранее, пришелся в самую пору, и ребенок, после того как мать покормила его на ночь, занял свое место в кроватке.

Язычок огня в лампе мигнул и погас, и все пришло в надлежащий порядок.

Ганиджан с давних пор мечтал о том часе, когда легкая и прочная кроватка встанет рядом с его супружеской постелью, а в кроватке будет покоиться сын — светлая надежда, одинаково милая и ему и жене. Теперь этот час пришел, и счастливому отцу надо было только протянуть руку, чтобы коснуться ребенка, и все-таки на душе у него

было тяжело, и сон бродил где-то поблизости, но не хотел смежить глаз, а сердце болезненно ныло, и в тишине ночи стоял перед глазами изможденный человек в шинели, который, опираясь на костыли, с упреком шептал: «Вот какова твоя жалость к людям!..»

Чем сильнее старался Ганиджан избавиться от мучительного видения, тем неотступней оно было, и, в конце концов, он не выдержал, вскочил с постели, подошел к полке и стал искать табак.

В темноте под руку подвернулся поднос и с грохотом свалился на пол.

Жена проснулась от шума, с испугом спрашивая, что он там делает.

Ганиджан ответил, что ищет табак, а жена, плохо соображая спросонья, спросила, для чего понадобился ему табак.

В досаде на свою неосторожность, Ганиджан резко сказал:

— Зачем человеку табак? Хочу съездить на нем на базар!..

— Но ведь вы не курите ночью... Я поэтому и спрашиваю!.. — сказала жена, и в голосе ее явственно прозвучала обида: она никогда еще не видела мужа в таком состоянии, и никогда еще муж не говорил с ней в таком возбужденном тоне.

— Может быть, у вас болит что-нибудь? — спросила она, приподнимаясь на постели и облачиваясь о подушку.

— Нет! — коротко ответил Ганиджан, которому удалось все-таки найти табак и свернуть в темноте сигарку.

Стоя спиной к жене, он закурил, а затем подошел к постели и сел на край.

При каждой затяжке крошечный светлячок сигарки на мгновение озарял его лицо, и жена не то угадала, не то заметила на нем выражение грусти и потаенного смятения.

Она коснулась своей рукой руки мужа и робко спросила:

— Может быть, вас обидел кто-нибудь?

— Нет, меня никто не обижал, — все так же неохотно ответил Ганиджан.

Жена поднялась, села рядом и, прижав к его плечу, начала упрашивать:

— Ну, скажите, скажите, милый, что с вами случилось!.. Я не усну, пока вы не скажете...

Ганиджан понял, что молчать больше нельзя, и потихоньку, шепотом стал рассказывать о происшествии в дороге.

Волнение его передалось жене, и она, выслушав прерывистый рассказ Ганиджана, начала утешать его, говоря, что он ошибается, что тот человек не мог быть демобилизованным, так как для демобилизованного всегда бы нашлась подвода и даже машина. Неожиданно для самой себя она вдруг сбилась, запуталась и, перейдя с шепота на полный голос, встревоженно спросила, хорошо ли он осмотрел место, где сидел инвалид.

Ганиджан вздохнул и сокрушенно признался, что он осматривал место не сходя с лошади. Жена всплеснула руками и, воскликнув: «Ох, разве можно быть таким беспечным?» — заговорила о том, что у инвалида, наверное, открылась рана и что он, должно быть, потерял сознание и упал, а Ганиджан в темноте не заметил его.

Жена говорила так убедительно, так уверенно, что Ганиджан почти воочию увидел человека в шинели, распростертого на холодной земле и беспомощно стонущего в тишине ночи.

Эта картина так его ужаснула, что Ганиджан вскочил с постели и молча стал одеваться. Жена пыталась остановить его, но он только махнул рукой и выбежал на улицу.

Колхозный конюх Насибали спал в маленькой сторожке, прилепленной к глинобитному зданию конюшни. Ганиджан с трудом разбудил его и потребовал лошадь.

— Куда вы поедете в такую пору? — спросил, почесываясь спростонья, конюх. Ганиджан мгновенно нашелся и сказал, что вчера вечером сын его дяди, отправляясь на фронт, заехал домой, и так как он отпущен из эшелона только на сутки, то ему, Ганиджану, необходимо немедленно поехать повидаться с родственником.

Конюх молча кивнул, поспешно пошел на конюшню и минут через пять вывел оседланную лошадь.

— Только вы осторожней будьте! — подтягивая подпругу, сказал он. Ганиджан подумал, что конюх просит его побережь лошадь, и стал уверять, что он всегда осторожен в дороге.

— А вот и нет! — прервал его конюх. — Вчера чуть под машину не угодили...

— Вчера! — воскликнул Гапиджан. — О чем вы говорите?

— А о том грузовике, который едва не сбил вас, когда вы выехали из Пахтаабада.

— А откуда вы знаете? — спросил удивленный Ганиджан.

— Откуда знаю? — повторил конюх. — Так я окликнул вас с дороги... Только вы не слышали.

— Значит, это были вы? — быстро спросил Ганиджан.

— А кто же еще? — ответил вопросом конюх и, подавая повод уздечки, добавил: — Счастливого пути! Поезжайте!

Ганиджан с облегчением перевел дух и живо проговорил:

— Э, нет! Я передумал... Будьте здоровы!..

...Домой он вернулся с криком:

— Это не инвалид был!.. Это Насибали меня окликнул! Наш конюх Насибали!..

Жена, кормившая грудью ребенка, даже привскочила от неожиданности и сердито воскликнула:

— Ах, провалиться бы вам!..

Супруги быстро успокоились, и Ганиджан, подойдя к кровати, потрогал ее заскорузлой ладонью и самодовольно сказал:

— Видала, какая красивая штука? Лучше на всем базаре не найти! Да... Твое дело рожать, а мое дело — кровати покупать. Так-то вот...

1945

Картина

В полдень на дороге перед белым зданием с колоннами правления колхоза «Пахтакор» остановился большой жукообразный автомобиль. Был он совсем не похож на машины, которые часто появлялись здесь из города или района, поэтому сторож-инвалид, стуча костылем по каменным ступенькам, торопливо сошел с крыльца и, не решаясь подойти ближе, встал у мостика через арык. Когда пыль, густым облаком окутавшая автомобиль, наконец улеглась, дверца желто-зеленого кузова распахнулась, и из машины вышли двое: высокий, худощавый мужчина средних лет в крикливо-пестрой клетчатой рубашке и уродливых брюках-гольф и небольшого роста молодой человек с падающими на шею и уши длинными черными волосами, одетый в чесучовый костюм и черные лакированные туфли.

Молодой человек сделал два-три шага к арыку и небрежно поманил рукой сторожа:

— Можно вас... Где председатель?

— Здравствуйте,— вежливо поклонился сторож-инвалид,— пожалуйте... Маджит-ака сейчас на полях.

Очевидно, только теперь молодой человек сообразил, что задавать вопросы, не поздоровавшись, неудобно, почувствовав себя неловко перед сторожем, он задумчиво потер пальцем подбородок.

— А где парторг?

— Товарищ Хатамова? Она тоже в поле.

— Телефона нет?

— Можно сказать, что и нет. Трудно дозвониться... Да вы заходите в правление... Вы из института?

— Нет.

— А... кого вам надо: дадим знать. Я сейчас...

Сторож ушел...

Когда он вернулся к машине, высокий человек в брюках-гольф, прищурившись, смотрел на колонны здания. Туда же смотрел и молодой человек в лакированных туфлях, и оба обменивались замечаниями... «Вы думаете, типично?» — «Очень!»

— Когда построено это здание? — увидев сторожа, обратился к нему молодой человек.

— Начали строить еще до войны, а заканчивали уже без нас.

— Вы были на войне? Где вы потеряли ногу?

— В Крыму.

Вскоре пришла парторг Хатамова, еще молодая колхозница, но уже с поседевшими волосами, и пригласила гостей в свой кабинет. Она тоже сначала приняла приезжих за научных работников из института хлопководства, но, заметив странное одеяние высокого человека, поняла свою ошибку и несколько растерялась.

Гости поспешили представить друг друга:

— Один из талантливых представителей молодого поколения наших писателей, поэт Куватбек, — сказал высокий человек в клетчатой рубашке, указывая рукой на своего спутника.

— Один из лучших представителей нашей кинематографии, кинорежиссер Ганиев, — в тон ему сказал низенький молодой человек в чесучовом костюме.

Хатамова, краснея от смущения, слегка поклонилась:

— Добро пожаловать.

А минуту спустя в кабинете она свободно беседовала с гостями.

— Очень хорошо, что вы навестили нас. Колхозники любят и хорошие книги, и кинокартины, особенно молодежь. Недавно в колхозе начал работать музыкальный кружок. Есть у нас и свои поэты. Думаем построить хотя бы небольшую сцену, расширить помещение клуба... Очень кстати вы приехали. Молодежь будет рада встретиться, побеседовать с такими мастерами. Уж вы помогите ребятам своими советами.

Пришел председатель совета урожайности, а затем и председатель правления колхоза. В приоткрытую дверь

кабинета то и дело заглядывали любопытные. В коридоре кто-то сказал: «Из академии».

Режиссер Ганиев нашел нужным сразу же объяснить цель своего приезда.

— Мы работаем сейчас,— медленно начал он, выбирая слова и стараясь сделать свою речь наиболее понятной,— над сценарием, то есть над планом постановки художественного фильма из жизни колхозников. По этому сценарию-плану будут производиться киносъемки. Пришло время разрешить очень важный вопрос: какой колхоз нам снимать. Нас интересует колхоз типичный во всех отношениях, то есть такой, где все организовано и все идет как в большинстве других колхозов нашей республики. Нам кажется, что колхоз «Пахтакор» является именно таким типичным колхозом, но в этом мы должны еще убедиться. Мы просим помочь нам в столь важном деле. Хотелось бы, чтобы вы были с нами совершенно откровенны — показали нам все самое интересное и ничего не скрывали, ни хорошего, ни плохого.

Председатель колхоза выпрямился и, улыбаясь, подкрутил кверху свои длинные усы.

— Будем очень рады, если наш колхоз окажется достойным такой чести,— ответил он режиссеру.— Скажите, что вам требуется,— все сделаем.

— Мы не будем отнимать у вас дорогого времени,— сказал поэт.— Беседу с вами отложим до вечера. А сейчас мы хотели бы осмотреть колхоз. Для нас достаточно, если вы дадите нам одного проводника.

Проводником был выделен все тот же сторож-инвалид.

Гости вышли из правления. Сторож повел их главной улицей. Среди обвалившихся и близких к обвалу глиняных стен дворов, низеньких и покосившихся хижин с земляными крышами, похожими на ласточкины гнезда, встречались новые кирпичные дома, построенные по плану.

— Вот наш новый кишлак,— стал объяснять сторож.— А от всего этого,— указал он на глинобитные хижины с маленькими хомутообразными дверными лазами,— и следа бы не осталось, если бы не помешала война. Но вы вставьте в картину и те и эти дома,— посоветовал он,— а то наша молодежь скоро и знать не будет, как жили отцы.

Пересекли садик перед школьным зданием и вышли на шоссе.

По обеим сторонам дороги, обсаженной тополями, виднелись сложенные штабелями доски и бревна, красные колонки жженого кирпича, циновки из камыша и другие строительные материалы. Среди них нетерпеливо двигались люди. Откуда-то доносились звон пилы и стук топора.

— Строительная бригада, — бросил на ходу сторож-инвалид, кивнув головой в сторону, и, подпрыгивая на своем костыле, свернул под зеленую арку ворот. Отсюда открылся вид на широкую тенистую аллею, которой, казалось, не было конца.

— А это, — сказал сторож, останавливаясь на песчаной дорожке аллеи, — наша краса и гордость — колхозный сад.

Из боковой аллеи вышла молодая краснощекая женщина в белом халате. Сторож познакомил ее с гостями.

— Вы из детского сада? Можно зайти к вам? Разрешите? — в один голос заговорили поэт и режиссер.

Молодая женщина улыбнулась, склонив голову на бок, иссиня-черные тонкие брови ее чуть вздрогнули, пунцовые губы пришли в движение, и раздался мягкий грудной голос:

— Простите, дети сейчас спят, их беспокоить нельзя. Приходите попозже — будем очень рады...

Гости продолжали свой путь. Режиссер, ускорив шаги, почему-то заспешил вперед. Поэт торопливо двигался вслед за ним, но споткнулся о корень дерева и чуть не упал.

— Гапнев, — сказал поэт, догоняя режиссера, — вот я смотрю на этот изумительный сад, и мне пачинает казаться, что наше детство очень дешево обошлось нашим родителям.

Режиссер не ответил.

Откуда-то появился седой садовник. Он поздоровался с гостями и повел их мимо большого водоема к высокой беседке, построенной, по его словам, одним из мастеров, которые сооружали Узбекский павильон на Сельскохозяйственной выставке в Москве. И в самом деле — беседка была построена с большим вкусом и, как видно, хорошим мастером своего дела.

В цветнике, разбитом вокруг беседки, порхали разноцветные бабочки, над водоемом носились стрекозы с длинными, прозрачными крыльями, где-то ворковали горлицы.

Старик садовник дал в руки своему ученику, худенько-

му и весьма учтивому юноше, большую корзину и послал его за фруктами, а сам, даже не полюбознествовав, кто его гости и зачем приехали, познакомил их с историей сада. Он рассказывал, какие растут в саду фруктовые деревья, откуда доставлялись саженцы и какого ухода требовали они, чтобы привиться на новой земле. С особым увлечением старик говорил о саженцах граната, доставленных с юга республики на самолете, и, говоря о них, подчеркивал именно это важное обстоятельство.

— Наш председатель очень деловой человек, — сказал садовник, принимая корзину с фруктами из рук быстро вернувшегося ученика, — за всякое дело берется с душой. Вот попробуйте персики. Помню, председатель дал мне машину, и саженцы персиков я доставил из самого Аккур-гана.

— Много доходу приносит ваш сад колхозу? — спросил режиссер, снимая со спелого персика нежную пушистую кожицу.

— В прошлом году дал сто двенадцать тысяч рублей. Да разве в этом дело? Главный доход мы получаем от хлопка. Миллион триста тысяч получили за прошлый год. А сад — украшение нашей жизни. Ну и про фрукты не надо забывать. Не последнее дело. Во время войны мы посылали их даже на фронт. Сколько благодарственных писем получили от бойцов и командиров! Можете их сами посмотреть, — председатель хранит все письма в железном сундуке. Мне, как садовнику, тоже немало благодарностей передало. Одно письмо получил из Ленинграда. Очень интересное письмо. Наши подарки возила туда Тупаниса. Я должен был ехать в Ленинград с подарками, да пришлось уступить эту часть Тупанисе. Ее муж погиб в тех местах. Сильно горевала она тогда. Хорошая женщина, умница. Теперь она у нас парторгом. А все-таки я жалею, что не поехал. Может быть, встретил бы своего племянника...

— Племянник ваш был в Ленинграде?

— Да, был там. Погиб он в конце войны где-то у немецких берегов.

— Моряк?

— На подводной лодке плавал. Уехал в Москву учиться, а потом оказался в Ленинграде и перед самой войной приехал в шапке с ленточками. На обратном пути повел и меня с собой в Москву, весь белый свет показать.

— Вы были в Москве? — удивился поэт и быстро вынул из кармана записную книжку и карандаш. — А ну-ка расскажите о своей поездке. Это очень интересно.

— Могло быть интересно, да не получилось. Утром приехали, а вечером племянник посадил меня в поезд и отпирал обратно. В тот день началась война. Успел только посетить Мавзолей Ленина. Не случись войны, многое бы еще повидал. Жаль, на Сельскохозяйственной выставке не удалось побывать. Ну, ничего, будут еще такие выставки. Теперь я поеду не только смотреть, но и показать кое-что свое. У меня есть очень интересные опыты прививки. Пойдемте-ка покажу.

Старик повел гостей осматривать сад. Правленческий сторож хорошо знал, что осмотр затянется надолго, и потому спокойно оставил приезжих в саду, пообещав вернуться к ним часа через два. Вернулся он часа четыре спустя, но гости даже не заметили его опоздания. Садовник показывал им ветку винограда, привитую к стволу тутового дерева. По его словам, каждая кисть винограда на тутовнике должна вырасти вышиной с торбу, а виноград должен получить нежность и аромат туговых ягод. Сторож погулял с полчаса по саду и, когда снова вернулся к гостям, увидел их на опытном школьном участке. Старик, весело посмеиваясь, втолковывал что-то поэту, а тот, присев на траву и положив записную книжку на колени, быстро записывал объяснения садовода.

— Уважаемые товарищи, не пора ли двигаться дальше? — спросил сторож. — Что вы хотели еще посмотреть?

Режиссер, усмехнувшись, ответил:

— Если хватит сил, пойдем прямо на электростанцию.

— Утомил вас отец? Он у нас такой: пока не покажет всех своих чудес — не отпустит. Да еще заставит писать отзывы в большую книгу... А электростанцию осмотреть вам не удастся. Механик запер ее и ушел.

— Но он же вернется, когда мы придем?

— Нет, не вернется. Сказать правду, — если вы заночуете у нас, сегодня мы останемся без света. Тут видите, какое дело: станция-то наша оборудована в маленьком, невзрачном домике, где помещалась старая крупорухка. Ну, механик запер ее и ушел, дескать, что тут снимать. Не картина будет — насмешка! Нет, никакими силами не заставишь его теперь вернуться на станцию. С одной стороны, это даже лучше. Вот по новому пятилетнему плану

у нас будет построена новая большая гидростанция. Тогда уже тандыр будем накаливать электричеством. И картину снимать уж лучше тогда... А сейчас, я думаю, нам надо пойти на ферму. Там тетушка Хафиза давно ждет вас. Она задержала дойку девяти коров, очень подходящих для картины.

Садовник освободил гостей только к вечеру и то остался не совсем удовлетворенным. Провожая их, он говорил: «Жаль, мало побыли у меня, показал бы вам еще зимний сад» — так называл он свои нарники.

Гости очень устали и особенно остро почувствовали это, когда вышли из сада. Решив больше ничего не осматривать, они направились прямо в правление колхоза.

Председатель, встретив их, тотчас же пригласил в комнату, где был накрыт стол, уставленный всякими яствами. Весело бреччала крышка красного чайника, поставленного на конфорку маленького медного самовара.

— Э, не было нужды так беспокоиться, — сказал поэт, хотя уже чувствовал сильный голод.

— Какое тут беспокойство? — возразил председатель. — А ну, прошу, мойте руки и присаживайтесь к столу... Оказывается, сегодня вы успели осмотреть только сад?

— Что же успеешь за полдня? А сад у вас действительно замечательный. Пожалуй, и дня было бы мало, чтобы осмотреть там все интересное.

За столом гости расспрашивали о знатных людях колхоза, о меропрятнях по новому пятилетнему плану и на все получали от председателя обстоятельные ответы. В разгар беседы пришла Хатамова вместе с каким-то дородным человеком средних лет и молоденькой девушкой-смуглячкой, у которой лицо и руки были почти черными от солнечного загара.

— Познакомьтесь, товарищи, — сказала Хатамова, представляя обоих, — звеньевая стоцентнеровик Кундузхон Хантова... а это — Мавлян-ака, бригадир.

Беседа приняла еще более оживленный характер. Гости ставили вопрос за вопросом и записывали ответы. Поэт писал очень быстро и при этом часто задерживал взгляд на говоривших, словно рисовал их портреты.

Наконец, режиссер закрыл свою записную книжку и сказал:

— Нам пока достаточно, позвольте поблагодарить вас. Конечно, не мешает взглянуть собственными глазами на все, о чем вы рассказывали. Это, знаете ли, вдохновляет. Сегодня осмотр одного только колхозного сада обогатил нас весьма ценными впечатлениями. Будем надеяться, что все другое оправдает наши надежды... А теперь перейдем к тому, что должно составить в нашем фильме центральную интригу и коллизию. Как бы вам объяснить? Я имею в виду столкновение личных и общественных интересов, стремлений, — конфликт, одним словом. Мы думаем построить конфликт вокруг вопроса механизации. В отношении механизации колхоз «Пахтакор» является ведь тоже типичным и передовым, не так ли?

Председателю, должно быть, понравились эти слова. Он улыбнулся и покрутил усы, но все же возразил:

— Так-то оно так, но нельзя сказать, что мы полностью осуществили механизацию. Мы сможем это сказать, когда центнер хлопка будет нам обходиться в три-четыре трудодня. А у нас пока вот даже звено Кундузхон берется снизить себестоимость центнера в этом году только до семи трудодней.

— Прекрасно! — подхватил режиссер. — Вот Кундузхон и пойдет в авангарде борьбы за механизацию трудового процесса. Что нам нужно? Событие. Вы понимаете, яркое событие, действие! А что должно стоять в основе действия? Конфликт, то есть столкновения на почве противоположных интересов. Мы знаем, что всякое повествование встречает обычно противодействие. Нам достаточно, если вы расскажете нам об этом хотя бы в общих чертах. Конкретно мы додумаем сами. Бывают ли у вас выступления против механизации, а если бывают, то что обычно говорят противники ее?

Стараясь скрыть улыбку, парторг Хатамова низко наклоняла голову и быстро глотала чай из пилалы, а когда режиссер кончил говорить, обратилась к бригадире:

— Ну, Мавлян-ака, что вы скажете?

Бригадир посмотрел сначала на Хатамову, потом на председателя и режиссера, а затем опустил глаза и, почесывая в затылке, проговорил:

— Гм... А где вы были, ученый человек, в тридцатых годах?

Наступило неловкое молчание.

— В наших колхозах вряд ли механизация является

теперь таким новшеством, которое встречает сопротивление, — сказал, задумчиво улыбаясь, председатель. — Сейчас у нас в республике больше двухсот МТС... Ты хочешь что-то сказать, Кундузхон? — обратился он к смуглой девушке.

Кундузхон давно хотелось вставить свое слово, но она не решалась. Теперь она сразу заговорила:

— Я родилась в том году, когда на наших полях впервые появился трактор. Вот Мавлян-ака упоминал о тридцатых годах. Не знаю, может быть, тогда у нас и были люди, выступавшие против тракторной обработки земли. Но теперь, когда каждый колхозник видит, насколько механизация облегчает его труд, кто же может выступить против нее?

— Старики, например, — подсказал поэт.

— Старики? Я никогда не пахала землю на паре быков, не испытала такой муки, но старики знают, что это такое. В те времена самый высокий урожай был десять центнеров, я только слышала об этом, а старикам это хорошо известно. Уж если снимать картину, то надо снимать правду! — пылко воскликнула Кундузхон.

Снова наступило молчанье, и хозяйева опять почувствовали себя неловко перед гостями.

— Конечно, товарищи и сами все понимают, — тихо заговорила Хатамова, — но, как они говорят, им нужно какое-нибудь событие. Вот они и хотят дать в картину хотя бы и выдуманное событие, но такое, которое показывало бы силу механизации. Правильно я вас понимаю?

— Вот спасибо! — обрадовался режиссер. — Вы просто выручили меня. Дело обстоит именно так.

— Но если так, — продолжала Хатамова, — вам нужно получше познакомиться с колхозом, тогда событие, соответствующее действительности и интересное для картины, появится само собой. По-моему, самое важное для вас — увидеть и по-настоящему узнать наших людей. А для этого вам надо пожить здесь подольше. Как вы думаете, председатель?

— Да живите хоть месяц, хоть два, сколько вам нужно, — обратился к гостям председатель, — лишь бы картина получилась хорошей. Дело государственной важности. Разве я не понимаю.

Сумерки сгустились, в комнате становилось совсем темно. Председатель взглянул под потолок, где тускло

поблескивал стеклянный пузырь электрической лампы, и покачал головой:

— Ну и человек!.. Неужели так и не даст света?

— Вы о механике? Когда я шла сюда,— снова заговорила Хатамова,— слышала, как наш сторож отчитывал мельника Сафар-али. Мельник, видите ли, пришел узнать, попадает ли его мельница на картину. А сторож и давай его стыдить: «Эх, ты, есть ли у тебя совесть. Человек скрылся вон, застыдившись показать электростанцию, а ты суешься туда же со своей мельницей!» — «Но моя мельница не его пыхтелке чета! — кричит Сафар-али.— Она теперь первая в районе!» Действительно,— пояснила она гостям,— Сафар-али у нас большой специалист мукомольного дела и мельницу сумел поставить так, что теперь она дает большой доход. А мельница тоже старая. Но я не об этом хотела сказать, а об электростанции. Уже одиннадцать лет прошло, как впервые в нашем колхозе вспыхнула электрическая лампочка. Помню: сколько радости тогда было. А вот теперь, как видите, маханик стыдится показывать ее вам. Я говорю об этом, конечно, только к примеру, но если подумать хорошенько, это маленький, но тоже интересный случай...

Режиссер опять раскрыл свою книжечку и стал что-то записывать.

Кундузхон явно не терпелось высказать какую-то мысль. Она наклонилась к уху Хатамовой и что-то зашептала ей, потом выпрямилась и обратилась к гостям:

— Товарищи, может быть это и неприлично, но я все же хочу сказать: вам нужно событие, чтобы показать наш колхоз, но разве ваш приезд не есть уже событие?

Все засмеялись. Кундузхон, подумав, что она сказала что-то очень глупое, спряталась за спину Хатамовой и, вероятно, густо покраснела, хотя в темноте были видны только белки ее глаз.

— Правильно, сестрица, очень правильно вы сказали! — восторженно проговорил поэт.— Самое хорошее, самое интересное событие,— для нас, по крайней мере,— именно этот наш приезд. Поэт и режиссер решаются создать картину из жизни колхозников, с этой целью приезжают в колхоз «Пахтакор», живут здесь месяц или два...

Режиссер хлопнул себя ладонью по лбу:

— А ведь это идея, черт возьми! Именно здесь месяц

или два ищут противоречий, конфликтов, столкновений — и не находят, ломают голову над тем, какое событие сделать в картине центральным и... Кундузхон подсказывает им, что все это и есть главное событие. Да ведь в этом плане можно создать колхозную кинокомедию — сам Иван Пырьев позавидует.

Опять все засмеялись и вдруг зажмурили глаза: под потолком ослепительно вспыхнула большая электролампа. Механик словно давал понять, что и он кое на что годится, если придется производить вечерние съемки.

За ужином выпили немного вина. Веселая, ставшая непринужденной, беседа о будущей кинокомедии затянулась почти до рассвета.

Гости уехали и вернулись через неделю.

Спустя три месяца начались съемки короткометражной кинокомедии.

...В полдень на дороге перед правлением колхоза «Пахтакор» остановился большой жукообразный автомобиль. Из машины вышли двое...

1947

Говорит Ганишер

1. Слово о хлопке

— Не сердь меня, парень! Разве я не предупреждал, что осенью придется тебе прятаться под стол, как цыпленку. До нетуха надо добрать еще четырнадцать процентов... Погляди на небо, вдруг дождь пойдет, что тогда станешь делать? Где возьмешь недостающие проценты? Вот оно как получается!.. На будущий год давай в мою бригаду. Пристрою тебя рукояткой к какому-нибудь старому кет-меню!..

Весной ты слова никому не давал сказать, никого не желал слушать, а теперь тянешь назад весь колхоз. Людей, видите ли, у него не хватает. Почему? Разве у тебя все выходят на хлопок? У одного жена не может, у другого дочь не хочет... К нам в этакую даль приезжают люди из Ташкента, а мы живем здесь, мы — хлопкоробы, а иные избегают хлопка! Это что же, мать родила их среди роз, да! Неужели ты не можешь по-бригадирски поговорить с ними, с их мужьями? Ты ведь такой смелый. Почему же не вытянешь их за ушко да на солнышко?

Ты постоянно ноешь: «Мало людей». Ты клянчишь: «Пришлите мне на подмогу ташкентцев». Ну, прислали. Ты сумел воспользоваться их руками? Нет, дорогой, нет, приятель, не сумел... Некоторые бригадиры только и знают зыркать в табель, жаловаться в конторе: «От помощников никакого проку, они мало собирают...» А что может сделать контора?

Как-то раз в одну бригаду прислали пополнение. Когда бригадир подбил итоги первого дня, получилось, что

помощники собрали в среднем по двадцать восемь килограммов. А один всего-навсего девять! Бригадир не хотел верить, что человек приехал в такую даль, чтобы собирать по девять кило, и решил доискаться причины. Это был стоящий бригадир! Наутро он находит на участке горе-работягу. Кто бы это ты думал? Тоненькая, хрупкая девушка. Бригадир делает вид, будто собирает хлопок, а сам уголком глаза наблюдает за ее работой. Видит: она протягивает руку к хлопковой коробочке с опаской, будто это жук. Потом два-три раза тынет коробочку, отрывает ее с ветками. Потом обрывает эти ветки. Кроме того, она не замечает пушистых коробочек, которые смотрят вина. Бригадир подошел к ней: «Сестренка, так ты быстро выдохнешься», — и показал, как надо, охватывая весь куст, быстро выбирать пушистое волокно из коробочек. И представь, она же, спустя три дня, собрала семьдесят восемь килограммов. Я видел собственными глазами. Вот как это делается! Научи неумеющего, разбуди энергию уставшего, пристыди лентяя. Вечерами заходи к горожанам, подбодри их. Очень важно, чтоб приезжие чувствовали благодарность колхозников, знали, что делают большое дело...

Ты небось в душе посмеиваешься, считаешь, что расхвастался. Нет, я не из тех, кто запосится. У меня, брат, ордена и медали не первый день. И приехал я из Андижанской Бутакары в Мирзачуль не за славой. При моем участии Голодная стена превратилась в цветущий сад. Я откликнулся на призыв аксакала Юлдаша Ахунбабаева. На собрании у нас он сказал: «Пусть вместо Голодной стены будут зеленые луга с отарами овец, пусть в арыках журчит вода и цветут сады. Пусть люди вздохнут привольно, пусть приумножатся богатства нашего края!» Радоваться не значит зазнаваться. Запомни это, парень.

Когда я сюда приехал, эта земля давала восемь центнеров хлопка с гектара. Ты понял: восемь! В этом году — тридцать пять!

Да, дела наши достойны дастанов и песен. Как молодая зелень пахнет весной, так и в делах наших — аромат будущего цветущего сада... Ты ведь знаешь Тутихон из моей бригады? Шестнадцатилетняя звеньевая. Совсем еще девчушка, а получила по тридцать два центнера. В ее звене — ни одного мужчины. Во время уборки сама Тутихон собирала ежедневно по сто — сто пятьдесят килограммов хлопка. Ты спросишь, откуда в этой девочке такая

энергия? Подумай сам. Тебе пора научиться видеть, думать, понимать.

То, что мы здесь творим великое дело, знают и стар и млад. Все знают. И Тутихон, и ее подруги по звену тоже знают. Это и дает нам силу, трудолюбие, энергию.

Ну, друг, ты что-то раскис. Уж не обиделся ли? Не надо. Я говорю от чистого сердца. Хоть ты и молодой петушок, но петушок же, а потому и гляди петухом. Выше голову. Будь тверд в работе, не допускай, чтоб твой хлопок угодил в сушилку.

Вон, видишь, распогодилось, тучи уходят. Завтра будет славный денек.

2. Слово о нашей земле

Мир тебе, моя Москва!

Вот мы и приехали сюда, чтобы получить награду и поблагодарить за нее, чтобы поздравить с успехами братьев-хлопкоробов, хлеборобов, животноводов, чтобы поучиться у них...

Пишите, милая девушка, доставайте толстую тетрадь. Нас много, в тонкую мы не поместимся. С чего пачать? Хорошо, с пачала.

Я родился в Андижанской Бутакаре. В тридцать девятом году перебрался в Мирзачуль и имею счастье по сегодняшней день проживать там в колхозе Гулистанского района. Да, именно там живет бригадир Юнусов Ганнишер пятидесяти одного года от роду.

Идемте, у нас еще есть немного времени. Прогуляемся по Кремлю... Пусть свежий ветер обвеет наши сердца, задохнувшиеся в те трудные годы, когда наша республика не выполняла план. Свежий ветер Кремля!

Наша-то бригада план выполняла, по-все равно было не по себе. Республика оставалась в долгу перед страной. Говорят же, что одним гвоздем не сколотишь дом. Верно говорят. Зря мы обижались, когда нашу бригаду называли таким гвоздем...

Встречаются на свете люди, которые поглощены собой. Им не дано увидеть народ, увидеть свой край. Мы нередко говорим, что колхоз дал нам верный хлеб. Но не всегда мы чувствуем, что есть нечто большее, — колхоз сделал нас выше, одарил способностью видеть народ, ви-

деть свою землю. Я так скажу: не велика разница между человеком, у которого не хватает кругозора, и котенком, который, нежась под солнечными лучами, лижет шерстку и задней лапкой почесывает шею...

В прежние времена труд был тяжкой ношей. Она пригибала человека к земле, он не мог поднять головы, посмотреть на соседа, оглянуться по сторонам. Судите по мне: перед тем, как родился колхоз, я батрачил у Туйчишана. Разве я видел что-то, кроме непосильного труда? Разве я замечал жизнь кишлака? Мои ночи уходили на то, чтобы кое-как отдохнуть, а дня едва хватало, чтобы заработать кусок хлеба. Если у труженика оставалось чуть-чуть времени, он начинал готовиться к смерти, молился, совершал намаз.

И вот мы отправились в Мирзачуль. Мы еще не ведали новых слов, они еще не набрали силу в наших сердцах. Возьмите меня. Скажите, чем я был хуже или лучше других, когда в колхозе «Гайрат» по самый черенок погружал в землю свой кетмень с полуаршинным лезвием, когда был бригадиром в колхозе имени Карла Маркса или соревновался с колхозниками Андижана? Я делал то, что делали все, думал так, как думали все. Когда нас позвали в Мирзачуль, меня не обольщали ни зажиточная жизнь, которую обещали, ни успехи моей бригады. Я видел только то, что твердили вокруг: «Земля Мирзачуля — солончаки, заросшие камышом и осокой».

Нас было восемьдесят три семьи... Когда партия сказала, что надо смыть соль со лба Мирзачуля, мы, восемьдесят три семьи, собрали свой скарб и отправились в путь.

И уверен, любого, кто увидел бы тогда Мирзачуль, сердце позвало обратно. И если я сейчас скажу, что в тот час не испугался, это будет неправда. Когда я оглянулся вокруг, то невольно воскликнул: «Это и есть Мирзачуль?!» Жалкая растительность, метелки камышей, осока, и всюду, всюду белые солончаки, будто на земле накинь известки... Хлопчатник с вершок... Камышовые шалаши, камышовые перекрытия, дома из камыша, скрепленного глиной. Четырехкомнатная контора колхоза тоже была сооружена из камыша и глины.

В тот вечер перед конторой у только что вырытой дренажной канавы состоялось собрание. Не забуду слов секретаря райкома:

— Не унывайте, вся республика смотрит на вас!

Это была правда. В нас зародилась сила, которая не скудеет поныне.

Мирзачуль стал любимым детищем республики. Узбекистан возлагает на него большие надежды, потому выдает ему хлеб помягче и мясо повкуснее. Благодаря такой заботе, благодаря энергии и честному труду наших джигитов и девушек, благодаря людской самоотверженности воплотилась в жизнь великая мечта, возникшая еще во времена Искандера Македонского. Но прежде это была мечта, которую никому не дано было осуществить. Сейчас это обыденная реальность. Относящаяся к Узбекистану часть Мирзачуля разделена на шесть районов, здесь двенадцать МТС, несколько хлопководческих и других совхозов.

В нашем Гулистанском районе не осталось и признаков безводной степи. В прошлом году моя бригада с каждого из сорока гектаров получила по сорок шесть центнеров хлопка. Такой высокий урожай мы добыли не только в прошлом году. Видите эти ордена? Я нацепил лишь половину, — все на одном костюме не помещаются!

Большой урожай выращивает, конечно, не только наша бригада. Многие стремятся получить урожай, как в бригадах Исмаилова, Анаркулова, Мамарахимова, Кадырова, Мухитдинова, Юлдашева. Есть у кого учиться, кому подражать!

Наш Мирзачуль — это не только хлопок, зерно, коконы, не только животноводство и птицеводство. Нет слаще нашего винограда, нижира, а нашу медовую дыню не осилить и восьмерым...

Партия и правительство постоянно заботятся о Мирзачуле. Мы заставили отступить пустыню, теперь будем ее преследовать. Пустыня убегает без оглядки, освобождая место для хлопковых плантаций, для садов, для кишлаков, которые под стать садам, и для городов-садов!

Првезжайте в наши края. Своими глазами поглядите на нашу землю. Она стоит того!

1948

Последние дни марта. Облака, плывущие по бездонно-голубому небу, затеяли неистовую игру с солнцем. Однако солнце, омытое ключьями облаков, выныривая будто из купели, все ярче, все горячее глядело на восходы, на все живое, еще дремавшее и не ведавшее о наступлении весны.

Миррахимов, человек тщедушный, попал в больницу совсем недавно. Завернувшись в огромный, не по росту, неуклюжий мохнатый халат, сидел он у окна и смотрел на улицу, словно мышь, которая глазееет на мир, высунув мордочку из огромной рукавицы. Вдруг он заволновался: что за чудесная погода, прямо благодать, а он, со здоровыми руками-ногами, должен сидеть взаперти и любоваться на мир из окна!..

Миррахимов хотя и был тщедушен, но обладал густым и могучим басом,— не умел говорить тихо. Прибежавшая сестра стала участливо расспрашивать его о здоровье, о настроении. Она стала увещевать его, мол, только терпение поможет больному излечиться от недуга, намекнув при этом на Мастуру Алиеву, с которой-де всем больным стоит брать пример терпения и выдержки.

Оказалось, что Мастура Алиева, доставленная в больницу в тяжелом состоянии, вот уже восемь месяцев не выходит из палаты; все обитатели больницы уже знают о ней, и многие побывали у нее. Чувство гуманности вдруг обуяло и Миррахимова.

— Давайте навестим эту бедную женщину! Кто знает, сколько ей осталось жить на этом свете... Говорят, она совсем плоха...

— Да, ей-то очень тяжело,— сказала сестра и вздохнула.— Легко ли переносить страдания целых десять лет!..

Дядюшка Ходжи, лежавший на своей кровати у самого входа в палату и читавший какую-то книгу, вдруг с легкостью, не подобающей его больному и грузному телу, приподнялся и сдернул с глаз очки.

— Неужели десять лет? И десять лет болеет?

— Да, вот уже десять лет. Не прошло, говорят, и года после замужества, как она захворала, бедняжка. Не может есть: пища через горло не проходит. Пищу ей вводят прямо в желудок... Сделали ей там такое отверстие, понимаете... Иногда сама себя питает, иногда муж...

— Муж! Да неужели у нее есть муж?

— Есть. Здесь он. Пять месяцев от нее не отходит!

Дядюшка Ходжи умолк. Наконец он произнес:

— Мало того, что целых десять лет ходил за больной женой, а теперь вот и в больницу пришел...

— И не говорите...— сказала сестра.— Он упросил врачей, и ему позволили поставить в палате кровать для него.

Дядюшке Ходжи не терпелось посмотреть — и не столько на больную, которая так упорно и терпеливо борется с тяжким недугом, сколько на беззаветно преданного ей мужа. Он встал, решительно запахнул халат, повязался кушаком и сунул ноги в тапочки.

— А ну, пошли! Видно, святые это люди, надо навестить.

Сестра побежала предупредить Мастуру и ее мужа о предстоящем визите.

Спустя минуту мы уже шли по длинному коридору, ища десятую палату; впереди шествовал, выпятив огромный свисающий живот, дядюшка Ходжи. У входа в палату нас вежливо и почтительно встретил молодой человек с большими, пскрящимися глазами, смуглый, как индус. Выразив каждому из нас свою признательность, он пригласил нас в палату. Мы вошли. В эту минуту солнце нырнуло под облака, и в палате потемнело, как в сумерки. С кровати, что стояла влево от громадного окна, вдруг послышался слабый, нет, скорее мягкий голос:

— Добро пожаловать!.. Спасибо, что пришли! Только человек придает силы человеку... большое вам спасибо!.. Акрамджан, пригласите присесть...

Солнце снова выглянуло, и мы увидели Мاستуру... Перед нами лежал не человек, нет, не больной человек, а мертвец, настоящий мертвец с пожелтевшей, как пергамент, кожей,— кожа да кости. И только глаза, большие глаза смотрели на нас... Представьте себе человека, сидевшего перед гробом и вдруг увидевшего, что у покойника задергалась нога или рука,— как бы почувствовал себя этот человек? Точно так же чувствовали себя и мы, глядя на ее глаза, сверкавшие на мертвенно-бледном лице.

Молодой человек, приветливо встретивший нас, видимо, муж Мастуры, принес нам стулья. Присели только Миррахимов и я. Дядюшка Ходжи остался стоять, грузным своим телом загородив от нас Мастуру. Я придвинул ему стул и хотел было дернуть его за полу халата, как вдруг заметил, что у дядюшки Ходжи колыхнется живот... Я удивился: чему бы ему так смеяться? И взглянул ему в лицо... Он стоял белый как полотно! Заметив, что дядюшку Ходжи обуял страх, сестра забеспокоилась и с тревогой сказала ему:

— Ах, дядюшка Ходжи, а я и забыла дать вам лекарства! Идите, идите! — И она поспешно увела его из палаты. Я забеспокоился, как бы дядюшка Ходжи, выйдя в коридор, не потерял сознание, не грохнулся на пол. Но, слава богу, обошлось...

Хотя сестра и увела дядюшку Ходжи под благовидным предлогом, но было уже поздно: Мастура все увидела. Некрасиво получилось, нехорошо. Я и Миррахимов сидели, не зная, что сказать, куда девать глаза. Я все же отважился незаметно взглянуть на больную. А Мастура, улыбаясь бескровными губами, повернулась к мужу.

— Запишите-ка, Акрамджан, в свой дневник: пришли меня навестить трое храбрецов, и один со страху удрал, а двое остались, не в силах бежать...

И она засмеялась, засмеялась сухо, отрывисто, словно ребенок. От ее шутки, особенно от ее смеха, по спине у меня забегали мурашки, но потом мне вдруг показалось, что с лица Мастуры сошла мертвенная бледность, будто живительная свежесть, переполняющая ее глаза, передалась щекам. Миррахимов что-то забормотал было, извиняясь за дядюшку Ходжи, но Мастура оборвала:

— Не беспокойтесь, такие вещи на меня не действуют, — сказала она. — Акрамджан, расскажите-ка им историю с гробом... нет, я сама им расскажу! Так вот, было это лет пять с лишним назад. Как сейчас все помню... Выпал густой снег. Лежу я вот так же, как теперь, напротив окна, Акрамджан сидел и, кажется, штопал себе носки... Вдруг вижу — распахнулась наша калитка и показывается что-то красное! Смотрю, удивляюсь: гроб! Двое друзей Акрамджана тащат к нам во двор гроб! Сердце во мне так и екнуло... Ах, беда какая, думаю, неужели я уже умерла?.. Не успела я прийти в себя и сказать что-то Акрамджану, как те двое прислонили гроб к стене и вошли в комнату. Увидели они меня живую, и хватили их кондрашка, совсем как давеча вашего дядюшку Ходжи. Акрамджан тоже сидит себе и ничего не понимает... В то время мне в самом деле было очень плохо, того гляди, поги протяжу. И вот увидел кто-то в автобусе плачущего мальчишку, подумал, что это мой братишка плачет, и пошли-поплыли слухи о моей смерти... Ну, а гроб потом сожгли в печке... Вот я и говорю, все эти страхи на меня совсем не действуют. Они действуют на людей, которые ожидают смерти, да ведь я-то не ждала и ждать не собираюсь! Если уж на то пошло, я не верю даже, что человек может ожидать своей смерти, то есть готов совсем отказаться от своих надежд. Даже совсем больной человек, который вот-вот умрет, у которого и язык уже не повинуется, и смотрит он, как будто прощается со своими близкими... А я и это не считаю признаком смерти: нет, он не прощается, а смотрит на своих близких с надеждой, ожидает, что они скажут ему: рано, рано ты собрался сводить счеты с жизнью... ты не умрешь. Эту вот надежду я и считаю самой сильной, самой важной для человека в жизни...

Акрамджан очень радовался тому, что Мастура ожидалась, беседуя с нами, но он тревожился и беспокоился за жену, как бы эта беседа не утомила ее, и всячески старался заставить говорить нас, говорил сам, чтобы дать больной передышку.

— А вы чем больны? — спросил он Миррахимова.

Тот назвал сразу три болезни.

— Ах боже ты мой!.. — воскликнула Мастура. — В таком маленьком теле? Да как же уместились целых три болезни?

Раздался хохот. Особенно весело и заразительно смеялся сам Миррахимов. Акрамджан, с нетерпением ожидавший окончания разговора о болезнях, тотчас подхватил шутку, брошенную Мастурой, и оказалось, что он на редкость остроумный человек; мы на время вовсе забыли о всяких недугах, шутили и смеялись напропалую. И когда наша непринужденная беседа неожиданно оборвалась — из-за могучего баса Миррахимова, — мы были огорчены. Врач, проходя по коридору, видимо, услышал неподобающий месту смех Миррахимова и, приоткрыв дверь, заглянул в палату. Он пристально поглядел на Мاستуру и, заметив, что она утомлена, выставил нас за дверь. Акрамджан тоже вышел. Он долго и взволнованно выражал нам свою благодарность, уверяя, что любезность, которую проявили мы, навевшая больную, придаст ей много сил и бодрости. Благодарность была во всем его существе, особенно в его больших, чуть увлажненных глазах. Мы не сомневались, что он готов расстаться даже с глазом, если б знал, что это доставит жене хотя бы минутную радость.

Мы вернулись к себе в палату. Дядюшка Ходжи лежал на своей кровати и, отдуваясь, прихлебывал сладкий чай. Никто не заговорил о неприятном случае: ни он, ни мы. Да и сами мы, Миррахимов и я, ни слова не вымолвили до самого вечера: мы были погружены в мысли о Мاستуре и не находили, что сказать, как выразить свои впечатления, свои чувства.

Наступила ночь. Больные улеглись. Дядюшка Ходжи уже спал и похрапывал. Миррахимов то и дело ворочался с боку на бок и, заметив, что я тоже не сплю, приподнял голову.

— У этой женщины — не одна душа, — тысяча и одна, поверьте! — сказал он. — Душа в ней едва теплится, как огонек угасающей свечи. А если и угаснет, то не раньше, чем зажжет другую из оставшейся тысячи! Вот эта надежда и не подпускает к ней смерть!

После долгого молчания он снова заговорил:

— А муж ее, муж-то? Я вам скажу, что и ему дана тысяча и одна молодая жизнь, но он все отдает своей Мاستуре...

Мало ли, много ли прошло дней, но вот мы расстались. Миррахимов уехал к себе в МТС, а дядюшка Ходжи укатил на курорт.

Спустя много времени судьба снова забросила меня в эти края. Я не мог, проезжая мимо больницы, не заглянуть в нее. Расспросив сестру, я узнал, что через час Мастуру кладут на операцию. Пять месяцев отговаривали ее врачи, уверяя, что с операционного стола она уже не встанет, но ничего не помогло: Мастура решилась, дала расписку, в которой соглашалась на рискованную операцию...

Я хотел зайти в палату и поведать ей; я подумал, что мое посещение и дружеское слово придадут ей хоть немного силы и бодрости, но врачи не допустили меня к ней.

Когда наступило назначенное время, Мастура вышла из палаты, поддерживаемая с двух сторон сестрой и Акрамджаном. Однако, выйдя из палаты, она отстранила их и пошла твердым шагом, сама добралась до операционной, сама открыла дверь и скрылась за нею. Все внимание Акрамджана было сосредоточено на жене, и он не замечал меня. А Мастура хотя и увидела меня, но прошла молча: небось не узнала.

Я не стал дожидаться конца операции; мне было известно, что врачи не очень-то охотно шли на нее; мне было понятно и состояние больной; я подумал, что женщина, бесстрашно смотрящая в глаза смерти, похожа на человека, вдруг оказавшегося в тьме крошечной и запертого, чтобы заглушить свой страх. Вечером я решил позвонить в больницу, и, честное слово, рука моя отчаянно дрожала. Но, слава богу, операция прошла удачно. Так мне по крайней мере сообщили.

Я уехал и долго ничего не знал о судьбе Мастуры. Я часто вспоминал ее и желал выздоровления и многих лет жизни этой женщине, у которой оказалось столько сил и терпения, чья душа была прочнее железа. И когда спустя три года я встретил Акрамджана с какой-то незнакомой женщиной, я готов был горько, по-ребячьи расплакаться.

Нигде праздник хлопка не проходит так весело, интересно и красочно, как в Голодной степи, ибо люди, съехавшиеся сюда со всех областей республики, завезли с собою свои песни и танцы. На этом празднике мне довелось побывать в Гулистанском районе, среди своих хороших друзей. Акрамджана с незнакомой мне женщиной я встречал именно здесь, в Гулистане. У обочины дороги

сидела верхом на лошади и что-то ела смуглая женщина среднего роста, стройная, — сама молодость. Акрамджан был занят тем, что затягивал подиругу своего коня. Увидев меня, он что-то тихо сказал женщине. Она ловко спешила, и оба они торопливо направились к нам. И женщина, и Акрамджан поздоровались со мной, как со старым другом. Но сколько я ни силился, сколько ни пытался отогнать далекое виденье, мне это не удалось: так и стояла у меня перед глазами та больная, что медленно вышла из палаты и потом исчезла в дверях операционной. И не смог я приветствовать их так же горячо, искренно, как они меня. С Акрамджаном я еще кое-как обнялся, а женщине нехотя протянул руку.

— Вы меня не узнаете? — спросила молодая женщина и, легко нагнувшись, сорвала листок подорожника, росшего на бровке арыка.

— Простите, не могу припомнить... — пробормотал я.

Женщина откусила листок подорожника и, пожевывая, спросила:

— Ну, а теперь? И теперь не хотите узнавать?

Узнал! Узнал ее по глазам! Женщина, чьи глаза щедро дарили радостную улыбку миру, была Мастура!

Я растерялся и спросил, сознавая, что говорю явную глупость:

— Что же вы делаете в этих краях?

Она засмеялась.

— Да вот работаю, теперь у меня силы хоть отбавляй.

Мы беседовали долго. Муж и жена провожали меня довольно далеко, ведя своих лошадей за поводья. Потом мы простились, супруги вскочили на лошадей и ускакали. Я смотрел им вслед, и они казались мне орлами, парящими над раздольной степью. Когда они почти слились с горизонтом, один из всадников вдруг резко повернул обратно и поскакал к нам. То была Мастура. Подъехав на несколько шагов, она крикнула:

— Прошу вас, передайте от меня поклон дядюшке Ходжи! — и ускакала к Акрамджану, дожидавшемуся ее где-то на горизонте.

Вернувшись в город, я стал разыскивать дядюшку Ходжи, чтобы исполнить желание Мастуры. Но, увы, я узнал печальное известие: дядюшка Ходжи, оказывается, умер.

Мертвые слова

В одном из рассказов Антона Павловича Чехова говорится: «Я не боюсь смерти, боюсь, что такой-то будет произносить речь на моих похоронах».

Что может быть отвратительнее, нежели речь, не согретая жаром души! Если слова, идущие от сердца, способны оживить мертвого, то от мертвых слов веет могильной сыростью.

Мало ли мы слышим ежедневно таких безжизненных речей! Сколько людей, не умея проявить себя в труде, готовы утверждать собственное существование бесконечным словоизлиянием на любом собрании, где им удастся прорваться на трибуну. Им нечего сказать, у них нет ничего за душой, и ни одна мысль не шевелится в их увялом мозгу, по их бодрит сам процесс говорения. Люди зевают, дремлют, сердито поглядывают на председателя... А поток пустых, мертворожденных слов не прекращается.

Но есть и еще одна разновидность мертвой речи. Я приведу ее пример.

Из районного центра в колхоз приехал лектор. Всякий, кто прибывает издалека, особенно «сверху», вызывает естественный интерес. Поэтому колхозный клуб с трудом вместил всех желающих.

Заведующий клубом, солидно откашлявшись, назвал тему лекции и фамилию лектора. Все шло, как полагается. На трибуну поднялся человек средних лет, вытащил из-за пояса толстую тетрадь в красной обложке, положил ее перед собой и произнес: «Товарищи!»

Листы тетради давно уже вырваны, замусолены, рас-

трепаны и, вероятно, перепутаны. Лектор прямо-таки измучился, то не обнаруживая начала текста, то не находя конца. Он раз за разом все беспомощнее повторял: «Товарищи!» — прежде чем кое-как разобрался в своих много-страдальных записях.

Но вот злосчастный лист извлечен из кучи, разглажен, лежит на своем месте. Лектор облегченно произносит: «Товарищи!» — и начинает антирелигиозную лекцию.

Речь шла о первобытном человеке, о существовании сверхъестественной силы, стоящей вне природы и сотворившей ее, о том, как возникли представления о чертях и ведьмах, привидениях и духах, как в своем развитии общество влияет на религиозные воззрения, и еще о многом другом.

Все, что говорил, вернее, читал лектор, было правдой и, не исключено, для многих сидящих в переполненном зале являлось новостью. Но верные в принципе слова никого не заинтересовали, они пролетали мимо ушей и умирали в воздухе. Женщина в первом ряду сама не заметила, как зевнула. Но это заметил завклубом, он угрозил ей пальцем. Но через минуту и сам зевнул, не открывая рта. Люди, чтоб развлечься, наблюдали за мимикой и движениями лектора. Его привычка то и дело поправлять галстук вызывала смех. Заведующий клубом дважды призывал к порядку хихикающую молодежь. Задние ряды ределли.

Лекция, которая могла и должна была всех заинтересовать, так никого и не задела. Лень, нежелание осваивать возможности нашего языка, привычка сидеть на скудном запасе слов и оборотов обесцветили текст, лишили его той выразительности, которая необходима, чтобы сделать мысль достоянием многих. Лектор пользовался языком, на каком не говорят и не пишут. Если б на нем писали, то, скажем, выражение «Я хорошо поел» приобрело бы вид «Я принял высококачественную пищу». Стоит на этом языке рассказать анекдот, и он лишится остроты, из него улетучится юмор. Каждую мысль он заворачивает в савап, убивает любое содержание, превращает лектора в унылого проповедника.

У такого рода лекций имеется одно-единственное достоинство: рано или поздно они кончаются. Кончилась и лекция в колхозном клубе. Народ, облегченно вздохнув, расходился.

Некоторое время спустя я случайно встретил этого лектора в шумной чайхане у большой дороги. Он играл в шахматы, с кем-то шутил, и соседи по столику не уставали смеяться. Подумать только, человек, который выглядел в колхозном клубе как жалкий сухарь, оказывается на самом деле веселым, общительным собеседником!

Когда он кончил партию, я решил напомнить ему о лекции и честно выложил все, что было у меня на душе. Он искренне удивился, задумался, а потом, вздохнув, сказал:

— Что я могу поделать? Во время лекции не полагается выходить за определенные рамки... Этого требуют...

— Полно,— возразил я,— кто требует, какие еще рамки?

На эти вопросы мой собеседник не ответил прямо, но из его порядком запутанных речей я кое-что понял.

Подобно некоторым журналистам, ораторам, агитаторам, этот человек считал мертвый язык чем-то официальным, где-то утвержденным, специально предназначенным для разговора с народом. Всякую попытку вдохнуть жизнь в произносимое слово он рассматривал как нечто сомнительное, выход за те самые строгие рамки, о которых упомянул, пытаясь ответить на мой вопрос.

Я встретился с одним из самых стойких и губительных заблуждений. Чем скорее мы с ним покончим, чем скорее похороним мертвый язык, тем лучше!

1956

Траур на свадьбе

Чрезмерное усилие ломает полсилицу.

Таджикская пословица

Каждый, кто видел доцента Мухтархона Мансурова, мог твердо сказать: старость, как и осень, имеет свои прелести. Даже белая козлиная бородка, в которой задержалось два-три волоска черного цвета, украшала доцента — не зря говорят, что на лице хорошего человека и пивья может показаться родинкой.

И в самом деле: благородство и честность, доброта и прямотушие давно сделали Мухтархона Мансурова душой квартала. Он здоровался со всеми, от мала до велика, с молодыми умел пошутить, со стариками побеседовать по-стариковски степенно, искренне разделяя чужую радость и чужое горе. Если он уезжал, в квартале становилось как-то пусто...

Однажды по кварталу пронесся слух: «Мухтархон-домла собирается жениться!»

Три года тому назад Мухтархон Мансуров овдовел, и за ним приглядывали то младшая сестра, то замужняя дочь. Слух о предстоящей женитьбе обрадовал жителей квартала.

«Нехорошо оставаться одиноким в старости,— рассуждали они.— Пожилому человеку надо, чтобы возле него были близкие...»

Хотя никто еще не видел невесту, но ее уже полюбили: не могла же недостойная женщина понравиться Мухтархону!

«Наш квартал счастливый! — гордо заявляли соседи.— Домла был нам отцом, жена его станет нам матерью!»

Первым подтвердил слух сам Мухтархон. Раньше он терпеть не мог ходить по магазинам и базарам — и вдруг его увидели стоящим в очереди в универмаге. На следующий день он прошел мимо чайханы в ярко распытой тюбетейке.

А еще через неделю неопишное изумление охватило людей, сидевших в чайхане: с автобуса сошел Мухтархон... без бороды! Старик начисто сбрил бороду, такую почтенную бороду!

Вдобавок Мухтархон не зашел в чайхану, как делал это много лет подряд, не поклонился, не поинтересовался здоровьем знакомых. Он мелкими шажками перебежал на другую сторону улцы и быстро удалился, не подымая опущенных глаз.

Потеря бороды, придававшей особое достоинство не только Мухтархону Мансурову, но и всему кварталу, его нежелание беседовать с друзьями — все это сильно взволновало квартал. Возникли мучительные вопросы: «Что случилось с нашим домлой? Почему он так переменился?»

Но многие не желали, чтобы даже малейшая тень легла на почтенного доцента, и пытались оправдать его: «Наш домла сбрил бороду не подумавши и раскаивается, стесняется встречаться с нами».

Немного спустя новая весть потрясла посетителей чайханы. Один юноша видел домлу в парке, и домла пил там пиво, лихо сдвинув набекрень свою яркую тюбетейку. Одет он был в короткие узкие брючки, в клетчатую рубашку с высоко засученными рукавами, а на запястье отливали золотом массивные часы. Кроме двух кружек пива, Мухтархон опрокинул в себя сто граммов водки и, купив огромный букет цветов, скрылся в кривой улочке за парком. Нечего скрывать — у всех, кто выслушал этот рассказ, дух захватило от изумления.

— Лишь бы все кончилось по-хорошему, — вздохнул старый Карим-ата. — Невеста, видно, молодая. Боюсь, что очень молодая.

Если судить по поведению Мухтархона, Карим-ата был близок к истине, но люди не хотели верить в плохое, и кое-кто резко оборвал старика.

К сожалению, Карим-ата оказался прав.

«Домла женится на своей студентке! Ей всего-навсего двадцать лет!» — постунили последние сведения о предстоящей свадьбе.

Женщины квартала увидели невесту, конечно, первыми. Они встретили ее в пошивочном ателье и убедились, что она действительно молодая и до смешного толстая. На ней было красное платье, на голове красная шляпка, и даже сумка и туфли резали глаза красным цветом.

— Леденцовый петушок на палочке! — возмущалась одна из женщин.

— Позор домле! — добавила другая. — Захотел на старости лет полакомиться леденцом.

Прозвище «Леденцовый петушок» прочно привилось к невесте. За то, что она украла безмятежную радость квартала, погасила светлую улыбку домлы, лишила его бороды — за все это ее возненавидели с яростью, способной раздробить самые твердые камни. Ненависть к невесте вытравива из добрых сердец обитателей квартала последнее чувство уважения к домле. Теперь при слове «домла» люди горько и презрительно усмехались...

Свадьба состоялась у невесты. Из всего квартала лишь Карим-ата получил приглашение. И то не в качестве почетного гостя, а из-за умения делать шашлык. Когда он вернулся со свадьбы, молодежь затащила его в чайхану и потребовала отчета.

— Не вправе я выдавать чужие тайны, — упирался вначале старик, но не выдержал и, расхохотавшись, ударил себя по лбу. — У домлы новые волосы! Не верите? Ей-богу, правда! Он их выкрасил, и они теперь похожи на старую, выеденную молью меховую подстилку. А свадьба прошла нормально: со стороны невесты было приглашено пятьдесят человек, со стороны жениха — восемь. А пришло всего одиннадцать. Хотели начать веселье в шесть часов — начали в десять. Невеста немного поскучала, но, выпив пару рюмок, принялась плясать. Домла хлопал в ладоши и подпевал. Вот и все...

Карим-ата помолчал и уже задумчиво добавил:

— Волосы у домлы новые, а сделал ли он себе новое сердце, я не спрашивал...

Едва миновал месяц после свадьбы, как молодая жена доцента Мансурова заболела загадочной болезнью. По вечерам она чихала и ругалась с домлой, и знакомый врач посоветовал ей обязательно съездить к морю, подлечиться морским воздухом.

Расстроенный домла бросился по учреждениям и в тот же день вручил жене путевку и билет на поезд.

Вечером к воротам дома Мансурова подъехало такси. Домла, несмотря на усталость, обливаясь потом, сам вынес два чемодана и с трудом закинул их в багажник. Потом трогательным жестом распахнул дверцу машины и помог жене разместиться поудобнее. Она по-прежнему была вся в красном, по-прежнему походила на леденцового петушка...

Машина тронулась, и тут же, при переезде через горбатый мостик над арыком, дверца багажника с лязгом открылась, и оба чемодана, словно догоняя друг друга, покатались по земле. Шофер не сразу заметил катастрофу, и, когда затормозил, до чемоданов было уже шагов пятьдесят. Домла выскочил из машины и вихрем преодолел это расстояние. Он отмахнулся от желающих помочь ему и, подхватив оба чемодана, снова бросился к машине. У него дрожали колени, кололо в груди, но до багажника он все-таки добрался. Поставив чемоданы, домла неожиданно пошатнулся, потер глаза и поспешно исчез в такси.

И опять машина не успела далеко отъехать от горбатого мостика: из нее выскочила жена домлы — «Леденцовый петушок» — и с диким криком упала на землю. Несколько человек подбежали к такси, а Карим-ата сокрушенно покачал головой:

— Волосы сделал новые, а сердце осталось старое... Не выдержало...

В машине сидел мертвый домла Мухтархов Мансуров. На похороны домлы народа собралось немного.

Для людей он умер месяц тому назад, в день своей свадьбы.

1956

Икота

Он вошел в зал после третьего звонка. И тут на него напала икота. В поисках свободного места он торкнулся в одну сторону, в другую, вытянул шею. Мест не было. А может быть, он их не замечал. Билетерша повела его к свободному креслу. Не переставая икать, пьяный шел вдоль ряда, наваливаясь своим задом на сидящих. Вдруг у него подвернулась нога, и он уселся на колени к какой-то женщине. Не обращая внимания на ее возмущение, неторопливо поднялся и, наконец добравшись до свободного места, удовлетворенно икнул.

Свет погас. Открылся занавес. На сцене творилось что-то непонятное. Один артист или два? Пьяный прикрыл ладонью глаз. Все-таки один. Но до чего, черт возьми, здорово поет! Пьяный хлопнул себя по колену:

— Дост! ¹

Сосед нетерпеливо толкнул его:

— Потише!..

Пьяный повернулся. Он хотел внести ясность.

— Это не к вам относится «дост», дорогой мой! Что вы сделали, чтобы заслужить «дост»?.. Вам известна песня «Судьба времен — это стоп»?.. Не известна?.. А тоже...

— Смотрите лучше на сцену, — непредусмотрительно посоветовал сосед.

— Куда хочу, туда и гляжу. Хочу одним глазом... ик... хочу двумя... Мои глаза, мой билет... мои... ик... деньги!

¹ Дост! — восклицание, выражающее восхищение, одобрение, обычно адресуется танцору или певцу.

Когда пьяный достал папиросу и, пагнувшись, чиркнул спичкой, вокруг поднялся сдержанный шум. Прибывший контролер предупредил строгим шепотом:

— Оштрафую!

— Когда я покупал билет, мне сказали, что штраф... ик... входит в его стоимость... Прос... простите, я думал, что здесь кино... Штраф, ишь ты... ик... скажите на милость!.. Чем же я провинился? Только и знаете хватать таких... ик... как я. Почему перед другими помалкиваете? Ик!.. Может, другие вам взятку сунули? Я тоже на наличные, на свои кровные... ик... купил билетик. Я ж никого не ругаю, не бью... Если б я кого-нибудь стукнул, ну, тогда, конечно... ик... мелкое хулиганство... Сейчас со мной ничего не можете сделать... Ик!.. Если вы все можете, избавьте меня от икоты!..

Его невозможно было унять. Не действовали ни просьбы соседей, ни увещевания контролера. Наоборот, пьяный все сильнее входил в раж, все больше пкал и безобразничал. Тогда парень, сидевший сзади, сделал контролеру знак: «Вы, мол, идите, мы и сами справимся». И зашептал на ухо пьяному:

— Жена ваша, когда навеселе, тоже икает, точно как вы. Это ее очень красит!

Пьяный вскочил на ноги.

— Где вы ее видели?

— У входа сидит и икает...

— Моя жена не пьет! Когда вы ее видели?..

Не дожидаясь ответа, пьяный направился к выходу, бормоча себе под нос:

— Сейчас выйду и — развод! Мне не нужна пьющая жена! Если она пьет, пусть ищет себе пьяницу... Нет, пусть ищет непьющего! Ик...

— Зря вы ему так, — заметила сидевшая рядом с парнем женщина. — Вот он вернется и возьмет вас за грудки. Что вы тогда сделаете?

Парень беспечно махнул рукой.

— Пока он притащится домой, будет допрашивать жену, требовать клятв и заверений, спектакль десять раз кончится...

1958

Соображение по поводу...

Автореферат кандидатской диссертации ¹

Наукой установлено, что жилые дома предназначены для заселения. Отсюда следует, что с каждым днем наш народ увеличивает спрос на столы, стулья, буфеты, шкафы, кровати и другие культурные подставки. При этом я позволю себе заметить, что в единичных случаях (выделено мной) у мебельных магазинов образуются скопления людей, именуемые в разговорном языке очередью.

Ряд специально произведенных мною наблюдений позволил установить, что при этом в практику внедряется новый и, на мой взгляд, более совершенный метод культурного обслуживания населения — составление рукописного списка покупателей.

Подобный метод, несомненно, заслуживает самого внимательного изучения, ибо, с одной стороны, он направлен на решение первоочередной задачи — максимально экономить драгоценное время наших покупателей, с другой — опирается на прочную традицию известных с давних времен рукописных списков.

Изложу свои соображения по поводу одного из таких списков, который любезно предоставлен мне для научного исследования заместителем директора магазина № 87 тов. Шалтай-Балтаевым (выделено мной) ².

¹ Полный текст диссертации находится в библиотеке Ташкентского совнархоза.

² «Список граждан, стоящих в очереди за мебелью!» — одна страница написана на хорошей бумаге из-под чая, Ташкент, 1958.

Прежде всего нужно отметить, что эта рукопись, охватывающая 22 фамилии, многогранна (бумага перегибута восемь раз) и весьма красочна: шесть фамилий написаны черными, одна — красными, одна — синими, а остальные — зелеными и фиолетовыми чернилами. Есть зарисовки карандашом. Уже один этот факт не оставляет сомнений в том, что автор рукописи хорошо владеет разнообразными художественными средствами. Полагаю, что можно полностью одобрить такой стиль записи, рассчитанный, как мне кажется, на то, чтобы заинтересовать и увлечь читателя.

Одно из главных достоинств рукописи заключается в том, что в ней ведущее место отведено фамилиям, созвучным с фамилией директора магазина товарища Гуляева (выделено мной). Например: Развалиев, Хватасв, Сажаев и т. п. Особенно гармонирует с фамилией товарища Гуляева (выделено мной) фамилия Онохмеляев.

Важно отметить, что, записывая фамилии, автор сделал попытку не допустить ошибок.

Однако, несмотря на это, в рукописи есть отдельные серьезные недостатки¹.

Прежде всего фамилии в списке не пронумерованы. Это свидетельствует не только о несерьезном, граничащем с безответственностью отношении автора к делу, но и о том, что автор, видимо, недопонимает того огромного значения, какое имеют цифры в народном хозяйстве. Другого объяснения здесь быть не может!

Кроме того, фамилии в списке не классифицированы ни по содержанию, ни по форме. Много места отведено фамилиям, имеющим отрицательный характер: Царев, Боярский, Кулаков, Приспешников, Баймуллаев, Суткин², то есть фамилиям, порождающим неправильное представление о нашей эпохе. В то же время положительным фамилиям — Станков, Чайкин, Бодров, Зарядкин — отведено очень мало места, и к тому же почти все они написаны неразборчиво.

В списке фигурируют фамилии, не типичные для нашей эпохи: Холопов, Взятченко, Ленивец и т. п.

¹ См. кандидатскую диссертацию автора, глава «Происхождение и развитие недостатков, просчетов, серьезных ошибок», стр. 2967.

² Последняя фамилия включает в себе вызывающий намек на еще не изжитое у нас, к сожалению, явление мелкого хулиганства.

Встречаются в рукописи и повторения. Например: П. Носов, О. Носов, Д. Носов. Если эти повторения сократить и написать так: Под. Носов,— ценность рукописи, несомненно, возрастет.

Говоря о серьезных недостатках рукописи, нельзя пройти мимо неправильного отношения автора к труду. Например, в списке значится: Досугов. Но предаваться досугу можно, как известно, только после самоотверженного труда, а где и как это отражено в рукописи? Скажем прямо: совсем не отражено!

Указанные недостатки следует исправить и уточнить. И тогда можно надеяться, что столь тщательно изученная мною, но по причине узких рамок рецензии, к сожалению, слишком бегло проанализированная рукопись займет достойное место в деле укрепления необходимых связей нашей науки с торговой практикой и в воспитательной работе среди наших покупателей.

Хочется пожелать автору новых успехов и более крупных по объему работ в жанре вышеуказанных рукописных списков. Нет сомнения в том, что директор магазина товарищ Гуляев (выделено мной) окажет автору необходимую поддержку.

1959

Голос из бутылки

Небо нависает свинцовыми тучами, падают первые тяжелые капли дождя.

Кимсан ведет за руку маленькую, словно куколка, дочурку Лолу. Его путь — в суд. Сегодня разбирается дело о разводе Кимсана Карабаева с женой.

У Кимсана потухший взор, отечное лицо, всклокоченные волосы. Одежда помята, брюки в пятнах.

Лола не знает, куда ее ведет отец. Она помнит одно: каждый день папа куда-то уходит, а возвращается пьяный. Он уже совсем не такой, как утром, он — плохой папа.

Лола идет и все думает, но не может понять: каждое утро отец уходит один, так почему же сегодня он взял ее с собой?

Лола старается не отставать, она прыгает через лужи и беспрестанно говорит. Голос у нее то обиженно-страдальческий, то молящий, то плачущий...

На углу Кимсан остановился и, будто о чем-то вспомнив, зашел в магазин. Лола стоит одна у витрины и испуганно смотрит, как отец направился туда, где выставлены в ряд разноцветные бутылки, как тетя подает отцу бутылку с прозрачной, словно вода, жидкостью.

Вокруг снуют люди, но никому нет дела до взволнованной маленькой девочки.

Кимсан привычным движением опустил бутылку в карман и вышел из магазина. Теперь Лола молчит. Она тревожно думает: когда и где выпьет папа водку и что совершит снова, сделавшись плохим папой. После этого папа всегда что-нибудь да совершает.

В зале суда полно людей: родственники, близкие, знакомые Кимсана и Инобатхон Карабаевых.

Инобатхон в черном. Ее глаза воспалены от слез, чтоб не разрыдаться, она прижимает к губам платочек.

Едва Лола увидела мать, подбежала к ней, бросилась на шею.

Началось судебное заседание.

История Кимсана такая заурадная и такая роковая. Сперва он вышивал, лишь когда представлялся случай. Потом обзавелся компанией и уже специально устраивал эти «случаи». Вот уже четыре года, как «случаи» подвертываются ежедневно! И все эти годы дома шум, скандалы, слезы... Иногда удается Кимсана переодеть, но чаще всего это невозможно. Все в доме пахнет водкой — одежда, постель, даже смолисто-черные волосы Лолы.

Кимсан не знает, почему он пьет. Пьет — и все тут. Если кто-нибудь попытается сделать замечание, посоветует прекратить, он обижается, грубит:

— Довольно с меня умных советов! Сыт по горло!

Водка стала для Кимсана всего дороже на свете, дороже дочери, жены. Отныне водка — первый наставник Кимсана. Она частенько дает ему советы, нашептывает:

— Жена не заботится о тебе, копит деньги, отрывая от хозяйства. Разве ты не замечаешь, что твоего заработка теперь едва-едва хватает?..

Поднимается скандал.

Когда Инобатхон делается неспособна даже сама жизнь, она гневно выговаривает Кимсану. Водка и в этом случае знает, что сказать:

— Все ласковые слова твоя жена тратит на других, для тебя у нее остаются лишь упреки...

И снова шум, снова скандал.

А если Инобатхон хочет убедить лаской, опять беда. Водку не проведешь, она всему находит безошибочные объяснения:

— Твоя жена только что от любовника. Она лицемерит. Неужто ты так слеп, что ни о чем не догадываешься?

Когда Инобатхон то горькими слезами, то мольбами, то угрозами пытается удержать Кимсана от выпивки, водка подстрекает:

— Жена хочет согнуть тебя в дугу. Раз поддашься — конец, она сядет тебе на шею. Будь мужчиной, стой на

своём. Намеревался выпить стакан, выпей два, три. Пусть жена воит. Ничего с ней не станется.

Это длится четыре года. Четыре года Инобатхон плачет, уговаривает, предупреждает. Она грозитя уйти от Кимсана. Но водка умеет успокаивать, она твердит Кимсану:

— Никуда жена не уйдет, никуда не денется. Все это — бабья болтовня.

А когда два месяца назад Инобатхон решила: конец — и ушла от Кимсана, водка повторяла свое:

— Покуражится жена и вернется. Не волнуйся понапрасну.

Однако, если сказать правду, Кимсаном тогда овладело беспокойство, он оставил у себя Лолу. Когда Лола с ним, сильнее надежда на возвращение жены.

В тесном судебном зале, в присутствии родных и знакомых, Инобатхон выложила все свои обиды. Кимсан с широко открытыми глазами слушал ее. Его сердце, надорванное ежедневными попойками, бжлось с перебоями, на лице выступил пот. Он чувствовал слабость, с трудом держался на ногах. Кто-то пожалел Кимсана и протянул ему стакан воды.

Лола из своего уголка следила то за матерью, то за отцом. Она не все могла понять, но чувствовала: происходит что-то страшное, может быть, непоправимое. Когда отец взял дрожащими руками стакан и сделал судорожный глоток, она бросилась к нему и в ужасе закричала:

— Не пей, папочка, не пей!

Стакан выпал из рук Кимсана, со звоном разлетелся на мелкие осколки. Старик, сидевший неподалеку, взял Лолу на руки и попытался успокоить. В зале поднялся шум. Потом установилась гнетущая тишина. Ее нарушал чей-то плач...

Суд удалился на совещание. Решение ни для кого, кроме Кимсана, не было неожиданным: просьба о разводе удовлетворена, Лола оставлена у матери.

Инобатхон увела дочь. Лола растерянно смотрела на мать.

Кимсан в каком-то забытьи направился к выходу. Кто знает, выпьет ли он водку, как только выйдет из зала, или — разобьет бутылку о камень?

Если разобьет, то, может быть, Инобатхон сквозь слезы услышит звон стекла и обернется, и вернется к нему...

1960

Я сидел с отставником-капитаном милиции в чайхане, мирно беседуя за пиалой чая. Отодвинув пиалу, кашигаи нагнулся ко мне и, понизив голос, сказал:

— Следите за той узенькой улочкой. Сейчас там появится человек. Обратите на него внимание. Потом я расскажу вам о нем.

И действительно, вскоре я увидел человека в черном плаще, черной шляпе, черных очках. Он имел картинно зловещий вид. Черная одежда и черные очки делали его лицо особенно бледным и каким-то неживым. Казалось, пририсуй под подбородком две скрещенные кости, и готов череп, какпе изображают на высоковольтных столбах.

Человек постоял с минуту и, хотя капитан так и не взглянул на него, перешел на нашу сторону улицы. Он сел почти рядом, но капитан не поднял головы. Тогда человек встал и демонстративно профдефицировал перед нами. На нас пахнуло сыростью и запахом несвежего мяса. Он раз за разом оборачивался в нашу сторону, затем, видно, отчаявшись привлечь наше внимание, вышел на улицу и исчез в темном проеме ворот.

Капитан, помолчав, рассказал мне о черном незнакомце.

— Я знаю этого типа уже более четырех лет. Все эти годы он норовит затащить меня в укромный уголок, чтобы нашептать очередную клевету...

Я видел, что капитану доставляют мало радости воспоминания. Но он уже не мог от них избавиться.

Года четыре назад из разных районов города в милицию посылались письма за разными подписями, но без обратных адресов.

Во всех письмах — тягчайшие обвинения против тогдашнего секретаря Союза охотников. Подтвердись хотя бы одно, секретарю не миновать ареста и суда. Однако, сколько милиция не проверяла, письма оказывались чистой липой, их автор не обнаруживался. Но все же волей-неволей пришлось обратить внимание и на секретаря.

— Вот в те дни, — сказал капитан, — и появился ко мне этот тип. Он начал с рассказа о своей кристальной честности, говорил многословно и нудно, а заканчивая, неожиданно шепнул: «Есть слухи, что секретарь Союза охотников покупает пистолеты у неизвестных личностей. Я, правда, не слишком-то верю в эти рассказы, однако полагаю своей гражданской обязанностью поставить вас в известность».

Я поблагодарил его. С этого и началось наше личное знакомство.

Слух, разумеется, был чистейшим враньем, — ни у кого никаких пистолетов секретарь Союза охотников не покупал. Поразмыслив и все взвесив, мы пришли к убеждению, что недавний посетитель имеет непосредственное касательство к письмам без обратных адресов. Догадавшись, что милиция ищет их автора, он забеспокоился и сам прибежал к нам: «Вот, мол, глядите, какой я: если у меня есть что сказать, то являюсь собственной персоной, а не сочиняю письма». Хитрость не ахти какая хитрая. Прием нам достаточно известный.

Капитан перевел дыхание.

— Ну, а какую цель преследовали эти кляузы? Чего он добивался, распространяя клевету? Имейте в виду, клевета никогда не бывает бескорыстной, она никогда не ведется «по велению сердца». Чаще всего ее диктуют честолюбие и карьера. Так обстояло дело и на сей раз.

Не составляло больших усилий докопаться до цели... Вы, конечно, знаете, что существует разновидность людей, которые если и продвинулись с младенческих лет, то отнюдь не в лучшую сторону. Они не приобрели ни знаний, ни специальности, ни навыков труда. В них так и не пробудилась совесть. Но однажды поглядев вокруг, они замечают, что все работают, чего-то добиваются, а если и

смотрят на них, бездельников, то не иначе как с презрением. И тогда начищается погоня за наживой, за положением, авторитетом. А как все это заполучить? Лишь одним способом — за счет других. Одни становятся ворами, другие — клеветниками. Одни норовят залезть в карман, другие — украсть чужое положение, чужую славу, на худой конец — чью-то должность.

В поисках удовлетворения наш знакомец открыл в себе «великий талант». Он метнул нож в курицу, которая клевала семена дыни, и угодил прямо в голову. Курица, задрыгав погами, испустила дух. В тот же день он, одолжив денег, купил ружье, а на следующий — подал заявление в Союз охотников... Когда секретарь Союза, у которого не было правой руки, выписывал ему членский билет, у него созрела мысль: «Почему бы мне не занять эту должность? Если секретарь справляется с ней, имея одну руку, неужто я не справлюсь с двумя?»

Обратите внимание, люди такого сорта, не умеющие ничего делать, кроме как сочинять пасквили, считают себя не хуже других, мастерами на все руки. Они презирают труд, талант, искусство: «Подумаешь, я могу не хуже...»

Вернувшись как-то с охоты и не подстрелив даже воробья, он почувствовал, что одной лишь честолюбивой мечты ему мало. Он должен действовать. Гнусная мыслишка подсказала направление действий: «А не предатель ли секретарь? Может, он сам себе прострелил руку, чтобы сбежать с фронта?»

Очень характерный для подлеца ход мыслей. Своими собственными думами он охотно наделяет другого. Думы эти для него настолько органичны, что он начинает верить, будто они свойственны другому.

Наступил час активных шагов. Атака велась по трем направлениям.

Во-первых, надо прослыть незаурядным охотником. Каждое воскресенье вечером, закинув за спину ружье, нацепив на пояс купленных на базаре куропаток, прихватив с собой борзую с шелковистой черной шерстью, он торжественно шествовал по центральной улице. }

Во-вторых, чтобы очернить секретаря Союза охотников, он выдумывал всевозможные нелепости и пакости и распространял их, нашептывал, излагал в письмах, направленных в милицию.

В-третьих, по всякому поводу и без повода льстил председателю Союза охотников. Он пазывал его «учителем», на свадьбе одного из членов Союза, забыв о женихе и невесте, предложил тост за здоровье «учителя» и речь во славу председателя закончил словами: «Убитая его пулей куропатка может гордиться своей смертью!» Лесть — непрременный спутник клеветы. И такой же неумеренный спутник. Обливая кого-то помоями, клеветник перед другим стелется ковровой дорожкой...

Прошло полтора года. Секретарь Союза охотников скоропостижно скончался. Наш герой рвал на себе волосы, бился головой о стену. Он шагал впереди траурного шествия, неся подушечку с орденами покойного. Произнес речь на могиле: «Дорогой друг мой, спи спокойно, я продолжу твоё дело...» И, разумеется, разрыдался.

На другой дець он запыл стул умершего. С утра до ночи перевозносил своего предшественника с таким же пылом, с каким педавно поносил его. Так продолжалось в течение недели. По мере того, как люди привыкали к новому секретарю, его слезы постепенно высыхали. А когда был подписан приказ о назначении, высохли окопчательно.

Начался новый этап деятельности — осуществление цели. Шкуры волков, убитых другими, сдавались им на свое имя, затевались свары между охотниками, а новоявленный секретарь выступал заступником каждого, миротворцем. Наконец, почувствовав себя достаточно уверенно, он осмелел и возмечтал о дне, когда произнесет речь на могиле председателя и пообещает «продолжить его дело».

Но председатель, хоть и был немолод, отличался завидным здоровьем. Его не подорвала и война, когда он партизанил в белорусских лесах. Судя по всему, он не намеревался умереть ранее ста лет.

Ах, он не желает умереть сейчас? Пусть пеняет на себя!.. И посыпались письма в милицию на председателя. Опять разные подписи, опять без обратного адреса. Между тем среди охотников, до тех пор живших вполне мирно, пачались раздоры, обиды...

Капитан сплюнул. Ему явно надоело копаться в этой истории. Но взялся за гуж, не говори, что не дюж. Надо было досказывать до конца. У капитана уже не было иного выхода. Да и меня разбирало любопытство: чем же это все завершится.

— В те дни, — продолжал капитан, — он заявился ко мне домой. Он, видите ли, прослышал, что у меня родился внук, и пришел принести поздравления. Но ему надо было не только принести свои поздравления. Выбрав удобный момент, он зашептал мне на ухо: «Вы помните, наш секретарь скоропостижно скончался? Есть слухок, что к его смерти причастен председатель. Я не верю этому ни на грош, но считаю долгом совести поставить вас в известность. Тем более, что есть слухи, будто председатель оговаривал секретаря, утверждал, будто тот покупал у неизвестных лиц пистолеты».

Это уже, как видите, двухэтажная клевета. Собственные наговоры приписываются другому. А этот другой намечается в очередные жертвы.

Мировало несколько месяцев. Семена, брошенные склочником, дали всходы. Охотники невесть в чем обвиняли друг друга, жаловались друг на друга. Разгорелась страсти, ссоры, ругань... Однако более зоркие, понявшие причину скандалов, вывели мерзавца на чистую воду. Выяснилось, что охотник он — липовый, зато пеплохой комбинатор и оборотистый делец. Клеветник отбивался изо всех сил, не жалея ни слюны, ни чернил. Он пустил в ход политические обвинения. Они всегда в запасе у профессионального клеветника. Он бегал по инстанциям, обвинял, жаловался, изображал из себя жертву борьбы за справедливость, строчил бесконечные письма...

В один из дней, когда бурное собрание охотников затнулось за полночь, участковый милиционер, обходивший свой участок, заглянул в зал и увидел, как несколько человек, взяв кого-то за руки и за ноги, раскачали и выкинули на улицу. Участковый поспешил на помощь пострадавшему, но того и след простыл. Узнав, что это был секретарь-клеветник, участковый успокоился.

Прошло около года; о злополучном секретаре Союза охотников — ни слуху ни духу. За это время я ушел в отставку, а месяц назад скончалась моя теща. Когда опускали гроб в могилу, я почувствовал на плече чью-то руку. Оглянувшись, увидел знакомую физиономию исчезнувшего было клязника. Он выразил свое сочувствие. Рассказал, что работает могильщиком на этом кладбище. И, отозвав меня в сторону, зашептал: «А знаете, председатель махалинской комиссии похоронил свою мать рядом с Касымом-Ишпаном...» И тут же сообщил мне, что давно мечтает

служить в милиции, в славных органах охраны порядка и просит содействовать ему — ведь мы же старые знакомые. Я объяснил, что ушел в отставку и ничем не могу ему помочь. Но он не хотел слушать и посулил прийти. И теперь, как видите, пришел...

Я спросил капитана, почему надо делать секрет из попытки поступить на службу в милицию, к чему весь этот маскарад, таинственные появления.

Капитан засмеялся:

— Он всегда норовит сделать дурное, напакостить людям. И того же ждет от них. Жизнь клеветника не всегда сладка. Он сам пребывает в вечном страхе, таится, скрывается. Он и жует и глотает, оглядываясь. Вы не заметили, как он тогда стоял на улице? Точно испуганная курица. Втянув голову, пугливо озираясь вокруг. Словно удивлялся, что его никто еще не стукнул.

В это время из ворот спова показался наш герой.

— Видите, — тяжело вздохнув, произнес капитан, — придется сходить к нему. Иначе до вечера будет там торчать.

Я тоже встал и, прощаясь с капитаном, спросил:

— Зачем вы возитесь с ним?

Уже в дверях капитан мне ответил:

— Это насекомое нельзя упускать из виду. Оно способно принести людям немало зла. Лучше быть начеку, знать объекты-жертвы, которые он намечает.

Когда капитан перешел улицу, человек в черных очках скрылся в воротах.

1960

Страх

Ничего-то вы, доченьки мои, не знаете о бывлой женской доле, а рассказать вам — и не поверите!..

Матушка Турахон¹

Вот уже две недели бушевал колючий ветер поздней осени, завывая в голых ветвях деревьев, свистя под карнизами домов, стучась в плотно закрытые двери и окна... В такие вечера люди становятся молчаливыми и тихими, как овечки, сбиваются в группки и сидят тихо, чего-то ожидая.

Все семь жен Алимбека Додхо собрались в комнате самой старшей из них, Нодирмохбегим, и сидят вокруг сандала. Додхо, задержавшийся после молитвы в мечети за душевспасительной беседой с имамом, вернулся почему-то раньше обычного и не в духе. Все жены при виде его вскочили. Одна сняла с его головы чалму, другая почтительно протянула руку к его чекменю, третья приготовилась стягивать с ног ичиги... Самая младшая из жен, Унсиной из Ганджиравона, всего пять месяцев назад ставшая жилицей пышных хором Додхо, поднесла ему кальян. Только раз, но зато долго и протяжно, потянул Додхо из кальяна и, даже не пожелав позабавиться проказами своей любимицы — обезьяны, прошел в передний угол, приоткрыл окно и одним глазом взглянул во двор. Ветер бесновался: то завывал шакалом, то протяжно

¹ Матушка Турахон, или, как ее зовут в народе, Турахон-Ойе, — одна из самых светлых личностей в истории современного Узбекистана. Первой из узбечек в революционные годы она вступила в коммунистическую партию и сбросила паранджу и чачван. Вела активную борьбу за раскрепощение женщин. Встречалась с В. И. Лениным.

мяукал, как кошка в смертной агонии. Во дворе была непроницаемая темень.

Плотно прикрыв окно, Додхо уселся на свое обычное место и начал перебирать четки. Пальцы его быстро и ловко пересчитывали отполированные камешки, он прислушивался к вою ветра и думал: «Как, должно быть, страшно теперь на кладбище!»

Узбекские кладбища и так неприглядны, а еще столько страшных небылиц, жутких историй рассказывают в народе про них. У любого, кто вспоминает в такие пелютные вечера про кладбища, особенно у таких, как Додхо, давно пережившего возраст пророка и хранившего в сундуке для себя савап,— даже на кончике языка выступает холодный пот при одной мысли... Нет, даже не о смерти, а о том, что ему предстоит переселиться туда!

Чтобы отогнать эти мрачные мысли, Додхо отложил четки и заговорил о том о сем, но женщины его не поддерживали, и слова повисли в воздухе.

Вдруг порыв ветра сильно ударил в окно. Нечто, царапая стекло и цепляясь за раму, медленно поползло вниз. И все, кто сидел в комнате, почувствовали себя пришибленными и, не смея вздохнуть, испуганно посмотрели друг на друга. Чтобы успокоить жен, а еще больше себя, Додхо поднялся и снова приоткрыл половинку окна. От ветра, ворвавшегося в комнату, закачалась височная лампа. Додхо высунул голову, посмотрел вниз и обрадованно проговорил:

— Циновка это! Оказывается, циновка!

Сорвавшаяся циновка почему-то напомнила ему гроб с мертвецом, который он видел вчера, а вспомнив этот качающийся на плечах людей гроб, снова представил себе кладбище, и в его памяти ожили все страшные рассказы о склепах и мертвецах, запомнившиеся ему еще с детства. Чтобы преодолеть страх, Додхо заговорил именно о них и, скорее перед собой, чем перед женами, стал расхваливать свою неустрашимость и храбрость.

Старшая из жен, Нодирмохбегим, тоже рассказала одну историю:

— Девчонкой я еще была, тогда слышала. Отец мой, покойный, участвовал в гапе¹. Собрался его дружки

¹ Гап — пирушка, на которую мужчины собираются поочередно у каждого.

как-то у нас, полная комната гостей. Был вечер, такой же вот ветреный. Кто-то из гостей обратился к остальным с вопросом: «А кто из вас может отправиться сейчас на кладбище и вопить нож в могилу Аскара-палвана?» Один из гостей достает нож из ножен и говорит: «Я могу!» Поспорив на одного барана, смельчак отправился. Ждут друзья, ждут, а его все нет. Утро настало. Пришли к нему домой, и там его нет. Приходят на кладбище, а он лежит мертвый, возле самой могилы Аскара-Палвана. Как только собрался повернуть обратно, тут хватя его кто-то за халат! Он и испустил дух от страха... Вонзил нож в могилу, бедняга, оказывается, прихватил и подол своего халата.

Женщины поежились. После долгой паузы Усинной прошептала:

— Глупый он был, этот человек. Из-за одного барана... Было бы за что погибать... я бы пошла...

Слова ее, услышанные Додхо, задели его самолюбие. Как эта девчонка смеет говорить «Было бы за что... я бы пошла...», когда у него, Додхо, начинают трястись колени при одном упоминании о кладбище, когда он не смог бы пойти даже в том случае, если бы ему посулили ханский престол.

И Додхо, раздраженный, начал пасмехаться над ней:

— Вот так дочь мельника, а? Какова? Целого барана ни во что не ставит, видали? А сколько баранов ты бы хотела? Ей-ей, я тебе дам десять баранов. Пойдешь ты вонзать нож в могилу? Сто баранов, половину своего богатства — отдам, пойдешь?

Медленно перебирая пальцами монисто, Усинной ответила:

— Не надо мне никакого богатства...

Эти слова Усинной еще сильнее задели Додхо:

— А что же тебе надо?

Усинной промолчала. Однако нельзя, невозможно было оставлять вопрос Додхо без ответа, поэтому другие жены, боясь быть избитыми за проступок Усинной, начали дергать, шпынять и толкать ее со всех сторон:

— Отвечай же, чего молчишь?

— Язык, что ли, у тебя отнялся?!

Усинной подняла голову, поглядела на Додхо, не отрывавшего от нее глаз, и ответила:

— Если позволите... Я вернусь в Ганджиравон... Я бы не только в одну могилу, в десять могил всадила бы десять ножей!

Все жены Додхо хорошо поняли замысел самой младшей из них, один только Додхо понял ее по-своему.

— Опять в Ганджиравон! И месяца еще нет, как ты возвратилась оттуда!

Нодирмохбегим, вытянув под сандалом руку, ущипнула Унсиной за ногу и сделала ей знак глазами: «Слава богу, он не понял! Ну и довольны об этом, помолчи!» Но Унсиной, как человек, отчаявшийся вконец, смело и безбоязненно глядя на Додхо, проговорила:

— Нет, я хочу сказать — насовсем... Если бы вы разрешили, я бы совсем уехала...

Женщины низко опустили головы, согнулись, словно тяжелая ноша легла на них, хотя дерзкие слова были произнесены одной лишь Унсиной. Но, к удивлению и вопреки ожиданию всех, Додхо не схватился за камчу, не крикнул в гнев: «А ну, покажи, где у тебя зачесалось?!» Напротив, он заговорил спокойно и даже мягко, хотя в голосе его звучал едва скрытый сарказм:

— Вот как? Ну что ж, пусть будет по-твоему.— И, немного подумав, не скрывая раздражения, он продолжал: — Но на кладбище пойдешь не с ножом, а с кумганом, и у самой гробницы святого Онхазрета вскипятишь чай, заварить его в чайнике и доставишь сюда. Ладно?

— Ладно, ладно! — ответила Унсиной, глядя на него вдруг загоревшимися глазами.— Но... Лишь бы вы не отреклись от своих слов...

От гнева Додхо чуть не задохнулся: то, что какая-то жалкая нищенка так рвется из его почти царского дома, показалось ему невероятным оскорблением. Теперь ни у кого из его жен, даже у Нодирмохбегим, которая сидела сама не своя от терзавшего ее страха, так как была уверена, что Унсиной не вернется живой с кладбища, и у той не осталось смелости, чтобы вымолить прощение для молодой женщины.

Длинная, седая борода Додхо затряслась, задрожал и голос:

— Хорошо, я сдержу слово! Чтобы ты успокоилась, сейчас говорю — ты мне чужая! А когда вернешься с

кладбища, станешь трижды чужой¹. Бери же кумган — и отправляйся!

Тут же, закрыв рукавом лицо от Додхо, Унсиной убежала из комнаты. Нодирмохбегим поняла: ничего она не в силах сделать для спасения женщины, но хотела убежать вслед за ней, чтобы приободрить ту, утешить, однако не смогла этого сделать: одним лишь сумрачным взглядом Додхо приковал ее к месту. Остальные жены одна за другой тихо, на цыпочках, покинули комнату.

Унсиной накинула на себя паранджу, надела чиммат, набрала в кумган воды и, насыпав в чайник щепотку чая, пустилась в путь. Тускло и сумрачно светила луна. Край неба походил на грудку грязно-желтых тряпок. В грязновато-тусклом свете мрачно выступали из темноты дома и сгибающиеся на ветру тополя. Порывы бесновавшегося ветра каждый раз сбивали Унсиной с дороги. Она свернула паранджу и чиммат, сунула их под мышку, и ей стало немного легче идти.

Все, что слышал Додхо про кладбища, слышала и Унсиной. Если в такую злую ночь кладбище наводило на Додхо невыразимый страх, то и на Унсиной оно наводило не меньший ужас. И все же кладбище мертвых казалось ей менее страшным, чем кладбище живых, где она жила. К тому же ни о чем другом она не думала, не мечтала, как о том, что вот завтра возвратится в свой родной Ганджиравон, свидится с отцом, матерью, подружками.

Она чувствовала себя сейчас совсем маленькой — девочкой, получившей от отца праздничные деньги и отправившейся на базар за покупками, и шла быстро, почти бежала наперекор ветру, рвавшемуся ей навстречу. Только изредка, когда порывы ветра бывали сокрушительны, она шагала, полуобернувшись к нему. Но вот она свернула в переулок, ведущий к самому кладбищу. Сердце у нее екнуло, когда под мерно раскачивающейся старой, почерневшей от времени чинарой она увидела смутно белеющие гробницы. Перейдя мостик над арыком и сделав несколько шагов, она остановилась. Страх сковал ее, мысли о возвращении в Ганджиравон, о свидании с родными и подружками исчезли, ей вдруг показалось, что вокруг мо-

¹ По шарпату, мужу достаточно сказать: «Ты мне чужая!» — как женщина теряет права жены. Но она может стать женой — при повторном бракосочетании. Если же муж трижды сказал: «Ты мне чужая!» — то разрыв окончательный.

гия и гробниц бродят призраки, закутанные в белые саваны. Ей даже показалось, что волосы у нее на голову поднялись дыбом и приподняли платок. Она невольно отступила назад, но потом, словно пыталась убедить кого-то в своей смелости, дважды прокричала в темноту: «Мертвые — мертвы! Мертвые — мертвы!» — и ринулась вперед. Остановилась она лишь у громадного корявого ствола чинары, под которым возвышалась гробница Онхазрета.

Кумган и чайник Унсиной опустила на землю, паранджу и чиммат кинула в сторону и потом радостно подумала: «Вот и ушло большее, осталось меньшее». Но радость ее была преждевременной: все она захватила из дома, но было только самого необходимого — дров! Забыла! Мысль о том, что надо собирать дрова на кладбище, снова заставила ее похолодеть от страха — ей показалось, что из каждой гробницы поднимается рука мертвеца, из каждой могилы раздается зов. Она снова начала выкрикивать: «Мертвые — мертвы!» — и эти возгласы несколько успокоили ее, придали ей силы. Она бродила в темноте меж могилами и гробницами, вела руками по земле, обшаривая камни, куски глины, подбирая все, что попадалось, и опускала в подол платья сухие былинки, шуршащий камыш, верблюжью колючку, которой так богаты кладбища. Но ощущая боли в окровавленных руках, Унсиной, наконец, развела костер. В один миг вспыхнул яркий огонь, затрещала колючка, пышно пламеня в красноватом отсвете пламени, сквозь ключья колышавшегося на ветру дыма из темноты выступали бугры могил. Чудилось, что они вдруг ожили, пришли в движение, словно их обитатели пытаются пробить головами крыши своих темниц.

Унсиной снова и снова уходила на поиски дров, и каждый раз, когда сухая трава с треском разгоралась, молодая женщина страшилась, что этот шум и треск огня разбудят дремлющие призраки.

Вода в кумгане закипела. Унсиной торопливо заваривала чай, затоптала огонь, чтобы не запылась сухая трава на кладбище, и пустилась в обратный путь, держа в одной руке чайник с горячим чаем, в другой кумган, — шла ощупью, ослепленные ярким огнем костра глаза ее долго не могли привыкнуть к темноте. Вдруг под ней провалилась земля, и левая нога ушла куда-то вниз. Она почувствовала, как кончики пальцев ноги коснулись чего-то мягкого. Не переставая повторять заклинание: «Мертвые —

мертвы!» — она гнала от себя страх, но стоило подумать, что, может быть, наступила на мертвеца, по телу ее пробежала дрожь. Унсиной рванулась, вытянула ногу из ямы, оставив в ней кавуш. Доставать его оттуда у нее уже не было сил, так и пошла она: в кавуше одна нога, в мягком ичиге — другая. Пройдя несколько шагов, она вдруг вспомнила, что паранджу и чиммат оставила возле гробницы, и остановилась. Вернуться за ними Унсиной была не в состоянии, сейчас она боялась не только возвратиться туда, но и обернуться назад: ей чудилось, будто мертвецы смотрят ей вслед, высунув головы из своих могил и гробниц. Так она и стояла, не зная, что делать дальше, как вдруг не то из гробницы, не то откуда-то сверху раздался странный голос, и через секунду на плечи ей взобралось какое-то чудовище. Чудовище протянуло к ее горлу длинные, обросшие шерстью лапы. Унсиной закачалась, как бы от сильного удара в грудь, и потеряла сознание. Очнувшись, она увидела, как чудовище, оставив ее, медленно заковыляло прочь и исчезло за гробницей. Унсиной поняла — это обезьяна. Обезьяна Додхо! Разумеется, не сам Додхо привел ее сюда, он прислал ее с кем-то из своих людей. Бог мой, есть ли еще кто на свете, кто мог бы сравниться с Додхо в бессердечии и жестокости!

Унсиной теперь несколько успокоилась: каким бы безжалостным и жестоким не был этот человек, все же он находился где-то поблизости.

Поклинув кладбище, она выбралась на большую дорогу. Пройдя полпути, Унсиной почувствовала боль в левой руке, а боль эта напомнила про кумган. Где же кумган? Ведь она несла его в левой руке! Остановившись на миг, она прижала обеими руками к груди горячий чайник и ускорила шаг. Но, как это часто бывает во сне, ей думалось, что она топчется на месте и чайник становится все тяжелее и тяжелее.

Унсиной едва добралась до массивной двери комнаты Нодирмохбегим и с трудом открыла ее, переступив порог и сделав несколько шагов, она в изнеможении опустилась на колени и поставила чайник на сандал, из носика чайника еще вилась тонкая струйка пара. И потом, словно достигнув исполнения самого заветного желания в жизни, упала и потеряла сознание.

Дремавший у сандала Додхо вздрогнул, открыл глаза и задвигал губами. Подняв голову, увидел Унсиной, и ему

показалось, будто она умирает. Не отрывая от нее вытаращенных глаз, он медленно и осторожно поднялся и, словно убегая от смертельной опасности, одним прыжком перемахнул через савдал и выбежал вон.

Придя в сознание, Унсиной увидела, что лежит возле савдала, а Нодирмохбегим плачет. Правый глаз у нее распух, под ним расплылся синяк, а белый кисейный платок закапан кровью, Унсиной хотела было спросить, не отказался ли Додхо от своего обещания, но вместо этого тихо, почти шепотом, спросила:

— Что это с вами?

А произошло вот что. После ухода Унсиной на кладбище Нодирмохбегим обратилась к Додхо с мольбой сжалиться над юной Унсиной, вернуть ее домой. В ответ она получила страшный удар в лицо. Но Нодирмохбегим не стала рассказывать об этом, она только еще горше заплакала, поглаживая Унсиной по голове, прижимаясь щекой к ее щеке. Потом послала человека на кладбище за горстью земли и, когда принесли горсть земли, размешала ее в пиале с водой и протянула Унсиной:

— Испей, сердечко мое, испей. Ты испугалась... Тому, кто пережил страх на кладбище, нет лучшего лекарства, как испить воды с горстью кладбищенской земли.

Унсиной выпила мутную воду и почувствовала себя немного лучше.

— Господь бог отблагодарит вас за меня... Могу ли я теперь уехать в Ганджиравон?

— Можешь, можешь, — ответила Нодирмохбегим. — Вот придешь немного в себя — и отправишься.

В просветлевших глазах Унсиной заблестели слезы.

— Да я ничего, я здорова... До полудня совсем встану на ноги, а там можно и в путь... Только пошлите в Ганджиравон человека, пусть отец и матушка получают хотя бы немного радости...

Не страшась побоев Додхо, Нодирмохбегим тут же снарядила человека в Ганджиравон.

Но Унсиной не дотянула до полудня, скончалась...

В вечерних сумерках тело Унсиной завернули в одеяло и положили на арбу. По-прежнему ревел и бесновался ветер, воя и свистя в голых ветвях деревьев.

Из ворот вышла Нодирмохбегим в парандже, с небольшим белым узелком в руках. Она присела на корточки лицом к воротам, прошептала что-то, молитвенно воздев

руки, потом, согнув их в кулаки, трижды ударила о землю, словно пытаясь вогнать в нее тьму, и самого Додхо, и его богатое обиталище. Затем поднялась резким движением: «Ноги моей больше не будет здесь!» — повернулась, вскарабкалась на арбу и села в изголовьи покойной.

Арба тронулась, а когда она выбралась за городские стены, навстречу попался слуга, возвращающийся из Ганджиравона, куда относил радостную весть...

1961

Кувшины

Некто Вахабджан Туракулов получил повышение по службе и одновременно квартиру в благоустроенном доме.

Наступил радостный час переезда на новое местожительство.

В последний раз оглядел Туракулов свой старый дворик (машина со всем его имуществом и скарбом, с женой и детьми «на борту» уже уехала по новому адресу) и вдруг в куче всякого хлама, сваленного под тандыром, увидел два глиняных кувшина.

Это были добротные простые гончарные изделия, созданные в свое время руками трудолюбивого, но невзыскательного базарного ремесленника. В наше время по своему бытовому значению такие кувшины, можно сказать, равны масляному светильнику с ватным фитилем, который служил нашим прадедам вместо электрической лампочки.

Глазурь на старых кувшинах потрескалась и местами облупилась. Никто не посмел бы обвинить жену Туракулова, не захотевшую тащить эту ненужную рухлядь в новую удобную квартиру, в небрежливости и расточительстве.

Однако Туракулов вдруг почему-то почувствовал острую жалость к этим инвалидам: они так сиротливо и так беспомощно лежали на боку среди грязи и мусора! Он поднял кувшины, зажал их под мышками и навсегда покинул старый дворик.

Когда Туракулов проходил через гузар мимо чайханы, с помоста ее спрыгнули двое незнакомых ему мужчин и оставили его. Осторожно, даже нежно освободив Туракулова от его двойной ноши, они в весьма почтительных и цветистых выражениях пригласили его посидеть с ними в чайхане за ппалой чая. И тогда Туракулов узнал обоих незнакомцев: Назаровы! Фамилия вот этого, очень толстого — Назаров, другой, тощий и длинный, как жердь, тоже Назаров! Раза два-три Туракулов встречал их в коридорах своего учреждения и даже обратил внимание на то, что, несмотря на свое внешнее различие, Назаров-толстый и Назаров-тощий очень похожи по характеру друг на друга. Сослуживцы их так и прозвали: Дубль-Назаров.

Назаровы были так настойчивы, что Туракулову пришлось согласиться.

Назаров-толстый, низко склонив голову, подал Туракулову ппалу с душистым чаем, а когда тот сделал глоток, умильно пошлепал ладонью по глиняному чреву старого кувшина и сказал:

— Отличная вещь! Я преклоняюсь перед вашим вкусом. В наше время на тысячу людей найдется едва ли один, способный по достоинству оценить старинную антикварную вещь.

-- Неверно ты говоришь! -- перебил Назарова-толстого Назаров-тощий. — Не из тысячи — один, а из ста тысяч — один!..

Назаров-толстый, надув и без того обшпрные щеки, подул в кувшин через горлышко, потом постучал по его звонкому боку костяшками пальцев и сказал:

— Честь и хвала славному кустарю-художнику, его создателю! Вещь не отличная, а я бы сказал — преотличная!

Тогда Назаров-тощий, чтобы не отстать от своего напарника, схватил второй кувшин, понюхал его, а потом потерся щекой о его бочок и воскликнул:

— И опять неверно ты говоришь! Кустарь только создал вещь, но славу его созданию принесли ценители, то есть обладатели тонкого художественного вкуса, каким, например, является наш достопочтеннейший Вахабджан-ака! Мне делается худо, когда я думаю, что этот высокохудожественный кувшин мог попасть в руки какого-нибудь вахлака-профана.

Назаров-толстый подхватил эту глубокую мысль. И пошло, и поехало! Назаровы принялись самозабвенно и страстно, словно поющие соловьи, наперебой расхваливать тонкий вкус и просвещенный ум Вахабджана-ака, непревзойденного знатока искусства.

Когда говорил один, второй умильно кивал головой, подтверждая свое полное согласие со словами первого. Когда начинал говорить второй, первый цокал в восхищении языком и закатывал от избытка чувств глаза.

Туракулову стало не по себе. Он искоса посмотрел на старые кувшины. Может быть, и в самом деле это какие-то особенные, замечательные кувшины? Нет, на помосте чайханы лежали те же облупленные глиняные инвалиды. Они честно послужили ему, но при чем здесь его тонкий вкус и понимание искусства? Какое же тут искусство! Самая обычная грубая, но прочная базарная работа! И Таракулов сказал:

— Да полно вам, друзья! Вы малость перехватили! Высокохудожественная вещь! Да вы посмотрите на рисунок, вот на этот, на боку — нельзя даже понять, что тут нарисовано, не то бык, не то свинья!..

Эти слова действовали на Назаровых так, будто их окатили сразу из обоих кувшинов ледяной водой. Однако со своей растерянностью они справились быстро.

Назаров-толстый засмеялся, и его живот, похожий на половинку груши «дюшес», бурно заколыхался от смеха. Отсмеявшись (и за это время собравшись с мыслями), он сказал:

— Верно вы заметили! Тут художник допустил промах. Но ведь этот промах, как это ни странно, еще больше украсил кувшин. Я бы сказал, что именно этот промах и сделал кувшин подлинным шедевром искусства, что вы в силу своего тонкого вкуса и почувствовали, Вахабджан-ака! Да, да, да, бывают такие «промахи»!

А Назаров-тощий посмотрел на кувшин словно испуганная курица на промчавшийся мимо грузовик, вобрал голову в плечи и, выпитив подбородок, стал развивать сказанное Назаровым-толстым.

— А мне думается, что это даже не промах. Это как бы промах, но на самом деле не промах. Художник сознательно шел на то, чтобы сделать рисунок непонятным. Он хотел заставить людей поломать голову, хотел взбудоражить их ум. Это бык! — скажет один. Нет, это свинья! —

скажет другой. И это хорошо, потому что истина рождается в споре, а спор обостряет ум. Я считаю, что кувшины как раз тем и хороши, что рисунок на нем непонятен!

— А я уверен, что Вахабджан-ака сам как раз так и думает, — ласково хохотнув, сказал Назаров-толстый. — Говоря о непонятном рисунке на боку кувшина, он хотел испытать нас, своих подчиненных, узнать силу нашего ума, наши деловые и прочие качества. Настоящий руководитель именно так и должен поступать!

Туракулов, которому надоела вся эта приторная лесть, подумал:

«Ну, эти двое, видать, из тех молодчиков, которые расшибутся, но не дадут упасть на землю плевку начальника».

И прежде чем Назаров-тощий раскрыл рот, чтобы запеть в унисон с Назаровым-толстым, он сказал:

— Ну, вы, друзья, я вижу, меня поняли и намерение мое разгадали правильно. Мне очень приятно, что вы оказались людьми хорошего вкуса и что вы разбираетесь в самых разных вещах, проникаете, так сказать, в самую их суть. С вами — не пропадешь! На таких подчиненных, как вы, можно положиться: выручат в трудную минуту!.. Могу вам, друзья, признаться, что эти старые кувшины в свое время стоили мне больших денег!

Назаров-толстый поспешил поддакнуть начальству.

— Правильно! Дутар, вино и такие предметы, как эти кувшины, чем старше — тем дороже!

— Вот именно. Я буду вам очень признателен, друзья, если вы продадите их. Найдите на них покупателя со вкусом, прошу вас. Мне, понимаете, деньги очень нужны в связи с переездом на новую квартиру.

Некоторое время Назаровы молчали, потом одновременно спросили:

— За сколько же их продать?

Туракулов сказал:

— Вы — знатоки, вы знаете это лучше, чем я. Когда кувшины были новые, я уплатил за каждый — дай бог памяти — ну да, по пятисот рублей. Может быть, даже чуть побольше, но в общем будем считать по пятисот. Было это... было... ну да, лет двадцать тому назад! Допустим даже, что они ежегодно старели хотя бы... хотя бы на двадцать пять рублей. Двадцать пять помножить на двадцать... Ну да, теперь они стоят по тысяче рубликов

каждый. Так и продавайте. А что выручите сверх тысячи каждый — можете взять себе!

С этими словами Туракулов вручил каждому из Назаровых по кувшину, вышел из чайханы и быстро затерялся в базарной толпе.

Первым пришел в себя Назаров-тощий. Он посмотрел на Назарова-толстого так, будто хотел живьем проглотить все его жиры, одним толчком откатил к нему свой кувшин и сказал:

— Что же ты сидишь, толстомясый! Иди, продавай!

Двумя толчками Назаров-толстый послал оба кувшина к Назарову-тощему.

— Я только говорил, а ты на всю чайхану орал, расхваливая вкус пропыры Туракулова! Поднимайся, мерин костлявый, ты хвалил, ты и продавай эти проклятые кувшины!

Началась ссора. Кончилась она тем, что Назаровы схватили каждый по кувшину и в одно мгновение опустили их: Назаров-толстый на голову Назарова-тощего, и Назаров-тощий на голову Назарова-толстого. Упали они на помост чайханы тоже одновременно и сразу оба потеряли сознание. Недаром же в учреждении их прозвали Дубль-Назаров!

1962

Хвостатые люди

Мой племянник — он работает в местном отделении интуриста — в прошлую субботу, придя домой, сказал мне:

— В этом году к нам приезжает много туристов-иностранцев. У нас не хватает экскурсоводов. Не поможете ли? Хотя бы денечка на два?

Всего восемь месяцев, как я вышел на пенсию. Еще не успел окончательно привыкнуть к безделью. Вмешивался в домашние дела, тем самым изводя и свою старуху, и себя. Поэтому я с охотой откликнулся на предложение племяша.

Одиннадцать лет я работал в интуристе. За это время кое-как по словечку, по выражению я осваивал английский язык, под конец даже осилил толстенный роман. Я интересовался этим языком не только по долгу службы. Еще в детстве я наслушался рассказов об Америке, о ее небоскребах, висячих дорогах, о всевозможных американских чудесах...

В понедельник, надев новый халат из банореса и зеленую бархатную тубетейку, я направился в интурист. В кабинете племянника я застал высокого лысого человека лет сорока пяти. Я предположил, что это и есть заморский гость, и поздоровался по-английски.

Человек удивленно поднялся, будто увидел нечто невиданное, забыв ответить на приветствие, оглядел меня с ног до головы и спросил, узбек ли я, а если узбек, то откуда знаю английский. Выслушав мой ответ, он

недоверчиво пощупал мой халат, потрогал тюбетейку. Племянник мне подмигнул: терпи, дескать, служба...

Я повел моего иностранца в гостиницу, где его ждал хороший двухкомнатный номер. Гость со знакомой уже мне недоверчивостью осмотрел каждый предмет, все потрогал, потряс, даже поскреб. Я не стал на это обращать внимания. Чему удивляться, если человек усомнился, что узбек, говорящий по-английски, действительно узбек. За границей, как видно, есть люди, которым ничегошеньки не известно об Узбекистане, возможно, они принимают узбеков за дикое племя, которое носит шкуры и изъясняется с помощью жестов.

После обеда гость вышел на улицу. Показывая на старую чинару, бросившую тень на фасад гостиницы, он спросил:

— Должно быть, посажена после революции? Не так ли?

Я немного смутился, — ведь каждому очевидно, что чинаре этой добрых полтора года. Тогда, в конторе, иностранец недоверчиво ощупывал мою одежду, теперь пробовал прощупать мою душу, поймать меня на неправде. Это меня порядком разозлило. Мне тоже захотелось пощупать его пиджак. Но, помня о своей деликатной миссии, я сдержался.

— Да, после революции, — миролюбиво ответил я.

Гость был несказанно рад — ему удалось-таки подцепить меня на крючок. Чтоб доставить ему удовольствие, я добавил:

— Гораздо позже революции, совсем недавно. Это — скоростная чинара.

Улыбка сошла с лица туриста. Он почувствовал подвох и замолчал. Ни о чем не спрашивая меня, достал из футляра фотоаппарат, начал наводить его то на одно, то на другое, но не щелкал. Вдруг он увидел старуху в парандже, однако без чачвана. Старуха шествовала важно, как градоначальник, никого не замечая, пропуская мимо ушей милицейские свистки, твердо выбрасывая палку.

Турист опустил на колено, снял ее спереди, потом обежал кругом и щелкнул затвором за спиной у женщины, потом сбоку.

Я повел его в парк. Тут мы зашли в кафе. После чашки кофе иностранец вытащил записную книжку и углубился в начерченный в ней план нашего города.

— Другие достопримечательности оставим на завтра. Сегодня удовлетворимся гробницей Рексуллохи Ансори. Она где-то неподалеку...

Рексуллохи Ансори... Я в недоумении повторил про себя это имя. В детстве я слышал про Рексу-бобо, — в те времена в правом крыле парка была возвышенность — сейчас там здание театра. Недалеко от этого места располагалась кладбище и в середине его — могила Рексу-бобо. Мне стало не по себе: был, оказывается, некогда почтенный человек по имени Рексуллохи Ансори, о нем знает приезжий из далекой страны, а я ничего не ведаю. Безобразие да и только!.. Я принялся искать какую-нибудь хитрость, чтобы выйти из неловкого положения. Но, ничего не придумав, решил, что лучший выход — правда.

— Чем обязан наш город этому деятелю? — спросил я.

Гость замялся. Тогда я стал называть имена земляков и соплеменников, известные всему миру. Нет, ни о ком он, как выяснилось, ничего не слышал, даже об Ибн Сине.

«Если он сам не знает, кто такой Рексуллохи Ансори, почему же носится с его именем, почему оно значится в его записной книжке, — подумал я, — зачем ему понадобилась его могила?»

Гость молчал, загадочно улыбаясь, и вдруг ошарашил меня:

— Вы видели хвостатых людей?

Я рассмеялся, считая, что иностранец хочет с помощью шутки изменить тему разговора.

Но когда мы вышли из кафе и приблизились к театру, гость заговорил вполне серьезно о людях с хвостами и о таинственном Ансори. Мы уже снова были на улице, а он не умолкал. Тогда у меня мелькнула мысль: Рексуллохи Ансори — это же и есть представитель загадочного племени хвостатых людей.

Я угадал и в награду за свою догадливость выслушал нехитрую историю моего невольного спутника, посвятившего себя поискам хвостатого человека.

Его отцу принадлежало сравнительно небольшое предприятие: когда оно лопнуло, он занялся антропологией. После его смерти остались рукописи, в одной из которых говорилось о Рексуллохи Ансори — представителе хвостатой породы людей. Вывод был крайне прост: в районе захоронения Рексуллохи Ансори и сейчас, вероятно, обитают хвостатые люди.

Теперь я понял его странную любознательность, понял, почему он столь внимательно разглядывал женщин в длинных платьях, — бедняга, он искал признаки хвостатости.

Мне не только говорить с ним, видеть его лица не хотелось. Я пожалел, что опрометчиво согласился на предложение племянника. Но деваться было некуда, и, чтобы как-то выйти из положения, я попытался перевести разговор:

— Вы, наверно, продолжаете дело отца, унаследовали его увлечение антропологией?

— Ничуть не бывало, — ответил гость. — Я — журналист!

— Тогда зачем же вам хвостатые люди?

— Мне лично они абсолютно не нужны. Они необходимы моей газете! Хотя бы одна-единственная фотография! Вот поднялся бы шум! Неужто вы мне не поможете?

Я обещал подумать. Турист очень обрадовался. После обеда он отправился отдохнуть в свой номер, а я пошел облегчить свою душу к племяннику. Выслушав меня, он засмеялся и посоветовал не сердиться.

— Считай это чудачеством, будь снисходителен. Твоя задача — помочь ему встретиться с кем ему захочется, побывать там, где он пожелает. И только...

Вечером я повел гостя на концерт. Он не переставал внимательно всех оглядывать и увязался за старцем в долгополом халате. Хорошо, что в это время погас свет и он не успел щелкнуть своей лейкой.

Выступления артистов его не занимали, во время какого-то бурного танца он даже задремал. Поэтому мы не остались на второе отделение и, условившись о завтрашней встрече, распрощались.

Назавтра, едва я переступил порог, он встретил меня вопросом:

— Вы не забыли наш вчерашний разговор?

Я промолчал. Однако собеседник не сомневался в моей готовности прийти ему на помощь и похлопал меня по плечу. Он просил зайти с ним в какой-нибудь жилой дом неподалеку от театра. Мне ничего не оставалось, как выполнить его просьбу.

Когда мы входили в ворота, гость взволнованно снял с шеи фотоаппарат.

Это был ничем не примечательный дом. Во дворе росли фруктовые деревья, цветы. Средних лет женщина снимала персики. Увидев нас, она слезла с лестницы, поздоровалась, быстро приготовила место на супе, расстелила скатерть. Поставила блюдо с горой персиков.

Гость смотрел то на меня, то на женщину. Она охотно и свободно отвечала на его вопросы. Ее сын — врач, невестка — учительница, сейчас оба на работе.

Турист разочарованно отложил фотоаппарат и выместил свою досаду на персиках.

Поблагодарив хозяйку, мы вышли на улицу. Видимо, и дом, и гостеприимство незнакомой женщины показались моему спутнику подозрительными. Уж не вожу ли я его за нос, не желая продемонстрировать людей с хвостами.

Он заглянул еще в несколько дворов. Я не возражал, но предпочитал оставаться на улице, — чтоб искать у людей хвосты, переводчик не нужен.

Потом мы сидели в чайхане. Мой спутник мне порядком надоел. Мне уже не верилось, что он видел небоскребы, ходил по всяким дорогам... Хотя я некурящий, меня потянуло закурить. Я зашел в табачный магазин. Когда вышел, гостя и след простыл. Я представил себе, как мой бедолага-спутник заглянул в какой-нибудь дом и жестами выясняет у хозяев, есть ли у них хвосты. Хорошо, коль попадетсЯ человек с юмором. А ведь иной может и по шее надавать...

Прошел час. Иностранец не появлялся. Я позвонил из автомата племяннику. Он старался меня утешить и попросил оставаться на месте.

Я еще немного посидел в чайхане и, заметив неподалеку полуразвалившуюся башенку старой мечети, подумал, не решил ли мой спутник запечатлеть ее на фото-пленке, — должна же его интересовать среднеазиатская экзотика! Я заглянул внутрь мечети, обошел вокруг, порасспросил людей. Все тщетно. Я уже собирался вернуться в чайхану, как из переулка выехали две свадебные машины, переполненные веселыми нарядными людьми. Впереди, в кузове, рядом с музыкантом, который, надув щеки, играл на сурнае, я увидел странного человека в полосатом халате. Я пригляделся повнимательнее. Так и есть — он самый!

Обрадованный, я бросился нанерез, пытаюсь остановить машину. Турист явно не замечал меня. Он был силь-

но навеселе. В машине находились мои знакомые, они настойчиво зазывали меня. Так как гость и не помышлял о том, чтоб сойти, я попросил свадебный кортеж о небольшой остановке. Позвонил племяннику и рассказал о встрече, о том, как сбежавший иностранец случайно попал в дом, где шла свадьба; его посадили на почетное место, подарили нарядный халат. Теперь вместе со своими новыми знакомыми он направлялся в дом невесты.

Племянника развеселил мой рассказ.

— Вам ничего не остается, как вместе с ним ехать к невесте,— заметил он.

В доме невесты — опять веселье, опять возлияния. Турист опьянел, да так, что пришлось прибегнуть к помощи врача. Придя в себя, иностранец вновь приступил к поискам хвостатых особей. Мне это вконец надоело, и я пообещал завтра свести его с самым что ни на есть хвостатым человеком. Пусть он только прекратит сейчас свои розыски.

Гость растроганно поцеловал меня и выпил за мое здоровье.

На следующее утро я застал его в плачевном состоянии. Я надеялся, что ему не до навязчивой идеи. Однако ошибся. С трудом приподняв голову с подушки, он напомнил мне о моем вчерашнем обещании. Я напоил его крепким чаем, накормил чем-то кисленьким и после этого попытался втолковать ему, что он зря ищет хвостатого человека. Гость расстроился. Не желая расставаться с надеждой, он робко попросил:

— Если нельзя вблизи увидеть хоть один хвостатый экземпляр, то издали покажите. Мой аппарат фотографирует на два километра!

Отчаявшись избавиться от его дурацких требований, я попросил у него лейку.

— Я сам найду сведущего человека и попрошу его сфотографировать кого-нибудь хвостатого...

Гость с готовностью вручил мне свой аппарат и завалился спать.

После полудня я застал его таким же вялым и расслабленным. Но услышав, что аппарат отдан надежному человеку и будет пленка с хвостатыми людьми, он вскочил на ноги.

— Одно условие,— остановил я его.— Фотоаппарат вы получите перед самым отлетом, при посадке в самолет.

— Завтра же вылетаю! — вздохнул облегченно путешественник.

До самого вечера мы бродили по городу, смотрели достопримечательности, исторические памятники, спустились к озеру, образовавшемуся у плотины, обошли новые улицы и площади. Гость вел себя спокойно. Я не заметил, чтобы он чем-то заинтересовался. Он заполнял время, ожидая, когда кончится этот день и наступит следующий. Моя попытка развлечь его в парке культуры и отдыха тоже не увенчалась успехом.

Наступил долгожданный для нас обоих день его отъезда. Я привез в аэропорт завернутый в черную бумагу фотоаппарат. Глаза гостя радостно загорелись. Он потащил меня в угол и вытащил из кармана пачку денег.

— Я вас не обижу,— заверил он меня.— Сколько вы обещали тому человеку?

— Не будем сейчас о деньгах,— предложил я,— сначала обнародуйте снимки, тогда сами установите цену и вышлете деньги.

Гость опять горячо благодарил.

Вот он исчез в салоне. Самолет взял курс на Таджикистан.

Кто знает, удержится ли он от соблазна, сможет ли вытерпеть, пока доедет до родины или уже в Таджикистане проявит пленку. Его ждет великое разочарование. Да ниспошлет ему аллах силы! Вместо хвостатых людей ему предстоит увидеть самого себя.

Мой младший сынишка, научившийся фотографировать в школьном кружке, по моей незаметной команде вчера несколько раз снял ничего не подозревавшего журналиста, самоотверженно посвятившего себя поискам хвостатого человека. Мой сын — очень внимательный и наблюдательный мальчик, не сомневаюсь, что он сумел выбрать подходящие моменты и выразительные позы.

Об этом я не считал возможным рассказать племяннику. А если и расскажу когда-нибудь, надеюсь, он не рассердится. В конце концов, я не причинил нашему гостю ни малейшего зла. Глядя на эти фотографии, он когда-нибудь вспомнит наш край и свои научные поиски.

Бабушка Рохат грела ноги, открыв дверцу печи: последние несколько дней она все мерзла, хотя в доме было не холодно. Старик клеил у окна порванную внуком книгу, он покосился поверх очков:

— Никак вас не научишь у печки греться! Может, разрыть пол и сандал сделать? Когда дверца открыта, можете считать, что греете небо!

Бабушка Рохат закрыла дверцу и прилегла на диван. Так она и осталась лежать: сперва не хотелось подниматься, а после уже и сил не было. На третий день сердце у нее стало биться часто-часто — и вдруг разом ослабло: она умерла.

Хикмат-бобо сразу даже и не понял, что произошло: он стоял, точно громом оглушенный. Лишь когда вбежали в комнату сын, невестка, внуки и в доме поднялся плач, старика начало трясти мелко-мелко. «Что же это, о аллах всемогущий? — шептал он дрожа. — Что там еще для меня осталось? Сыпь все сразу на мою голову...» Пятьдесят три года прожили они вместе: ели с одного дастархана, ложились на одну постель; как шелковичный червь коконом, облекли себя общей оболочкой чувств и привычек; казалось немислимым, что один может исчезнуть, а другой останется жить в этой полупустой оболочке...

Когда выполнили все обряды и стали выносить гроб, в старике словно что-то надломилось: в груди стало пусто и больно; он заплакал. Старушку предали земле, верну-

лись домой; дом и двор были полны народа: выразить сочувствие пришла чуть ли не вся махалля. Но Хикмат-бобо, серый и поникший, как больная горлянка, безучастно сидел в уголке — так, будто никого и ничего не осталось у него на всем свете.

За неделю, протекшую следом, старик совсем сдал. Он высох, как росток, оставленный без воды, и когда лежал, закрыв глаза, трудно было понять, жив он еще или умер. Только если вспоминались ему грубые слова, сказанные старушке, когда она села было погреть замерзшие ноги, его всего передергивало, как от укола иглой.

Домашние старались не оставлять его одного. Младший внук перенес к нему в комнату свои игрушки и усаживался подле деда, едва приходил из детского сада. Старший, у которого был фотоаппарат, раз по пять в день фотографировал старика, заставляя его принимать разные позы. Сын катал его по городу на такси; но старик, с трудом соглашавшийся на эти поездки, только приговаривал с горькой досадой: «Пока мать была, тебе это в голову не приходило!» Ненадолго развлек его магнитофон, откуда-то принесенный невесткой; старик быстро научился с ним обращаться. Но уже на другой день невестка застала его у магнитофона плачущим.

— Доченька, — сказал он, глотая слезы, — принесла бы его пораньше! Я... записал бы... бабушкин голос...

Несколько дней спустя прошел сильный дождь и смыл наконец-то остатки серого снега, еще лежавшего во дворе. Старик стоял на айване, прислонясь к столбу, и смотрел, как падают тяжелые, сплетаемые ветром водяные нити. В глаза ему бросилась одинокая старая галоша, валявшаяся у тандыра. Он сразу узнал ее: у бедняжки Рохат ноги в последнее время распухали, и галоша была надрезана в подъеме. Старик вышел под дождь, поднял галошу и отнес ее к себе в комнату. В грудь ему снова вошла щемящая пустота — как тогда, когда выносили из дому гроб. Он проплакал до вечера, а когда вернулись с работы сын и невестка, сказал вдруг жестко и горько:

— Бедную старушку и врачам-то не показали толком!..

По почам ему не спалось. Даже приняв спотворное, он просыпался чуть не в полночь и сидел до утра или бродил тихонько по дому. Все в доме напоминало ему старушку. Иной раз, увидев что-нибудь, он, как в воду,

погружался в воспоминания; тяжесть на мгновение исчезала, и представлялось, что все в жизни, как было, старушка просто вышла из дому ненадолго. Но какой-нибудь случайный звук тут же возвращал его к действительности. Сын и невестка прямо извелись, глядя на него.

Однажды старик исчез. Целый день его искали — у соседей, у родственников, у знакомых; справлялись в скорой помощи, заявили в милицию. Не догадались только сходить на кладбище; старик был там. Он и раньше часто навещал могилу старушки, просиживая в изголовье час-полтора; но так долго никогда не задерживался. На этот раз на кладбище он пошел прямо в контору и после долгих препирательств (заведующий никак не соглашался) договорился-таки, чтобы рядом с могилой старушки приготовили еще одну — для него. Он заплатил, что требовалось, и, пока рыли, сидел и смотрел. К заходу солнца он совсем изнемог от усталости — и отправился домой. Кто-то помог ему сойти с автобуса и отвел на тротуар. Чистильщик, сидевший на углу махалли, увидев, что старик едва передвигает ноги, побежал ему навстречу, отвел к себе в будку и наполнил чаем.

— Не убивайтесь, отец,— сказал он и покачал головой.— Что говорить, старушка у вас была замечательная. Видали, сколько народу на похороны пришло? Да у нас в махалле земля на метр села, ей-богу! Посмотрел я тогда и думаю: видно, матушка, придя на свет, сажала, как говорится, не деревья, а добрых людей — вон какой сад вырос!

То ли от чая, то ли от слов чистильщика — старик немного приободрился.

— Да,— сказал он с гордостью,— до сих пор люди приходят! И на работе у нее — сколько лет прошло! — а все ее до сих пор помнят!

На улице старика окружила целая толпа — домашние и соседи. Кто-то сердито выговаривал ему, кто-то ласково упрекал, кто-то вздыхал облегченно. Возле самого дома повстречался им участковый врач. Узнав, в чем дело, он сперва сурово насупился, но потом, взглянув на старика, завел речь о старушке.

— Да,— сказал он,— матушку нашу словами не опишешь... И столько народу пришло проститься с нею не зря. Однако, панаша,— тут он назидательно поднял палец,— оказывается, нашей махалле самовар нужен! Да,

ведер на восемь, не меньше — в тот день это было очень, очень заметно!

Старик посмотрел на него ошарашенно.

— Так что, — продолжал врач деловым тоном, — если собирать деньги со всей махалли, сколько придется с каждого?

Старик вдруг рассердился.

— Если нужно, так у моего сына на один самовар сил хватит!

— Ну и хорошо, — сказал врач и улыбнулся: такого ответа он, видимо, и ждал.

Старику было, конечно, не до самовара; не для этого он заказал себе могилу. Но так как от имени сына он принял перед махаллей обязательство, пришлось, скрепя сердце, браться за дело. На завтра он взял у сына денег и пошел искать самовар подходящих размеров. Это, однако, оказалось нелегко — ненамного легче, чем добыть медь из земли и самому сделать из нее самовар. Не осталось магазина, где старик не побывал бы, завмага, к которому он не обращался бы с пастойчивыми просьбами. Сын и невестка только дивились: откуда берутся у старика силы?

Наконец — не без помощи разных важных соседей по махалле — нужный самовар нашли, и председатель махаллинской комиссии торжественно принял его по акту; и когда на общем собрании он объявил благодарность Хикмату-бобо, все зааплодировали. Но тут кто-то поднялся и сказал, что самовар — это только полдела. В махалле, если не каждый день, то уж два-три раза в неделю бывают разные семейные праздники, и люди всякий раз ходят по домам, занимая у соседей посуду, скатерти, стулья, кухонную утварь... Так нельзя ли собрать с махалли деньги и раз навсегда купить для общего пользования все необходимое — человек на сто пятьдесят? Предложение одобрили, а когда председатель спросил, кому это поручить, с шумом указали на Хикмата-бобо. Старик поднялся, стал было сердито отказываться, но все снова зааплодировали, не давая ему говорить, и он, пожав с досадой плечами, сдался.

Сколько семей в махалле? Все ли, пожалев старика, принесут деньги? Ко многим придется заходить, и еще хорошо, если дадут деньги после первого напоминания; одни скажут: «Приходи завтра», другие — «Почему, мол,

тот дал столько, а я должен давать столько?» — третьи вообще сидели на собрании, разинув рот, и им придется объяснять все с самого пачала...

Теперь с утра старик отпраплялся к соседям. Затем, собрав часть денег, ходил по магазинам. Потом, не найдя чего-нибудь в магазинах, шел с жалобами в разные учреждения. Свободного времени у него почти не оставалось; только иногда, улучив момент, он отпраплялся к старушке на кладбище.

Наконец он купил все необходимое и запер в школьном сарае. Но оказалось, что сохранять все это гораздо труднее, чем собрать. Одни берут и вовремя не приносят, так что приходится напоминать; другие возвращают чайники с отбитыми носами, прожженные папирсами ска-терти, залитые чем-то столики, погнутые или вовсе сломанные вилки; и вдобавок еще набираются пахальства утверждать, что так и было! Старикун пришлось потратить немало красноречия, но, слава богу, люди довольно быстро образумились, и у него стало меньше хлопот.

Весна была уже на исходе. В городе кончалась посадка деревьев, и в газете появилась статья об озеленении, о том, какие махалли хорошо провели кампанию, какие — не выполнили плана. Среди образцовых была названа и их махалля; в статье так и было сказано: «Из года в год выполняет план по озеленению...» Прочитав это вслух, старший внук старика расхохотался: большая часть высаженных в прошлом году деревьев высохла.

Старик вышел на улицу и стал осматривать деревья. Он насчитал тысячу семьсот прошлогодних саженцев; из них принялось только восемьсот с чем-то, и из тех некоторые были поломаны... Старик записал цифры и пошел в редакцию. Сначала, пока искал нужную комнату, он чувствовал себя стесненно, но когда стал излагать суть дела, разошелся и начал даже шуметь. Его усадили и вежливо попросили написать все это на листке бумаги. А спустя два дня в газете было опубликовано письмо в редакцию за подписью: «Хикмат Норматов, пенсионер»...

В тот день, после обеда, старик сидел на углу и читал книги, слушая нескончаемую болтовню чистильщика о том, как опозорилась махалля с этим озеленением. Мимо проходил махаллинский секретарь. Ему, видно, уже

здорово влетело от начальства; узнав старика, он закричал:

— Вот находятся тут разные, делать им нечего! Без вас не справимся! Сидел бы себе спокойно, и так одна нога в могиле!

Старик повернулся к нему, хотел что-то возразить — и осекся. Секретарь, зло махнув рукой, ушел. Старик поднялся и побрел домой, понурив голову. Что этот парень хотел сказать? Может, он знает что-нибудь про могилу? А нет — так узнает...

Придя домой, он сел писать письмо. «Пишу уважаемому заведующему и могильщикам и ставлю в известность, что могила под старым тополем, вырытая на мое имя, мне не понадобится. Сдаю ее в канцелярию для использования по назначению. Хикмат-бобо Норматов».

Потом он взял у старшего внука конверт, хотел написать его, но сообразил, что не знает адреса, да и вообще вряд ли у кладбища имеется адрес: тогда он просто заклеил конверт и попросил внука отнести его в контору.

1964

Потухший вулкан

В одиннадцать часов ночи раздался телефонный звонок. Я узнал голос Шермата-ака: «Пусть приготовят плов. Я вскоре найду».

Мы знали эту его манеру звонить и приходить к нам в любое время и держали наготове все необходимое для плова.

Плов был уже готов, когда пришел Шермат-ака. Он молча сел перед дымившимся блюдом.

Обычно Шермат-ака втягивал в себя аромат баранины, издавал звук, который издают, когда сосут стебель джугары, долго жевал, подняв подбородок, а глотая, закатывал глаза, точно младенец, прильнувший к материнской груди. Даже у больного, увидь он Шермата-ака за этим занятием, пробуждался аппетит.

Но сегодня Шермат-ака есть плов не стал. Причина выяснилась за чаем: его снова хотели перевести на новое место работы.

— Я и сам это чувствовал, — вздохнул Шермат-ака. — У меня обостренная чувствительность, слышу, как змея под землей шевелится... Ладно, я — солдат партии: куда посылают, туда пойду... Но пока что ты не проговорись где-нибудь. Может, еще уладится.

Мы с Шерматом-ака дружим тридцать пять лет. Вот уже три с половиной десятилетия я тружусь под его началом. Он повысил меня от сторожа до извозчика, от извозчика до шофера и, наконец, до завхоза, — в настоящее время я прочно обосновался на этом посту. За тридцать пять лет мы сменили семь учреждений. Куда бы он ни

переходил, через три дня туда же переводил меня. Мы с ним крепко сработались.

При всей своей скромности, должен заметить, что если на протяжении этих лет я, хоть и не очень заметно, однако поднимался вверх, он в таком же примерно темпе спустился вниз по служебной лестнице. Меня это всегда огорчало, огорчает и сегодняшняя новость. Хотя я знаю: у него и без большого чина солидное положение в обществе, прочная репутация руководящего работника, его имя никто не произносит один раз, а всегда: «Шерматджан-ака, ну, тот самый Шерматджан-ака», «Шермат-ака, ну, тот самый Шермат-ата!»

Меня печалит другое, — он ведь измучился на мелких должностях, а с большими справлялся играючи. Ничего не скажешь, умел руководить в большом масштабе. Во-первых, как говорится, ты — мне, я — тебе; какой бы начальник чего не попросил, он непременно уважит. Во-вторых, если в учреждении совершается некое хорошее дело, воздается прежде всего начальству, т. е. ему, Шермату-ака, а грехи списываются на подчиненных. В-третьих, когда требуется сделать доклад, надежные помощники все готовят. Шерматджану-ака остается лишь переписать арабскими буквами (он не особенно силен в новом алфавите) и с пафосом прочитать в нужном месте. В-четвертых, ему нет необходимости самому читать газеты, он обычно дает распоряжение помощникам: «Появится в газетах что-то касающееся нашего учреждения, прочтете и перескажете мне». И человек, обладающий таким опытом, спускается вниз!

Невзгоды мелких должностей — не подумайте, будто я сплетничаю — сделали Шермата-ака повышенно нервным: как говорится, злость на Ису срывает на Мусе. Иной раз из-за какого-нибудь пустяка он поднимает шум, привлекает тех, кто попокладистее, и гонит строптивых. Немало труда он затратил, чтобы избавиться от сотрудника, который ему брякнул: «Что вы понапрасну подрываете глотку?»

Не считите опять-таки за сплетню, но Шермат-ака является на работу далеко не каждый день, а на общие собрания вовсе не является. Если и заглянет на партийное собрание, то не для того, чтобы участвовать в обсуждении или высказать какую-то мысль, а только показаться: вот

он — я. И сидит пасупившись, надутый, неприступный — нога на ногу, отсутствующий взгляд...

Назавтра я зашел в чайхану и увидел, что Шерматака, зажав в угол своего приятеля, старого учителя, что-то горячо втолковывает ему. Кивнув мне на место рядом с собой, он продолжал:

— ... Правильно, я всегда был солдатом партии. Прикажет мне пройти сквозь огонь, пройду, прикажет пройти сквозь воду, я сквозь воду пройду. Сегодня я солдат, но было время — ходил в генералах... Возьмем к примеру тебя; ты — тоже старый член партии. Сколько у тебя орденов?

Учитель смущенно улыбнулся:

— Немного, один довоенный, два получил на войне...

Шерматака неожиданно умолк. Но ненадолго.

— Были времена, когда мне мог достаться орден. Но я предпочел медаль. Правда, имею почетные грамоты, благодарности.

Учитель, тербя седую бороду, снова смущенно улыбнулся:

— До того как получить орден, я преподавал в старших классах, а сейчас не тяну выше четвертого. Много молодых учителей с институтским образованием. Да и ученики уже не те, что были, когда я получил орден. С руководящей работой обстоит так же, друг мой. Появились грамотные специалисты. Народ уже не тот, каким был во времена твоего генеральства. Орденами и медалями нас награждали в благодарность за тогдашние дела. Не снимать же нам сливки со старых наград!

Слова учителя сильно задели Шерматака. На его лице застыло разочарование: он не попят, он неудачно выбрал собеседника...

Когда учитель ушел, я сказал:

— Просили меня ничего не говорить, а сами...

Шерматака бросил на меня уничтожающий взгляд.

— Я сказал тютельную, а ты бы весь ворох высыпал.

Через несколько дней Шерматака вызвали в районный комитет партии на беседу. О чем с ним говорили, он мне не рассказал, но я догадался по двум оброненным словам: «Потухший вулкан».

На следующий день Шерматака повел меня в новое учреждение. Было похоже, что здесь ждали его прихода, — служащие встретили его в коридоре. Не только Шермат-

ака, но и я был ошеломлен, увидев кабинет: старый стол, покрытый зеленым сукном с чернильными пятнами, пять-шесть разностильных стульев, один-единственный телефон, да и тот на стене.

У Шермата-ака покраснели веки, задрожал подбородок; было видно, что он готов расплакаться.

Но, взяв себя в руки, он по обычаю созвал сотрудников и обратился к ним с речью:

— На данном этапе я удостоился чести поработать с вами. Сам руководитель ничего не решает, если подчиненные не проявляют инициативу и энергию...

Прежде Шермат-ака читал по бумаге длинную пламенную речь, а сегодняшнее выступление было под стать кабинету.

Люди разошлись. После долгого молчания Шермат-ака поднял голову и посмотрел на меня. В его глазах застыла безнадежность.

— Что вообще происходит? «Потухший вулкан»!.. Пусть потухший. Но кратер все-таки остается! Разве не лучше погасший кратер на вершине, чем огонь и дым на земле?.. Позвони жене, пусть приготовит плов. Да хорошенько поперчит!

Я выполнил поручение. По дороге домой Шермат-ака сказал, обращаясь то ли ко мне, то ли к самому себе:

— Держи грудь колесом, пусть каждый видит: у него есть машина, но он предпочитает прогуляться пешком.

Нам предстояло перейти улицу, по которой катился непрерывный автомобильный поток. Я быстренько перебежал на другую сторону. Шермат-ака продолжал неторопливо шествовать. Один какой-то шофер проворчал, другой — выругался. Шермат-ака, добравшись до тротуара, скорбно вздохнул:

— Вот и дослужились, — от шоферни слышим ругань. Что происходит?

Но я уже его не слушал: если мы не ускорим шаг, плов переperёт.

Сияющие вершины

Родную планету любя ^{беззаветно.}
Он контуры виселиц видел ^{вдали.}
Вот мудрость: является смерть ^{к человеку,}
Лишь только его оторвут ^{от земли}^{1.}

Абдулла Арипов

Исчезла девочка по имени Зухрахан, отличница, ученица девятого класса, та, о которой по радио объявили, что она лучшая сборщица металлолома, а дирекция школы вынесла ей благодарность.

В ту злополучную субботу после уроков Зухра отдала учебники сестре Фатиме, а сама пошла в степь за тюльпанами. Домой она не вернулась. Родители поначалу ругали дочь, а потом в слезах и тревоге кинулись искать ее.

Директор школы проявил еще большую активность: позвонил в сельсовет и в райцентр, поднял на ноги весь кишлак. Ведь в классе всего четыре отличницы, и Зухра составляла двадцать пять процентов отличной успеваемости.

Высказывали предположения, что Зухра встретила какую-нибудь городскую девчонку, приехавшую за тюльпанами, заговорила с ней и уехала в город. (Язык не поворачивался сказать: «Уехала с парнем».)

Это было единственное, что казалось допустимым, и о другом не хотелось думать.

В самом деле, весной каждую субботу и воскресенье городские парни и девушки приезжали в окрестности кишлака за тюльпанами. Найди они орешек в городе, и то примчались бы на лоно природы, чтобы здесь расколоть и съесть его. Разные приезжали молодые люди: красивые, некрасивые, озорные и смиренные, избалованные и просто беспутные парни.

¹ Перевод А. Файнберга.

Зухра же была девочкой привлекательной. Как говорят, глядишь — не наглядисься. Особенно, когда наряжалась в платье из хан-атласа и взбивала волосы в «журавлиное гнездо». Тогда слово «красивая» в приложении к ней звучало, пожалуй, слабо и старомодно.

Затем стали думать, что Зухра уехала с парнем, и слегка успокаивали себя в надежде, что парень тот образованный и симпатичный. И все шишки сыпались на голову Фатимы: как же, мол, отпустила сестренку одну, пошла бы вместе с ней, ничего бы с тобой не случилось, ноги бы не отсохли, и какая ты растяпа-разиня, недотепа несчастная!

Как-то Фатима вернулась из школы в слезах: Зухру вычеркнули из списка. Эта новость для стариков родителей была равносильна известию о смерти дочери. Фатиму опять начали пилить.

— Не была бы ты такой разиней, не пало бы на нашу голову все это горе. Зухра младше тебя. Зачем ты отпустила ее за тюльпанами? Надо было загородить дорогу! Не послушается — за косы притащить домой! Что ты за человек, и кому нужна ты такая! И замуж тебя никто не возьмет, останешься нам подушкой под голову.

Фатима долго терпела такие попреки, наконец разобиделась и возразила:

— Не сваливайте все на меня, мама! Ведь Зухра не только со мной не считалась, но и с вами. Помните, как-то, один-единственный разочек велели вы ей почистить лук. А она что ответила: «Я вам не малайка». Забыли, да? Вы промолчали в ответ. С тех пор, как я помню себя, я все делала по дому, чтобы освободить вас от забот, дать вам спокойно посидеть, отдохнуть. Неужели уважать родителей и заботиться о них — значит быть малайкой? Вы сами во всем виноваты. Вы избаловали Зухру, освободили ее от домашних дел. Даже усму вы сами выжимали, чтобы рученьки вашей дочки не почернели!

Мать ни слова не могла возразить Фатиме: будучи неграмотной, причину всех недостатков и невзгод в жизни она видела в неучености. Зухра же была способная девочка и училась успешно. Так ее тонкое, как волосинка, достижение в школе прикрыло большие ее недостатки.

После этого разговора Фатиме не выговаривали, но горе матери как бы возросло вдвое. За месяц, пока, наконец, не пришло письмо от Зухры, она вся извелась.

Зухра прислала кудое, без начала и конца, письмишко, в котором было сказано: «Мы с моим спутником жизни исполнили волю наших сердец и заняли прочное место в ряду счастливых социалистических семей. Мы радостно идем к сияющим вершинам будущего. Вы жили в тягостных тисках феодализма и не знаете, что такое любовь, поэтому не обижайтесь на меня. Недалек тот день, когда и вы будете радоваться».

Фатима зачитала письмо сестры, добавив от себя: «Дорогие мамочка и папочка», — и в конце: «Желаю вам крепкого здоровья». На письме не было ни подписи, ни адреса. На конверте стоял штамп одиннадцатого городского отделения связи.

Слова «счастливая жизнь» и «сияющие вершины» утешили мать. А старик выхватил письмо из рук Фатимы, накинул чапан и уехал в город. Вернулся только через неделю. Оказывается, он обошел все дома, школы, учреждения и предприятия, обслуживаемые одиннадцатым отделением связи. В конце концов обратился в городское управление милиции. Через четыре дня милиция ответила, что «такая гражданка в городе не прописана».

Осенью в районе было большое собрание, на котором шла речь о школе, упоминалось там и о Зухре не в хорошем смысле. Мать слегла.

Прошла зима. Наступила весна. О Зухре не было ни слуху ни духу.

В минуты отчаяния старик бил себя кулаком по голове и, плача, говорил жене: «Объяви траур по проклятой, объяви же траур!»

Фатима закончила школу. Ей так хотелось поступить в институт, но родители возражали: «Если таков результат учебы, пусть сгорят все школы». И сама Фатима раздумала ехать: как она оставит больную мать. Фатима пошла к председателю колхоза просить работу. Председатель слышал, как оценивала «нерадивую» Фатиму собственная мать и, даже не взглянув на нее, велел идти к заведующему фермой.

Фатима выполняла на ферме всякую работу. Как-то, сетуя на несмышленность коров, проговорила: «Была бы я председателем, не разводила коров, а придумала вместе с учеными машину, которая бы перерабатывала корма в молоко».

Доярки от души посмеялись тогда. Слова эти кто-то

передал председателю. И когда он, будучи на ферме, увидел Фатиму, то сказал ей: «Хорошо, очень хорошо. Если есть в голове фантазия, значит, не пустая голова».

Вскоре ее перевели в доярки. Как раз в те дни ферма осваивала механическую дойку. Коровы с непривычки пугались незнакомой аппаратуры, не подпускали к себе доярок, бодались.

Фатима увлеклась новой машиной и с удовольствием взялась за дело.

А мать все болела, смогла подняться на ноги лишь к созреванию дынь. Но вскоре ей опять стало плохо — и она умерла. На девятый день после похорон явилась Зухра. Старик было открыл рот, дабы проклясть ее, но не смог. «Голову бы тебе отсечь, дочка», — только и сказал он и зарыдал.

Зухра, повязанная большим красным платком, стояла по-солдатски выпрямившись и прижав к щеке клетчатый платочек, — по-видимому, таким образом она выражала свою скорбь по покойной матери.

Услышав о ее приезде, стали собираться соседки, чтобы выразить соболезнование. Но Зухра даже не взглянула на них.

Фатиме стало стыдно: она тихонько подтолкнула сестру:

— В такие дни никто не попрекает прошлым... Не стыдись, скажи им что-нибудь.

Зухра же, оказывается, не со стыда молчала. Само появление этих женщин, согласно обычаю, она восприняла как проявление пережитков старого. Потому она вызывающе посмотрела на Фатиму.

— Чего мне стыдиться? Проблему свободы любви ставили еще Навои и Толстой.

С этими словами она ушла в комнату; Фатима извинилась перед всеми, сказав, что сестре нездоровится.

Фатима встречала и провожала людей, потом долго сидела на айване с отцом. Постелив ему курпачу, она прошла в комнату.

Зухра не спала. Лицо ее опухло от слез. И тут вся враждебность Фатимы рассеялась. Тугой узел на сердце развязался, — поступок Зухры, ее куцое письмишко, сказанные давеча слова — все исчезло. Она не смогла сказать ни слова в осуждение и стала успокаивать сестру, спрашивать ее.

Одиннадцать месяцев назад Зухра, будучи в положении, ушла от мужа.

— Его родители феодалы. Это гнездо феодализма. Они хотели превратить меня в рабыню, в домашнюю служанку! Сама знаешь, не люблю я домашнее хозяйство. Ненавижу возню с котлом и посудой. Поэтому мама хотела, чтобы я училась, и я хорошо училась. Нет, им было нужно, чтобы я стала прислугой! Они не позволили взять домработницу, продали наш «Москвич». Кроме этого: «Не шей платье без рукавов. При людях нельзя потягиваться. И что вы так часто ходите в кафе!..» В общем, надоело мне! Я ушла! Но муж любил меня, он носил меня на руках, всегда дарил что-нибудь. Бедняжка три месяца умолял меня вернуться. Но я сказала: «У тебя такие родители, не видать тебе меня в своем доме!»

Три раза его мать приходила, один раз — отец. Обоих я не приняла.

Эти слова — «не приняла» — задели Фатиму: она представила себе пожилых людей, склонивших свои седые головы перед этой девчонкой, и горько ей стало.

— Что ж, ты хочешь, чтобы муж от родителей отрекся, что ли? — спросила она.

— Пусть не отрекается... Но молодежь имеет право на жизнь!

— Ну, а с вами как быть? Посадить в клетку и подвесить к потолку, что ли? Если бы твой муж поставил перед тобой такое условие, как бы ты поступила?

Зухра не ответила. Всем своим видом она говорила сестре, — мол, тебе этого не понять.

— Ну, как, прилично ты закончила школу? Тебе не повезло, с матерью такое случилось... На будущий год в какой институт пойдешь?

Фатима удивленно спросила:

— Да как же я уеду? Оставить отца одного?

— Ну и что же. Отец уже прожил свое, а ты — только вступаешь в жизнь!

Фатима сонно потянулась.

— Поступила я на работу, дояркой на молочную ферму.

Зухра вскинула голову.

— Что? После десяти лет учебы твоего ума хватило только на корову и кизяки?

Зухра даже отвернулась. Она ждала, что сейчас Фати-

ма начнет оправдываться. Но Фатима молчала и немного погодя сладко спала, посапывая, как уснувший котенок.

Фатима проснулась на рассвете. Зухры уже не было. Кто знает, может быть, подумала, что утром опять соберутся люди, или испугалась, что отец узнает о разводе, и стыдно ей стало перед ним?

Зухра исчезла. Фатима решила пока не говорить отцу о ссоре Зухры с мужем: может быть, помириятся.

Прошли месяцы. Фатима полюбила свою работу. Днями пропадала на ферме.

На отчетно-выборном собрании колхоза председатель назвал Фатиму одной из лучших доярок, включил ее в свою хвалебную песню.

Видимо, не только веселая резвость придает блеск красоте, но и добрая слава приумножает ее...

Фатима как-то сразу расцвела. Заблестели большие черные глаза, расправились над ними крылья пушистых бровей, лукаво задрознили ямочки на щеках. Когда Зухра запятнала честь семьи, многие думали, что Фатиме теперь, трудно будет выйти замуж. Оказалось, нет, в претендентах не было недостатка: деверь председателя, колхозный монтер, сын бухгалтера, химизатор, заведующий аптекой: все предлагали руку и сердце.

Фатиме нравился Самиджан, молодой ветеринарный врач. После окончания института он приехал на работу к ним.

Самиджан оказался чутким парнем. Чтобы не омрачить свадьбу он решил разыскать Зухру. Шесть недель искал он ее. Наконец попал на след. Один из его товарищей видел ее в городской библиотеке. Раз Зухра сидела в читальном зале, значит, она записана в библиотеке, и, значит, там имеется ее адрес.

Вдвоем с Фатимой они отправились в город и действительно узнали адрес Зухры. Она работала кассиром в парикмахерской центральной бани.

Самиджан остался на улице. Фатима вошла в помещение и увидела Зухру в голубой деревянной будке. Сердце ее дрогнуло. Сестренка исхудала, от пышной копны волос остались две тонкие косички.

Зухра, увидев Фатиму, смутилась так, словно ее застали обнаженной. Накинув наскоро желтый платок, вышла из будки.

— Зачем, зачем ты пришла?.. Я здесь временно работаю.

— Здравствуй. Как живешь? Как муж? — Фатима не смогла спросить: «Помирились?»

— Он уехал, давно уехал, в Ленинград, учиться.

— Дочка большая уже?

— Венера в яслях.— И чтобы пресечь вопросы, спросила сама: — Слышала, ты замуж выходишь. За кого?

Фатима было хотела сказать, что свадьбу отложили из-за того, что не было Зухры, а теперь, как только Зухра придет в колхоз, сыграют свадьбу. Но ответила коротко:

— Из нашего же кишлака, ветврач.

Зухра поджала губы.

— Ах, коровий доктор! Кизяк от кизяка далеко не падает.

У Фатимы перехватило дыхание. В этот момент вошел Самиджан. Фатима растерялась, знакомить их или нет. Но он шел, улыбаясь Зухре, и Фатима была вынуждена сказать: «Самиджан». Зухра, поняв, что это и есть жених, окинула его взглядом, сложила на индийский манер ладошки и поклонилась.

Самиджан смутился.

Руку, протянутую для приветствия, он приложил к груди и шагнул назад. В это время к кассе подошел клиент, и Зухра побежала к нему, бросив: «Пойдите погуляйте немного. Подождите меня».

Самиджан поклонился и вышел.

Фатиме было стыдно за сестру. Она подошла к будке, чтобы отчитать Зухру. Но, взглянув на нее, поняла, что этого делать не следует.

— Зухра, родная,— сказала она с мягкой шуткой.— Мама наша не была индианкой... Можно было с зятем поздороваться так, как принято у нас. И что значат твои слова: «Пойдите погуляйте»? Если думаешь вести нас к себе домой, скажи адрес, дай ключ. Мы подождем тебя дома.

Зухра покраснела, вытащила из кармана ключ, протянула его двумя пальчиками Фатиме и сказала адрес.

Фатима извинилась перед Самиджаном за сестру.

Зухра жила в четырехэтажном доме, расположенном напротив парка.

Квартира ее находилась в полуподвальном помещении.

Фатима отворила входную дверь и вошла в коридор. Двери в комнату и на кухню были раскрыты.

Фатима чуть не сгорела от стыда при виде грязи и беспорядка.

— Боже мой! Кто скажет, что здесь живет жепщина, молодая жепщина!

— Ничего, так и должно быть. Зухра еще молодая, одинокая. Я боялся, как бы она ни стала на дурной путь. К счастью, видно, нет; здесь не только мужчин, но и вообще никого не бывает. У бедняжки, наверное, и подружек нет.

Вдвоем они прибрали комнату, навели порядок на кухне.

Зухра вернулась с работы, неся что-то в желтом бумажном мешочке, и сразу прошла на кухню. Немного погодя она внесла в комнату блюдо с какой-то пищей. По всей вероятности, это были пельмени, опущенные прямо в холодную воду. Тесто и фарш превратились в месиво. Казалось, Зухра даже гордилась тем, что не умеет сварить готовые магазинные пельмени, ибо этим она еще раз демонстрировала свое презрение к домашнему хозяйству.

Фатима пошутила:

— Раньше ты не подходила к котлу, потому что боялась стать малайкой матери и рабыней свекрови. А теперь чего боишься? Надо же научиться хотя бы себе готовить пищу.

Зухра рассмеялась:

— Того, что я знаю, мне вполне достаточно. Если сущность пельменей составляют мясо и тесто, пожалуйста, они перед тобой.

— Когда-нибудь вернется твой муж, и вы помиритесь...

Но, наверное, Зухра не падеялась на это.

— Я не променяю свою свободу ни на какого мужа, — сказала она.

— А разве само одиночество не есть зависимость? — улыбнулся Самиджан.

Зухра нервозно заговорила о муже:

— Мой муж не оценил, не оценил меня! — горькая обида звучала в голосе. Было видно, что она терзала ее, измучила, обессилила и внушила мысль: «Нет, в этом мире никого не ценят по достоинству. Такова жизнь».

Поэтому Зухра не следила за собой, запустила квартиру. В каждом слове ее сквозили разочарование и горечь.

Даже посуду она убирала со стола с видом, который, казалось, говорил: «Люди, посмотрите, как мне тяжело, как меня обидели и унизили».

Чай пили молча. Самиджан переглянулся с Фатимой и, найдя подходящий момент, сказал:

— Раз вы поссорились с мужем, зачем вам оставаться одной в городе? Поседемте в кишлак.

Зухра долго думала и наконец ответила:

— Из города в деревню... Не будет ли это шагом назад?

Фатима рассердилась.

— А что, если вернешься назад, с сияющих вершин сойдешь, что ли?

Зухра побледнела. Ей вспомнилось письмо родителям. Ее губы задрожали:

— Нечего упрекать! — проговорила она. — Пусть я не достигла сияющих вершин, зато ты доберешься... верхом на корове!

Это задело и Самиджана.

— Вершины, к которым стремятся люди, не скрыты в облаках, подобно горным пикам, они здесь, на земле, — сказал он.

Фатиму не удовлетворил его ответ.

— Мама, умирая, благословила меня, отец доволен мною, мои подруги, наши родственники да весь колхоз доволен мною. Есть ли для меня вершина выше этой? А кого порадовала ты? Даже человека, женившегося на тебе по любви, ты оттолкнула... К какой же вершине ты стремилась?

Зухру от этих слов будто сплющило на стуле. Фатима пожалела о сказанном.

Зухра сдерживалась, но вдруг кинулась к сестре, обняла ее крепко и, чтобы удержать приступ нарастающего крика, застонала, извиваясь всем телом, прижалась лицом к груди Фатимы, потом бросилась на пол, стала биться головой о кровать.

Самиджан поднял ее, уложил на постель. Фатима, испуганная, не зная, что делать, только лепетала: «Ах, чтоб мне умереть», — и гладила голову сестры.

Сегодня суббота, и Зухра должна была забрать дочку домой. Когда стемнело, воспитательница привела Венеру. Зухра открыла глаза. Воспитательница справилась о ее здоровье, подтолкнула дочку к матери. Но Венера крепко схватилась за подол воспитательницы.

Лишь, когда Зухра протянула руки и позвала дочку, та подошла к ней, взобралась на постель и хмуро взглянула на мать.

Гости пробыли четыре дня. Фатима жила у Зухры, Самиджан в гостинице. Вечеру в ясли не носили. Самиджан возился с ней целыми днями.

На пятый день Зухра поправилась настолько, что была в состоянии идти на работу. Тогда гости собрались уезжать. Было неловко звать Зухру в кишлак, даже на свадьбу. Сказать старику, что Зухру нашли, что она жива-здорова, что дочка у нее хорошая — и то большое дело.

Зухра проводила их до автобусной станции. Объявили отправление. Фатима, державшая малышку на руках, протянула ее Зухре. Но Венера закричала, прижалась к ней, потом, не доверяя ее силе, потянулась к Самиджану. Водитель посигналил, торопя их. Фатима с девочкой вопила в автобус и хотела через окно передать ее матери. Но девочка опять закричала, вцепилась ручонками в ее волосы. Автобус тронулся.

— Зухрахон, приезжайте за дочкой! На этой же неделе приезжайте, будем ждать!

Зухра смотрела широко раскрытыми, полными слез глазами на удаляющийся автобус. Пожалуй, только сейчас увидела она, какая у нее милая дочурка, только сейчас поняла, что оттолкнула от себя даже малышку... Она не заметила, как соскользнул на землю перекинутый через руку жакет, и невольно сделала шаг вслед ушедшей машине...

1965

У же четырнадцать месяцев, как в кишлаке неспокойно. А до той поры кишлак сонно, словно задремавшая кошка, лежал в горах; даже о германской войне здесь узнали только спустя два года, когда белый царь объявил мобилизацию на тыловые работы. Но и мобилизация, вызвавшая переполох во всей стране, для селения прошла почти незаметно, взяли отсюда только двоих: Мадраима с Нижней улицы, что за рекой, и Турсунбая, жившего по эту сторону реки, у Базарной площади; после их отъезда в кишлаке опять стало тихо.

Но четырнадцать месяцев назад сюда пришли вести: появился исполин по имени Ленин, ростом он до облаков; этот великан на прошлой неделе сбросил белого царя с трона. Народ, воспринявший известие как неминуемый приговор свыше, заволновался, пришел в движение. Весть эта дошла и до старой Адолят, которая не поднималась с постели почти два года — с тех пор как ушел на тыловые работы ее старший сын Турсунбай. Высохшая — кости да кожа — старуха высунула голову из кучи тряпья, служившего ей постелью, и потухшими глазами посмотрела на младшего сына Тургуна.

— Сынок, вынеси меня на улицу! На улицу!

Тургун, мальчик лет десяти-двенадцати, взял мать в охапку вместе с лохмотьями, вынес во двор и усадил на супу. По улицам оживленно сновали люди, в чайхане у Базарной площади и на площади у мельницы толпился народ. На крышах домов сидели женщины, они вышли без

паранджи, наскоро накинув на голову халатики своих детей. Ничего подобного никогда в кишлаке не бывало!

К старухе Адолят заглянули несколько ее знакомых и, справившись о ее здоровье и выразив надежду, что теперь-то уж Турсунбай вернется не сегодня-завтра, ушли. Надежда придавала силы старой Адолят. С этого дня она каждый день просила Тургуна выносить ее из комнаты, а в иные дни сидела во дворе с утра до вечера. Если в первое время Адолят выходила, чтобы услышать новости, сулящие ей скорое возвращение Турсунбая, то теперь она ждала его самого.

Прошли недели, месяцы. Вестей от Турсунбая не было. Рассказывали, что из одиннадцати человек, ушедших по мобилизации из соседнего Кумкишлака, вернулись восемь, но Турсунбай не возвращался. Ничего не было слышно и о Мадраиме с Нижней улицы. Но ожидание сына не утомляло Адолят; что ни день, в кишлак приходили новости, и каждый толковал их по-своему; у Адолят от них голова шла кругом: она то впадала в отчаяние, словно очутилась у гроба Турсунбая, то радовалась всем существом своим, будто с возвращением сына должна наступить удивительная, доселе не виданная счастливая жизнь, и от радости она готова была выскочить из-под груди тряпья, которым была укутана.

Теперь для Адолят было мало того, что она сидит на суне во дворе, глядит на Базарную площадь и расспрашивает прохожих о новостях. Ей захотелось своими ушами услышать разговоры, что вели люди, собравшись кучками; самой хотелось увидеть каждого нового человека, прибывшего в кишлак, самой хотелось встречать односельчан, привозивших новости. Она не давала покоя Тургуну. Чтобы матери не стало плохо, когда он перетаскивает ее на руках, мальчик выпросил у соседей тачку. Завернувшись в лохмотья, Адолят садилась в тачку.

— Тургун, вези меня к Базарной площади! К чайхане! Тургун, вези меня к мельнице!

И Тургун возил мать то к Базарной площади, то к мельнице, ставил тачку куда-нибудь в сторонку; тряся головой на тоненькой шее, старушка трепыхалась, словно птенец ласточки, почувявший приближение матери, и тревожно оглядывала людей, стараясь уловить в их разговорах что-нибудь для себя.

Так проходили дни, месяцы.

Последние полтора месяца были особенно беспокойными и тревожными. Беспокойство и страх овладели людьми с того самого дня, как появилось слово «большевик». В чайхане у мельницы о большевиках рассказывали одно:

— Большевики говорят, что земля принадлежит тому, кто сеет, вода — тому, кто поливает.

В чайхане у Базарной площади твердили другое:

— Большевик — это неверный, он отнимает у мусульман их веру.

Об этом держал проповедь мулла Саиддазориддин; во время его речи с нижних нар вдруг послышалось:

— Благочестивый, а ведь вера живет в душе человека... А как большевики могут отнять то, что находится в сердце?

За муллу ответил сидевший позади него бай Мирвали:

— Большевики не будут считаться, что вера твоя живет в душе, они пошлют тебя на завод! Они введут тебя в одну дверь, а после гудка выведут в другую дверь завода уже кяфиром! — угрожающе прикрикнул бай.

Староста Сотыболди, угрюмо глядя на человека, задавшего вопрос, добавил:

— Большевик — это кяфир, исчадие завода!

Спустя какое-то время в кипшаке пошли слухи, будто в Ташкенте и Коканде появились большевики и для их уничтожения отчаянный головорез Иргаш провозглашен ханом; еще через неделю разнеслась весть, что в Коканде началась война. О большевиках за это время ползло много слухов, наводивших ужас на жителей кишлака, особенно на женщин. Адолят беспрестанно плакала и целых три дня не выходила из дому. В эти дни она радовалась, что ее Турсунбай не вернулся.

Но на четвертый день старуха снова была на площади у мельницы и узнала, что головорез Иргаш бежал. Вечером того же дня староста Сотыболди через глашатаев собрал народ у Базарной площади и держал длинную речь против большевиков. В заключение он сказал:

— Каждый правовеерный, который надеется обрести райское блаженство, с наступлением темноты должен выйти к железной дороге, чтобы разрушить ее.

Мулла Саиддазориддин благословил поход как священную войну за веру.

Когда стемнело, староста послал к железной дороге жителей, и возглавил их Мирджаббар — он же полицей-

ский стражник кишлака. Сам староста намеревался пойти туда, собрав всех, кто еще останется в селении. В полночь, едва набрав человек восемь, он повел их к железной дороге; однако там никого не оказалось, ни одна гайка не была тронута, а неподалеку от моста через реку, на поблескивавших от лунного света рельсах, лежал на спине поперек дороги какой-то человек.

Труп! То был труп стражника Мирджаббара.

Староста отпустил людей; вернувшись домой, он нагрузил на трех лошадей самое необходимое из своего имущества и на рассвете с семьей покинул кишлак.

Наутро кишлак был взбудоражен новостью: убит стражник Мирджаббар, староста Сотыболди бежал...

Не успели люди освоиться с этими происшествиями, как грянуло еще одно событие: в полдень у железнодорожной станции поднялась ружейная пальба, застрекотал пулемет.

— Это большевики! Кто им покорится, они пошлют на завод, а кто не смирится, тех они отравят...

Адолят, никогда не слышавшая пулеметной стрельбы, эту весть о большевиках приняла за чистую правду и в страхе стала читать предсмертную молитву.

Староста Сотыболди вел на кишлак курбаши Иргаша, чтобы отомстить за кровь стражника Мирджаббара, но у железнодорожной станции они наткнулись на большевиков.

Стрельба, длившаяся больше двух часов, стихла. До захода солнца два раза бросили клич, чтобы народ бежал из кишлака, и люди, не зная, кто придет в селение, бежали, облепив плоскогорье, словно муравьи; в первый раз жители успели перевалить за плоскогорье, во второй раз они вернулись с полпути. А когда бросили клич в третий раз, люди заколебались и не выразили особого желания бежать. На этот раз стало известно наверняка: в кишлак направляются какие-то люди; с Базарной площади жители увидели на западном гребне плоскогорья силуэты пяти верховых.

— Большевики! — обронил кто-то.

Весть эта мгновенно облетела кишлак. Адолят, сидевшая в тачке у дверей дома, ожидала свершения своей судьбы; едва услышав о большевиках, едущих в кишлак, она приказала сыну:

— Тургун, вези меня за гору!

Плача и причитая, она погнала мальчика в горы.

Тургун, чуть ли не упираясь в землю носом, тащил тачку; не одолев и половины пути в гору, он выбился из сил.

По склону карабкались люди, которые вышли из кишлака раньше Адолят и после нее. Тургун, напрягая все силы, протащил тачку еще несколько саженьей, но потом с решительным видом остановился, сел на землю. Адолят стало жалко сына.

— Ладно, не надо, сынок, коли умрем, так умрем невинной жертвой за веру. — И она с видом человека, покрившегося своей участи, взглянула на кишлак: там, на Базарной площади, толпился народ и происходило что-то непонятное.

Прошло сколько-то времени, — Адолят не знала сколько, — и вдруг она заметила всадника, скакавшего к ним вверх по склону. Адолят в страхе раскрыла глаза, судорожно глотнула и душераздирающе завопила:

— Тургун, это он! Сейчас большевик будет здесь! Чтобы он ни сказал, читай предсмертную молитву!

Всадник остановился шагах в ста пятидесяти от беженцев и, не сходя с разгоряченной лошади, сложил ладони у рта, крикнул:

— Люди, возвращайтесь! Начальником у большевиков — наш Мадраим!

Верховой несколько раз повторил клич и ускакал обратно. Помолчав несколько минут, люди поползли вниз по склону, к кишлаку. А тачка Адолят как покатила, так и остановилась лишь у самой Базарной площади. Людей здесь собралось видимо-невидимо, пришел и стар и млад, женщины и мужчины, над толпой стояли говор, крики... Голос муэдзина, призывавшего верующих к молитве в мечети, на холме за чайханой, был едва слышен. Адолят жалела, тысячу раз жалела, что Мадраим, начальник большевиков, уехал до ее прихода, а ведь он был в чайхане, пил там чай. Оказалось, за это время он порассказал людям о Ленине, о Советской власти, о земле, о пользовании водой; уезжая, он передал привет от Турсунбая его матери, брату, родственникам и всем, кто его помнит; по словам Мадраима, Турсунбай жив-здоров, служит в Коканде в рядах красных воинов; в скором будущем он обещал навещать родных.

Адолят, проклиная себя за то, что не застала Мадраим-

ма, вернулась домой; она задремала, не слезая с тачки. Тургун, обрадовавшись, что мать заснула, побежал на Базарную площадь. Здесь было многолюдно, как в почной базар во время поста.

Поспав с часок, старуха проснулась. Ярко светила луна. С Базарной площади доносились радостные и чистые, как колокольчики, голоса. Адолят стало не по себе, точно ее обошли на большом пиру, ей захотелось побывать на Базарной площади, но старая не решилась окликнуть Тургуна, подумав, что сын устал и спит; она осторожно выкарабкалась из тачки и, держась за дувал, вышла на улицу. С Базарной площади все доносились звонкие голоса и смех; там виднелись огни множества светильников. Адолят с минуту прислушивалась, потом, радуясь, как ребенок, сделавший первые самостоятельные шаги, осторожно, но торопливо ступая, направилась к Базарной площади.

1967

ПЬЕСЫ

ШЕЛКОВОЕ СЮЗАНЕ

(На новой земле)

**Комедия в трех действиях, четырех картинах,
с эпилогом**

Перевод Ю. ГЕРМАНА и Б. РЕСТА

*Постановлением Совета Министров Союза ССР
Абдулле Каххару за пьесу «На новой земле» («Шел-
ковое сюзане») присуждена Государственная премия
третьей степени за 1951 год*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дехканбай — комсомолец, фронтовик.

Холписо — его мать.

Хафиза — комсомолка, невеста Дехканбая.

Хамробибби — ее мать.

Мавлон — брат Хамробибби, бригадир колхоза в Голодной степи.

Рахимджан — председатель колхоза.

Адылов — парторг колхоза.

Кузыев — комсомолец, фронтовик.

Салтанат — секретарь правления колхоза.

Аман — младший брат Дехканбая (школьник).

Действие происходит в 1947—1948 годах, эпилог — в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Невысокий глиняный дувал разделяет сцену на две части: слева — двор Холнисо, справа — двор Хамробиби. Оба двора соединены маленькой калиткой. Во дворы выходят айваны двух домов; видно и выходящее в сад окно дома Хамробиби. Позади домов — дувал, отгораживающий дворы от улицы кишлака. Из каждого двора ведут на улицу широкие калитки. Во дворах, возле разделяющего их дувала, стоят сури. Хамробиби и Холнисо, сидя на сури, очищают кусак (нераскрывшийся хлопок), тихонько напевая какую-то мелодию.

Холнисо. Если мне не изменяет память, глубокоуважаемая Хамробиби, в последний раз вы забежали ко мне после обеда запать рис для молочной каши. Извините меня за нескромность: вкусной ли была каша?

Хамробиби. Из вашего риса она не могла свариться невкусной. Но я раздумала варить кашу и приготовила на ужин плов.

Холнисо. Плов? Еще лучше!

Напевает ту же мелодию.

Хамробиби. У детей сегодня комсомольское собрание...

Холнисо. Знаю, соседushка.

Хамробиби. А повестка дня вам неизвестна?

Холнисо. Ах, соседushка, мне они не докладывали.

Хамробиби. Еще опоздают на собрание, не дай бог! Вы не знаете, который час?

Холнисо. Нет, соседушка. Я потеряла счет времени: часы у меня остановились.

Хамробиби. Ну? Не сочтите меня нескромной, дорогая подруженька, но я хочу задать вам вопрос: почему у вас часы остановились? Испортились или забыли завести?

Холнисо. И-и-и, с чего это им портиться, боже упаси! Не завела утром.

Хамробиби. Я не хвастаюсь, Холнисо, вы же знаете, нет за мной такого греха, но со мной этого не могло бы случиться: позабыть завести часы! Помните, когда мы сюда переселились и всевышнему было угодно, чтобы в кипшлаке не оказалось мечети и муадзина, который призывает бы к молитве... вот тогда, чтобы мой покойный старик, мой Гафур, не забывал об утреннем и вечернем намазе, я купила будильник. Забыть завести будильник, считаю я, все равно, что забыть об аллахе...

В доме Хамробиби зазвенел будильник.

Вот: семь часов! Пойду, потороплю Хафизу.

Холнисо. Надо и Дехканбаю сказать.

Старухи расходятся по домам. За дувалом, на улице, звучит песня — проходят комсомольцы.

Г о л о с (с улицы): «Хафиза! Дехканбай! На собрание!»

Из дома выбегает Хафиза. В руках у нее корзина с шелковыми нитками и незаконченное сюзане, которое она, видимо, вышивает.

Хафиза (*вслед комсомольцам*). Еще рано! Скоро придем...

Из дома Холнисо выходит Аман.

Аман (*торжественно*). Салам, Хафиза-апа! Мой старший брат почтительно спрашивает о вашем здоровье и столь же почтительно просит передать вам: он очень ценит ваше драгоценное время, но если вы согласны обождать его, через десять минут он будет готов. (*Лукаво, поддразнивая Хафизу.*) Он бреется, Хафиза-апа. Утром брился, борода еще не отросла, а он снова бреется. С чего бы это, Хафиза-апа?

Хафиза (*ответно дразня*). Безусому этого не понять... Ты ведь еще безусый, Аман!

Аман (*обидевшись*). Ну... нет усов! А в комсомол

меня все-таки приняли. Сегодня я тоже иду на собрание!
До свидания, Хафиза-апа!

Хафиза (*останавливая Амана*). Аманджан! Милый Аман! До собрания еще добрый час!

Аман (*назидательно*). Я считаю, что прийти первым — значит наверняка не опоздать... (*Убегает.*)

Хафиза, сев на сури, вышивает сюзане. Она тихонько напевает, постепенно песня становится громче.

Обычай есть такой: джигита полюбив,
Цветное сюзане невеста вышивает.
И вот шелков цветных веселый перелив
В корзине предо мной, как радуга, блистает...

Хафиза еще поет, когда на айван выходит Дехканбай. Склонившись над рукомойником, он умывается после бритья. Прислушиваясь к песне, Дехканбай поворачивается и нечаянно роняет ведро. Шум обрывает песню.

Дехканбай. Проклятое ведро! Я прервал вашу песню...

Хафиза. Песня что птица: спугнешь, и она улетит. (*Задумчиво*). Эту песню пели девушки во время войны...

Дехканбай (*ревниво*). И вы... вы ее тогда тоже пели?..

Хафиза. Кому же я могла ее петь? Для вас я была только девочкой из соседнего двора. «Поклонитесь тетушке Хамробиби и ее дочурке Хафизе», — так, кажется, вы с фронта писали домой?

Дехканбай. Не забыли?

Хафиза. Я злопамятная.

Дехканбай. Вы и были тогда, когда я ушел на войну, совсем маленькой девочкой... А потом, когда я вернулся, увидел вас здесь, на этом айване...

Хафиза. Я с поля пришла. Вся в пыли, волосы растрепаны, руки грязные...

Дехканбай. Что вы, Хафизахон?! Я пожалел тогда, что не родился поэтом, что не умею писать стихи. А то... я бы сложил газель. Как Алишер Навои:

О ты, чье хорошо лицо, чей рот и смех хорош,
Лишь раз посмотришь на тебя — и глаз не отведешь...

Хафиза. Так даже?! «Глаз не отведешь»?! Вспомните, Дехканбай, целый год отводили от меня глаза! Уставится в землю — в сторону мою не смотрит.

Дехканбай. Через год я тоже выполнял три нормы. А поначалу отставал от вас. Стыдно было. Быть пристыженным джигиту — все равно, что умереть! Через год я...

Хафиза. Понятно: до этого вы боялись, что вам не хватит трудодней на подарки невесте...

Дехканбай. Зачем такие обидные слова?! Разве в трудоднях дело? Вы в войну и за себя, и за нас, фронтовиков, работали — ради трудодней разве?! Вас правительство орденом наградило. За что? За ваш великий труд...

Хафиза. Скромность украшает джигита, но джигиту и приbedняться не к лицу. А ваши ордена? Два ордена Славы...

Дехканбай. Дороги они моему сердцу: на фронте получил. Но когда я вернулся домой, был уже мир. А что такое мир? Сидеть в чайхане и разглядывать, как на меди самовара отражаются твои старые награды? Старая слава, что вчерашний день: о нем вспоминают, а думают о завтрашнем. О многом я думал: и о труде, и о славе колхоза, и о том, как я завоюю вашу любовь, Хафизахон...

Хафиза *(нежно)*. Дурачок... и умный, но глупенький... Мама и то раньше, чем вы, заметила... что я в вас влюблена. *(Смутилась)*.

Дехканбай. Я счастлив, Хафиза! Я очень счастлив! Вместе уедем в Голодную степь...

Хафиза *(озираясь)*. Тс-с-с...

Дехканбай *(тихо)*. Сегодня на собрании мы скажем об этом... О чем я мечтаю? Быть похожим на вашего дядю... На Мавлон-ака! Замечательный у вас дядя! И хлопок у него замечательный! И племянница у него замечательная...

Хафиза. Ну-ну, племяннице до дяди еще далеко... Уехал тогда... в Голодную степь... один...

Дехканбай. Первым поехал! И куда? Побегдатель бесплодные солончаки, пример нам показывать... Это теперь по его следу молодежь... комсомольцы... мы с вами...

Хафиза. Тс-с-с... До собрания, пока все не решится, мама ни о чем не должна знать.

Дехканбай. И моя матушка ничего еще не знает.

Хафиза. С тетужкой Холписо будет легче.

На айван выходит Хамробби.

А у меня мама такая: она и на собрание прийти может,

Х а м р о б и б и. Хафиза! Что это ты говоришь обо мне, доченька?!

Х а ф и з а (*Дехканбаю, растерянно*). Ну, вот... (*Убегает в дом.*)

Х а м р о б и б и (*останавливая Дехканбая*). Салам, Дехканбай!

Д е х к а н б а й. Салам, тетушка Хамробибби! (*Не зная, что сказать.*) Все ли у вас благополучно, тетушка?

Х а м р о б и б и. Спасибо, Дехканбай. Если бы не заботы...

Д е х к а н б а й (*встревоженно*). Какие же заботы, позволю вас спросить, тетушка?

Х а м р о б и б и. Конечно, я старая женщина, и я ни во что не вмешиваюсь. Разве приятно, чтобы старуха вмешивалась в дела молодых. И я молчу. Горько мне, но я молчу.

Х а ф и з а (*показавшись в окне, Дехканбаю, тихо*). Мама все слышала...

Х а м р о б и б и (*обернувшись*). Хотя мои старые уши и плохо слышат, но я еще не оглохла. (*Дехканбаю.*) Я все слышу, я все знаю, но я молчу. И вам я не скажу ни слова, ни единого слова... Я только замечу, что если собравшие...

Х а ф и з а (*в окне, Дехканбаю*). Я так и знала...

Х а м р о б и б и. Да, да... если собрание должно быть в восемь часов, то желающие прийти на него до того, как оно кончится, выходят из дому раньше, чем оно начнется...

Д е х к а н б а й (*с облегчением*). Вы правы, тетушка...

Х а ф и з а (*выбегая из дома*). В самом деле, мы могли бы опоздать. Пойдемте, Дехканбай...

Д е х к а н б а й. До свиданья, тетушка Хамробибби.

Х а м р о б и б и (*останавливая Дехканбая*). Обождите, Дехканбай, я отниму у вас еще несколько мгновений. Конечно, минута для джигита ценнее, чем день для старой женщины, — извините, что я вас задерживаю...

Д е х к а н б а й (*встревоженно*). Почтительно слушаю вас, тетушка.

Х а м р о б и б и. Хафиза еще девочка. Хотя ее и назначили звеньевой, но, как говорят, у девушки вырастают косы, а у джигита разум.

Д е х к а н б а й. Так говорили в старину, тетушка.

Х а м р о б и б и (*строго*). Вы меня слушаете, Дехканбай?!

Дехканбай *(встревоженно)*. Каждое слово, тетушка!

Хамробиби. Я знаю, что вы благоразумный, образованный, на войне были, в разных странах побывали, и вы меня поймете. Ну скажите, Дехканбай, удобно ли жениху и невесте до свадьбы выходить на улицу из одних ворот? Что люди подумают?

Дехканбай *(с облегчением)*. Вот в чем дело! Хорошо, тетушка Хамробиби, я выйду из наших ворот. До свиданья, тетушка.

Хафиза. До свиданья, мама.

Выйдя из разных калиток на улицу, Хафиза и Дехканбай подчеркнуто изображают только что встретившихся людей.

Дехканбай. Кого я вижу?! Хафиза?! Салам!

Хафиза. Салам! Где вы пропадали?

Со смехом убегают.

Хамробиби *(одна)*. Обычай есть обычай. *(Идет затворять калитку.)*

Входит Холнисо.

Холнисо. А-а-а, дорогая соседка, ушли уже наши дети? *(Подойшла к калитке, глядит на дорогу.)* Какая стройная пара...

Хамробиби. Да будет их путь устлан коврами!

Холнисо. Да будет так!

Затворив калитки, старухи возвращаются к сури.

Холнисо. Если у вас нет, глубокоуважаемая Хамробиби, более приятных дел, давайте поболтаем...

Хамробиби. Большого удовольствия я не желаю себе, дорогая подруженька. Если вы ничего не имеете против, снова примусь за кусак. Очищу, сколько успею, хлопка.

Холнисо. Для меня будет счастьем помочь вам, хотя ваши руки куда искуснее...

Хамробиби. Что вы, милая Холнисо? Мне за вами никогда не поспеть... *(Увидела оставленное Хафизой сюзане, показывает его соседке.)* Хафиза вышивает...

Холнисо *(любясь сюзане)*. Золотые ручки у вашей Хафизы... Скажу по правде, ни одна мать не пожелает лучшей невесты для своего сына... *(Бережно складывает сюзане, целует его.)*

Хамробиби. А ваш Дехканбай! Во всем Узбекистане не сыщется лучший жених! Пусть будет их жизнь вечным праздником!

Холнисо. Да будет так! Сыграем скоро свадьбу...
(Запевает.)

Позову я в гости десять кишлаков...
Я овец зарежу, заколю быков,
Заколю барана, приготовлю плов,
Я дала согласие, — молодым хвала!..

Хамробиби (подхватывает).

На счастливой свадьбе дочери моей
Всех зову на скачки огневых коней.
Угощу на славу дорогих гостей!
Я дала согласие, — молодым хвала!..

Неожиданно Хамробиби всхлипнула.

Холнисо (успокаивая). Ну, дорогая соседushка, ну...

Хамробиби (плача). Улетит она скоро, моя ласточка, покинет материнский дом...

Холнисо. И-и-и, соседushка, далеко ли улетит? Перепорхнет через дувал, оттуда сюда, как жили, так и будем жить... Радоваться надо, что наши дети полюбили друг друга...

Хамробиби (вытирая слезы). Я и радуюсь...

Поют.

Ни одной пылинки на полу моем,
Я передний угол застелю ковром...

Холнисо (прерывая пение). Приехал бы на свадьбу порадоваться вместе с нами и братец ваш, почтенный Мавлоп...

Хамробиби (в сердцах). Почтенный верблюд — вот он кто, братец мой Мавлоп! Уехал в Голодную степь! Плохо ему было в нашем колхозе? В какие годы уже называли его ударником! А вбил себе в голову — Голодная степь! Я, конечно, в его дела не вмешиваюсь. Неприлично женщине вмешиваться в дела мужчин. Когда он переселяться решил, я ему ничего не сказала...

Холнисо (недоверчиво). Не может быть, чтобы вы не сказали...

Хамробиби. Ни слова не произнесла! Ни единого слова! Я только заметила, что он и в детстве был упрямее

самого глупого осла, а с годами и сто ослов не могут сравниться с его упрямством. Сидит теперь в Голодной степи, среди проклятых солончаков, на земле, от которой отвернулся сам всевышний...

Холнисо. Что говорить: Голодная степь! Сытыми там никогда не бывали...

Входит Аман. Он очень огорчен. Вздыхая, он направляется к своему дому.

Холнисо (*останавливая Амана*). Аман!

Аман (*только теперь заметив старух, рассеяно*). А? Салам! Добрый вечер, тетушка Хамробиби!

Хамробиби. Разве собрание уже окончилось?

Аман. А? Собрание? Бюро еще совещается (*Входит в дом.*)

Хамробиби. Что произошло с вашим младшим сыном?

Холнисо. Сама не понимаю.

Бежит в дом, выводит Амана.

Ты нездоров, Аман? По всему вижу: что-то случилось... Тебя ругали на собрании?

Аман. С чего вы взяли, мама? Разве я давал повод считать меня плохим комсомольцем? Я бы сгорел со стыда! (*Хочет уйти.*)

Холнисо (*строго*). Аман!

Аман. Все в порядке, мама! Хафиза и Дехканбай скоро придут. Я совершенно здоров! (*Уходит.*)

Хамробиби. Что-то странное... (*Успокаивая Холнисо.*) А-а, с молодыми это бывает... (*Встает.*) Пойду... поставлю чайник на огонь... Я еще вернусь, подруженька... (*Уходит.*)

Холнисо (*одна*). Ой, дети, дети...

Аман выглянул из дверей, подбегает к Холнисо.

Аман. Понимаете, мама, я не хотел говорить при тетушке Хамробиби... Дело в том, что на собрании говорили о Дехканбае...

Холнисо. Ругали моего старшего сына? Горе мне!

Аман. Всегда у вас, мама, «ругали». Говорить, это не значит ругать... Дехканбая как раз хвалили... Дело в том, что они...

На айван выходит Хамробиби. Увидев ее, Аман неожиданно запевает.

Приглашу на свадьбу десять кишлаков,
Я овец зарежу, заколю быков...

Холнисо (*недоумевая*). Аман, что с тобой? (*Заметив Хамробибби, подхватывает песню.*)

Заколю барана, приготовлю плов...

Изумленная Хамробибби подходит к топчану, берет свой мешок о кусаком. Холнисо и Аман продолжают петь. Подозрительно оглядываясь, Хамробибби уходит.

Аман (*убедившись, что Хамробибби ушла*). Дело в том, мама...

Хамробибби показывается в окне.

Дело в том, что Дехканбай и Хафиза... они уезжают!

Хамробибби (*в окне*). Куда?! (*Сразу же опускает занавеску.*)

Аман вскакивает, озирается,— никого нет.

Холнисо. Куда они уезжают? В район? В Ташкент? Говори же! На курсы? На совещание?

Аман. Вам и не догадаться, мама...

Хамробибби снова показывается в окне.

Они уезжают в Голодную степь!

Хамробибби (*в окне*). Ой!!! (*Опускает занавеску.*)

Аман вскакивает, озирается,— никого нет.

Холнисо. Что ты выдумываешь? О чем ты болтаешь?

Аман. Я не болтаю, я информирую вас: Дехканбай, Хафиза и еще пять комсомольцев дали обязательство поехать в Голодную степь... (*С досадой.*) А меня они с собой не берут!

Холнисо. Нет, нет! Всомогущий этого не допустит! Ты ошибаешься, глупый мальчик...

Аман. Позвольте сказать вам, мама, что ошибаетесь вы: что может сделать ваш всемогущий, если обязательство Дехканбая одобрено комсомольским собранием...

Холнисо. Я знаю, кто затеял это дело... Хафиза!.. Она... На такие вещи только она и способна! В Голодной степи у нее дядя живет, этот упрямец Мавлон! Пусть она и едет к нему. А Дехканбая я не пущу!

Хамробибби (*показываясь в окне*). Я знаю, чье это дело... Это ваш Дехканбай придумал... Единственная дочь... Того ли я ожидала?! Забирайте ваши подарки!

Холнисо (*решительно*). Аман, иди! Забирай наши подарки!

Аман. Мама, подождите Дехканбая...

Хамробиби вытаскивает из дома сундучок.

Хамробиби. Нате, берите свои подарки... Если уж вашему Дехканбаю хочется жить в Голодной степи, пусть живет... (*Тащит сундучок во двор Холнисо.*) А мою дочь нечего с пути сбивать! Получше женихи найдутся!

Холнисо. И-и-и, проглотите свой язык, почтенная Хамробиби...

Аман (*удерживая Холнисо*). Мама! Мама!

Холнисо (*продолжая*). Это ваша Хафиза моего сына с пути сбила. Покраше ее найдется невеста! Потряси дерево — девки так и посыпятся...

Аман. Мама, да что вы говорите?!

Холнисо. Уходи, Аман, не вмешивайся в нашу мирную беседу... (*Вталкивает Амана в дом.*)

Хамробиби. Послушайте эту квакающую лягушку! Ваш, ваш сын увозит мою Хафизу!

Холнисо. Дехканбай увозит ее Хафизу! Сколько лет мой сыночек пробыл на войне, сколько лет он тосковал по родному кишлаку, — разве он бросит материнский дом? Разве он отправится в Голодную степь? Что он, скорпион, чтобы жить в Голодной степи? А у вашей Хафизы там дядя, братец ваш... почтенный верблюд, так, кажется, вы его называли, соседка? Что ж, если он ей милее матери, пусть Хафиза и едет к нему, а Дехканбая за собой тянуть нечего!..

Хамробиби. Уши ваши не слышат, что произносит язык. Где это видано, чтобы девушка сбивала парня с дороги?

Холнисо. А где это видано, чтобы девушки на трактор садились и бородатых мужчин на соревнованиях вызывали? Одна ваша Хафиза чего стоит...

Хамробиби (*кричит*). Не произносите ее имени!

Аман (*выбежав на айван*). Тетушка! Мама! Да не кричите так!

Хамробиби. Я еще тихо кричу! Не будет Хафиза следовать за вашим Дехканбаем, как колокольчик на шее барана...

Аман, что-то придумав, убегает в дом.

Холнисо. И-и-и, это Дехканбай — баран?!

Хамробиби. Да, да — баран... (Подражая.)
Бе-е-е... Бе-е-е...

Холнисо (засучивая рукава). Ну, соседушка, я вам сейчас покажу...

Хамробиби. Ну, подруженька, посмотрим еще — кто кому...

Выбегает Аман с двумя палачи в руках.

Аман (подавая старухам пиалы). Мама! Тетушка! Чтобы не охрипли...

Старухи машинально пьют воду.

(Про себя.) Водяное охлаждение... Когда радиатор закипает, тоже льют воду...

За калиткой, ведущей на улицу, показываются Хафиза и Дехканбай.

Холнисо. Идем, Аман! (Хамробиби.) Пусть только покажется ваша Хафиза! (Входит в дом.)

Хамробиби (входя в дом). Пусть только покажется ваш Дехканбай!

Хафиза. Они уже обо всем узнали!

Дехканбай. Аман здесь? Ясно, успел разболтать. Ступайте домой, Хафиза. Я человек обстрелянный, приму первый удар на себя.

Хамробиби выходит с патефоном, несет его в соседний двор. Хафиза тем временем проскальзывает в дом.

Хамробиби. Забирайте и патефон! Все подарки забирайте... Ну, придет ваш Дехканбай!..

Холнисо (выходит на айван). Отрывать сына от родного дома! Ну, придет ваша Хафиза!..

Дехканбай (входя во двор). Салам, тетушка Хамробиби! Добрый вечер, мама! Я, кажется, нарушил вашу мирную беседу?

Аман (Дехканбаю). Что ты, они так кричали!

Дехканбай. Это твоя работа?

Аман. Я их только проинформировал... Я... я лучше уйду... (Убегает на улицу.)

Дехканбай. Если я не ошибаюсь, речь шла о Голодной степи?

Холнисо. Позволить утащить себя, как тряпку?! Кто назовет тебя после этого мужчиной?!

Хамробиби. Вскружить девушке голову... сбить ее с пути... И этого человека я хотела взять в зятя...

Дехканбай. Извините, что перебиваю вас, но... без вашего согласия мы никуда не поедem.

Хамробиби (пораженная). Как?

Дехканбай. Без вашего согласия мы никуда не поедem.

Хамробиби. Нет?!

Дехканбай. Нет!

Хамробиби (решительно). Не будет моего согласия!

Дехканбай. Значит, мы никуда не поедem!

Холнисо. Убедились, соседушка? Мой-то сын не пойдет наперекор матери! Скажи, сыночек, кому первому пришла эта мысль?

Хамробиби. Скажите, Дехканбай, вам первому пришла эта мысль?

Холнисо (Хамробиби). Подождите, соседушка.

Хамробиби. Нет, вы подождите!

Дехканбай (предупреждая новый скандал). Первому эта мысль пришла... съезду комсомола... На съезде говорилось о походе комсомольцев в Голодную степь...

Хамробиби. Голодная степь! От этой земли отвернулся сам всевышний...

Дехканбай. На то мы и большевики, чтобы исправлять божьи ошибки...

Холнисо. Не гневи аллаха, сынок!

Дехканбай. Мама, ваш аллах нам только спасибо скажет! Тысячи гектаров плодородной земли пустуют. А почему? Воды там теперь сколько угодно! Государство дает тракторы, машины, стропильный материал. Нужны только люди, которые подняли бы целину, такие люди, как я, как Хафиза...

Хамробиби. Где нужна Хафиза?! Они едут! Они едут!..

Холнисо. О чем ты говоришь, сынок?

Дехканбай. Я же сказал, что без вашего согласия мы никуда не поедem.

Хамробиби. Нет?!

Дехканбай. Нет!

Хамробиби (решительно). Не будет моего согласия!

Дехканбай. Значит, мы никуда не поедem! Я повторяю вам то, что говорилось на съезде... О делах наших, об отцах говорилось... Как мечтали они о земле, о воде... А тут... и земли и воды, сколько душа пожелает, и мы,

комсомольцы, можем осуществить их мечту... Ведь наш Узбекистан... *(Увидел лежащее на сури сюзане.)* Он, как этот шелк... как это сюзане...

Хамробибби *(тщеславно)*. Хафиза его вышивает...

Дехканбай. А что бы вы сказали, если бы на этом сюзане оказалась рогожная заплата?..

Холнисо. Ты с ума сошел!

Хамробибби. Произнести такое о подарке невесты!

Дехканбай. Я не хотел вас обидеть, тетушка Хамробибби. Я только подумал... Наш Узбекистан — он, как шелковое сюзане, переливается всеми цветами, всеми красками... А Голодная степь, как рогожная заплата на шелковом сюзане... Сказал я об этом на сегодняшнем собрании.. и на Хафизу смотрю... и она на меня смотрит... мы и улыбнулись друг другу...

Хамробибби. Небось вы улыбнулись первый?

Дехканбай. Если бы не я, она бы первая улыбнулась...

Холнисо *(умиленно)*. Любите вы друг друга.

Хамробибби. И остаетесь с нами...

Дехканбай. Разумеется... Правда, сегодня... на собрании... мы дали обязательство...

Хамробибби *(всполошившись)*. Что? Какое обязательство? Ехать?

Холнисо. Ты дал слово, сынок?

Дехканбай. Да успокойтесь же... Я вам сказал: без вашего согласия мы никуда не поедем!

Хамробибби. Нет?!

Дехканбай. Нет.

Хамробибби *(решительно)*. Не будет моего согласия!

Дехканбай *(чуть-чуть раздражаясь)*. Значит, мы никуда не поедем! *(Отходит в сторону.)*

Хамробибби. Слава аллаху, все обошлось! Собрание им не дороже родных матерей! Где же доченька моя пропадает?

Дехканбай. Она уже давно дома. Мы вместе пришли.

Хамробибби. Боже мой, а я здесь сижу... Ее накормить надо... *(Уходя.)* Желаю вам благополучия...

Холнисо *(останавливая Хамробибби)*. Соседашка! *(Кивает на сундучок и патефон.)*

Дехканбай *(заметив сундучок)*. Что это?

Хамробибби (смущенно). Рассматривали мы их... с подруженькой...

Хамробибби с помощью Холнисо тащит подарки обратно в дом.

Холнисо (возвращаясь). Надо и тебе поужинать... (Входит в дом.)

Дехканбай. Сейчас, мама... (Один.) Матери дорогие! Милые матери! Как хорошо понимаете вы наш детский лепет и... перестаете нас понимать, когда мы становимся взрослыми. Мама-то меня поймет... А вот тетушка Хамробибби...

Входит Хафиза.

Хафиза. Дехканбай, как вам удалось уговорить маму? Я думала, что день и ночь она теперь плакать будет. А она радуется, вас хвалит. Так им все и рассказали?

Дехканбай. Почти все. Я сказал... что мы никуда не поедем.

Хафиза. Что?

Дехканбай. Я сказал, что мы не поедем без их благословения. Терпение, Хафизахон, увидите, наши матери сами снарядят нас в путь.

Голос Хамробибби: «Хафиза! Ужинать!»

Дехканбай. Я вас буду ждать в саду, Хафиза!

Хафиза уходит.

Зачем вселять печаль в материнское сердце, когда в нем должна обитать радость?.. Терпение... Терпение...

Входит Холнисо.

Терпи — и в цель поставленную верь —

Терпенье распахнет любую дверь...

Терпенье нас от всякой лечит боли, —

Оделись розами кусты, что нас колодили...

Бесплодные пески, солончаки

Терпенье превращает в цветники...

Холнисо. С кем это ты разговариваешь, сынок?

Дехканбай. Сам с собой, мама. (Шутливо.) Люблю побеседовать с умным человеком. (Серьезно.) Стихи вспомнились. Сто лет, как они написаны, нет, больше, чем сто... а помнят их до сих пор. Гульхани звали поэта, написавшего эти стихи.

Холнисо. Большим, видно, был человеком.

Дехканбай. Очень большим. И всю жизнь нищенствовал. О нем говорят, что он ни разу не сживал за хорошим угощением и ни разу не разломил целой лепешки.

Холнисо. Все мы так жили когда-то... Терпели, ой как терпели. Слава всемогущему, не дал моим сыновьям узнать той жизни. Благодарны должны быть мы Ленину.

Дехканбай. А я вот... оказываюсь неблагодарным.

Холнисо. Что ты, сынок? Кто посмеет сказать такое о моем сыне?

Входит Аман.

Аман. Дехканбай! В клубе уже стенгазету вывесили. «Молния». *(Цитирует.)* «Привет передовым комсомольцам, едущим преобразять Голодную степь!»

Дехканбай. Вот, мама, и ответ на ваш вопрос.

Аман. Когда-нибудь и обо мне так напишут: «Привет передовым комсомольцам!»

Холнисо. Аман, иди ужинать!

Дехканбай *(со вздохом)*. Иди ужинать, Аман!

Аман *(со вздохом)*. Иду, мама, иду. *(Входит в дом.)*

Холнисо. Ты дал слово ехать в Голодную степь? Зачем ты его давал? Разве ты и без этого не был бы передовым? Твое имя на Доске почета. Тебя называют гордостью колхоза. Ты был на войне и вернулся с орденами. Пожелает всевышний, и за хлопок тебе дадут орден, он тоже сверкает на твоей груди.

Дехканбай. Ордена сверкают, когда они освещают дорогу, лежащую впереди... и перестают сверкать, когда человек останавливается...

Холнисо. Почему же твоя дорога должна вести в Голодную степь? Подумай: Голодная степь!..

Дехканбай. Называли ее когда-то голодной. А мы превратим ее в цветущий сад.

Холнисо. Пусть другие это и делают. Почему же ты?

Дехканбай *(проникновенно)*. Вы благословляли меня, когда я уходил на войну...

Холнисо. Ты уходил защищать нас. Тебя позвала Родина. Лучше тысячу раз пережить смерть сына, чем знать, что сын не выполнил своего долга.

Дехканбай. А сейчас? Когда партия зовет нас превращать бесплодные солончаки в плодородные поля,—

я не выполню своего долга? И вы не дадите мне своего благословения? Я не могу этому поверить!

Холнисо (*всхлипнув*). Значит, опять разлука. Горе мне!

Дехканбай. Надолго ли? Мы быстро отстроимся, и вы с тетушкой Хамробибби переедете к нам...

Холнисо (*еще всхлипывая*). Хамробибби ты не уговоришь. Не отпустит она Хафизу.

Дехканбай. Я не уговорю... а вы уговорите.

Холнисо (*удивленно*). Что?

Дехканбай. Вас она послушает.

Холнисо (*убежденно*). Нет, не послушает, не послушает. Она упрямее своего братца.

Дехканбай. Сорок лет слушала и вдруг не слушает. Расскажите ей все, что знаете. Разъясните, что и как...

Холнисо. Ты хочешь, чтобы я была... как агитатор?!

Дехканбай. Правильно, мама. Вы будете нашим агитатором! Пойдите к тетушке...

Холнисо. Сейчас?

Дехканбай. Зачем же откладывать?!

Холнисо (*нерешительно*). Попробую... Ты пока поужинай... Там на столе все приготовлено...

Дехканбай уходит.

На старости лет агитатором стала!.. (*Подходит к дому Хамробибби.*) Соседушка-а-а!..

Хамробибби (*выйдя на айван*). Салам, дорогая подруженька!

Холнисо. Поужинали? Если будет на то ваша милость, зайду к вам, побеседуем...

Хамробибби. Почтите мой дом своим присутствием, глубокоуважаемая Холнисо.

Старухи входят в дом.

Дехканбай (*выйдя на айван*). Какая замечательная у меня мама! (*Осторожно подходит к дому Хамробибби.*)

Входит Аман.

Аман. Дехканбай, я забыл тебе сказать... Я комсомольское поручение получил...

Дехканбай (*рассеянно, прислушиваясь к происходящему в доме Хамробибби*). Какое?

Аман. Организовать кружок авиамоделистов. Ребят сколько записалось! А сам я, знаешь, что начал строить?

Дехканбай. Трактор?..

Аман (*обиженно*). Трактор не летает!.. Я вертолет теперь строю. С бензиновым моторчиком. Знаешь, на какую высоту он сможет подниматься?

Дехканбай. Ну, метров на пять.

Слышны голоса старух. Дехканбай поспешно уводит Амана.

Аман (*уходя*). На пять?! На двадцать пять метров! Одно крыло уже готово. Хочешь, я тебе покажу...

На айване появляются Хамробибби и Холнисо.

Хамробибби. Нет, нет и нет!

Холнисо. Вы меня еще не дослушали, соседка...

Хамробибби. Конечно, я в чужие дела не вмешаюсь. Дехканбай ваш сын, и я вам ничего не скажу. Я только замечу, что если сын слушается мать, его проклинаят, а не благословляют.

Холнисо. Послушайте, соседка, мы ведь сорок лет с вами дружим. За сорок лет вы видели от меня зло?

Хамробибби. Вот дувал... вот калитка... Спокойной ночи, уважаемая Холнисо!

Холнисо (*проходя в свой двор*). На вас и сердиться нельзя, подруженька. Разве можно сердиться на отстающую женщину?

Хамробибби (*огорчен*). Что? Что вы сказали?

Холнисо. Я сказала, что нельзя сердиться на отстающую женщину.

Хамробибби. Отсталая? (*Всклинув*.) Сорок лет дружим, сорок лет! И теперь я отсталая, а вы передовая?!

Холнисо. Передовая не передовая, обо мне в газетах не пишут, но я больше вас понимаю.

Хамробибби. А я понимаю меньше вас?

Холнисо. Не меньше, может быть, но понимать начинаете позже.

Хамробибби. Что же я поняла позже? Ну-ну, скажите?

Холнисо. Земельную реформу помните? Когда Советская власть отбирала землю и скот у баев и распределяла среди бедняков и батраков... Что вы тогда говорили?

Хамробибби. Ну... что я говорила?

Х о л н и с о. «Небогоугодное дело, аллах разгнева-
ется...»

Х а м р о б и б и. Может, и говорила. Но то были не мои слова. «Мать воды — ручей, мать слова — ухо». Что уши мои слышали, то повторял мой язык. А от земли мы все равно не отказались, взяли.

Х о л н и с о. Взять-то взяли, но после нас взяли. А я, как только услышала, что будут распределять землю среди бедняков, день и ночь за Ленина молилась. Выходит, что позже меня понимать начали. Позже. Да!.. А когда паранджу сбрасывали? Это вы помвите?

Х а м р о б и б и. Что верно, то верно. Я спустя год после вас сбросила паранджу... Но сбросила... сбросила...

Х о л н и с о. Спустя полтора года после меня. А когда в колхоз вступали?

Х а м р о б и б и. Позже вас вступила. Но вступила же! *(Подняв руки.)* Да процветает наш колхоз... во славу аллаха!

Х о л н и с о. То-то оно и есть. То, что понятно мне, становится понятным и вам. Но позже! Я поняла уже, какое богоуго... *(запнулась)* правильное дело задумали наши дети. И вам это тоже станет понятным... Но позже... Позже...

Х а м р о б и б и *(растерянно)*. Чтобы я... чтобы единственную дочь... отраду моего сердца... радость очей... чтобы она покинула меня?

Х о л н и с о. И-и-и, соседushка, кто же нас покинет? Поедут они, осмотрятся, обзаведутся хозяйством... Государство поможет... Домик построят, сад заведут, огород, козы, барашки... А там и нас к себе перевезут... Подумаешь, Голодная степь! Живет же в ней почтенный Мавлон... Ведь это раньше называлась «Голодная степь», а наши дети превратят ее в цветущий сад... Пойдемте, подруженька, обрадуем Хафизу. Я вам помогу встать... Пошли, соседushка... *(Входят в дом.)*

Входит Дехканбай.

Д е х к а н б а й *(он все слышал)*. Ну и умница у меня мать! Уговорить тетушку Хамробибби... *(Увидев выходящую из дома Хафизу, прячется за деревом.)*

Х а ф и з а. Он еще не знает, что все хорошо... Милый Дехканбай... Сад залит лунным светом... Какая большая луна! Большая и круглая... С детских лет останавливается

она над нашим домом и улыбается мне... Прощай, луна!
Я уезжаю!..

Дехканбай (*приближаясь к Хафизе, нежно*). Луна моя! Нет, не луна! Солнце мое! Солнце мое! Солнце с косами... Едем, Хафиза! Едем!

Хафиза. Вы уже знаете? Мама с тетушкой Холнисо теперь обсуждают, сколько лепешек нам испечь на дорогу. Едем! Едем!

Дехканбай. В Голодную степь... засеребрится она хлопком... зазеленеет садами... виноградниками.

Появляется Аман с толстой книгой в руках.

Мы с вами, Хафиза, в степи горы своротим!

Аман. Извините, что перебиваю вас, но, насколько я знаю из учебников, в степи гор не бывает...

Дехканбай. Мы и учебники переделаем!

Аман (*указывая на свою книгу*). Хорошо бы их немного подсократить...

Выходят Холнисо и Хамробибби. В руках у них банки, кульки... Соседки идут к дому Холнисо.

Хамробибби (*продолжая*). Я только замечу, что если Хафиза остановится у Мавлона, то Дехканбаю в том же доме будет жить неприлично.

Холнисо. Они будут жить в разных домах. А когда поженятся, построят себе дом... (*Указывая*.) Такой или такой... Рису надо побольше...

Хамробибби. И сахару...

Дехканбай (*шутливо*). И масла...

Хамробибби (*Дехканбаю*). Ай-яй-яй, не пристало джигиту вмешиваться в дела старух...

Входят в дом Холнисо.

Дехканбай (*Хафизе*). Такой дом?.. Или такой?

Хафиза (*мечтательно*). Нет... Большие, светлые дома мы будем строить в Голодной степи.

Аман. Высотные здания... как в Москве... Да, Дехканбай?

Дехканбай. Может быть, и не такие высокие, как в Москве, но Москву из них мы непременно увидим. Отовсюду, где строится новая жизнь, видна Москва...

Слышно, как в доме Холнисо раздался звон разбившегося стекла, затем показывается Хамробибби — она стремительно бежит к своему дому, за ней спешит Холнисо. Дехканбай, Хафиза, Аман бросаются за ними.

Дехканбай. Опять поссорились?
Холнисо *(на ходу, удивленно)*. В том-то и дело,
что нет...

Из дома выходит Хамробибби с будильником в руках.

Хамробибби. Сегодня такой день... такой день...
Я чуть не забыла завести будильник! *(Заводит.)*

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Голодная степь. Справа, уходя вдаль, растянулись крытые камышом дома. Слева, вдалеке — канал, берущий начало где-то за горизонтом. Левый берег канала серебрится хлопком. На правом берегу канала еще много необработанной земли. На переднем плане — невзрачный домик под камышовой крышей. С крыши свисает электрическая лампочка. На улице вынесены грубо сколоченный стол, несколько табуреток, ящики. Подле дома — очаг. Яркий солнечный день. Перед домом — на самодельной тахте и под таким же самодельным тентом — лежит укутанный ватными одеялами Мавлон. Голова его обвязана полотенцем. Доносится голос Салтанат: «Адылов-ака! Адылов-ака!» Мавлон, крихтя, переворачивается на другой бок. Вбегают Салтапат. У нее привычка: запоминая, что ей надо сделать, она правой рукой загибает пальцы левой руки; вспоминая, отгибает пальцы. Под мышкой у Салтанат папка для бумаг.

Салтапат (*кого-то ищет*). Адылов-ака! Адылов-ака!

Мавлон (*приподнимаясь*). Послушай, Салтанат, ты когда-нибудь слышала, как муэдзин кричит с минарета?

Салтанат. Нет, Мавлон-ака, никогда.

Мавлон. Ты кричишь громче! (*Лег, прикрыв голову одеялом.*)

Салтанат. Извинить прошу... Забыла, что вы захворали... Парторга я ищу, Мавлон-ака... (*Отгибая пальцы.*) Председатель из МТС не вернулся — раз... Парторга тоже нет — два... а тут комсомольцы приехали...

Мавлон (*приподнялся*). Что?

Салтанат. Я говорю, комсомольцы приехали. В колхоз наш переселяются.

Мавлон. Что же ты молчишь?

Салтанат. Да я не молчу. *(Встающему Мавлону.)* Что вы, Мавлон-ака? Нельзя вам вставать...

Мавлон. Не учи бригадира! Бригадир сам знает, что ему можно! *(Вошел в дом и быстро вышел — без полотенца на голове, в халате, с сапогами в руках.)* Откуда они приехали, не знаешь? Из каких районов?

Салтанат. Из Андижанской области. Нельзя же вам сегодня ходить... Малярия!

Мавлон *(обуваясь)*. Андижанцы?! Земляки мои?!

Салтанат. Не пуцу я вас, Мавлон-ака! Парторг сказал, что вам надо лежать... *(Схватила сапог.)*

Мавлон. Салтанат! Отдай сапог, не серди меня! Не может бригадир лежать, когда комсомольцы в колхоз приехали. Кто их должен встретить? Бригадир! Мавлон! Много народу приехало?

Салтанат. Много...

Мавлон. А девушки среди них есть?

Салтанат. Три девушки...

Мавлон. А вдруг и моя племянница приехала... *(Пошел.)*

Салтанат *(догоняя Мавлона)*. Разве ваша племянница должна приехать?.. Лежать вам велели... Парторг сердиться будет...

Мавлон и Салтанат уходят.

Шум машины, визг тормозов, голоса. Входит Рахимджан — очень толстый человек в белом кителе. В руках у него большой портфель, на боку висит термос.

Рахимджан *(за кулисы, шоферу)*. Карим! Подожди, сейчас найду тебе, что под колесо положить... Вот доска, Карим! *(Передает.)* На, держи!.. *(Шум машины.)* Э-э, буксует... Карим! Задний ход дай... Вперед теперь. Э-э-э, опять буксует...

Опираясь на трость, входит Адылов (он хромает). На нем военный китель с орденской планкой и ленточками ранений. Увидев Рахимджана, остановился, с улыбкой смотрит на хлопочущего председателя.

Карим! Мотор выключай, бензин весь изведешь!.. Вон, видишь, трактор стоит? Пойди к трактористу, скажи: машина председателя в арыке застряла... вытащить надо... *(Заметив Адылова.)* А-а-а, салам, Адылов-ака! Салам, парторг! *(Смущенно.)* С машиной маленькая неприятность...

Адылов. Так-так... Передние колеса на дороге, а задние в арыке...

Рахимджан. Немножко занесло на повороте.

Адылов. Немножко быстрее, чем положено, ехали, — так, дорогой Рахимджан?

Рахимджан. Не может председатель ездить медленно! Дня не хватает у председателя! Голова кругом идет! На машине езжу, а... с ног сбиваюсь! Отдохнем немного, а? Не хотите чайку?.. *(Отвинчивает крышку.)* Жажда мучает... А? Хороший чай, горячий...

Адылов. В МТС были?

Рахимджан. В МТС был. На хлопкопункте был. Всюду был. *(Сокрушенно.)* Сушилки осматривал... затирает нас с сушилками. Доски есть — строить некому...

Адылов. Людей надо найти...

Рахимджан. Не хватает людей! Хлопок убирать не успеваем. Э-э-э, приехали бы уже комсомольцы...

Адылов. Звонил утром в райком...

Рахимджан. Ну?

Адылов. Говорят: сегодня-завтра ждите...

Рахимджан. Пожелаем этого: сегодня-завтра... Голова кругом идет. Вы из правления?

Адылов. Нет, с поля, к себе на ферму... По пути решил проведать Мавлон-ака...

Рахимджан *(удивленно)*. Мавлон-ака? Бригадир? Проведать? Днем?

Адылов. Заболел Мавлон-ака... Приступ малярии... С трудом заставил его домой с поля вернуться, полежать...

Рахимджан *(сокрушенно)*. Ай-яй-яй, лучший бригадир заболел.

Адылов. Слово с него взял, что в поле пока выходить не будет... *(Встав.)* Проведаем бригадира?

Рахимджан. Зайдем минут на пять... пока машину вытаскивают... *(Кричит шоферу.)* Карим, как у тебя? А?

Голос: «Свечу меняю, хозяин!»

Рахимджан *(шоферу)*. А!!! Тебе на ишаке ездить, а не за баранкой сидеть.

Адылов постучал в дверь — ответа нет.

Ну, что, Адылов-ака? Не слышит.

Адылов. Спит, вероятно. Не стоит его будить...

Рахимджан. Зачем будить? Тихонько войдем... Мало ли что. Одни ведь в доме живут. *(Отворил дверь, пе-*

решагнула через порог, остановилась.) Лучше вы войдите! Толстый я очень... доски подо мной скрипят...

Адылов вошел в дом. Рахимджан напряженно прислушивается.
Голос Адылова: «Черт знает что! Упрямец какой!»

(Удивленно.) На бригадира кричит? На больного?

Адылов вышел.

(Негодую.) Кричали зачем на Мавлон-ака?

Адылов. Где Мавлон-ака! Полклубуйте — нет его дома!

Рахимджан *(восхищенно)*. Вот человек! Не улежал — в поле ушел! Больной, а ушел! Характер какой, а? Твердый! Упорный!

Адылов. Упорный — это хорошо... упрямый — хуже...

Рахимджан. Э-э-э, человек есть человек. У каждого свои достоинства, у каждого свои недостатки. Один — немножко упрямый, другой... *(погладил живот)*... немножко толстый...

Адылов *(в тон)*. Один не любит критики, другой не любит, когда критикуют... его бригадира...

Рахимджан *(поняв намек)*. А третий... третий бригадира не любит...

Адылов. Люблю я Мавлон-ака! Уважаю, ценю, но, дорогой Рахимджан... боюсь, что когда-нибудь характер Мавлона дорого обойдется — и ему, и колхозу...

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака!»

Салтанат вас ищет... *(Вставая.)* Желаю благополучия! Я — на ферму, оттуда — в правление... *(Уходит.)*

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака! Рахимджан-ака!»

Рахимджан *(кричит)*. Здесь я, Салтанат! Здесь я!..

Вбегает Салтанат.

Салтанат *(с трудом переводя дыхание)*. По всему кишлаку вас разыскиваю...

Рахимджан *(философски)*. На то и секретарь, чтобы разыскивать председателя... Отдышись, Салтанат!

Салтанат. Потом отдышусь. Комсомольцы приехали — раз!

Рахимджан. Ай-ай-ай, уже приехали? Что ж ты молчишь?

Салтанат. Я не молчу...

Рахимджан. Встретить их хотели... устроить по-лучше... Показать — где и что... Накормить...

Салтанат (*отгибая пальцы*). Ужин им уже ва-рят — два. Где общежитие показала — три...

Рахимджан (*восхищенно*). Вот секретарь! Вот се-кретарь! Потолстеешь — председателем будешь! (*Шофе-ру.*) Карим, как с машиной?

Голос: «Готово, хозяин!»

Рахимджан (*пошел к машине*). Ну, Салтапат, не отставай от председателя...

Салтанат (*на ходу*). Племянница Мавлон-ака при-ехала. С женихом...

Рахимджан (*остановился*). Ай-яй-яй, а Мавлон-ака в поле ушел!..

Салтанат. В правлении он! С комсомольцами уже беседовал.

Рахимджан (*восхищенно*). А?! Первым встретил комсомольцев. Всегда у нас первый Мавлон-ака!

Рахимджан и Салтанат уходят. Гудки отъехавшей маши-ны. Пауза. Затем входят Мавлон, Хафиза и нагруженный чемоданами Дехканбай.

Мавлон (*указывая на свой дом*). Вот, Хафиза, кры-ша, под которой живет твой дядя... Мой дом — твой дом! (*Неожиданно.*) Хафиза, какая ты стала красавица! В те-бе есть что-то от моей сестры, почтенной Хамробиб. И женишок твой — тоже ничего...

Хафиза, смутившись, убегает в дом.

(*Взяв один из чемоданов.*) Заходи и ты, Дехканбай...

Дехканбай. Сейчас, дядя...

Мавлон входит в дом. Дехканбай, поставив чемодан, осматри-вает лежащую перед ним унылую степь. Возвращается Мавлон.

Мавлон. Ну, что задумался? Э! Знаю, о чем ты ду-маешь! «Голодная степь» — в какую дыру я попал?

Разжигает очаг.

Дехканбай. Нет, дядюшка, не угадали. Разреши-те, я вам помогу. (*Раздувает огонь.*)

Мавлон. Да... Есть люди, которых еще пугает Го-лодная степь. Не видели вы прежней Голодной степи. А я сюда приехал — ничего здесь не было! Людей совсем

мало было, машин было мало, воды мало — не построили еще тогда Фархадскую ГЭС! Арыки копал, отводные каналы — зауры... Тополи вдоль дороги видел?

Дехканбай. Как же, видел.

Мавлон (*гордо*). Я их сажал! А шелковицу? Шелковицу видел?

Дехканбай. Замечательная шелковица!

Мавлон. Я ее сажал! Дом этот видишь? Я его построил. Плохой, скажешь, дом? И я скажу: неважный! Ничего: «И краюха хлеба есть хлеб, и крошка хлеба есть хлеб!» Когда в шалашах жили, — дворцом показался. Э, дорогой Дехканбай, не дом приносит богатство колхозу — хлопок приносит. Не дом принес славу Мавлону — хлопок принес! (*Вышедшей из дома Хафизе.*) Что тебе, Хафиза?

Хафпза. Дядя! Казан у вас есть? Шурпу я хочу сварить.

Мавлон. Казан? Был где-то казан... В чулане, кажется... за домом. (*Хафиза убежала.*) Любит меня хлопок. Увидишь, какой урожай на моих участках... Не у кого-нибудь, а у Мавлона!

Завучал хор.

(*Прислушиваясь.*) С работы возвращаются... Когда в поле пойдем, Дехканбай?

Дехканбай. Хоть сейчас!

Мавлон. Светло сейчас. Ночью пойдем. В темноте! Чтобы парторг не заметил. Не позволяет он мне в поле ходить...

Дехканбай (*удивленно*). Бригадиру не позволяет?..

Мавлон. Малярия у меня... Слово дал парторгу: пока не поправлюсь — из дому не выйду.

Хафиза (*показавшись в дверях*). А соль у вас, дядя, есть?

Мавлон. Соль? Была где-то соль... (*Входит в дом.*)

Голос Кузыева: «Юсуп! Ты не жди меня! Я к бригадиру пошел». Входит Кузыев.

Кузыев. Салам! Что, бригадир дома?

Дехканбай. Дома. Сейчас позову.

Кузыев. Нет, не надо, я подожду. (*Пауза.*) Прошу извинить, не видел я вас еще в колхозе... Вы что... недавно приехали?

Дехканбай. Как вам сказать... Только что!

Кузыев. Только что! Действительно недавно. Ну, как вам здесь понравилось?

Дехканбай. Да как вам сказать... Приглядываюсь.

Пауза.

Кузыев. Курите?

Дехканбай. Курю.

Кузыев (*достав папирсы*). Что ж, как в песне поется: «Давай закурим, товарищ, по одной...»

Дехканбай (*подхватывая*). «Давай закурим, товарищ мой...»

Кузыев протягивает папирсы Дехканбаю, Дехканбай — Кузыеву. Дехканбай закуривает от спички Кузыева, Кузыев — от спички Дехканбая.

Кузыев (*закурив*). Рискую быть нескромным, но хотелось бы знать, как вас зовут?

Дехканбай. Дехканбай.

Кузыев. Очень приятно. Меня зовут Хашимом. Хашим Кузыев.

Дехканбай. Запомню. (*Указывая на орденские ленточки Кузыева.*) Вижу, и вы на войне побывали. До каких краев гнали фашистов?

Кузыев. Другие-то гнали... а мое дело было — мосты строить! Места боев видел, а в бою побывать не удалось. Судьба!

Дехканбай (*вежливо*). Медали ваши подтверждают, что строить мосты — боевое дело!

Кузыев. Наши саперы такие мосты строили — ого-го-го! Может, попадались? Мы до Будапешта дошли.

Дехканбай (*разводя руками*). Восточная Пруссия!

Кузыев. Другое направление. А то встретиться бы могли. Сюда вы откуда приехали?

Дехканбай. Из Андижанской области.

Кузыев. Тоже другое направление. Я лично городской, из Самарканда, но все больше по стройкам кочевал...

Дехканбай. Строитель? Интересно...

Кузыев. Эх, Дехканбай! Люблю строить! Вчера — пустое место, сегодня — глина разведена, стружки летят, а завтра — ставни голубые, занавески розовые, кругом — астры, тюльпаны, ромашки. Вечером построишь дом, а утром, как в песне поется: «Знакомый дом...»

Дехканбай (*подхватывая*). «...Зеленый сад...»
Кузьев (*подчеркивая*). «...И нежный взгляд...»
(*Вздохнул.*) Всюду строил... А вот тут... (*Замолчал.*)

Дехканбай. Солопчаки мешают?

Кузьев. Не в солончаках дело.

Дехканбай. А в чем?

Кузьев. Не будем говорить о неприятностях при первой встрече.

Дехканбай. Терпенье, Хашим, — будут вам п голубые ставни, п розовые запавески... и... какой взгляд?

Кузьев. Нежный... (*Услышал голос Салтанат.*) Салтанат!..

Вбегает покаящая Салтанат.

Салтанат.

На платочке полумесяц —

Шитый золотом рожок.

Где я сердце потеряла?

Отыщи его, дружок!

Кузьев (*Салтанат*). Очаровательница очей моих!

Салтанат. Хашим... (*Нежно.*) По всему кишлаку вас разыскивала. А сейчас... тороплюсь я сейчас, Хашим. Знаете, сколько у меня дел? (*Отгибая пальцы.*) В райсполком позвонить — раз, на склад зайти — два, к агроному — три... А этот... (*Вспомнив.*) Да, сегодня в восемь часов комсомольское собрание, всем быть обязательно! (*Дехканбаю.*) Хафизе скажите.

Кузьев (*тихо*). Салтанат, на собрании рядом будем сидеть?

Салтанат (*смущенно*). До свиданья, Хашим. (*Убегает.*)

Дехканбай. Для начала, я вижу, нежный взгляд уже имеется!

Кузьев. Нежный взгляд имеется, а вот... (*В сердцах махнул рукой.*)

Дехканбай. Чем же вы огорчены?

Кузьев. Как же не огорчаться? Я строитель! А строительства, в общем, в колхозе еще нет, меня на хлопковые поля послали... Не понимаю я в хлопке! Строитель я! Честно могу сказать — неплохой строитель! А тут доски привезли. Какие доски! А сложили как? Сгниет весь лес!

Дехканбай. Безобразие!

Кузьев. Переложить их хочу. За день переложил бы!

Дехканбай. Бригадиру скажите...

Кузьев. Да я ему сто раз говорил — не отпускает! В последний раз сегодня пришел!..

Дехканбай (*удивленно*). К Мавлон-ака?

Кузьев. Да, к Мавлон-ака! Знакомы уже с ним?

Дехканбай. Дядей он приходится моей невесте.

Кузьев (*с иронией*). Поздравляю вас!

Дехканбай. Не понимаю: достойный человек Мавлон-ака!

Кузьев (*выходя из положения*). Я с невестой вас поздравляю!

Дехканбай. Спасибо. Давно уже Хафиза — моя невеста. Вместе с ней приехали. Надеюсь, она вам понравится...

Кузьев. Уже нравится! Когда невеста с женихом приезжает в Голодную степь — это хорошая невеста!

Из дома вышла Хафиза с ведрами.

Хафиза. Салам!

Вспомнив, что на ней огромный дядин фартук, скрылась в доме.

Кузьев. Она? Какая пугливая!

Хафиза снова показалась, теперь уже без фартука.

Хафиза. Извините, вода мне нужна. Не можете мне сказать, где здесь берут воду?

Кузьев. Для меня честь показать вам... (*Показывает.*) Вон... там... из канала...

Хафиза. Ой, как далеко!

Кузьев. Да, не близко...

Хафиза и Дехканбай уходят. Кузьев их провожает. Входит Мавлон. Его знобит. Голова у него вновь повязана полотенцем. Ложится, накрывается одеялом. Возвращается Кузьев.

Кузьев (*подойдя к Мавлону*). Салам!

Мавлон (*заметив Кузьева*). А! Кирпичник! Ну, как дела? С поля идешь? Уборка как шла без бригадира? Много собрали?

Кузьев (*неопределенно*). Собрали...

Мавлон. Ты-то сколько собрал?

Кузьев (*неопределенно*). Ну, собрал...

Мавлон. Э! Опять пятьдесят кило! Не смог больше! (*Накрылся одеялом*).

Кузыев. Нет, Мавлон-ака, сегодня не пятьдесят...
Мавлон *(приподнявшись)*. Ну? Неужели больше?
Кузыев. Сегодня сорок три... Не умею я хлопок собирать.

Мавлон. Тьфу! *(Лег, накрылся одеялом, снова приподнялся.)* О чем ты думаешь, Кузыев? В голове что у тебя?

Кузыев. Доски, Мавлон-ака.

Мавлон. Тьфу! Вчера кирпич был в голове. Сегодня — доски...

Кузыев. Лес какой привезли, Мавлон-ака! А сложили как? Как, я вас спрашиваю?!

Мавлон. *(выходя из себя)*. Не нужны мне твои доски! Хлопок убрать мне нужно!

Кузыев *(уговаривая)*. Сгниет весь лес!

Мавлон *(неожиданно спокойно)*. Подойди сюда. Не бойся, подойди! Слушай, Кузыев! Ты зачем в колхоз приехал? В Голодную степь зачем приехал? *(Раздражаясь.)* Председателю завтра скажу — пусть отправляет тебя из колхоза!

Кузыев. Сгниет весь лес, Мавлон-ака!

Мавлон *(в ярости)*. Зачем завтра? Сегодня скажу! *(Встав.)* Сейчас скажу! По сорок три кило в моей бригаде собирают! В бригаде Мавлона! Позор! Досками мне голову морочит. Лодырь!

Кузыев *(сжав кулаки)*. Что?

Мавлон. Лодырь! Нет, не найдешь ты себе места в Голодной степи! Это я тебе говорю! Мавлон говорит! *(Уходит.)*

Входит Салтанат.

Салтанат. Хашим, вы еще здесь?

Кузыев. Ухожу... Из колхоза я ухожу, Салтанат... Уезжаю из Голодной степи. Совсем уезжаю...

Салтанат. Как это уезжаете? Комсомольцы только приехали...

Кузыев. Другие-то приехали, а я... Как в песне поется... Эх, не до песни мне... *(Уходит.)*

Салтанат. Хашим уезжает. Как это? Уезжает Хашим... *(Плачет.)*

Входит Адылов. Увидел плачущую Салтанат.

Адылов. Слезы... Что случилось? Плачем почему? Говори, говори, Салтанат...

Салтанат (*плачет*). Хашим уходит...

Адылов. Кузыев? Куда уходит?

Салтанат (*плача*). Из Голодной степи он уезжает. Совсем уезжает...

Адылов. Вот оно что! Не ожидал! Хорошим комсомольцем казался! Фронтвик...

Салтанат (*плача*). А песен он сколько знает...

Адылов. Так... А на поверку оказалось, что он только и умеет песни петь. Что ж, поговорим с Кузыевым на комсомольском собрании.

Салтанат (*жалобно*). Поговорите с ним, Адылова-ака.. Поговорите...

Адылов. До собрания поговорю. Найди мне его, Салтанат...

Салтанат. Хорошо... Я побегу...

Входят Хафиза и Дехканбай с ведрами.

Адылов (*останавливая Салтанат*). Погоди... (*Указывая на Хафизу*.) Племянница Мавлон-ака?

Салтанат. А это жених ее! (*Представляя Адылова*.) Парторг наш. (*Убегает*.)

Хафиза. } Салам!
Дехканбай. }

Адылов. С приездом, дорогие товарищи! С вами мне и оставалось познакомиться! Устроились?

Дехканбай. У дяди Хафиза жить будет. А я — в общежитии. Извините, пожалуйста... (*Вносит ведро в дом*.)

Адылов. Издалека приходится таскать воду.

Хафиза. Хорошо бы воду из канала в кишлак провести. Проложить трубу...

Адылов. Хорошо бы... Многое нам придется здесь проводить, поднимать, прокладывать, строить...

Дехканбай (*вышел из дома*). Где же дядюшка? Нет его!

Адылов. Не бережет себя ваш дядя! Слово дал мне, что будет сегодня лежать... Хлопкороб он прекрасный, а вот... (*Спохватился*.) Да вы ведь лучше меня его знаете...

Дехканбай. Просить мы собирались... Если возможно, хотели мы работать в бригаде Мавлон-ака. Боевого командира имели бы... в наступлении!..

Адылов. В наступлении?

Дехканбай. На Голодную степь!

Адылов. Охотно переговорю с председателем. Вместе попросим...

Хафиза. Спасибо! Извините, я — по хозяйству...
(*Входит в дом.*)

Адылов. Наступление — говорите? Хорошее слово — наступление! А некоторые у нас... собираются отступать.

Дехканбай. Комсомольцы?

Адылов. Один комсомолец. Не из ваших. Раньше приехал. Кузиев — его фамилия.

Дехканбай. Хашим? Не может этого быть! Только что с ним беседовал. Строить он приехал! В хлопке он не понимает, а когда о строительстве рассказывает — у него глаза горят. Доски, говорит, какие-то привезли, сложили не так, недоволен Кузиев, к бригадиру он пошел...

Адылов. К Мавлон-ака? О досках разговаривать? Догадываюсь, догадываюсь, в чем дело... Из памяти выпало, что Кузиев строитель. Сушилки пусть строит! Займусь делами Кузиева! О себе теперь расскажите... У себя в колхозе что делали?..

Дехканбай. Хлопкороб... в последнее время бригадиром был...

Адылов. А в Голодной степи... как себя чувствуете?

Дехканбай. Мечта у меня имеется... Сказать какая?

Адылов. Если не секрет.

Дехканбай. Секрета нет. С Хафизой говорили об этом, с комсомольцами. Давно у меня эта мечта. Домой возвращался после войны, Москву проезжал... Красную площадь видел, Мавзолей Ленина видел, Кремль, метро... Все видел! Говорят: Кузнецкий мост еще посмотри. Прихожу — моста нет, реки нет — улица! Называется только «Кузнецкий мост».

Адылов. Старое название сохранилось...

Дехканбай (*страстно*). Хотим мы так переделать Голодную степь, чтобы люди, приехав сюда, тоже удивились: где Голодная степь? Название осталось, а степь — цветущая, счастливая! Сверкающая, как... шелковое сюзане!

Входит Хафиза с казаном, хлопчет у очага.

Адылов. Как шелковое сюзане, — отлично сказано!

Входит Рахимджан, он очень взволнован.

Что случилось, дорогой Рахимджан?

Рахимджан. Плохо! Совсем заболел Мавлон-ака! (Хафизе.) Дяде вашему совсем худо! Пришел в правление — жар у него, горячий весь. Пожелтел, трясет всего. Домой не мог вернуться.

Хафиза (встревоженно). Где он сейчас?

Рахимджан. В моем кабинете лежит, в правлении. Салтанат с ним.

Хафиза. Дехканбай! Я к дяде! (Убежала.)

Адылов. Доходился! Немедленно за врачом!

Рахимджан. Уже послал. Кузыева послал. На машине.

Адылов. Нет, здесь Мавлон-ака мы не вылечим. Нужно срочно отправить его в Ташкент, в больницу...

Рахимджан (сокрушенно). Долго теперь лежать будет. Самый высокий урожай на его участке! Без командира осталась бригада.

Вбегает Кузыев.

Кузыев. Доктор приехал, говорит: в клинику отправить надо.

Адылов. Да, нелегко будет без Мавлона... Послушайте, Рахимджан... А что если на время болезни Мавлон-ака, его бригаду возглавит...

Рахимджан. Кто?

Адылов. Дехканбай.

Рахимджан. Он?

Дехканбай. Я?

Кузыев (Дехканбаю). Умоляю вас, согласитесь!.. Пусть хоть два дня солнце мне светить будет!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Обстановка предыдущей картины. Прошло две недели: оголилось поле, с которого убрали хлопок. Лунная ночь...

Входят Адылов и Кузыев.

Адылов. Хорошо, Хашим,— потолкую с председателем.

Кузьев (*горячо*). А то что получается?! Хлопок в колхозе собрали, начинаем уже новую землю осваивать, а когда, спрашиваю, строить начнем?

Адылов. Сушилки ты ведь построил? Отличные сушилки!

Кузьев (*горячо*). Дома нужны для переселенцев! Клуб нам нужен! А где, спрашиваю, строительная бригада?!

Адылов. Сказал тебе: переговорю с председателем! Все?

Кузьев. Нет, не все! Извините за нескромность, — спросить хочу... (*Неожиданно.*) Музыка вы любите?

Адылов (*недоуменно*). Люблю!

Кузьев. А музыкальных инструментов в колхозе нет.

Адылов. Пианино есть... в школе стоит.

Кузьев (*горячо*). Кому — пианино, а Хашиму Кузьеву барабан требуется! А то что получается?! Молодежный оркестр организовать я обещал, Дехканбаю обещал, — как новому секретарю комсомола! А на чем, спрашиваю, играть?! Барабана даже нет!

Адылов. Хорошо: купим! Пять барабанов тебе купим!

Кузьев (*недоуменно*). Хватит и одного...

Адылов. Одного мало: заглушишь ты его, Кузьев! (*Хлопнув Кузьева по плечу.*) Ничего, продолжай в том же духе. Желаю успехов! Будет тебе барабан...

Кузьев уходит. Продолжает свой путь и Адылов. Внимание его привлекает проезжающая мимо машина. Кричит, машет рукой, останавливая машину.

Рахимджан-ака-а-а!.. Рахимджан-ака-а-а!

Гудок остановившейся машины. Появляется Рахимджан.

Рахимджан. Окликнули — спасибо. Быстро ехал, мог бы проехать мимо! День кончился — дела не кончились! С поля еду...

Адылов. Как с очисткой зауров?

Рахимджан. Сегодня закончим! Что значит молодежь! Огонь! Лава! Сегодня одно дело закончат — завтра другое начинают.

Адылов. Да, дорогой Рахимджан, с рассветом комсомольцы выйдут на новую землю...

Рахимджан. Досрочно! Опять досрочно!

Адылов. Не ошиблись мы в Дехканбае. Вот это — комсомольский вожак!

Рахимджан. Сердце радуется! Не дает передохнуть председателю. *(С удовольствием.)* И Хафиза ему ровень: две половинки одного персика!

Адылов. А Кузыев?

Рахимджан. Третья половинка того же персика! Какне сушилки построил! Сердце радуется!

Адылов. Напомнить хочу: обещали мы дать Кузыеву строительную бригаду. Пора выполнить обещание...

Рахимджан. Ваша правда, Адылов-ака! Сегодня же скажу Кузыеву...

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака!»

А?! Салтанат уже меня ищет.

Вбегают Салтанат.

Салтанат. По всему кишлаку вас разыскиваю... *(Отгибая пальцы.)* Из райисполкома звонили: спрашивают, сколько нам воды потребуется, — раз... Сводку о за-урах райисполком требует — два... Горючее привезли — три... Завтра в правлении сидеть не буду: пойду со всеми на новые участки — четыре!

Рахимджан. Послушай, Салтанат!

Салтанат. Скажете нельзя, — не послушаю! Все комсомольцы идут, я тоже комсомолка!

Рахимджан. Завтра не слушаешь, сегодня послушай. Кузыева ты увидишь?

Салтанат. Хашима? *(Смущенно.)* Вовсе я его не увижу... будто я каждый день вижу...

Рахимджан. Каждый день не видишь, каждый вечер видишь...

Адылов. Позволю себе заметить — не будем вмешиваться в личные дела Салтанат.

Рахимджан. В личные не будем. В колхозные будем. Найди мне Кузыева по колхозному делу.

Салтанат *(загнула палец).* Кузыева! *(Показывает руку.)* Записала для памяти...

Рахимджан. Кузыева ты и так не забудешь. *(Останавливая побежавшую Салтанат.)* Постой, Салтанат, а телеграмму ты послала?

Салтанат. Какую телеграмму?

Рахимджан. Телеграмму... *(Осекая, сокрушенно.)* Ай-яй-яй, я сам ведь хотел отправить эту телеграмму... *(Адылову.)* Мавлону хотел телеграмму послать... в Ташкент... в больницу... Лежит бригадир, тревожится...

Адылов. Нехорошо! Просил же я вас это сделать. В райисполкоме утром был — рядом почта...

Рахимджан. Сам себя просил: «Не забудь, председатель!»

Салтанат. Палец вы бы загнули, ни за что не забыли бы!

Адылов. Придется специально посылать на почту Салтанат.

Рахимджан. Пошлем, а? *(Салтанат.)* На моей машине поедешь на почту...

Салтанат *(загибая палец)*. Телеграмма — два... Давайте телеграмму... *(Вынув из папки лист бумаги, передает Адылову, включает лампочку у дома.)*

Адылов. Сейчас напишу. *(Пишет.)* Ташкент...

Рахимджан *(диктуя)*. Поздравляем досрочной уборкой урожая... Напишите: на первое место вышла бригада Мавлона. О заурах еще сообщить надо.

Адылов *(пишет)*. Правильно.

Салтанат. И пусть поскорее выздоравливает Мавлон-ака.

Адылов. Тоже правильно. Все! Держи, Салтанат. *(Передает листок.)*

Салтанат *(прячет листок в папку)*. Про райисполком не забудьте, Рахимджан-ака!

Рахимджан. Позвоню им из правления. *(Встав, Адылову.)* Нам по пути, Адылов-ака?

Адылов. В поле я направляюсь. С Дехканбаем хочу потолковать.

Салтанат *(взглянув на дорогу)*. Сюда идет Дехканбай.

Рахимджан. Уже идет? А?! Что значит молодежь!

Входят Дехканбай и Хафиза.

Салам! Новостей жду.

Дехканбай. Могу доложить: все зауры очищены!

Рахимджан. А?! Огонь! Лава! Печатай, Салтанат, сводку! *(За сцену, шоферу.)* Карим! В правление едем!..

Рахимджан и Салтанат уходят. Гудок отъезжающей машины.

Адылов. Поздравляю, дорогой Дехканбай. И вас, Хафиза, поздравляю. Наступление, значит, продолжается...

Дехканбай. По всему фронту.

Адылов. Отлично, дорогой Дехканбай. Кстати... об учебе молодежи я вас просил подумать...

Хафиза. Два кружка придется организовать. Пожилые колхозники тоже хотят заниматься. Даже старики...

Дехканбай (*поддевая Хафизу*). И даже... старухи!

Хафиза (*Дехканбаю*). Опять «старухи»?! Не старухи, а пожилые...

Дехканбай (*дразня Хафизу*). Конечно, пожилые... **пожилые старухи!**

Хафиза. Не слушайте его, Адылов-ака! Честное слово, — совсем молодые старухи... В шелководческой бригаде они будут работать...

Адылов (*удивленно*). В какой бригаде?

Хафиза. Шелководческой.

Адылов (*удивленно*). Нет у нас такой бригады!

Хафиза. А весной будет! Все комсомолки согласны. На правлении поставим этот вопрос. Поддержите нас?

Дехканбай. Интересное дело, Адылов-ака!

Адылов. Поговорим, обязательно поговорим...

Хафиза. И еще у меня есть к вам дела... Столько дел, — просто не знаю, с чего начать...

Адылов. Тогда я начну... вы ужинали?

Хафиза. Собираемся...

Адылов. Вот с этого и начинайте!

Хафиза. Да нет... успеем... Значит, о шелководстве... Понимаете?

Адылов. Не понимаю! Сытый голодного не разумеет! Проголодались вы оба...

Дехканбай. По правде, целого барана проглотил бы.

Адылов (*Хафизе*). Слышали?

Хафиза (*убегая в дом*). Пельмени сварю... Я быстро...

Возникает хоровая песня.

Дехканбай. Андиганцы поют...

Адылов. Земляки?

Дехканбай. Не спят... к бою готовятся...

Адылов. Да... ночь перед боем...

Дехканбай. Жалею, что Мавлон-ака еще болен.. Без него на новую землю завтра выходим... Знает он Голодную степь. А мы... как никак новички мы здесь...

Адылов. В Голодной степи все когда-то были новичками, даже Мавлон-ака... Надеюсь, что скоро станут называть вас не новичками, а новаторами... С мелиоратором беседовал... Хвалит он предложения комсомольцев...

Дехканбай. Еще несколько предложений поступило.

Адылов. Какие именно?

Дехканбай. Если выкопать зауры... На земельной карте объяснил бы лучше... В доме у дядюшки висит карта. Посмотрим?

Адылов. Давайте.

Входят в дом.

Голос Салтанат: «Адылов-ака! Адылов-ака!»

Вбегают Салтанат.

Салтанат. Адылов-ака! *(Подбежала к дому, постучала в дверь.)* Можно?

Голос Хафизы: «Входите, Салтанат».

Салтанат вошла в дом. Вбежал Кузыев.

Кузыев. Салтанат! *(Услышал смех Салтанат.)* Подожду ее здесь. *(Стал за домом.)*

Голос Салтанат: «До свиданья». Салтанат вышла, остановилась у дома.

Салтанат. Какие же дела остались? *(Проверяя по пальцам.)* Телеграмму отправить Мавлон-ака... К агроному зайти... Найти Хашима... *(Вздохнула.)* А где он, мой Хашим?.. Строить теперь будет... *(Восторженно.)* Какие он сушилки построил!.. Ах, сердце он мне иссушил... *(Идет, грустно напевая.)*

Шелком вышит мой платочек,—

Голубой на нем цветок,

Но любовь была обманом,

Потерялся мой платок...

Кузыев. Салтанат! Очаровательница очей моих!

Салтанат. Хашим...

Кузыев. Целый день я не видел своей розы!

Салтанат. И розе не пел соловей...

Кузыев. Искал я вас, весь вечер искал, радость моя!

Салтанат. И я вас ищу... по всему киплаку... (Меня интонацию.) По колхозному делу, вы не думайте...

Кузыев. Я не думаю...

Салтанат (грустно). А я думаю, что перестали вы обо мне думать.

Кузыев. Радость моя! Днем думаю, утром думаю, ночью думаю, вечером... как сказал поэт: «Где бы я ни был, сердце мое всегда с тобой!»

Салтанат. Ночь хорошая...

Кузыев. А я?

Салтанат. И вы тоже хороший...

Кузыев. Сердце мое! (Берет Салтанат за руку.)

Салтанат (испуганно). За эту руку меня нельзя брать: все дела перепутаю. (Поясняя.) Вот этот палец — зайти к агроному, этот — телеграмма, а этот — вы, Хашим...

Кузыев. Я. (Целует пальчик Салтанат.)

Салтанат (нежно). Председателю вы нужны. Строительную бригаду собирать будете. Вас бригадиром назначают.

Кузыев (вскочив). Уже?

Салтанат (испуганно). Скорпион укусил? Да?

Кузыев. Какой скорпион? Строительная бригада у нас будет! Как в песне поется... (Поцеловал Салтанат.) Вот как поется. (Убежал.)

Салтанат (грустно смотрит на руку). Все дела мне перепутал Хашим... Это — телеграмма, а это... это... (Вспомнив.) Это же к агроному я не сходила. (Убегает.)

Пауза. Затем входит Мавлон. В руках у него чемодан. Он медленно идет к своему дому, останавливается, услышав песню возвращающейся Салтанат.

Где я сердце потеряла,
Не могу найти три дня...

Вбегает Салтанат.

Не хочу я, чтобы милый
Рассердился на меня...

Салтанат (увидев Мавлона). Кто это?

Мавлон. Салам, Салтанат!

Салтанат (изумленно). Мавлон-ака! Вы же... вы же в Ташкенте!

Мавлон. Считай, что я в Ташкенте. Уборка идет —

Мавлон лежит. А ты зачем ночью ходишь? Не спишь почему?

Салтанат *(все еще изумленно)*. Ночь сегодня такая... никто не спит.

Мавлон. Никто не спит? Понимаю: плохо с уборкой. Не вовремя заболел Мавлон, не вовремя...

Салтанат. Да нет, Мавлон-ака, с уборкой все благополучно.

Мавлон. Не успокаивай! Знаю, что плохо! На моих участках плохо!

Салтанат. Что вы? Все хорошо. Телеграмму даже хотели вам послать...

Мавлон *(думая о своем)*. Телеграмма?.. Какая там телеграмма?

Салтанат. Вам, Мавлон-ака, телеграмма. *(Показывает.)* От председателя и парторга...

Мавлон. Мне? Покажи... *(Взяв листок, подходит ближе к лампочке, висящей у дома, читает.)*

Салтанат. Побегу расскажу председателю... Рахимджан-ака удивится... *(Убегает.)*

Мавлон *(читает)*. «Поздравляем досрочным окончанием уборки...» Убрали, выходит? Без меня и... убрали? Нет... Успокоить хотели... Так и пишут: «Поскорее выздоравливайте». Э! Успокоительные капли в больнице мне дали — не помогли! Не могли без меня убраться!

Из дома выходит Хафиза.

Хафиза *(увидев Мавлона)*. Дядя?! Салам! Откуда? Каким образом? Раньше срока, наверно, приехали? Не выздоровели еще!

Мавлон. Не кричи на меня, Хафиза! Доктор на меня кричал, профессор кричал, теперь ты кричишь. Садись... *(Неуверенно.)* Слушай, тут мне Салтанат наболтала... наболтала — не то слово... Правду скажи... Плохо с уборкой?

Хафиза. Не понимаю вас, дядя.

Мавлон. На каком месте моя бригада?

Хафиза. На первом! Раньше всех собрали хлопок. Весь колхоз досрочно закончил уборку.

Мавлон. На первом?! На первом месте бригада Мавлона?!

Хафиза. Да, дядя, конечно!

Мавлон. Выходит, что Салтанат... Правду, выходит,

ваписали в телеграмме? Две недели в больнице лежал, две недели думал — приеду, в хвосте тащится моя бригада. Дожди шли... Сорт снизился... Авторитет бригадир потерял, славу Мавлон потерял...

Х а ф и з а. Да что вы, дядя!

М а в л о н. На первом месте моя бригада! Доктор не вылечил — ты вылечила! Расскажи, расскажи, как это произошло...

Х а ф и з а. Сейчас все расскажем! Дехканбая я только позову... *(Входя в дом.)* Дехканбай! Дядя приехал...

М а в л о н *(один)*. Жених в доме невесты до свадьбы? Не было моего согласия!

Входят Адылов, Дехканбай, Хафиза.

А д ы л о в. Салам, дорогой Мавлон! Нежданный гость! Дехканбай. С выздоровлением, дядюшка! Салам!

Торопливо входит Рахимджан.

Р а х и м д ж а н. Салам! Уже выздоровел?! Досрочно выздоровел! Все теперь у нас в колхозе досрочно делается.

М а в л о н. Садитесь, садитесь. Спасибо, дорогие, вспомнили о бригадире, телеграмму послали, поздравили...

Р а х и м д ж а н *(смущенно)*. Э-э, Мавлон-ака, моя вина: забыл! Забыл послать телеграмму.

М а в л о н. Забыли? А я получил!

Р а х и м д ж а н. Как получили?

М а в л о н *(показывая)*. Вот телеграмма.

Р а х и м д ж а н. Уже получили?!

А д ы л о в. Да, дорогой Рахимджан, быстро доходят телеграммы у Салтанат.

Р а х и м д ж а н. Досрочно! Летят как молнии!

М а в л о н. Расскажите, дорогие, расскажите Мавлону, как моя бригада без меня на первое место вышла?

Р а х и м д ж а н. Весь хлопок собрали. Весь высушили, сдали... Ни одного грамма потерь. Спасибо скажите Дехканбаю.

М а в л о н. Дехканбаю?

А д ы л о в. Дехканбай вас замещал. Хорошим бригадиром был.

М а в л о н. Жених моей племянницы?! *(Дехканбаю.)* Ты?

Дехканбай. Я, дядюшка! А теперь мы готовимся...
Мавлон. Ты готовишься? *(Смеется, твердо.)* Бригадир приехал, бригадир будет готовиться.

Хафиза. Выслушайте же, дядя, Дехканбая. За новое дело мы принимаемся...

Дехканбай. Готовимся мы...

Мавлон *(не допуская возражений)*. Хоп! Не будем сегодня говорить о делах. О делах будем завтра говорить! Завтра будем готовиться!

Хафиза. Нет, дядя, сегодня!

Мавлон *(добродушно)*. Ослушаться дядю?! Дядю еще можешь послушаться. Бригадир не можешь! В больнице лежал, о делах все думал, кровью сердце обливалось... Одну ночь хочу отдохнуть, — впервые будет отдыхать Мавлон в Голодной стени! Праздник у меня сегодня, на первом месте моя бригада! Гостями прошу быть на моем празднике!

Адылов *(переглянувшись с Дехканбаем)*. Может быть, в другой раз отпразднуем, дорогой Мавлон?

Хафиза. Конечно... в другой раз, дядя...

Дехканбай. Дел много у нас сегодня...

Мавлон *(мрачней)*. Не наносите обиду Мавлону!

Рахимджан *(поспешно)*. Посидим немножко, не будем обижать бригадир. Зачем обижать?

Мавлон. Спасибо! Спасибо! Поторопись, Хафиза! Наполни кувшины вином! Дорогих гостей угощать будем!

Хафиза входит в дом

Голос Кузыева: «Дехканбай! Дехканбай!»

Входят Кузыев.

Кузыев *(увидев Мавлона)*. Мавлон-ака? Приехали?

Мавлон. А-а, кирпичник! Ты еще здесь? *(Рахимджану.)* Просил я отправить его обратно из колхоза. *(Дехканбайу.)* Дехканбай! Почему ты держал лодыря в бригаде?

Рахимджан. Ай-яй-яй, зачем такое слово «лодырь»?

Дехканбай. Не лодырь он!..

Мавлон. Подожди, Дехканбай! Ты был бригадиром, теперь я бригадир. *(Адылову.)* Авторитет мне подрывают. *(Рахимджану.)* Ответа прошу: почему лодыря держим в колхозе?

Рахимджан. Э-э-э, не поладил бригадир с Кузьевым. Зачем вспоминать? Было и сплыло!

Дехканбай. Неправы вы были, Мавлон-ака!

Мавлон. Неправ? Бригадир неправ?! А я говорю — лентяй Кузьев! Хлопка он не любит, о хлопке не думает, о кирпичах болтает, песенки распевает. *(Кузьеву.)* Правильно я говорю?

Кузьев. Неправильно, Мавлон-ака! Думаю я о хлопке!

Мавлон *(презрительно)*. Ты думаешь?!

Адылов *(встав)*. Послушайте, дорогой Мавлон-ака, а как мы хлопок высушили, вы знаете? Новые сушилки вы видели?

Мавлон. Новые сушилки?

Рахимджан. Какие сушилки! Сердце радуется!..

Мавлон. Построили? Кто? Кто построил?

Дехканбай. Лодырь...

Мавлон *(удивленно)*. Кузьев? *(Кузьеву.)* Ты построил?

Кузьев. Я! Из тех самых досок, которые чуть не сгнили тогда. Помните?

Дехканбай *(Мавлону)*. А вы говорите — лодырь, песни распевает...

Кузьев. Правильно. Как в песне поется: «Нам песня строить и жить помогает...»

Хафиза выносит кувшины, посуду, угощенье.

Дехканбай помогает Хафизе.

Мавлон. Тыфу, перепелка куда ни пойдет, там и песни поет.

Рахимджан. Бригадиром теперь будет у нас Кузьев.

Мавлон *(удивленно)*. Бригадиром?

Рахимджан. В хлопке не разбирается, в кирпиче разбирается.

Мавлон *(поняв)*. Бригадиром кирпичников! Кирпичным бригадиром!

Адылов *(твердо)*. Бригадиром строительной бригады!

Мавлон. Пусть будет! Не возражаю! *(Кузьеву.)* Ну, подходи... бригадир к бригадиру! Не бойся! Шпалу вина выпей... За Мавлона. *(Всем.)* Садитесь, гости дорогие...

Все рассаживаются.

Кузыев, займи место виночерпия! Разливай вино... Сам варил вино... из арбуза! Не кто-нибудь — Мавлон варил! За что выпьем первую пиалу?

Рахимджан. За нашего лучшего бригадира!

Адылов. За вас, Мавлон-ака!

Хафиза. За дядю!

Дехканбай. За вернувшегося командира!..

Кузыев. За ваше здоровье! *(Выпил, перехватило дыхание.)* Ух!.. Вот это арбуз!

Мавлон. Спасибо... Спасибо... *(Хафизе.)* Чем кусают дорогие гости?

Хафиза *(сняв салфетку, покрывавшую блюдо)*. Пожалуйста...

Мавлон *(восхищенно)*. Пельмени! Знала племянница, чем угодить дяде! Кушайте, гости дорогие! *(Попробовал.)* У-у-у, есть жалко... во рту тают! Почемуничего не ел в больнице? Порошки давали, пельменей не давали. *(Заметив, что Рахимджан не ест, а тоскливо глядит на пельмени.)* Рахимджан-ака, почему не кушаете?

Рахимджан. Толстый я очень... От пельменей тоже не худеют. *(Решившись.)* А ну, дайте... попробую!

Мавлон. Наполните пиалы... Выпьем теперь за белое золото! За наш хлопок!..

Кузыев *(запевает)*.

В честь отчины, где народы братские живут,

В честь садов, что вырастил наш вдохновенный труд,

В честь дворцов, где наши дети радостно живут.

Джан!

Все подхватывают.

Наливай полнее чаши, песню зятяни.

Край наш светлый, мы свободны, счастьем мы полны...

Входит Салтанат.

Мавлон. Садись, Салтанат! Пельмени будешь кушать...

Салтанат. Извините... дело у меня к председателю...

Рахимджан *(шутливо)*. Не дают передохнуть...

Салтанат *(Рахимджану)*. Сводку о заурях вы не подписали... *(Подавая сводку.)* А мне ее в райисполком передавать надо...

Рахимджан (*подписывая*). Такую сводку подписать не стыдно. Сердце радуется! Досрочно закончили очистку...

Мавлон. Если разрешит председатель, на сводку хотел бы взглянуть и я... одним глазом.

Рахимджан. Доставим радость бригадиру! (*Передает сводку.*) Какая сводка! А?! И здесь ваша бригада на первом месте...

Мавлон читает сводку, мрачнеет.

Не вижу радости на лице Мавлона...

Мавлон (*возвращая сводку*). Прочел сводку: не моя бригада на первом месте.

Хафиза. Как это не ваша?

Дехканбай. Не может быть!

Рахимджан (*озадаченно читает*). Первое место... бригада... Дехканбая... (*Осекся, Салтанат.*) Мавлона, а не Дехканбая!

Салтанат. Две недели так печатала — Дехканбая.

Рахимджан (*Салтанат*). Мавлона не было, приехал Мавлон-ака!

Дехканбай (*Мавлону*). Салтанат ошиблась!

Хафиза. Конечно, дядя, ошиблась Салтанат.

Рахимджан. Ай-яй-яй, огорчается бригадир...

Адылов. Небольшая беда: перепечатает Салтанат сводку...

Салтанат. Перепечатаю я, Мавлон-ака! (*Убегает.*)

Рахимджан. Перепишет Салтанат. С вашим именем передадим сводку. С именем бригадира.

Адылов. Запевай, Хашим...

Кузыев (*запекает*).

Пиала с вином, товарищ, как тюльпан, красна,

За народ наш мы осушим пиалу вина.

За прекрасную эпоху выпьем все до дна...

Джан!

Все, кроме Мавлона, подхватывают.

Наливай полнее чаши, песню затяни...

Мавлон (*неожиданно*). Слово хочу сказать! Хлопок убрала до срока... Очистку зауров первой закончила бригада... (*подчеркивая*) Дехканбая...

Хафиза. Да что вы, дядя?!

Дехканбай. Зачем так говорить?

Рахимджан. Ваша бригада, Мавлон-ака! Ваша..

Мавлон (*продолжая*). А новую землю осваивать начнет... досрочно начнет... не кто-нибудь, а я — Мавлон! Завтра выйдем в поле.

Рахимджан. Э-э, бригадир еще ни о чем не знает...

Хафиза. Вот об этом и хотели мы вам рассказать...

Дехканбай. Принимаемся мы уже за новую землю. С утра выходим...

Кузыев. Комсомольские гектары осваивать будем...

Адылов. Да, дорогой Мавлон, в новое наступление ведет комсомольцев Дехканбай.

Мавлон (*озадаченно*). Не понимаю... Комсомольские гектары... Дехканбай ведет...

Дехканбай. Сейчас, дядюшка, объясню... Начинаем мы с болота, что за клеверным полем...

Мавлон. За клеверным полем?! Не мой там участок. Третьей бригады участок...

Дехканбай. Правильно!

Адылов. Трудный участок. Не предполагали его в этом году осваивать... А Дехканбай предложил с него и начать...

Дехканбай. Общими силами одолеем болото... На дренажные работы выходят все комсомольцы...

Хафиза. Еще два гектара отвоюем. Сверх плана!

Адылов. Что говорить, — хороший план!

Рахимджан. Э-э-э, сверх плана — всегда хороший план.

Мавлон (*мрачно*). Дехканбай предложил... Мои люди на участке третьей бригады будут работать... А моя земля? Мои перелogi?

Дехканбай. До срока принимаемся ведь за новую землю... Успеем и ваши перелogi освоить...

Мавлон. Все понял... Не согласен!

Дехканбай. Почему?

Мавлон. Хлопок ты первым собрал, а землю Мавлон освоит последним? На последнем месте будет бригада Мавлона.

Дехканбай. Не будет на последнем! Обещаю вам, дядюшка!

Рахимджан. Э-э-э, раз Дехканбай обещал — тревожиться нечего... Кузыев! Голоса твоего не слышу...

Кузыев (*подняв пилу, запекает*).

Пиалу вина, товарищ, выщю я до дна,

И еще налью, товарищ...

Мавлон (*прервав песню*). Два гектара для третьей бригады освоит Дехканбай...

Дехканбай. Не я один...

Хафиза. Все комсомольцы...

Мавлон (*Хафизе*). Помолчи — старший говорит! Так вот... Я... на моей земле... на моих участках... освою сверх плана три гектара. Не кто-нибудь это обещает, а Мавлон! (*Подняв пиалу, Кузьеву*.) Теперь пой, Кузьев!..

Все переглянулись. Пауза. Мавлон удивлен молчанием.

Адылов (*осторожно*). Обязательство хорошее... очень хорошее... Но... опоздали вы немного, дорогой Мавлон...

Хафиза. Обязалась уже наша бригада... сверх плана решили мы освоить пять гектаров...

Мавлон. Пять?! (*Дехканбаю*.) Тоже твое предложение?

Дехканбай. Комсомольцев.

Рахимджан. А?! Что значит молодежь?! Огоны! Лава!

Мавлон (*Дехканбаю*). Твое предложение! Ни один бригадир не согласится на такой «сверхплан»...

Дехканбай. Ошибаетесь, дядюшка!

Мавлон (*яростно*). Кто ошибается?! Мавлон?! Попробуй... Освой пять гектаров! Без меня освой! Один подними землю...

Дехканбай. Не один же я. Всей бригадой освоим. Вместе с вами...

Мавлон. Со мной? Угу!

Рахимджан. Напрасно тревожитесь, Мавлон-ака! Не только пять — шесть гектаров освоите! Каких людей получила бригада?! (*Поднял пиалу*.) По последней пиале... За наши успехи!

Кузьев (*подняв пиалу, запекает*).

Наливай полнее чаши, песню затяни...

Мавлон (*прервав песню*). За наши успехи... За успехи Дехканбая?! (*Перевернул пиалу вверх дном по ставил*.) Извините... Из больницы приехал... Нельзя больше пить...

Хафиза (*тихо*). Дядя!

Пауза. Все ошеломлены.

Адылов. Возможно... возможно, что не следовало сегодня пить, Мавлон-ака.

Мавлон. Гости пусть пьют... *(С иронией.)* Праздник ведь в доме Мавлона... Наливай, Кузыев... Вина хватит...

Кузыев *(показывая пустой кувшин).* Кончилось вино...

Мавлон *(вставая).* Еще бочонок принесу... пейте... За успехи Дехканбая пейте!.. *(Вошел в дом.)*

Пауза.

Рахимджан. Идти надо...

Голос Салтанат: «Рахимджан-ака!»

Вот... Салтанат уже за мной бежит... *(Встал.)*

Вбегает Салтанат.

Салтанат *(отгибая пальцы).* Сводку перепечата-ла — раз; в райисполком передала — два; канавокопатели из МТС прибыли — три.

Рахимджан. На завтра канавокопатели... Пойдем, Дехканбай...

Адылов *(встал, Рахимджану).* Задержу вас на несколько минут... Попросим Хашима и Хафизу помочь Дехканбаю... *(Хафизе и Кузыеву.)* Не затруднит вас? *(Хафиза и Кузыев встали.)* Скоро и мы придем.

Несколько удивленные, Хафиза, Кузыев, Дехканбай и Салтанат уходят.

(Убедившись, что комсомольцы ушли.) Плохие признаки, дорогой Рахимджан!

Рахимджан. Может быть, рано приехал? Не выдоровел еще? Малярия?

Адылов. Боюсь, другая болезнь. *(Задумчиво.)* Землю от солончаков мы очищаем... А вековую соль с людей... плохо еще смываем!

Рахимджан *(убежденно).* Ничего! Обновится земля — обновятся и люди...

Адылов. Хочу поговорить с Мавлоном... Наедине. Одобряете?

Рахимджан *(встревоженно).* Поговорите... Но не

ругайте! Не любит он, когда ругают: старый человек! Обещаете?

Адылов. Постараюсь!

Рахимджан уходит. Короткая пауза. Ночь уже на исходе — Адылов гасит лампочку у дома. Выходит Мавлон с бочонком в руках.

Мавлон. Вина много — гостей мало!

Адылов. Салтанат прибежала: неотложные дела.

Мавлон (с иронией). Дела! У Дехканбая дела!

Адылов. Да. Большие дела у Дехканбая.

Мавлон (с иронией). Все теперь — Дехканбай!
(Зло.) «Жеребенок скачет, а арбу везет конь!»

Адылов. Другая поговорка есть: «ум не в бороде, а в голове»... Вот что, дорогой Мавлон, с большими мечтами приехали к нам комсомольцы, с большими стремлениями... И надеемся мы... твердо надеемся, что поможете вы молодежи... опытом своим... авторитетом...

Мавлон (мрачно). У Дехканбая авторитет... У Кузьева... У них головы... у меня борода...

Адылов. Ну, ну, борода у вас хороша, а голова еще лучше... Не сторонитесь молодежи... Присмотритесь к ней хорошенько... может, стоит поучиться у нее кое-чему...

Мавлон (яростно). У кого учиться Мавлону? У желторотых птенцов?! Я здесь первым землю поднимал... Рекордных урожаев добился... Не кто-нибудь — я, Мавлон!

Адылов (спокойно). Сами добились? Или с помощью бригады? С помощью колхоза. Я бы сказал больше — с помощью всей страны!

Мавлон. Не о том спор.

Адылов. О чем же? Говорите... (Пауза.) Ну... жду ваших слов.

Мавлон (уклоняясь от разговора). Извинить прошу — болен я еще. Пить много нельзя... Говорить много нельзя...

Адылов. Нехорошо! Нехорошо, дорогой Мавлон! Недовольны? Говорите! Молчать не надо и кричать не надо. Когда руководитель голос повышает, — на авторитет свой он уже не надеется... Трактор, когда в нем горючее кончается, тоже потарахтит, почихает — и стоп! Подумайте над моими словами! Желаю благополучия! (Уходит.)

Мавлон мрачен. Наливает себе вина. Хочет выпить, но в это время входят Хафиза, Дехканбай, Салтанат и Кузьев.

Хафиза (*подходит к Мавлону*). Еще не спите, дядя?! Не легли еще?

Мавлон. Сижу... (*С горечью.*) Один сижу... А ду- мал... семьей одной, думал, будем жить...

Хафиза. Желаем мы этого, дядя.

Мавлон. Желаете?

Дехканбай. Конечно!

Мавлон. Не знаю я ваших желаний. (*Подает пи- алу.*) Скажи, произнеси, Хафиза, свое желание, и я опу- стошу в честь него пиалу.

Хафиза. Хорошо! Я скажу. (*Подняв пиалу.*) За новую землю, которую освоит наш колхоз в Голодной степи!

Мавлон. За комсомольские гектары?

Хафиза. Да.

Мавлон. Понимаю. Вам почет, «ура», аплодисмен- ты, а мой авторитет пусть к черту летит?!

Салтанат. Простите, Мавлон-ака, но почему у вас всегда: «мой авторитет», «моя бригада»...

Мавлон. А ты помолчи, секретарь. Барабань на машинке, а не языком...

Кузьев. Права Салтанат.

Дехканбай (*мягко*). Салтанат хотела сказать, что нам следует так же, как вы заботитесь о своей бригаде, заботиться об интересах всего колхоза, всей страны. Коммунизм мы ведь сообща строим.

Мавлон. А я, может быть, хочу свою бригаду пер- вой привести к коммунизму!

Кузьев (*философски*). С одним гвоздем дом не построишь.

Мавлон (*недоуменно*). Где гвоздь? Кто гвоздь?

Дехканбай. Я... Салтанат... Вы...

Мавлон (*вскочив*). Я?.. Я гвоздь?!

Дехканбай. Не так поняли вы меня, Мавлон-ака.

Мавлон. Все понял! Хорошо понял! Оттуда клюешь, откуда клюешь! Бригадиром вместо меня хочешь стать?! Я эту землю потом своим орошал... и я... гвоздь? Ржавый гвоздь?! Попробуй вытащи этот гвоздь?

Дехканбай. Дядюшка, я совсем другое имел в виду!

Хафиза. Успокойтесь, дядя. Прошу вас, успокой- тесь!

Мавлон (*в ярости*). Прочь из моего дома! Унижать

меня приехала с женихом?! Не быть тебе женой этого желторотого птенца! Это я тебе обещаю! Не за тем ты ко мне приехала!

Дехканбай. Не к вам мы приехали. В колхоз мы приехали работать.

Мавлон. Что? В колхоз?! Колхоз еще хочешь против меня поднять?

Хафиза. Дядя! Да что вы говорите?!

Мавлон. Не дядя я тебе и не племянница ты мне! Запомни: я бригадир, а ты звеньевая! Моя бригада выходит завтра новые земли поднимать! Ты с моей бригадой пойдешь!

Дехканбай. Она с комсомольцами пойдет!

Мавлон *(Дехканбаю)*. А ты куда хочешь иди. Свою бригаду я поведу! На свои участки! Я бригадир! Мавлон бригадир! *(Скрылся в доме, оставив открытой дверь.)*

Хафиза. Дядя! *(Побежала вслед за Мавлоном.)*

Хлопнула закрывшаяся перед Хафизой дверь. Прижавшись к стене, Хафиза заплакала.

Дехканбай. Ничего, Хафиза... Не плачь. У Салтанат пока будешь жить.

Салтанат. Конечно, Хафиза. У меня...

Возникает хор: комсомольская песня.

Кузыев. Слышите? Комсомольцы уже в степь выходят. Пойдемте, друзья!

Дехканбай *(Хафизе)*. Слышишь? Наступление начинается. Пойдем, Хафиза.

Кузыев. Как в песне поется...

Освещенные утренней зарей Хафиза, Дехканбай, Кузыев, Салтанат подхватывают песню, машут руками, приветствуя проходящих за сценой комсомольцев.

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Тот же кишлак. Значительную часть сцены занимает айван перед зданием колхоза. На айван выходит окно, подле которого внутри комнаты стоит стол. На столе — телефон. На айване два столика (на одном лежат счета) и несколько табуреток. К зданию правления прибит почтовый ящик. Над зданием вывеска: «Правление колхоза «Новая земля». К стене прислонена деревянная лестница. Дехканбай (стоя на лестнице) и Хафиза прикрепляют к зданию кумачовое полотнище с надписью: «Салам, дорогие гости!» Другое полотнище разостлано на земле и над ним еще трудится Салтанат, дописывая последние слова. Где-то поблизости оркестр разучивает туш.

Дехканбай (*готовясь прибить полотнище*). Салтанат!

Хафиза. Взгляните, Салтанат. Ровно?

Салтанат (*посмотрев*). Немножко пониже! Еще ниже! Вот так, хорошо!

Дехканбай. А у меня?

Салтанат. Прибивайте!

Дехканбай и Хафиза застучали молотками. Оркестр умолк. Вбегает Кузыев с дирижерской палочкой в руке.

Кузыев. Просил я вас. Умолял... Колхозу будут вручать переходящее знамя... Гости к нам приедут, делегации со всего района... А у оркестра туш еще не разучен!

Салтанат. А у нас еще правление не украшено. И школу надо украшать...

Кузыев (*передразнивая*). А у нас, а у нас...

Подбегает к окну, перегнувшись, достает плакат, видимо, висевший над столом: «Соблюдайте тишину!» — и укрепляет его на видном месте.

Видите! Прошу руководствоваться...

Салтанат (*готовая вступить в спор*). И не подумаю...

Дехканбай. Не теряйте времени, Салтанат...

Салтанат. А пусть он не командует... Невеста — это еще не жена — раз...

Кузыев (*уходя*). Жених — это еще не муж — два.. (*Ушел.*)

Салтанат (*вдогонку*). А вот возьму... и не выйду за вас замуж — три...

Оглушительно загремел оркестр. Хафиза и Дехканбай уже укрепили полотнище.

Дехканбай (*подходя к Салтанат*). Ну, как у вас дела? Дайте, я помогу... (*Склонился над полотнищем, дописывая последние буквы.*)

Салтанат (*подошла к Хафизе*). А свадьбу, Хафиза, мы вместе будем праздновать, в один день... да?

Хафиза (*задумчиво*). Нет, Салтанат, до нашей свадьбы еще далеко.

Салтанат. Досрочно землю поднять можно, а отпраздновать свадьбу досрочно будто нельзя?!

Дехканбай (*закончив работу*). Все в порядке. Помогите, Салтанат.

Дехканбай и Салтанат укрепляют второе полотнище с надписью: «Вперед, к новым победам!» Хафиза наблюдает за ними.

Хафиза. Дехканбай, повыше! Теперь хорошо!

Опять заиграл оркестр, и одновременно сильно застучали молотками Дехканбай и Салтанат. Оркестр умолк. Вбегает Кузыев. Он молча отбирает у Салтанат и Дехканбая молотки, кладет их в свои карманы, молча уходит.

Дехканбай (*останавливая Кузыева*). Э! А прибавить чем? (*Слезая со стремянки.*) Ладно! Все уже сделано!

Дехканбай уносит стремянку и возвращается. Вновь гремит оркестр. Входит Адылов.

Адылов (*в сторону оркестра*). Салам, Хашим! Трудись! Трудись!

Дехканбай. Салам, Адылов-ака. Посмотрите, как у нас?!

Адылов. О, тут, я вижу, к приезду гостей все уже готово! Молодцы! *(Шутливо.)* Всех вас пошлем учиться в художественную школу...

Салтанат. В какую это еще художественную школу? Трактористкой я буду!

Дехканбай. Да, товарищ парторг, есть решение комитета комсомола послать Салтанат на курсы трактористов.

Салтанат и Хафиза занялись цветами, лежащими на айване, — готовят букеты.

Адылов. Знаю... Знаю... Рахимджан-ака уже огорчается — где он еще такого секретаря найдет...

Адылов и Дехканбай усаелись за столик.

Дехканбай. Кстати, посмотрите списки комсомольцев, отправляемых в школу механизаторов сельского хозяйства. *(Показывает список.)*

Адылов *(не отрываясь от списка)*. Салтанат! Заходила к Мавлон-ака?

Салтанат. Заходила. На торжественном собрании он не будет. Говорит, что еще болен.

Хафиза *(Салтанат)*. Стыдно за дядю, так стыдно... Будто чужим человеком в колхозе стал. Счастье, что мама ничего не знает. Узнала бы мама, что я не у дяди живу, а у вас...

Салтанат. Да, неприятно все получилось.

Дехканбай *(просмотревшему список Адылову)*. Что же будем делать с Мавлон-ака?

Адылов. Затянулась болезнь... Тяжелый приступ зависти и тщеславия. Плохо мы еще лечим эти болезни. *(Меняя тему.)* Ладно! Школу когда украшать будем?

Дехканбай. Рахимджан-ака должен приехать с плакатами... Обещал быть к двенадцати часам.

Гудок машины.

Адылов. А вот и он!

Дехканбай *(Хафизе и Салтанат)*. Встретим покомсомольски председателя!

Все *(скандируя)*. Ра-хим-джан-ака! Са-лам! Са-лам! Са-лам!

Входит нагруженный покупками Рахимджан.

Рахимджан. Спасибо за встречу! Все купил, все достал — флаги, лозунги, плакаты!

Передают покупки Салтанат и Хафизе.
Они унесут их в правление.

Сердце радуется! Шесть часов не вылезал из машины...
(Адылову.) Одно плохо: председатель на машине ездит — парторг пешком ходит...

Адылов. Люблю пешком ходить. И, когда пешком ходишь, дорогой Рахимджан... меньше толстеешь!

Хафиза (показавшись в окне). Адылов-ака! Пожалуйста, зайдите к нам на минуту...

Адылов заходит в правление.

Рахимджан. В мою бахчу камешек. Толстею...
(Провел рукой по животу.) Луну полой не закроешь...
(За сцену, шоферу.) Карим! Езжай! В гараж езжай!
Пешком сегодня ходить буду!

Голос: «Хорошо, хозяин! Ходи пешком!»
Гудок отъезжающей машины.

Рахимджан. Толстею! А отчего толстею?

Дехканбай (шутя). Меньше плова кушать надо.

Рахимджан. Полгода я не ем плова! От радости толстею. (Отсчитывая костяшками счетов.) Засеяли хлопок — потолстел. Собрали хлопок — еще больше потолстел... Землю теперь освоим... э-э-э, скоро председатель на полutorке ездить будет, а живот на прицепе возить. (Грянул туш.) Ой, хорошо играют. Громко! (За сцену.) А ну, Кузнев, еще раз сыграй! (Туш.) Ogлохнуть можно!

Адылов (выходя из правления, Рахимджану). Поторониться следует, а то нагрянут гости...

Входят Салтанат и Хафиза с плакатами и флагами.

Дехканбай. Кто с нами? Школу будем украшать.

Рахимджан. Пойдем, Адылов-ака.

Адылов (подойдя к окну). Сейчас, в райком только позвоню. (Взял трубку.)

Рахимджан. Сообщите, что на семь часов назначено торжественное собрание.

Рахимджан, Салтанат и Хафиза уходят.

Адылов (в трубку). Гюльпара, с райкомом соедини меня... говорит Адылов из колхоза «Новая земля»...

Играет оркестр.

Нет, еще не начался праздник... Это оркестр репетирует,

Да, колхозный оркестр под управлением Хашима Кузьева...

Медленно входит мрачный М а в л о н. Заметив Адылова, повернул назад.

На семь часов назначено собрание. Раньше приедете? Будем встречать! (*Увидел Мавлона.*) Извините, потом позвоню. Срочное дело. (*Положил трубку, останавливая Мавлона.*) Салам, Мавлон-ака! Рад, что вас увидел... С колхозным праздником поздравляю! Здоровье как?

М а в л о н. Болен еще я.

А д ы л о в. Все еще лежите?

М а в л о н. Малярия...

А д ы л о в. Так, так... Возможно. При малярии рекомендуется лежать. Днем, значит, вы лежите, а по ночам (*глядя на Мавлона*)... а по ночам вы ходите,— так, дорогой Мавлон?

М а в л о н. Ночью лучше стало. Ходил я... (*подумав*) на рисовые поля ходил...

А д ы л о в. Возможно... Возможно, что и на рисовые поля. Я-то ночью на комсомольских гектарах был. (*Глядя на Мавлона.*) И вас там видел, Мавлон-ака. Что скажете?

М а в л о н (*мрачно*). Хм... зауры можно было копать и не так глубоко...

А д ы л о в. Поздно... поздно, дорогой Мавлон, ваш совет слышим. Надо было раньше советовать Дехканбаю.

М а в л о н. Не советчик я Дехканбаю. Гвоздь не советует клещам, как его вытащить? Ржавый гвоздь!

А д ы л о в. О гвозде я слышал. Только не о ржавом гвозде шла речь, а о месте вашей бригады в нашем общем строительстве. Неплохое сравнение, без основания вы обиделись. И обиде вашей давно пора бы пройти.

М а в л о н. Не обида это — рана. Оплевали меня. Оплевали — не то слово.

А д ы л о в. Верно: не то слово! Плохое слово. А есть хорошее слово: критика! Справедливая критика — два хороших слова, прислушаться к критике — три хороших слова, делать выводы из критики — вот вам четыре отличных слова.

М а в л о н. Четыре слова. Слышал уже слова... Слова Дехканбая...

А д ы л о в. А дела его? Видели его дела? Освоит колхоз еще два гектара земли? Видели, освоит... И ваши переологи... завтра начнет осваивать... Дехканбай...

Мавлон (*пораженный*). Опять Дехканбай?!

Адылов. Болеет бригадир. Малярия! Однажды Дехканбай уже возглавлял вашу бригаду.

Мавлон (*про себя*). Вот откуда клюет теперь Дехканбай!

Адылов. Вот что, Мавлон-ака. Когда заболели вы, действительно заболели, я заставил вас лечь в больницу. А теперь выздороветь вам советую. Неужели не видите! Приехали комсомольцы — все вокруг помолодело.

Мавлон. Все помолодело. Один Мавлон постарел. Не нужен стал Мавлон.

Входят Рахимджан, Дехканбай, Салтанат.

Рахимджан. Адылов-ака! Что значит молодежь?! Огонь! Лава! Школу украсили, — все готово! Досрочно готово! Переодеться теперь надо, — гостей в полном параде встретим! (*Заметил Мавлона, замолчал.*)

Салтанат и Дехканбай вошли в здание правления.

Адылов. Сейчас... Обсудим только, кто знамя примет и ответную речь кто произнесет. (*Мавлон собирается уйти.*) Куда же вы, Мавлон-ака? Ваш совет был бы полезен.

Мавлон. Дело у меня.

Адылов. Лежать будете?

Мавлон. На семенной склад мне нужно.

Адылов. Возможно... На обратном пути заходите. Не договорили мы.

Мавлон ушел.

Рахимджан (*сердито*). Какое дело? Зачем ему на семенной склад? Не согласились вы со мной тогда на правлении. Говорил я: надо Мавлона снять с бригадирства! Все равно — ему недолго быть в бригадирах! Недолго!

Адылов. Не горячитесь, дорогой Рахимджан! Тем более в том, что случилось с Мавлоном, виноваты и мы с вами...

Рахимджан (*возмущенно*). Это я его накормил зменным салом?

Адылов. Возможно. От критики вы его оберегали...

Рахимджан. Больше всех земли всегда поднимал Мавлон! Самых высоких урожаев добился...

Адылов. «Победителей не судят», — так, дорогой Рахимджан?

Рахимджан. Зачем такие слова?

Адылов. Победителей можно и нужно судить, можно и нужно критиковать и проверять. Это полезно не только для дела, но и для самих победителей: меньше будет зазнайства, больше будет скромности. А мы — и я и вы! — допускали, чтобы тщеславие Мавлона... зазнайство... выростали в нем, как помидор в парнике...

В окне показалась Салтанат. Дехканбай вышел на айван.

Рахимджан (*примирительно*). Не будем омрачать праздник. Кто знамя примет?

Дехканбай. Знамя?

Адылов (*посмотрел на Дехканбая*). Пусть комсомол выскажется.

Дехканбай. Не знаю, может быть, вы удивитесь моему предложению, но я думаю... Мавлон-ака!

Рахимджан (*изумленно*). Мавлон? Раньше и я называл бы это имя, но теперь...

Адылов. Подождите, подождите, дорогой Рахимджан. За хлопок получает знамя колхоз?

Дехканбай. За хлопок.

Адылов. Самый большой урожай дал Мавлон?

Рахимджан. Ну, Мавлон.

Адылов. Соглашаюсь с Дехканбаем.

Рахимджан (*иронически*). Это я его оберегаю от критики!

Адылов. И ответную речь должен произнести Мавлон-ака!

Рахимджан (*возмущенно*). Молчу... молчу!.. Молчание — знак... несогласия!

Дехканбай. А я вот что скажу. Думает Мавлон-ака, что хотим мы лишить его славы, заслуженной им славы. А теперь он увидит, что и критикуем мы его... и должное ему воздаем!

Адылов. Ну, что скажете, Рахимджан-ака? Соглашусь с комсомолом?

Рахимджан. Много лет другом мне был Мавлон-ака. Пожелаю, чтобы вашей оказалась правда. Два — за, один — против. Предложение принято! Салтанат, предупреди Мавлон-ака!

Салтанат (*загнув палец*). Мавлон-ака — раз! (*Собирается бежать.*)

Рахимджан. Подожди, Салтанат! Пока председа-

тель не переоделся, — секретарь сидит в правлении. Мало ли что? Гости досрочно приедут. Делегации...

Салтанат. Всем переодеваться, а я вся в краске.

Рахимджан. И нос даже...

Салтанат. Ой! *(Стирает краску.)*

Адылов. Салтанат, когда Мавлон-ака придет, скажи, чтобы он меня подождал.

Салтанат. Хорошо, Адылов-ака!

Дехканбай, Адылов, Рахимджан уходят. Туш. Вбегает Кузьев.

Кузьев. Салтанат, радость моя! С просьбой я к вам. Когда делегация покажется, махните мне платком. А то дороги оттуда не видно.

Салтанат. И мне отсюда не видно.

Кузьев. Правда? Как же нам быть? *(Заметив лестницу.)* Салтанат! Залезайте на крышу!

Салтанат. Ну, вот еще! Секретарь — и вдруг на крыше!

Кузьев. Не для меня, Салтанат, — для колхоза!

Салтанат влезает по лестнице на крышу.

Ну как — оттуда все видно?

Салтанат *(с крыши)*. Все!

Кузьев. И меня видно?

Салтанат. И вас видно.

Кузьев *(умиленно)*. Ой, Салтанат! *(Напоминая.)* Платочком махнете... Тушем встретим гостей. *(Запевает.)*

«Чтоб к вам приезжали желанные гости...»

Салтанат *(подхватывая)*. «Чтоб люди на вас не имели бы злости...»

Кузьев *(оркестру)*. Оркестр — готовность! *(Убегает.)*

Салтанат, свдя на крыше, продолжает петь.

Будьте здоровы,
Живите богато,
А мы уезжаем
До дому, до хаты...

Входит Мавлон. Он слышит песню, но не видит Салтанат. Озирается, заглядывает в окно правления, замечает, наконец, на крыше Салтанат.

Мавлон. Послушай, Салтанат, ты видела когда-нибудь, как муэдзин стоит на минарете?

Салтанат. Нет, Мавлон-ака, никогда. Я вам уже говорила...

Мавлон. Ты забралась выше!

Салтанат. Делегацию боюсь пропустить.

Мавлон (*помрачнев*). Делегацию... (*Короткая пауза.*) Парторг где?

Салтанат. Адылов-ака скоро придет сюда. А председатель просил вас предупредить, что в семь часов собрание.

Мавлон. Я же сказал тебе: не буду на собрании!

Салтанат. Как это не будете? Вам ведь знамя принимать! (*Продолжает петь.*)

Как в нашем колхозе
Широкое поле, —
Пускай же для счастья
Цветет наша доля...

Мавлон (*одновременно с песней*). Знамя? Мне? А, Салтанат, не то ты говоришь...

Салтанат. Как не то? И ответную речь вам держать! (*Продолжает петь.*)

Желаем, чтоб каждый
Как надо трудился...

Мавлон (*одновременно с песней*). Ответную речь? Мне? Это что, председатель сказал?

Салтанат. Нет, председатель был против. Это Дехканбай настоял. (*Укоризненно.*) Все для вас Дехканбай делает. И урожай вам помог собрать Дехканбай, и на правлении защищал вас Дехканбай. Знаете, что он сказал? Он сказал, что учиться у вас приехал. Что были вы лучшим бригадиром и останетесь лучшим. А Адылов-ака поддерживал Дехканбая. (*Опять наблюдает за дорогой, поет.*)

Чтоб дружной работою...

Мавлон поражен.

Голос Кузыева: «Салтанат, никого еще не видно?»

Салтанат. Нет, пока никого.

Голос Кузыева: «Ну, смотрите, смотрите...»

Салтанат (*поет*).

Чтоб дружной работою
Вашей бригады
Все были довольны...

Мавлон (*про себя, одновременно с песней*). Дехканбай настоял?.. Не понимаю... Не понимаю!.. (*Хочет уйти.*)

Салтанат. Мавлон-ака, вы куда? Парторг просил вас подождать.

Мавлон. Я приду, приду. Непременно приду. Дехканбай настоял?! Я приду, Салтанат, обязательно приду! (*Стремительно уходит.*)

Салтанат. Что это с ним? Болен еще, наверно. (*Поет.*)

Будьте, здоровы.

Живите богато...

Гудок машины.

Едет кто-то! Делегация! Сюда идут! (*В сторону оркестра.*) Хашим. (*Машет платком.*) Делегация! Туш!

Гремит туш. Входят Хамроббиби (с узлом), Холнисо, Аман (с чемоданом). Первые реплики заглушаются оркестром.

Хамроббиби (*продолжая спор*). Это вы меня уговаривали отпустить мою дочь в Голодную степь. Это ваш сын осрамил меня, опозорил.

Оркестр умолк.

Холнисо. Увидим, увидим еще — кто кого опозорил. Мне мой сын писал, что все у них благополучно. Не об этом ли писала вам ваша дочь?

Салтанат удивленно глядит на старух.

Хамроббиби. Под диктовку колдуна она писала, оттого и были ее письма слаще меда. Письмо моего брата открыло мне глаза.

Холнисо. Слова хорошего человека — мед, слова плохого человека — уксус.

Хамроббиби. Дорогая Холнисо, как бы вам не пришлось марновать в уксусе свой язык.

Аман (*он уже заглянул в здание правления*). Мама! Тетушка! Мы правильно пришли. Вот здесь кабинет председателя.

Салтанат (*с крыши*). Салам, дорогие гости!

Старухи и Аман озираются — откуда раздался голос?

Хамроббиби (*увидев Салтанат*). Салам!

Холнисо } Салам!
Аман }

Хамробиби (Салтанат). Если прав младший сын моей соседки, который утверждает, что здесь находится кабинет председателя, то где же сидит секретарь, у которого я могла бы спросить, могу ли я видеть председателя?

Салтанат. Я и есть секретарь.

Хамробиби (Холнисо). Вот секретарь! Вы представляете, как у них высоко вознесся председатель, если секретарь сидит уже на крыше!

Салтанат. Вы первые приехали. *(Слезает с крыши, вручает всем букеты.)* Проходите в правление, отдохните, а я сейчас сбегаю за председателем. Откуда ваша делегация? Из какого колхоза?

Холнисо. Какая делегация?

Аман. Мы, товарищ секретарь...

Холнисо. Аман, подожди. *(Хамробиби.)* Скажите же ей, подруженьки, скажите, зачем мы сюда приехали!

Хамробиби. Думаете, не скажу? *(Салтанат.)* Конечно, я старая женщина, к моим словам можно не прислушиваться, но заметить я обязана: к скорпионам делегация не ездят! *(Возвращает букет.)* Аман, вот телефон. Вызови мне этого скорпиона.

Аман (оскорбленно). По телефону скорпионов тоже не вызывают.

Салтанат озадачена.

Холнисо. Подруженька...

Хамробиби. Не подруженька я вам!

Холнисо. Сорок лет дружили, а теперь перестали быть подруженькой. Вызовите сначала свою дочь, расспросите ее, а потом вызывайте моего сына.

Хамробиби. Нет уж, я сперва вызову вашего сына, выскажу ему все, что узнала о нем. А с дочерью я и говорить не стану. Возьму ее за руку и — айда! Послушай, секретарь, позвони на станцию. Пусть мне завтра два билета дадут.

Салтанат (еще более озадачена). Я не знаю... Мы никогда билетов по телефону не заказываем. Может быть, нельзя?

Хамробиби. Раз колхозный телефон — все можно. Два билета — мне и Хафизе!

Салтанат. Хафизе? Простите, а кем вы приходитеесь Хафизе?

Хамробибби. Странная девушка! У лягушки нет хвоста, а у девушек — разума. Кем я могу приходиться Хафизе, если она мне дочь, а я ей прихожусь матерью?

Салтанат. Матерью? Так вот вы кто? А вы — тетушка Холнисо? Аман-джан? Я думала, что вы моложе.

Аман *(смущенно)*. Извините... Дехканбай — мой старший брат. Надеюсь — он здоров?

Салтанат. Здоров. Он и Хафиза сейчас в кишлаке. Я их сейчас позову.

Убегает, но по пути сталкивается с Кузьевым.

Кузьев *(вбегая)*. Привет делегации! Оркестр, туш!

Туш.

Салтанат тщетно пытается остановить Кузьева.

(Представляясь.) Хашим Кузьев, бригадир строительной бригады!

Салтанат. Хашим. Это не делегация!

Кузьев *(удивленно)*. А кто же?

Салтанат. Идите. Я вам все объясню. *(Уводит изумленного Кузьева.)*

Хамробибби. Не уговорили бы вы отправить мою дочь в Голодную степь, не узнали бы мои седины позора. Ваш сын меня опозорил, брата моего опозорил. Хафизу... А тут еще оркестр играет!

Холнисо. Неизвестно, кто кого опозорил. Мне мой сын писал, что все у них благополучно. Не о том ли писала вам ваша дочь?

Хамробибби *(кричит)*. Под диктовку колдуна она писала. Потому были ее письма слаще меда!

Холнисо. Колдуна? Мой сын — колдун?

Аман. Мама! Тетушка! *(Указывая на плакат.)* Написано же: «Соблюдайте тишину!»

Стоя друг против друга, старухи продолжают спор шепотом, — слов не слышно. Пантомима. Вбегает Дехканбай.

Дехканбай. Аман, милый, здравствуй! *(Увидев спорящих старух.)* Что, опять мирная беседа?..

Увлеченные спором, старухи не видят Дехканбая. Дахканбай подходит к Холнисо. Она стоит к нему спиной и, предполагая, что это Аман, отстраняет его от себя.

Отойди, Аман... Не вмешивайся в нашу беседу... Говорю тебе, отойди... *(Оборачивается, всплеснула руками.)* Сыночек мой... *(Обнимает Дехканбая, плачет.)*

Дехканбай. Матери дорожке! С приездом! Каким ветром?

Аман. Мы не ветром... мы на самолете прилетели...

Холнисо. Я бы на поезде приехала, а соседка настояла, чтобы самолетом.

Хамробиби. Отсталая, говорите! Раньше вас в самолет влезла!

Дехканбай. Очень хорошо, что приехали. Праздник у нас сегодня в колхозе. *(Подходит к Хамробиби.)* Здравствуйте, тетушка Хамробиби.

Хамробиби *(уничтожающе)*. Когда шипят змеи — немеет язык! Вот письмо! *(Подает.)* Прошу прочесть!..

Аман *(Дохканбау)*. Это письмо тетушка получила от Мавлон-ака.

Дехканбай. От Мавлон-ака?

Аман. Там о тебе написано.

Хамробиби *(пока Дехканбай читает)*. Праздник в колхозе, говорите? Праздником для меня будет минута, когда я сяду с Хафизой в поезд, который умчит нас от шайтана, околдовавшего мою дочь. Этого ли я ожидала от вас? Для этого ли я хотела выдать за вас мою дочь?

Дехканбай *(прочитав)*. Вы, мама, тоже поверили? Вместе с тетушкой приехали за Хафизой?

Холнисо. Что ты говоришь, сыночек? Я же агитатор! Как только получили мы это письмо — превратилось бы оно в пепел раньше, чем его написали! — не перестаю я уговаривать почтенную Хамробиби, чтобы не верила тому, что пишет Мавлон-ака.

Вбегает Хафиза.

Хафиза. Аманджан! Тетушка Холнисо! Мама! *(Хочет обнять Хамробиби.)*

Хамробиби. Прочь, бесстыжая! Идем!

Хафиза *(растерянно)*. Что случилось?

Дехканбай *(передает Хафизе письмо)*. Вот... прочтите...

Хамробиби. Идем! На станцию идем!

Аман. Тетушка, поезд идет только завтра.

Хамробиби. В степи переночуем. Лучше провести ночь со змеями, чем минуту с колдуном! Что ты стоишь, Хафиза? Идем!

Дехканбай. Вы забываете, тетушка, что Хафиза не только моя невестка, она еще и звеньевая.

Аман. Звеньевая в Голодной степи!

Хамробиби. Я в дела вашего колхоза не вмешиваюсь. Где это видано, чтобы я вмешивалась в чужие дела? Но если Хафиза скажет хоть одно слово, я переверну все ваше правление. Что ты молчишь, Хафиза?

Хафиза. Никуда я не поеду, мама.

Хамробиби. Дядю не послушалась, теперь матери не повинешься! (*Заголосив.*) Околдовали колдуны мою дочь!

Холнисо (*иронически*). Ее дочь околдовали!..

Хамробиби. Околдовали! Шайтан околдовал... Дехканбай околдовал...

Холнисо (*воинственно*). Дехканбай — шайтан?

Аман. Мама! Тетушка! (*Указывая на плакат.*) Написано же здесь... «Соблюдайте тишину!»

Старухи продолжают ругаться шепотом. Входит Адылов.

Адылов. Добро пожаловать, дорогие гости! Тысяча тысяч пожеланий! Салам!

Аман (*смущенно*). Салам!.. Мы на самолете прилетели...

Адылов (*недоуменно*). Кто же кому матерью приходится?

Хамробиби (*указывая на Холнисо*). Она! Она родила скорпиона!..

Холнисо. Что! Я родила скорпиона?! Да я...

Аман осторожно указывает матери на плакат. Холнисо умолкает.

Адылов (*Дехканбаю*). Что произошло?

Хафиза. Прочтите, Адылов-ака. (*Передает письмо.*)

Входят Рахимджан, Кузыев, Салтанат.

Рахимджан. Салам! Матери приехали! Сердце радуется... (*Осекся.*) Не вижу радости...

Адылов. Письмо написал Мавлон-ака.

Рахимджан. Какое письмо?

Адылов (*читает*). «Дехканбай оказался человеком крайне коварным. Хочет вместо меня бригадиром стать... Всюду унижает меня... Обозвал гвоздем... Настроил против меня весь колхоз. Вынудил Хафизу до свадьбы уйти из моего дома. Немедленно заведи свою дочь».

Рахимджан. Ай-яй-яй! Что написал! Ну, Адылов-ака, чья правда? Ну, Дехканбай, чья правда?

Х а м р о б и б и. Братца моего правда! Правду мно написал братец.

А д ы л о в (*Хамробиби*). Нет правды в этом письме, ни единого слова правды.

Х а м р о б и б и. Оказывается, брат правду написал. И вы против него! Всех настроил против него Дехканбай.

Входит М а в л о н. Увидев старух, остолбенел.

Не мог брат написать неправду сестре, не мог дядя написать неправду о племяннице!

М а в л о н. Мог! Написал (*Вышел вперед*.) Неправду я написал.

Х а м р о б и б и. Неправду? Пусть отсохнет язык, сказавший неправду!..

М а в л о н. Плохо я думал о Дехканбае. Я первым здесь землю поднимал... Думал, Дехканбай унижить меня хочет, вместо меня первым стать хочет... Думал, уедет Хафиза,— уедет и Дехканбай. Для того и написал сестре... А сегодня понял: не меня обидел Дехканбай! Я его обидел, обидел — не то слово! Оскорбил! Другое письмо написал я сестре. Только что написал. В ящик его хотел опустить. Не успел! На, Дехканбай... (*Подает письмо*.) Прочти...

Д е х к а н б а и. Не надо, дядя. Верю, что хорошее письмо...

Х а м р о б и б и. Выходит, что обманул меня братец! Ну, хорошо, он у меня еще попрыгает, как лягушка на горячей сковородке.

М а в л о н. Подожди, сестра. (*Дехканбаю*.) Не хочешь читать? Понимаю, понимаю... Прочти ты, Хафиза.

Х а ф и з а. Не буду я ваших писем читать, дядя.

М а в л о н (*с горечью*). Никто не хочет прочесть письмо Мавлона.

Р а х и м д ж а н (*мягко*). Зачем читать? Слова ваши слышим... Верим вам!

М а в л о н. Поговорка есть у народа: «Кто знает дорогу, тот не спотыкается». Казалось, знал дорогу... впереди, казалось, шел... А споткнулся, сбился с дороги... Ноги спотыкались, а казалось, Дехканбай меня толкает. Не толкал он меня, а обратно на дорогу выводил... Сказать пришел я: не имею я права, Рахимджан-ака, знамя принимать! Не имею я права, Адылов-ака, речь произносить!..

Адылов. Не берусь один решать. Пусть люди скажут. Дехканбай пусть скажет. Хафиза...

Хафиза. Больно мне говорить о дяде... Хлопкороб он замечательный... Много земли в Голодной степи поднял... Землю он обновлял, от соли ее промывал. А сам? В него самого въелась старая соль. Выше коллектива себя поставил, обиделся и колхозу стал мешать... не могу говорить... *(Отвернулась.)*

Дехканбай. Горячится Хафиза! Стоит на поле нагнуться одному кустику хлопчатника, как мы с вами спешим к нему и выпрямляем...

Хамробибби *(гневно)*. Если куст хлопчатника заражен тлей, его вырывают!..

Дехканбай. Хороший хлопкороб не станет вырывать, а выходит.

Кузыев. Правильно, Дехканбай! Если гвоздь согнется, его тоже выпрямляют.

Рахимджан *(испуганно)*. Э-э-э, опять про гвоздь... Зачем вспоминать?

Адылов. И вспоминать можно и напомнить нужно! Хочу напомнить: когда впереди вы шли, Мавлон-ака, колхозники свои шаги меряли по вашему шагу. К коммунизму идет страна, и народ равняется по идущим впереди. Но, дорогой Мавлон, чтобы идти еще быстрее вперед, важно очистить душу, сознание от всего, что прилипло, что осталось от старого. Для того Коммунистическая партия и советует нам чаще вспоминать о критике и самокритике. Кишмиш вкуснее горькой хины, которую пришлось глотать вам в клинике. Вылечивает же не сладкий кишмиш, а горькое лекарство. Об этом и хотел вам напомнить... И еще хочу напомнить: в семь часов собрание, а вам речь говорить...

Мавлон. Нет у меня права. Заслужить я его должен.

Рахимджан. Э-э-э, Мавлон-ака, начнете перелого осваивать, поведете свою бригаду...

Мавлон. Не я поведу... вместе будем осваивать землю! И вот что, друзья! Пойдемте, я вам покажу... Мне Дехканбай комсомольцев выделит. Участок один у меня на примете. *(Указывает.)* Вон там, возле рисового поля. Дополнительно освоим еще четыре гектара. Комсомольцы освоят!

Адылов. Поддерживаю предложение почтенного Мавлона. Будем считать, что Мавлон-ака до сих пор был

еще болен, лежал в клинике. Принял горькое лекарство и — сегодня выздоровел.

Кузыев. Оркестр, туш!

Туш.

Холнисо (*Мавлону*). С самого начала я не верила в ваше письмо. (*Хамробиби*.) Теперь вы тоже не верите... но... позже, позже...

Хамробиби. Ладно, подруженька, если я виновата, простите меня, а если вы виноваты, хотя ни в чем вы и не виноваты, но, так и быть, я вас тоже прощаю.

Рахимджан. Хороший день! Знамя получать будем! Мавлон-ака выздоровел... Тетушки приехали. Полгода плова не ем — сегодня три блюда съел бы. (*Неожиданно*.) План у меня есть!

Адылов. И у меня есть план.

Мавлон. И у меня план. Хороший план! Сестра моя Хамробиби и почтенная Холнисо погостят у нас.

Адылов. Тем временем Хашим построит дом...

Кузыев. Факт!

Рахимджан. И будем есть плов на свадьбе Хафизы и Дехканбая.

Адылов. Салтанат и Кузыева...

Хамробиби. Конечно, я старая женщина, со мной можно не считаться, меня можно не спрашивать, но если вы меня не спросите, я вам все равно скажу: я — согласна!

В узле Хамробиби зазвенел будильник.

Хафиза. Наш будильник!? Вы его с собой привезли?! (*Достает из узла будильник*.)

Хамробиби. Забыть о будильнике — все равно что забыть об аллахе. Хафиза, доченька, свадебный подарок ты уже вышила?

Хафиза. Сюзане? Нет, мама, я его еще не вышила. Не одна я... все мы его вышиваем. Комсомольцы... Весь колхоз! Взгляните: каждая пядь поднятой земли — новый узор на нашем сюзане. Представьте, мама, какой будет Голодная степь через три-четыре года.

Вступает музыка. Музыка нарастает. Темнота.

Постепенно спена светлеет.

ЭПИЛОГ

То же здание правления. Все кругом цветет, переливается яркими красками. С двух сторон, уходя вдаль, растянулись новые дома, окруженные молодыми садами. У правления — цветник. Хамробиби и Холнисо, сидя перед зданием правления и напевая какую-то мелодию, вышивают сюзанае (до конца картины оно скрыто кустами или стеблями цветов от глаз зрителей).

Холнисо. Помните, как не хотели мы отпускать наших детей в Голодную степь? Старший сын мой — муж вашей дочери, тогда еще жених, — как он уговаривал вас? А теперь...

Хамробиби (*с чувством*). Пусть вечным праздником будет жизнь людей, преобразивших эту землю!

Холнисо. Да будет так! И у старшего сына — широкая дорога, и у младшего сына широкая дорога! В институт его приняли.

Хамробиби. Учиться будет: на кондуктора!

Холнисо: Не на кондуктора, а на конструктора.

Хамробиби. Тоже хорошо...

Вбегают взволнованный Аман; он повзрослел.

Аман. Мама! Тетушка! Они уезжают...

Холнисо (*испугано*). О чем ты говоришь? Куда они уезжают?

Хамробиби. Опять уезжают? Это все ваш сын! Чего им не хватает в Голодной степи? Зачем отсюда уезжать?

Аман (*прерывая*). Тетушка! Уезжают Салтанат и Хашим. (*Посмотрев на дорогу*.) Сюда они идут...

Входят Кузыев, Салтанат, Дехканбай и Хафиза.

Кузыев. Да, тетушка, уезжаем мы с Салтанат...
(Поет.) «Молодым везде у нас дорога...

Входят Адылов и Мавлон.

Старикам везде у нас почет...»

Мавлон (добродушно). Э! Кто это старик! Проживи половину моих лет и... называй меня стариком...

Хамробибби (Салтанат). Куда же вы едете?

Дехканбай. Завидуем мы им... Хафиза и я...

Холнисо. Я уже поняла! (Хамробибби.) Вы тоже сейчас поймете, но после меня. Позже... Знаете, куда они едут...

Аман (торжественно). На строительство канала. И я бы мог поехать, если бы не институт...

Адылов. Ничего, Аман. По каналу пароходы будут плыть, а над каналом — твои самолеты.

Хамробибби. Слова-то какие: пароходы! Самолеты!

Холнисо. И где? В песках...

Хамробибби. Аллах не смог бы этого сделать! А люди могут...

Адылов. Советские люди — строители коммунизма, борцы за мир...

Входит Рахимджан.

Холнисо. Пусть те, кто хотят войны, сгорят на медленном огне...

Хамробибби. Зачем же на медленном? Чем быстрее они сгорят, тем лучше будет людям!

Рахимджан. Не возражаю. (Подходит к старухам.) Заканчиваете сюзане?

Холнисо. Закончили. Вот... последний стежок.

Хамробибби. Всем колхозом вышивали...

Аман (Адылову). Вы отвезете его в Москву, да?

Адылов. Да, в родную Москву.

Подъем сюзане.

Рахимджан. Пусть расскажет наше сюзане о цветущей стране...

Хафиза. О том, как исчезают рогожные заплатки на шелковом сюзане узбекской земли...

Адылов. Об обновленных людях на обновленной земле...

Холнисо. О наших детях...

Дехканбай. О наших матерях...

Аман. О наших мечтах...

Салтанат. Как в строчках на бумаге, пусть прочтут в этих узорах слова беспредельной благодарности родной партии...

Хамробби. Слова вечной любви...

Кузыев. Слова нерушимой верности...

Адылов. Слова боевой клятвы строителей коммунизма!

Музыка.

ЗАНАВЕС

1950

БОЛЬНЫЕ ЗУБЫ

**Комедия в четырех действиях,
семи картинах, с эпилогом**

Перевод А. КЕСЛЕРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Н а с и б а — школьница.

Р о х и л я — ее мать.

П у л а т д ж а н Д о м л а — директор школы.

В е р а
Н а з и р а } — подруги Насибы, школьницы.

М а р а с у л ь Х у з у р д ж а н о в — зубной врач.

Ф а т и м а — его мать.

З у х р а — тетка Марасуля, школьная сторожиха.

А х а д ж а н З а р г а р о в — сосед Марасуля, работает в райиспол-
коме.

О к и л а
Х у м о р х о н } — жены Заргарова.

Р и з а м а т — дядя Хуморхон.

Действие происходит в небольшом районном центре Узбекистана
в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Вубоврачебный кабинет в собственном доме Марасуля Хузурджанова. Угол дома с вывеской: «Зубной врач. Вход за углом». Устроившись в кресле для пациентов, Марасуль лениво машет рукой, прогоняя назойливую муху.
Входит Заргаров.

Заргаров (*взглянув на часы*). Что-то долго она не появляется, а Марасуль?

Марасуль. Кто?

Заргаров. Женушка...

Марасуль. Хуморхон?

Заргаров. Окила!.. Окила, а не Хуморхон!

Марасуль. А... Если успела к утреннему автобусу, в три должна появиться.

Пауза.

Заргаров. Гм... Рассердилась?..

Марасуль. Если муж женится, думаешь, жене радость?

Заргаров. Как бы не подняла крик. Скомпрометирует...

Марасуль. Все плачет, плачет...

Заргаров. Плачет?.. Слава аллаху! Скандала не будет... Спрашивала, кто... жена?

Марасуль. Я ответил, что ее зовут Хуморхон.

Заргаров. Стало быть, обойдется честь по чести, а? К ней, понимаешь, надо как-то подойти... Заботливо.

Успокоить. Утихомирить... а уж там и меня звать... Буду у себя.

Из дверей, ведущих во внутренние комнаты, выходит Фатима.

Фатима. Сынок, Марасуль, мальчик... (Заргарову.) Здравствуйте!.. Беда, сынок, беда, Марасуль... так и не увижу тебя женатым, мальчик мой... Если нет бумаги из загса, — мулла не венчает. Будто бы аллах не велел!

Заргаров. «Мулла не венчает»!.. Слова-то какие! Вы меня скомпрометируете!

Марасуль (взглянув в приемную). Тихе... (Заргарову.) Еще одну милость, Ахаджан-ака! Будьте милосердны! Походатайствуйте!

Заргаров. Свихнулся! У муллы благословения испрашивать!

Марасуль. У загса! У загса!.. Словечко!.. Единственное! (Берет трубку телефона.) Двадцать-один-двадцать... Загс? Будет говорить товарищ Заргаров!.. Заргаров!.. (Передает трубку Заргарову.) Заведующий!..

Заргаров (в трубку). Кхм... Салам... Вы что-то возитесь с оформлением брака Марасуля Хузурджанова... Бюрократизм... Как — несовершеннолетняя?

Фатима. Ей полных восемнадцать. Полных!

Марасуль. Совершеннолетняя! Вы сами подтвердите, что она совершеннолетняя!

Заргаров. Совершеннолетняя! Ей полных восемнадцать... Вы сами подтвердите, что она... Кхм!.. Я подтверждаю!.. Учится в девятом? И на здоровье! Когда я учился в четвертом, мне было двадцать!.. Ответственность?.. У меня шея крепкая — валите! Был бы Заргаров, а ответственность будет!

Марасуль (касаясь его плеча). На душе пир, а ваши слова будто лакомые куски, Ахаджан-ака!

Заргаров (в трубку). Слушайте! Еще и двух месяцев не прошло, как я назначен на эту должность, а вы уже игнорируете мои советы! Я пока еще не подорвал свой безупречный авторитет и никому другому не дам подрывать! Регистрируйте и поздравляйте! (Бросает трубку.)

Фатима. Да продлит аллах дни вашей жизни! У большого человека и сила большая!

Марасуль. Бегите в школу, мамаша, зовите Насибу. Буду ковать железо, пока горячо!

Ф а т и м а. Спешу! Спешу!..

З а р г а р о в. Я знать не знаю, ведать не ведаю! Помните! У меня авторитет!

Ф а т и м а. Помню! Помню! (*Уходит.*)

Из приемной входит Ризамат, грудь у него увешана всевозможными значками.

З а р г а р о в. Ризамат! Что с тобой?

Р и з а м а т. Зубы!..

З а р г а р о в. Болят?.. А голова?

Р и з а м а т. Угу!..

З а р г а р о в. Будешь так водку глушить, тебе не ау-бы, тебе голову вырвать придется, с корнем!

Р и з а м а т. Бросил! Все!

З а р г а р о в. Смотри. (*Оглядел значки.*) Как же ты позабыл... крышку от чайника? А? (*Уходит.*)

Р и з а м а т. Обманули! Зубной врач Марасуль Хузаурджанов и зубной техник Ризки Ходжаев! Обманули!

М а р а с у л ь. Кого?.. Вас?.. Мы?

Р и з а м а т. Берите, мошенники, сколько просите, но... Золото обещали, а поставили ржавую зеленую подкову! Укусить вас такими зубами — околуете!

М а р а с у л ь. Тише. Садитесь. Рот откройте. Потерпите...

Р и з а м а т. Погибаю!

М а р а с у л ь. Пошире!.. Бррр!.. Не нужно было водку пить...

Р и з а м а т. Скончался бы! Умер!.. Погиб!.. (*Жалобно.*) Отравили...

М а р а с у л ь (*осматривает зубы*). Потерпите... Да... Конечно... У вас миокардиодистрофия!

Р и з а м а т. Кто?

М а р а с у л ь. Миокардиодистрофия.

Р и з а м а т. Э-эх!.. Знал бы, что им против нее не устоять, — обошелся бы!..

М а р а с у л ь. Давно пора! Водка — яд!

Р и з а м а т. Без зубов твоих обошелся бы!.. Спасите!.. Укушу!

М а р а с у л ь. Бегите к Ризки Ходжаеву. В поликлинику!.. Ему я позвоню... Еще не поздно! Если не будете пить по дороге...

Р и з а м а т. До поликлиники близко... Попробую! (*Уходит.*)

Марасуль (звонит по телефону). Одиннадцать-восемнадцать... Ризки? Ах ты, горе мое! Договорились ведь — хотя бы половину золота ставить...

В дверях Окила.

Окисление!.. В том-то и дело — родственник товарища Заргарова! Послал к тебе... Исправляй! Сказал, что из-за водки схватил миокардиодистрофию! Да!.. (Вешает трубку. Увидев вошедшую Окилу.) О-о!.. Добро пожаловать, добро пожаловать, Окила-апа!.. Как доехал?..

Окила. Благодарю... Где же Ахаджан-бей! С молодой женой не до старой?

Марасуль. Потерпите... Спокойнее... (Берет трубку телефона.) Двадцать-пять-пятнадцать... Ахаджан-ака? Окила-апа... (Кладет трубку, вздохнул.) Кому и когда был выгоден скандал, Окилахон-апа? Прогадаете! Бывают слова звонкие, как серебро, но молчанье оценивают, как золото.

Окила. Бывает и золото не дороже меди. Как он оценил семнадцать лет жизни, которые день за днем, час за часом я провела в заботах о нем? Задумался бы хоть о детях — их ведь у него трое! Уронила бы я семнадцать лет назад в землю хоть одну косточку — был бы у меня теперь веленый шатер над головой и спелые плоды... (Плачет.)

Марасуль. Прогадаете! Прогадаете, Окила-апа... Спокойнее...

Входит Заргаров. Окила встает.

Заргаров. А-а... Здравствуй... (Пауза.) Как дети?

Окила (угирает слезы). Здоровы... Еще не позабыли детей?

Заргаров. Ну, что ты говоришь! Присядь. Успокойся. Чему быть — того не миновать. Если хочешь, — воля твоя, делай как знаешь, — кричи на всю улицу, на весь город. У тебя трое детей... Если же поймешь, примиришься.

Марасуль. Смирение — золото!

Заргаров. Умно! Рано ли, поздно ли — заблудший конь в конюшню вернется!

Хуморхон, возвращающаяся из магазина, остановилась у окна, уронила покупки.

Хуморхон. Ах! Помогите же мне!.. Марасуль-ака!..

Заргаров (*упал в кресло*). Ох!.. Ох... Помоги же мне! Рви! Скорее!

Марасуль (*подбирая щипцы*). Потерпите... Спокойнее...

Хуморхон (*у окна*). Что с вами, Ахаджан-ака?!

Окила пристально смотрит на Хуморхон.

Марасуль (*к Хуморхон*). Удаление зубов — зрелище неприятное! Ступайте, ступайте!

Хуморхон. Вы причиняете ему боль! Осторожнее!.. (*Уходит.*)

Окила смотрит ей вслед.

Заргаров (*достаёт из бумажника деньги, протягивает Окиле*). Купишь детям что-нибудь такое...

Окила. Ребятишки покоя не дают — все папа да папа... Где он?.. Как-нибудь приехали бы...

Заргаров. Как-нибудь приеду... Ребятишек поцелуй!

Окила уходит.

Марасуль. Рискуете головой, Ахаджан-ака. Грянет гром — тут вам и райком, тут и прокурор, и фельетон. И такое переплетение личного и общественного произойдет, что.....

Заргаров. Раскаркался!

Марасуль. Была бы у вас Хуморхон возлюбленной или еще так как-нибудь, без бюрократизма,— понимаю. Так нет — расписалсь!..

Заргаров. Попался... Как-то она, Хуморхон, пришла, плачет... Ребенок, говорит, будет, понимаешь? Испугался. А у страха глаза велики; мне и показалось, что живот у нее большой... Обманула она меня. Понимаешь? Пораскинул умом и решил: хорошо иметь жену покультурнее. Если бы Окила училась в свое время, цены ей не было бы! Отстала... не работала над собой.

Марасуль. Она грамотная, по-моему...

Заргаров. Была!.. Училась то ли в седьмом, то ли в шестом классе, когда я женился на ней. Большой дом — большая забота, дети. Какая тут учеба? Бросила... У меня тот же дом, те же дети, а я как будто успеваю все! Эх, были бы три тысячи, услаб бы я Хуморхон куда подалее, с чужих глаз долой, пока все успокоится.

Входит Фатима.

Фатима. Уроки у Насибы, мальчик мой... Сказала ей, чтобы после уроков пришла.

Марасуль. Есть у вас деньги, мамаша? Еще три тысячи Ахаджану-ака.

Фатима. Какие у меня деньги, сынок?

Марасуль (*тихо*). Сами знаете — человек нужный, мамаша...

Фатима (*шепотом*). Без возврата все! (*Из-под кушака достает пачку денег, торопливо отсчитывает.*) Две тысячи! Довольно!

Голос Насибы: «Девочки... я вас догоню».

Входит Насиба, она в школьной форме.

Насиба. Здравствуйте...

Марасуль. Ай-ай-яй! Что же не переоделись?

Фатима. Голубушка пришла, принцесса моя!

Насиба кладет портфель на стул.

Заргаров (*присматриваясь*) Кхм... Только не тащи ты ее в загс в школьной форме... И себя и меня подведешь.

Марасуль. Как можно!

Заргаров. Росточком мала.

Фатима. У нас туфли на высоких каблуках!

Заргаров. Ладно... Чему быть — того не миновать, а я ничего знать не знаю и ведать не ведаю! Пора! Дела... (*Уходит.*)

Фатима. Радость моя, пойдем, пойдем, голубушка моя...

Фатима и Насиба уходят во внутренние комнаты. Марасуль, мурлыча какую-то песенку, приводит в порядок инструменты. Появляются Фатима и в новом наряде Насиба. В туфлях на непривычно высоких каблуках она ступает с опаской.

Марасуль. Ну, пошли, пошли! Пора!

Насиба. Снова в загс?

Фатима. Сам Ахаджан-ака им приказал! С богом!..

Насиба берет портфель.

Марасуль. Теперь портфель долой! (*Берет у Насибы портфель, отбрасывает.*)

Фатима. С богом!.. К возвращению вашему такой пир приготовлю!

Марасуль и Насиба уходят. Фатима, молитвенно сложив руки, благословляет их.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Скромная комната в домике Рохили Аскеровой. Рохили встревоженно следит за Марасулем, который крупно шагает из угла в угол.

Марасуль. В жизни не видал такого упрямства. Все люди как люди — от обезьяны произошли, а заведующий загсом — определенно от ишака.

Рохилия. Что вы говорите, Марасуль.

Марасуль. Нет — что он говорит! *(Передразнивает.)* «Не могу сочетать вас законным браком — это незаконно». Я ему человечно объясняю: «Вам же звонил товарищ Заргаров», — а он: «Даже сам господь бог не в силах изменить дату рождения человека. Невеста несовершеннолетняя».

Рохилия. Господи, что же делать? Уж если сам товарищ Заргаров не может...

Марасуль. «Товарищ Заргаров не может»? Вот. *(Торжественно достает какую-то бумагу.)* Мы ему покажем. Мы всем покажем...

Рохилия. Покажите мне.

Марасуль *(читает)*. «Да станет известно досточтимому Нишанбаю, которого мы почитаем как младшего брата, что подателем сего является Марасуль Хузурджанов, которого мы лелеем как младшего брата, и просим мы произвести через вашу книгу регистраций бракосочетание его с избранной им подругой жизни Насибакон Аскеровой и выдать ему на руки документы, оформленные по всем правилам закона, в целях совместного прохождения ими дальнейшего жизненного пути. Заргаров». Вот! *(Бережно складывает и прячет бумагу.)* Поедем в кишлак к товарищу Нишанбаю и вернемся мужем и женой.

Рохилия. Когда же это будет?

Марасуль *(торжественно)*. От полного счастья нас отделяют три часа. *(Обыкновенным голосом.)* До кишлака ехать не больше часа, час — назад и еще час на оформление.

Рохилия. С богом и поезжайте.

Марасуль. Что же, я один поеду жениться? Почему до сих пор нет Насибы?

Рохилия. Прямо не знаю, что подумать. Сказала — на минуточку сбегаю в школу...

Марасуль. Ох, эта школа. Вы напомнили ей, что никому нельзя говорить о свадьбе?

Рохилля. Будьте покойны, Марасуль.

Марасуль (*взглянула на часы*). Как только вернется Насиба, одевайте ее. Я пойду за машиной. (*Уходит.*)

Рохилля (*открывает гардероб, достает наряды дочери*). Слава аллаху, что послал мне радость увидеть свадьбу дочери. И какую свадьбу. Богатую, красивую. Милая моя доченька, большое счастье постучалось в твою дверь. За всю жизнь у твоей матери не было столько нарядов, сколько у тебя — невесты.

Входит Насиба, она в школьной форме, которая выглядит особенно скромной на фоне ярких туалетов, разложенных Рохилей по комнате.

А, ты вернулась, ненаглядная моя. Одевайся скорее. Марасуль сейчас придет за тобой на машине.

Насиба не двигается.

Что с тобой? Что случилось?

Насиба (*тихо*). Я не могла... Пулатджан Домла спросил меня: и я... (*Взволнованно.*) Mamочka, дорогая моя мамочка, не надо этого делать! Пусть будет, как вы хотите, но потом, после окончания школы...

Рохилля (*изумленно*). Ты... ты все рассказала директору?

Насиба. Я обещала... я дала слово... Я хочу кончить школу. (*Уходит в другую комнату.*)

Рохилля (*ей вслед*). Судьба идет тебе навстречу, а ты... Ты неблагодарная. Учиться можно всегда, а птица счастья только раз в жизни опускается на плечо девушки. Одевайся скорее. (*Идет за Насибой с нарядами. Дальнейший разговор происходит за сценой.*) Вот это надень. Или лучше это. Глупенькая моя, тебе надо плакать от радости, а не от горя.

Стук в дверь. Рохилля выходит из второй комнаты.

Вот и Марасуль. Сейчас, сейчас мы будем готовы.

Голос Пулатджана Домлы за дверью: «Можно к вам, Рохилля-ханум?»

Кто это?

Голос Пулатджана Домлы за дверью: «Пулатджан Домла».

Рохия *(испуганным шепотом)*. Директор... *(Громко.)* Сейчас, сейчас. *(Заметалась по комнате, убирая разложенные наряды. Бросилась в другую комнату.)* Доченька, скорее переодевайся обратно. Это не Марасуль. Это, это...

Голос Пулатджана Домлы за дверью: «Можно?»

Рохия. Пожалуйста, уважаемый директор, пожалуйста, Пулатджан Домла.

Входит Пулатджан Домла.

Пулатджан Домла. Салам алейкум.

Рохия. Салам, салам. Проходите, пожалуйста, садитесь. *(Предлагает гостью стул, на котором лежит яркое платье.)* Ах, извините. *(Прячет платье.)* Садитесь, пожалуйста.

Пулатджан Домла. Спасибо. *(Садится.)* Как себя чувствуете?

Рохия. Благодарю вас — хорошо.

Пулатджан Домла. Н-да.

Рохия. Н-да.

Молчание.

Пулатджан Домла. Слышал я, собираетесь играть свадьбу?

Рохия. И в мыслях такого не было.

Пулатджан Домла. Значит, «и в мыслях не было»?

Рохия. Да! Совсем забыла — из одного хорошего дома присылали сваху...

Входит Насиба. Она снова одета в школьную форму.

Насиба, доченька, поставь самовар... Да, вот еще. *(Идет за Насибой, шепчет.)* Придет Марасуль, предупреди... *(Возвращается к Пулатджану Домле.)* Все учить надо, все учить — молодая еще, совсем глупенькая...

Пулатджан Домла. Что же хорошего в том доме?

Рохия. Все хорошо. Обстановка, коровы, куры, гуси и сам хозяин...

Пулатджан Домла *(перебивая)*. Тоже хорош гусь!

Рохия. Он не гусь. Он доктор. Зубной врач.

Пулатджан Домла. Откуда же такое богатство?

Можно подумать, он вытаскивает изо рта у людей не большие зубы, а жемчужины.

Рохия. Он доктор расторопный, ловкий, а больных зубов много... Такое счастье привалило моей сиротке. Она ведь без отца выросла. *(Всплакнула.)*

Пулатджан Домла. Каждая мать хочет своим детям счастья. Разве Насиба нищая?

Рохия. Жалко упустить образованного жениха.

Пулатджан Домла. Образованного, говорите? Что-то его образование сильно смахивает на невежество.

Рохия. Что вы, уважаемый директор! Он такой ученый!

Пулатджан Домла. И считает, что его учености хватит на двоих и незачем Насибе учиться дальше?

Рохия. Ах, ничего я не знаю. Я просто хочу дитю своему счастья.

Пулатджан Домла. В старые времена девушка нередко становилась третьей или четвертой женой седобородого ишана. А ее родители искренне желали ей счастья.

Рохия. Но ведь Насиба любит своего жениха.

Пулатджан Домла. Неправда. Ее сердечко еще молчит. Я беседовал с ней.

Насиба вносит самовар.

Рохия. Прошу вас, уважаемый Пулатджан Домла.

Рохия расставляет на столе угощение. Пулатджан Домла прошелся по комнате, подошел к тумбочке, над которой в вазе величаво и нежно цветут розы.

Пулатджан Домла. Один бутон засох. Жаль... *(Глядя на Насибу.)* Девять лет мы, учителя, отдавали ей не только свои знания, но и тепло собственного сердца... Да, Рохия-ханум, жаль бутон — ведь мог расцвести чудесной розой... *(Садится. Берет пиалу с чаем.)*

Рохия. Уважаемый директор, ведь вы для Насибы как родной отец. Я все собиралась к вам посоветоваться. А пока что решила — пусть они обручатся, жаль упускать хорошего жениха, и свахи отстанут — отбою от них нет... Ну, а свадьбу будем играть, когда Насиба школу окончит. *(Насибе.)* А ты, глупая, ничего не поняла, бог знает что наговорила, расстроила уважаемого директора. Обручение это, а не свадьба. Извинись скорее...

Н а с и б а. Простите меня, Пулатджан Домла, все я спутала, оказывается.

П у л а т ж а н Д о м л а. Ну, что Насиба спутала свадьбу с обручением — не беда. Вот если вы, Рохилия-ханум, спутаете — будет хуже. Я тоже хочу для Насибы счастья. Настоящего счастья... Благодарю за угощение. Мне пора... Всего хорошего.

Н а с и б а. До свидания.

П у л а т ж а н Д о м л а уходит. Рохилия провожает его, затем возвращается.

Р о х и л я (*причитает*). И за что меня судьба бьет! Растила тебя без отца... Собственного счастья не видела, думала под старость на твое порадоваться. Куда там! Тебе школа дороже дома, учителя роднее матери. Не дал мне аллах сына и забрал мужа... Мечтала я зятя иметь... Надеялась, что мужская рука поддержит меня в старости и бросит горсть земли, когда сойду я в могилу... Сама от счастья бежишь и меня последней в жизни радости лишаешь. (*Плачет.*)

Н а с и б а (*плачет*). Не говорите так, мамочка...

Входит М а р а с у л ь.

М а р у с у л ь. Что такое? Что случилось?

Р о х и л я. Она... Она... Ой, не могу! (*Плачет.*)

Н а с и б а. Пулатджан Домла пришел насчет нашей свадьбы.

М а р а с у л ь. Откуда он узнал?

Р о х и л я. Она... Она все рассказала...

М а р а с у л ь (*Насибе*). Вы?

Н а с и б а. Я не могла иначе...

М а р а с у л ь. А он что?

Н а с и б а. Он очень огорчен. Он боится, что я не кончу школу. Он...

М а р а с у л ь (*перебивая*). Только и всего? Как жаль, что я не встретился с нпм. Он бы сразу успокоился. Ведь я всю жизнь посвятил науке. Да что там жизнь. Я и после смерти... Я уже завещал свой скелет университету. Его будут изучать студенты. Разве у человека с таким скелетом может быть необразованная жена? Товарищ Заргаров сватал мне свою сестру. Родную! Отказался. Не желает учиться, не хочет расти над собой.

Р о х и л я. Слышишь?

Н а с и б а. И я окончу школу?

М а р а с у л ь (*презрительно*). «Школу»?! Университет! Аспирантуру! Докторантуру! Я вас академиком сделаю!

Р о х и л я. Слышишь?

Н а с и б а (*ошеломлена*). Академиком?

М а р а с у л ь (*убежденно*). Вам нужен такой наставник, как я... Я протягиваю вам руку не как мужчина — как ваш научный руководитель. Эта рука приведет вас на самый верхний этаж Московского университета... Скорее в загс!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дом Марасуля Хузурджанова. Терраса, за ней комната. Середина мая. Молодые фруктовые деревья окружили дом, и кажется, что они любят его богатой отделкой.

Н а с и б а. Еду, еду! Через три часа поезд, а через три дня...

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины.
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне...

Н а з и р а. «Парит!» Это орел, а не банный веник. Вот что значит не ходить в школу!

В е р а (*мягко*). «Парит».

Н а с и б а. Ну и пусть «парит». А я скоро буду на Кавказе. (*Мечтательно.*) Казбек... Арарат...

В е р а (*мягко*). Ты же едешь в Кисловодск.

Н а с и б а. Да. А что?

Н а з и р а (*взрываясь*). А то! Где Кисловодск, а где Казбек с Араратом. Все, все перезабыла. Будто никогда не учила географии.

Н а с и б а. Ты просто завидуешь. Я увижу все это сама, а ты только в книжках читала.

Н а з и р а. Завидую? Я тебе завидую?

В е р а. Не горячись, Назира. (*Насибе.*) Конечно, увидеть все это самой очень интересно. Только ведь экзамены сдавать тоже нужно тебе самой.

Н а с и б а (*легко*). Экзамены? Сдам осенью. Так ска-
зал мой Марасуль-ака.

Н а з и р а. Сначала отдых — потом работа! Нет, я
больше не могу! Пойдем, Вера. Пусть попробует повто-
рить это на комсомольском собрании.

Н а с и б а (*испуганно*). Не уходите! Вера, Назира!

В е р а. Назира права. Ехать на курорт, когда на носу
экзамены... Я понимаю — была бы ты больна...

Н а с и б а. Да! Я совсем забыла! Мне необходимо на
курорт. Так и в справке написано.

Н а з и р а. В какой справке?

Н а с и б а. В медицинской. Из поликлиники. Мой Ма-
расуль-ака отвес ее в школу.

Н а з и р а. Ах, бедная Насиба! Она так тяжело боль-
на, что даже забыла о своем недуге...

В е р а. Ты была в поликлинике?

Н а с и б а. Нет. Мой Марасуль-ака приложил ухо вот
сюда... нет, сюда, послушал и вот так покачал головой.

Н а з и р а. Так, значит, головой покачал Марасуль-ака,
а справку выдала поликлиника? Эх, Насиба, Насиба...
Знаешь, как тебе надо лечиться?

Н а с и б а. Как?

Н а з и р а. Готовиться к экзаменам.

В е р а. А мы поможем.

Н а с и б а. Да вы не беспокойтесь. Я непременно сдам.
Осенью. В вечерней школе. Иначе нельзя — ведь моего
Марасуля-ака вызывают на работу в Москву.

Н а з и р а. Да, и я слышала, будто в Москве не хва-
тает зубных врачей.

Н а с и б а. Смейся, смейся. А мы переедем. И я буду
учиться в Московском университете на тридцатом этаже.

Н а з и р а. И слушать лекции, сидя на шпиле!

Н а с и б а. Что?

В е р а (*Насибе*). Ты опять напутала — в университете
двадцать шесть этажей.

Н а з и р а. Высоко залетела!

Н а с и б а. Ну и пусть! Все равно буду учиться на са-
мом верхнем этаже, стану кандидатом, а потом доктором
наук. (*С шутливой важностью*). Профессор-доктор Наси-
бахон Каримовна Аскерова, ах, нет — Хузурджанова!
(*Назире.*) А ты завидуешь, завидуешь! (*Затекает веселую
возню и одерживает верх над Назирой.*) Не стану, да?
Не стану?

Н а з и р а. Сдаюсь, сдаюсь. Станешь!
Н а с и б а. То-то...

Девушки поднимаются с пола, приводят себя в порядок. Вера запевает: «Давно, друзья веселые, простились мы со школою...» — и все увлеченно подхватывают «Школьный вальс».

Н а с и б а. Школа... Девять лет... Подруги... Не знаю. Иногда кажется, что я чужая всем. И так тоскливо сжимается сердце... А в вечерней школе учатся взрослые женщины... И я взрослая. У меня — муж...

В е р а. Ты от всех утаила. Знай школа вовремя... По крайней мере на год следовало отложить свадьбу.

Н а с и б а (*задумчиво*). Конечно, можно было подождать.

В е р а. Как же это получилось?

Н а с и б а (*откровенно*). Мама все твердила: «Хочу увидеть твоё счастье». А потом — сам товарищ Заргаров вмешался... И мой Марасуль-ака каждый день встречал меня с цветами, когда я шла из школы. И в ясный день и в непогоду...

Н а з и р а. И тебе стало жалко, что он размокнет под дождем?

Н а с и б а (*задевая*). Подожди, вот нагрянет к тебе любовь.

В е р а (*тихо*). Ты любишь его?

Н а з и р а. Повременила бы со своей любовью. Небось не съела бы её моль.

Н а с и б а (*задумчиво*). Люблю? Конечно, люблю. (*Тряхнула головой, отгоняя печальные мысли.*) Смотрите — этот дом, эти деревья, эти вещи — все, все мое! Если человек отдаёт тебе все своё достоинство, всего себя, если этот человек твой муж, — как же не любить его?

Голос Фатимы за сценой: «У-у, чтоб тебе провалиться. Оставишь ты их в покое или нет?»

Н а з и р а. Кто это?

Н а с и б а. Свекровь.

В е р а. Ты очень изменилась, Насиба.

Входит Ф а т и м а. Она в парандже, но без чачвана. В каждой руке у нее по бидону для молока.

Ф а т и м а. Невестушка, где вы (*Увидела гостей.*) Салам! Салам! Как хорошо — невестушка с гостями. И я с вами немного посижу. Устала. Можно?

В е р а. Конечно, мы очень рады.

Назира. Пожалуйста.

Фатима. А вы не стесняйтесь меня, старую. Не люблю, когда свекровь вмешивается в беседу молодых. Да и забот много. Наседкам надо подсыпать.

Насиба. Я подсыплю, мама. *(Выбегает.)*

Фатима. Нет-нет. У вас гости. Я все сама сделаю. Да. Натерпелась я в молодости от свекрови и, когда родился мой Марасуль, поклялась не вмешиваться в дела невестки. Не нагружать ее делами.

Возвращается Насиба.

Невестушка, а под рябенькую подложили?

Насиба. Подложила.

Фатима. И Чернушка сама не своя ходит — ко-ко-ко да ко-ко-ко. *(Изображает квохчущую курицу.)* Тоже на яйца просится.

Насиба снова идет к двери.

Посидите вы с гостями...

Насиба уходит.

Да, дала я, значит, обет беречь невестушку, и бог сказался надо мной — послал мне Насибу.

Возвращается Насиба.

Насиба. Все сделала, мама...

Фатима. Вот спасибо, вот спасибо. Отдыхайте. Да, чуть не забыла... На лбу у коровушки лишай выступил. Говорят, ножом поскоблить да керосином потереть — отойдет. У вас, невестушка, глаза молодые, да и руки твердые.

Назира давится от смеха, Вера отчаянно толкает ее в бок и закрывает от Фатимы.

Насиба. Доктору, мамочка, покажем. Ветеринару.

Фатима. Что вы, невестушка! Вот если, не дай бог, коровушка околевать станет — тогда уж все равно, можно и доктору. А так — ни-ни. Залечат...

Встревоженно заготовали гуси.

Ну что за мальчишка этот Аскад. Чтоб тебе никогда не вырасти.

Насиба, опережая засуетившуюся Фатиму, бежит за калитку. Голос Насибы за сценой: «Вот я тебя сейчас крапивой».

Ф а т и м а. Невестушка, он в ту калитку юркнул, так и вьется, так и вьется, комар приставучий.

Н а з и р а было открыла рот, но Вера толкнула ее в бок — молчи,
мол.

В е р а. Тетушка Фатима, нельзя Насибе ехать сейчас на курорт — у нее экзамены. Отговорите сына.

Ф а т и м а. Что вы — я поклялась аллаху не вмешиваться в дела молодых. И потом, в нашем государстве все свободны. Как я могу... (*Уходит.*)

Н а з и р а. Слыхала?

В е р а. Н-да.

Гудок подъехавшей машины. Входят **Н а с и б а** и **М а р а с у л ь**.

М а р а с у л ь. А, девушки, салам, салам. (*Насибе.*) Хотел купить вам одну вещь — оказывается, истратил все деньги. (*Шугливо.*) Придется взять у вас займы.

Н а с и б а (*важно*). Сколько?

М а р а с у л ь (*небрежно*). Пустяк. Полторы тысячи.

Бросив гордый взгляд на подруг, **Н а с и б а** выходит.

Ну-с, что новенького, девушки?

В е р а. Экзамены у нас скоро.

Н а з и р а. А Насиба уезжает — тоже новость.

М а р а с у л ь. Я вас серьезно спрашиваю.

Н а з и р а. И мы серьезно спрашиваем.

В е р а. Нас послала комсомольская организация.

Н а з и р а. Почему вы увозите Насибу?

М а р а с у л ь. Ей необходимо на курорт. Я отвес сиравку в школу.

Н а з и р а. Разве Насиба больна?

М а р а с у л ь. У нее миокардиодистрофия.

В е р а. Это серьезная болезнь?

М а р а с у л ь. Болезнь с таким названием не может быть легкой.

Н а з и р а. А в чем она заключается?

М а р а с у л ь. Это очень коварная штука. Вначале человек почти ничего не чувствует... Не говорите с Насибой. Она не знает о своем недуге.

Появляется **Н а с и б а**. В руках у нее пачка денег. Торжествующе поглядев на подруг, она с удовольствием пересчитывает их и отдает мужу.

Н а с и б а. Вот.

М а р а с у л ь. Спасибо. Цель поездки — лечение. Цель лечения — вернуться к учению. Так и передайте в школе. Насиба сдаст все экзамены на пятерки. Осенью. Я даю это обещание вашему комсомольскому коллективу от имени нашего семейного коллектива. Я скоро вернусь. *(Девушкам.)* Не прощаюсь.

Н а з и р а. Мы сейчас уходим.

Н а с и б а. А провожать нас?

В е р а. Мы придем на вокзал.

Н а з и р а. Может быть.

М а р а с у л ь. Так я вас подвезу.

Н а с и б а *(жеманно ласкаясь)*. Марасуль-ака, можно я немножечко посижу за рулем. Ну чуть-чуть...

М а р а с у л ь *(девушкам)*. Вот видите, чему у меня Насиба учится. *(Насибе.)* Ну, хорошо. Только до большой улицы.

Все уходят. Шум мотора, гудок машины, гоготание гусей. Звонит телефон. Появляется Ф а т и м а с ведром в руках, снимает трубку.

Ф а т и м а *(у телефона)*. Слушаю... Нет его дома. А вы кто будете? А-а. В каком же магазине вы директором, сын мой? В школе? А-а... Да, уезжают... Что?.. Ай-ляй-яй, а еще ученый человек! Насиба, слава алаху, свободна. Что хочет, то и делает.

На улице гогочут гуси.

Некогда мне с вами разговаривать. *(Кладет трубку, спешит к калитке.)* Вот я тебя! *(Замахивается палкой и едва не ударяет входящую в калитку Хуморхон.)*

Х у м о р х о н. Ой! Что вы, тетушка?

Ф а т и м а. Спасения от этого Аскада нет. За гусями гоняется. Норовит верхом сесть. Чтоб тебе на ежа усесться, проклятый!

Х у м о р х о н. Можно позвонить? Мой бестолковый муж не может приказать как следует — вот и чинят наш телефон кое-как. Опять испортился.

Ф а т и м а. Можно, можно. Позвони. *(Уходит в дом.)*

Х у м о р х о н *(по телефону)*. Двадцать четыре семьдесят четыре... Привет. Это я... Как кто? Хуморхон! Мой у себя? Ах, нет его? Спасибо... Двадцать три восемьдесят девять... Говорит жена Заргарова. Ушел? Куда ушел? Не сказал?.. Спасибо. *(Резко опускает трубку на рычаг.)*

Вбегает Н а с и б а.

Н а с и б а (*дурачься*). Ду-ду-ду! Е-ду! Радиатор, карбюратор, аккумулятор! Здравствуйте, Хуморхон-апа.

Голос Фатимы из комнаты: «Невестушка, пора корову доить, а мне помолиться время». Н а с и б а вирипрыжку убегает с ведром. Хуморхон идет к калитке, звонит телефон. Появляется Ф а т и м а, снимает трубку.

Ф а т и м а. Слушаю... Сейчас, сейчас. (*Хуморхон.*) Ваш муж. (*Расстигает молитвенный коврик, начинает молиться.*)

Х у м о р х о н (*по телефону*). Ахаджан-ака, где вас носят? По всем телефонам звонила... Что-о?.. Как это — нет! Когда все знают, что я на курорт еду. Не смейте без путевки и домой приходить!.. И слышать не хочу. (*В сердцах кладет трубку. Уходит.*)

Фатима молится. Слышен гудок машины, входит Марасуль. В руках у него сверток. Заметив молящуюся мать, Марасуль на цыпочках идет в дом.

Ф а т и м а (*склонясь в земном поклоне*). Постой.

Марасуль останавливается. Не меняя набожной позы, Фатима ведет с ним разговор, продолжая бить поклоны и шептать молитвы.

Постой, говорю. Что это?

М а р а с у л ь. Китайский халат.

Ф а т и м а. Покажи.

Марасуль разворачивает сверток.

Учился, учился, а ума не набрался. Зачем тебе эти тряпки?

М а р а с у л ь. Я...

Ф а т и м а. Молчи! (*Шепчет молитвы.*) Говори.

М а р а с у л ь. Я хотел порадовать вашу невестку.

Ф а т и м а. Эх ты. Мою невестку надо радовать золотом. (*Проводит руками по лицу, заканчивая молитву.*) Браслеты, кольца, часы... Ей радость — мне покой... Золото, что солнце — и черный день озарит.

М а р а с у л ь. Но ведь его не примут обратно... Молодые женщины любят такие вещи... Вот и Хуморхон...

Ф а т и м а. Хуморхон? Ей и сбудем. Да не вздумай говорить настоящую цену. Хоть десятку наживи... Из школы звонили.

М а р а с у л ь. Что?

Ф а т и м а. Все то же.

М а р а с у л ь. Не нажить бы беды...

Ф а т и м а. Эх ты, тряпка. Свободная она женщина? Свободная. Хочет — учится, хочет — на базаре торгует; так всем и говори. Не для того я тебя женила, чтобы на невестку работать. Пора ей за хозяйство браться, и ученость тут ни к чему. Я без учености, слава аллаху, прожгла и сына в люди вывела.

М а р а с у л ь *(раздумывая)*. Чего уж и говорить. Верно... с одной стороны. А с другой — школа, комсомол...

Ф а т и м а. Проездите вы месяца два, никак не меньше, а за два месяца много в арыке воды утечет, все забудется!

Входит Н а с и б а.

Н а с и б а. Мама, куда девать молоко?

Ф а т и м а. Сама им займусь. *(Уходит.)*

Н а с и б а *(Марасулю)*. Купили да? Покажите.

М а р а с у л ь *(протягивая ей халат)*. Но... мне не особенно нравится.

Н а с и б а. Сейчас надену, примерю, да?

М а р а с у л ь. Вам тоже не понравится.

Н а с и б а уходит в дом, за ней — М а р а с у л ь. Появляются возбужденные Заргаров, Хуморхон, вслед за ними — Ризамат.

З а р г а р о в *(Ризамату)*. Так что же ты до сих пор молчал?

Х у м о р х о н. Заргаров не может достать путевку! Дядя это и в голову не приходило!

З а р г а р о в. Ну хорошо, как ты сказал?

Р и з а м а т. Председатель артели «Инобат» Рахимов Малик.

Заргаров снимает трубку телефона.

З а р г а р о в *(по телефону)*. Артель «Инобат»... Что?.. Занято?.. *(Кладет трубку.)* Он так и сказал тебе, что получил путевку?

Р и з а м а т. Не он мне сказал, а я его спросил... Приятель мы...

З а р г а р о в. Так он получил путевку?

Р и з а м а т. Да, говорит, вчера получил.

З а р г а р о в *(по телефону)*. Артель «Инобат»... *(Солидным басом.)* Председателя мне... А-а, привет... Заргаров... Благодарю. Ну, как идут дела?

Хуморхон. Короче! Короче!

Заргаров. Вы понимаете, я оказался в очень затруднительном положении! Тяжело заболела спутница моей жизни.

Хуморхон. Что еще за «спутница жизни»? Жена заболела!

Заргаров. Да, жена... Я слышал, что вы получили путевку в Кисловодск. Так вот, не смогли бы вы уступить ее нам? А для вас я бы достал на следующий месяц. Как вы смотрите на это?.. Посылать человека? Благодарю!
(Кладет трубку.)

Хуморхон. Есть, да?

Заргаров. Ризамат, беги за путевкой!

Ризамат уходит.

Неприятно одалживаться у таких людей, как этот — председатель артели... Да! Недолго и авторитет потерять...

Хуморхон. Есть что терять! Путевку и то не смогли достать без моего дяди! Авторитет! Был бы авторитет, не ходил бы родной дядя жены в завхозах!

Заргаров. Душенька, ты же знаешь, можно устроить и на другую работу! Только ведь он... до чего дошел: хлеба крошит, водки нальет и хлебает. Ложкой! Всякие есть — рюмками пьют, стаканами, а этот — ложкой!

Хуморхон. Хватит, хватит! Мне нужны деньги!

Входят Марасуль и Насиба.

Насиба. Идите-ка сюда, Хуморхон-апа, я вам одну вещь покажу! (Вместе с Хуморхон уходит.)

Марасуль. Добро пожаловать, Ахаджан-ака... Чем могу служить?

Заргаров. С путевкой дело улажено, теперь... (Замысая.) Придется у тебя еще одолжить тыщонки три, братец.

Марасуль. Пожалуйста, какой может быть разговор! Появляется Фатима в парандже, с бидоном в руках, направляется к калитке.

Мамаша, есть у вас деньги?

Фатима (быстро взглянув на Заргарова). Нет, денег нет!

Марасуль. Поищите как следует. Ахаджану-ака срочно понадобились три тысячи.

Фатима. А меньше никак нельзя? Меньше брать — легче отдавать... (Пауза. Помедлив, со вздохом достает

деньги.) Вот нате-ка пересчитайте. *(Недовольно бурча, уходит.)*

Заргаров *(прячет деньги в карман)*. Спасибо! Ну и мамаша — легче у самого себя зуб вырвать, чем у нее деньги. Так я за билетом.

Марасуль. Я как раз собирался отвести машину в гараж. Идемте, подвезу.

Входят Насиба и Хуморхон в халате.

Ах!.. Как вам идет, Хуморхон!

Насиба. А мне разве не шел?

Марасуль. Шел, но не подходил. Великоват!

Хуморхон *(Заргарову)*. Да говорите же!

Заргаров. Хорошо, хорошо.

Хуморхон *(Насибе)*. Сестрица, голубушка, уступите мне его...

Марасуль. Для вас ей не жалко и десяти халатов. *(Моргает Насибе.)*

Насиба. Ладно, берите..

Хуморхон *(Заргарову)*. Есть у вас деньги?

Заргаров. Конечно. *(Марасулю.)* После сочтемся,

Марасуль. Пожалуйста, пожалуйста... *(Про себя.)*

Опять прогорел...

Входит Ризамат.

Ризамат. Вот она! Путевка!

Хуморхон *(обрадованно)*. Ах!

Заргаров. Хорошо. *(Уходит вместе с Марасулем.)*

Хуморхон. Идемте, дядя! Помогите мне собраться.

Уходят. Появляется Рохилия. Она в парандже, но без чачвана. Насиба незаметно подходит к ней сзади и обнимает: от неожиданности Рохилия пугается.

Насиба. Мы едем, мамочка, едем!

Рохилия. Счастливой и благополучной дороги, доченька моя!

Насиба. Кавказ!.. Пушкин... Лермонтов... Ах, все равно вы ничего не поймете! *(Кружит мать в танце.)*

Рохилия. Ах, ах! Ну что ты делаешь, голова закружилась, упаду. *(Любуется нарядами дочери.)* Очень красиво! носи себе на здоровье! Помню, поженились мы, и твой покойный отец подарил мне медное колечко!.. Как я радовалась!.. Дочурка моя ненаглядная! Нет на свете большего счастья, чем богатство! Оно приходит один раз

в жизни. Уцепись за него покрепче! Почитай своего мужа! Почитай свекровь! Ходишь ли ты по утрам к ней на поклон?

Н а с и б а. Вот еще?

Р о х и л я. Не говори так, не говори, доченька! Послушалась ты меня — и вот какой стала! Богатой!

Во двор входит З у х р а.

З у х р а. Здравствуйте!

Насяба бросается к ней, обнимает.

Р о х и л я. Зухра-биби! Здравствуйте, дорогая моя! Давно приехали?

З у х р а. Вчера только. Со свадьбой вас, говорят, можно поздравить?.. Поздравляю, доченька.

Н а с и б а. Спасибо.

Р о х и л я. Уж так жалели, что вас не было. Да вышло все неожиданно-негаданно, многих и пригласить не успели. Ну, как вы съездили? Насмотрелись, наверное, чудес. Помолодели. Поправились! Дом отдыха, видать, впрок пошел.

Н а с и б а (*весело*). А мы на курорт уезжаем.

З у х р а. Слышала...

Р о х и л я. Так рада, так рада, доченька моя, что и сказать нельзя!

Н а с и б а. Одиннадцать тысяч берем с собой!

З у х р а. Хорошо, когда деньги человеку подвластны, плохо, когда он им... Начнут деньги трепать человека, как ветер осенний лист!

Н а с и б а. Кого же они треплют?

З у х р а. Тебя, например! На курорт унесят.

Р о х и л я. Разве это плохо?

З у х р а. Сначала оторвали от школы, теперь унесят бог знает куда...

Р о х и л я. Голубушка моя, Зухра-биби, многие девушки учатся только до замужества.

З у х р а. Лекарь тот, кто сам болезнь перенес, говорили в старину... А вы... Сами горькую долю, темноту пережили и такое говорить не стыдитесь.

Н а с и б а (*упрямо, матери*). Буду учиться, буду!

Р о х и л я. Хорошо, хорошо, будешь.

З у х р а. Все в школе, от мала до велика, огорчились...

Входит Марасуль.

Марасуль. Ба, кого я вижу! Добро пожаловать, дорогая тетушка! *(Насибе.)* А где мамаша?

Насиба. Сейчас придет, наверное.

Марасуль. Пора уже... Надо заранее поесть плову, спокойненько попить чаю и, не торопясь, тропуться в путь.

Насиба. Мамочка, все к плову уже приготовлено, растопите очаг!

Рохиля. Иду, иду, доченька! *(Марасулю.)* Все возьмем — быстренько сделаем. *(Уходит.)*

Насиба. Я сейчас принесу рис... *(Уходит в дом.)*

Зухра. Эх, племянничек! Женился на несовершеннолетней, теперь на курорт ее увозишь, отрываешь от учебы!

Марасуль *(раздраженно)*. Единственный, кто еще не совал своего носа в это дело, школьная сторожиха! *(Собирается уходить.)*

Зухра. Пстой-ка!

Насиба выносит из дома рис и проходит на кухню.

Я хоть и сторожиха...

Марасуль. Насибахон! *(Хочет идти за ней.)*

Зухра. Пстой, тебе говорю!

Голос Рохили за сценой: «Зухра-биби! Идите скорее!»

Марасуль. Мамаши нет дома, помогите им. И проповеди свои оставьте! Рассержусь не на шутку.

Зухра. Только запомни: если не дашь ей доучиться, ты мне не племянник, так и знай!

Марасуль. Ладно, ладно, идите!

Зухра уходит. Входит Насиба.

Насиба. Марасуль-ака... Вы не рассердитесь? Халат я буду сама носить. *(Ласкается.)* Пусть она вернет его!

Марасуль. Во-первых, я там, в магазине, не рассмотрел, что он бракованный, во-вторых, мне совершенно не нравится расцветка. Я вам куплю новый, другой... Дайте вашу ручку. *(Достает золотые часы.)*

Насиба. Но ведь у меня уже есть золотые часики!

Марасуль. Для того, чтобы считать золотые минуты нашей жизни, и тысячи золотых часов мало!

Насиба. Спасибо...

Марасуль. Да, чуть не забыл: как только вернемся

с курорта, обменяем нашу «Победу» на «Волгу». Я уже договорился.

Н а с и б а (*радостно*). Ах!..

Насиба обнимает Марасуля. Он хочет поцеловать ее, и в эту минуту на улице раздается свисток милиционера. Вбегает Ф а т и м а с бидонами в руках, один из них с грохотом падает и катится.

З у х р а (*выглянула, удивленная*). Что случилось?

М а р а с у л ь. Мамаша, тетя приехала.

Ф а т и м а (*увидев Зухру*). А-а, наконец-то! Чего же на свадьбу не поспела? Сынок, бедняжка, послал тебе телеграмму, целых пять рублей и еще сорок копеек даром пропали.

Из кухни выходит Р о х и л я.

Р о х и л я. Насиба, сколько рису положить?

Ф а т и м а (*увидев Рохиллю, выпускает из рук второй бидон*). Ах, бог мой, ведь сваха моя пришла! Ах, голубушка моя! Здравствуйте, сватьюшка! В добром ли вы здравии?.. И как вам не стыдно, невестушка, заставляете сватьюшку, мою голубушку, трудиться?

Н а с и б а выхватывает у матери половник и уходит.

Вот сюда садитесь, вот сюда, дорогая сватьюшка!

На улице снова милицейский свисток.

Вы подумайте! Милиция! Не разрешает молоко продавать. На базар велит. А сам на базар не идет.

М а р а с у л ь (*Зухре*). Почему все-таки не приехали на свадьбу? А еще родная тетя!

Ф а т и м а. Она хуже чужого дяди.

Н а с и б а вносит зеленый лук и редиску.

Н а с и б а. Марасуль-ака, вы, кажется, любите резать лук...

М а р а с у л ь. Я больше люблю пробовать.

Н а с и б а (*Рохилле*). Тогда вы, мамочка...

Ф а т и м а. Нет, нет, давайте мне, невестушка!

М а р а с у л ь. Я шучу. Дайте только нож поострее.

Н а с и б а (*садясь рядом с Зухрой*). Как я соскучилась по вас, телушка!..

М а р а с у л ь (*беспокойно*). Насибахон, вам надо побыть у котла, идите-ка!

Н а с и б а уходит.

М а р а с у л ь (*режет лук*). Дом отдыха никуда бы не делся, а свадьба племянника бывает раз в жизни.

З у х р а. Слышала я про твою свадьбу, слышала... хорошо, что меня не было. Не охотница я до старых обрядов.

М а р а с у л ь. А что же в нашей свадьбе старообрядного? Вино, водка, артисты...

З у х р а (*в тон Марасулю, перечисляет*). Мулла, венчание по корану...

М а р а с у л ь. Ах, это... Это ради мамашки.

З у х р а. Видать, твоей мамаше захотелось старины, как беременной женщине кислого?

Ф а т и м а. Эй ты, богохульница! Что же худого, если сын оправдывает благословение и надежды матери и близкую смерть ее скрашивает?

З у х р а. Ты только о себе и думаешь! О своей загробной жизни! Пусть все пойдет прахом, лишь бы тебе была загробная жизнь! Однако не больно ты туда торопишься...

Ф а т и м а. Сама торопись.

Входит Хуморхон и раскланывается с Рохилей и Зухрой.
(*С ненавистью глядя на Зухру.*) Пожалуйста, Хуморхон, заходите.

Х у м о р х о н (*Фатиме*). Тетушка, можно, я оставлю свои вещи у вас?

Ф а т и м а. Можно, можно.

Х у м о р х о н (*громко, в сторону калитки*). Дядя, сундук из спальни тащите сюда!

Голос Ризамата за сценой: «Ладно. Только подождать придется — такое дело заправки требует...»

Ф а т и м а. Садитесь, Хуморхон.

Появляется Н а с и б а с кувшином и полоскательницей для умывания, подходит к Фатиме.

Нет, нет! Начпнайте со сватьяшки, невестушка, ибо угодить матери значит угодить богу.

З у х р а. Помнится, не очень ты хотела угодить матери, когда она сосватала тебя за старика Шарифа, — топиться бросилась. Еле спасли.

Ф а т и м а. Молчала бы уж при молодых-то!

Н а с и б а (*поставив перед Зухрой полоскательницу*). Помойте руки, тетушка.

Зухра. У меня ноги целы, пойду сама помою.

Насиба (*сливая на руки Хуморхон*). Не всякое материнское желание нужно исполнять.

Хуморхон. Разве есть кто на свете дороже матери? Вот Заргаров... он мне в отцы годится, а я за него замуж вышла... Так моя покойная матушка хотела.

Марасуль удивленно посмотрел на Хуморхон. Посмотрела на нее и уходящая на кухню Насиба.

Фатима. И правильно сделали!

Насиба вносит блюдо с дымящимся пловом.

Марасуль. Ну-с, прошу, прошу!

Зухра (*к Хуморхон, с иронией*). Еще бы неправильно! Дом полная чаша, всего вдоволь, как сыр в масле кагаются!

Хуморхон (*взглянув на Марасуля*). Скучно...

Зухра (*уже серьезно*). Учитесь. Вы еще молоды. Жить в такое время и не учиться!

Фатима. А тебе-то какая забота!

Хуморхон. Ну, знаний мне хватает.

Марасуль. Хуморхон в институте училась. Да не в одном, а в трех, нет, даже в четырех. В четырех институтах кончить по курсу — все равно что в одном кончить четыре. Так что у нее высшее образование.

Зухра. Отчего же не работаете? В наше-то время! Ведь даже кошка, которая не ловит мышей, и та мозолит глаза.

Фатима. А тебе-то что!

Хуморхон. Сердце у меня большое...

Зухра. А-а-а... Ну, тогда нечего жаловаться: Заргаров как раз вам пара!

Хуморхон (*выходит из себя*). Какая он мне пара!..

Фатима. Эй, Зухра! Да ешь ты спокойно, ради бога!

Рохпья. Кушайте, Зухра-биби!

Зухра. Ну, а если бы ваш Заргаров был грузчиком, слонялся бы по базарам с веревкой за плечами? Вышли бы вы за него замуж?

Хуморхон. Вы что? Считаете меня дурой?

Зухра. Не сердитесь... Вы сами сказали: надо, дескать, матерям во всем угождать.

Марасуль. Довольно, тетушка, хватит!

Ф а т и м а. Что ты ко всем пристаешь?

Х у м о р х о н (*вскакивает*). Самн вы... глупая женщина, а поучать беретесь...

Р о х и л я. Не надо говорить так, доченька, все-таки она постарше вас.

Х у м о р х о н. А что толку? На старости лет стала школьной сторожикой.

Н а с и б а (*возмущенно*). Хуморхон-апа!

З у х р а. Да, я сторожика! Каждый служит народу, как может. А вы... вы тулька мадама! (*После паузы.*) Прицепились к мужу, как клещ к коровьему уху... Неплохая профессия!

Насиба фыркает. Фатима и Марасуль переглянулись.

М а р а с у л ь. Тетушка наша и по-русски умеет говорить... (*Передразнивая ее.*) «Тулька мадама»!

З у х р а. Может быть, и не умею я выговаривать правильно. (*Неожиданно, страстно.*) Зато душа у меня правильная! А вот ты не похож на человека, знающего русский язык.

Р о х и л я. Да успокойтесь вы, Зухра-биби, кушайте!

З у х р а. Я только что пообедала.

Ф а т и м а (*выходя из себя*). Хотя бы для приличия поешь! Ну что за сумасшедшая женщина!

З у х р а. Дайте-ка мне ложку, Насибахон.

Ф а т и м а. Господи, форсит-то!

Н а с и б а (*протягивает Зухре ложку*). Натe, тетенька!

М а р а с у л ь (*со смехом*). Ну, а мы станем есть, как едали наши отцы и деды! (*Берет плов рукой и, смеясь, приглашает остальных.*)

З у х р а. Твой отец верхом на верблюде мотался с базара на базар, а ты на «Победe» разъезжаешь...

Ф а т и м а (*вне себя от ярости*). Ты всегда налетаешь, как ветер, и переворачиваешь весь дом!

З у х р а. Если ваш дом не проветривать, — плесенью покроется, гнить начнет...

М а р а с у л ь (*вскакивая с места*). Хоть бы перед нашим отъездом попрдержала язык!

Ф а т и м а. Лучше бы вовсе не приходила проведать нас!

З у х р а. Не тебя я пришла проведать. (*Показывая на Насибу.*) Ее вот. Вот этого воробышка. Крылышки не успели окрестить, а уже пытается лететь в жизнь...

Ро х и л я. Да что вы, бог с вами, Зухра-биби, почему же она воробышек, моя доченька...

Зухра поднимается. Хочет сказать Марасулю еще что-то, но, промолчав, направляется к калитке.

Н а с и б а. Тетупка! *(Бежит за ней.)*

Ф а т и м а *(обращается к Марасулю, но говорит для Насибы)*. Ты ведь сам знаешь, на нее иногда находит. В такую минуту лучше не связываться с ней. *(Ро х и л е.)* Она с детства такая, странная немного, временами заговаривается...

Входит Заргаров.

З а р г а р о в. Чего вы расселись? Пора ведь на вокзал! *(Увидев плов.)* А, плов? Вот ваш билет, Хуморхон, держите.

Н а с и б а. Садитесь, Ахаджан-ака... Я сейчас... *(Уходит.)*

Х у м о р х о н *(капризно)*. Пятое купе! А у них — шестое!

М а р а с у л ь. Не беда, устроимся как-нибудь.

Насиба приносит воду и поливает Заргарову на руки.

З а р г а р о в *(Марасулю)*. Поручаю жену тебе... *(С возжелением запускает руку в плов.)*

Появляется Ризмат. Он тащит огромный сундук. Все, кроме Марасуля и Заргарова, бросаются ему помогать.

М а р а с у л ь *(сидит, ковыряя в зубах)*. Чутьочку приподнимите, Ризмат-ака!

З а р г а р о в *(с трудом проглотив плов)*. Нет, нет, чутьочку опустите.

С помощью женщин Ризмат наконец вносят сундук в комнату. Звонит телефон.

М а р а с у л ь *(в трубку)*. Доктор Марасуль Хузурджанов!.. Что?.. Да ведь я же представил справку из поликлиники! В дирекцию. Одну минутку... *(Прикрыв рукой трубку, Заргарову.)* Ахаджан-ака!..

З а р г а р о в. Кто?

М а р а с у л ь. Заведующий отделом народного образования. Когда же это кончится! Скажите ему пару слов!

Заргаров подходит к телефону, держа в руках чашу с пловом.

С вами будет говорить товарищ Заргаров. *(Передает трубку Заргарову.)*

Заргаров (*в трубку*). Привет... Что же вы все беспокоите доктора?.. А?.. Что?.. Ну, конечно, он даст ей образование. (*Смеется.*) Я тоже дам Хуморхон образование... Но полагается же личный секретарь такому ответственному лицу, как я! Или, по-твоему, не полагается?.. Оставь эти разговоры! Я тебе говорю!.. (*Кладет трубку рядом с телефоном и снова принимается за плов.*)

Из комнаты появляются Хуморхон и Ризамат.

Хуморхон. Идите, да идите же быстрее!

Хуморхон уходит. Ризамат не может пройти равнодушно мимо плова: он оглядывается по сторонам, вытаскивает из кармана четвертинку водки, наливает в пиалу, выпивает залпом и торопливо закусывает двумя-тремя горсточками плова. Хуморхон кричит за сценой: «Да дядя же!»

Ризамат (*с полным ртом*). Бегу!.. (*Уходит, еще раз запустив пятерню в плов.*)

Заргаров (*берет трубку и продолжает разговор*). Все? Я спрашиваю, кончил ты меня учить политграмоте? Ну, так слушай: ты политику изучал по книгам, я ее прошел всю, вдоль и поперек, на практической работе, рано тебе меня учить! Не болтай много!.. Сейчас же позвони директору школы. Пусть он разъяснит своим комсомольцам и пусть не подрывает авторитет советского зубного врача! (*В сердцах вешает трубку.*)

Марасуль. Вот это я понимаю! Таким и должен быть ответственный работник! Смелым! Строгим! Вот так и должен осаживать всякого, кто игнорирует его указания!

Заргаров. А чего мне бояться!.. Что кресло отберут? Эка важность, подумаешь! Пойду обратно в свою артель. Да и не по душе мне, сказать правду, теперешняя работа. Новый председатель оказался человеком с крутым характером. Не дает мне самостоятельно действовать. (*Зовет жену.*) Хуморхон! (*Уходит.*)

Из комнаты выходит Фатима.

Фатима. Марасуль! Невестушка! Да где же вы все? Сватьюшка...

Из комнаты выходят Рохля и Насиба.

Подите сюда! Послушай меня, сын мой, Марасуль. Жена у тебя молодая, глаза у нее разбегаются. Увидит на дру-

гих наряды да украшения — позавидует. Так я говорю, сватьяшка?

Рохия. Да продлит аллах вашу жизнь! Все-то вы понимать и чувствовать можете.

Фатима. Говорят, в тех краях очень дешевый жемчуг. Вот и хочу, чтобы вся шея невестушки была в жемчугах!

Рохия. Расцелуй свою свекровь, дочь моя!

Насиба бросилась, целует Фатиму; входят Заргаров, Хуморхон и Ризамат, несущий в каждой руке по чемодану.

Хуморхон. Можно, кажется, и отправляться... (*Фатиме.*) Вещи свои вручаю вам, а вас — богу. Пошли, дядя!

Насиба. Ну, давайте прощаться...

Фатима. Аминь!

Рохия (*Насибе*). Счастье само искало и нашло тебя, а сколько людей ищут его и не находят, дочь моя! Да хранит вас господь! Счастливого пути! Пишите!

Все уходят. Слышны прощальные возгласы, гул отъехавшей машины. Гогочут гуси.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Снова дом Марасуля. Прешел год с небольшим, но многое изменилось в этом доме. Н а с и б а, все еще нарядная, качает люльку. М а р а с у л ь похрапывает на суге.

Н а с и б а (*напевая*).

Баю-баюшки-баю —

Вот я песенку спою.

Ну, усни, мой ягненок, ну, успокойся, мой голубочек.

Ребенок плачет, и Марасуль просыпается.

М а р а с у л ь. Покоя нет. Замолчит он у тебя наконец? Да возьми на руки! (*Зевнул.*) Заварн чай.

Н а с и б а уходит с ребенком на руках. Марасуль снова задремал. Входит Х у м о р х о н. Улыбаясь, она щекочет палочкой нос Марасуля.

Ты!.. (*Меня тон.*) Ах, это ты...

Х у м о р х о н. Скучно. Поедемте куда-нибудь. Что машину жалеете?

М а р а с у л ь (*ему лень двигаться*). А твой муж?

Х у м о р х о н. Когда вам нужно, вы о муже забываете. Вставайте.

М а р а с у л ь. Отстань. Какой был плов в чайхане! Кажется... объелся.

Н а с и б а вносит чай.

Налей.

Голос Фатимы за сценой: «Невестушка, тесто подошло. Невестушка!»

(Раздраженно.) Ответь же! Оглохла?

Н а с и б а. Сейчас пду. *(Укладывает ребенка.)*

М а р а с у л ь. Возьми с собой. Не слышали его здесь!

Х у м о р х о н. Дайте-ка, сестрица, я его убаюкаю.

М а р а с у л ь. Нет, нет. Пусть забирает.

Н а с и б а уносит ребенка.

Надоел этот рев — сил нет.

Возвращается Н а с и б а. В одной руке ребенок, в другой — таз с тестом.

Х у м о р х о н. Не помочь ли вам, сестрица?

М а р а с у л ь *(поспешно)*. Сама справится.

Н а с и б а молча уходит.

Х у м о р х о н *(покачивая головой)*. Какой она стала... общипанной.

М а р а с у л ь. Досталось ей. Роды были тяжелые, намучилась.

Х у м о р х о н. Не одна она — все мучаются... Просто порода такая.

М а р а с у л ь *(берет руку Хуморхон)*. Вот это порода!

Марасуль притягивает Хуморхон к себе, пытается поцеловать. Входит Заргаров. Марасуль делает вид, что осматривает зубы Хуморхон.

З а р г а р о в. Марасуль! *(Жене.)* И ты здесь...

М а р а с у л ь *(будто только заметил)*. Ах, это вы. Одну минуточку. *(К Хуморхон.)* Сделайте горячий компресс. За зубами надо следить.

Держась за щеку, Х у м о р х о н уходит.

З а р г а р о в. Что с ней?

М а р а с у л ь *(значительно)*. Миокардиодистрофия. Вы не следили за ее зубами.

З а р г а р о в. Когда я женился, коренные уже были испорчены. *(Садится.)* Налей-ка... *(Берет пиалу, морщится.)*

М а р а с у л ь. Тоже зубы?

З а р г а р о в. Сердце. Сердце болит. Будто его тысяча мышей грызет.

М а р а с у л ь. Ну, беда невелика. Нужно вам kota проглотить — живого, конечно...

З а р г а р о в. Тебе хорошо смеяться. Окила бунтует!

М а р а с у л ь. Как так?

З а р г а р о в. А так. Третьего дня послал ей деньги, давно не посылал, закружился, дела, а тут послал.

М а р а с у л ь. Ну и что?

З а р г а р о в. Вернула! Говорит — подачек ей не надо, подаст в суд и будет получать алименты. По закону. Каково?

М а р а с у л ь. Что-то не верится. Не похоже на нее...

З а р г а р о в. На прежнюю Окилу не похоже. С тех пор как она пошла работать...

М а р а с у л ь. А зачем позволили? Сами виноваты.

З а р г а р о в. Чудак ты. Разве она у меня спрашивала... Будь другом, съезди к ней, уговори как-нибудь, umasli. Ты это умеешь... с женщинами...

М а р а с у л ь. Со своей женой не знаю, что делать, а тут еще ваши... Нет, Ахаджан-ака, поезжайте сами. Женщины на ласку падки. Приласкайте — она замурыкает эдакой кошечкой... мыши и перестанут грызть ваше сердце.

З а р г а р о в. Хорошо — приласкаю, а если рассержусь? Знаешь ведь мой характер? Весь дом переверну. Нет уж! как друга прошу, ты ее, это самое, приласкай! У тебя лучше получается.

М а р а с у л ь *(со вздохом)*. Ладно.

Входит Х у м о р х о н. На голову у нее корзина.

Х у м о р х о н *(дурачась)*. Кому лепешки, сдобные лепешки, с пылу, с жару?

Марасуль и Заргаров, смеясь, угощаются.

Да, чуть не забыла: кто-то звонил вам, Ахаджан-ака.

З а р г а р о в *(подавился лепешкой)*. Кто звонил?

Х у м о р х о н *(пожала плечами)*. Я не спросила.

Н а с и б а с ребенком на руках проходит в комнату.

Куда лепешки, Насибакон?

Голос Насибы из комнаты: «Сюда». Х у м о р х о н уходит.

З а р г а р о в. Не из райкома ли звонили? Как ты думаешь? Не дай бог, Окила уже затеяла что-нибудь...

Марасуль. Ну, ну. Уж и душа в пятки...

Входит Хуморхон, и одновременно раздаётся телефонный звонок. Марасуль снимает трубку.

(По телефону.) Слушаю... (Смотрит на Заргарова.) Он здесь. Кто говорит?

Заргаров (испуганно). Кто?

Марасуль. Что?

Заргаров. Что?

Марасуль. А-а, это вы, тетушка!

Заргаров. Что б она сдохла, твоя тетушка!

Марасуль. Передаю трубку.

Заргаров (по телефону). Это вы звонили ко мне домой?.. Ну, слушаю... Кто? Заведующий клубом? Давай-те... (Меняя тон.) Привет!.. Спасибо... Да, да, Зухра-ханум говорила мне. Надеюсь, с ней у вас дела лучше пошли? Она комсомолкам не уступит... Хорошо. Прибуду ровно в шесть. (Кладет трубку.)

Марасуль. Чего ему надо?

Заргаров. Просили сделать доклад о советской семье, а я и забыл совсем.

Хуморхон. Доклад? Зачем же вы согласились? Секретарь ваш еще в больнице. Кто же напишет?

Заргаров. А ведь верно! Как я об этом не подумал... Придется самому. (К Хуморхон.) Принесите-ка мой читатник, он где-то под кроватью лежит.

Хуморхон уходит.

Марасуль. Что это такое — читатник?

Заргаров. Альбом с вырезками, для докладов. Секретарю своему приказал: найдет что подходящее в газетах или журналах — сейчас вырежет и наклеит. Ценная штука!

Марасуль. Сказали бы, что доклад не готов, и дело с концом!

Заргаров. Садовая голова ты! Какой же я руководящий работник, если не знаю, что такое советская семья. В райкоме все удивятся и скажут: что же готовиться-то? А тут еще Окпла! Момент скользкий!

Марасуль. Да, это верно.

Хуморхон вносит громадных размеров альбом.

Заргаров. Вот где мое спасение! Секретарь у меня на любую тему доклад мпгом строчит. И у нас получится. А ну-ка, Марасуль, бери карандаш и бумагу!

Марасуль (*протягивая Хуморхон бумагу и карандаш*). У вас почерк лучше, Хуморхон!

Хуморхон (*устраиваясь поудобнее, чтобы писать, взглянув на часы*). Вы сказали, в шесть? Успеем?

Заргаров. Вполне. Общая часть доклада, формулировки, цифры есть. (*Листает альбом.*) Вот они! Что же касается фактов... (*Марасулю.*) У тебя есть семья, у меня есть семья, вот и факты.

Марасуль. Правильно!

Заргаров. Пишите! Заглавие: «Советская семья!» Восклицательный знак! Многоточие!

Хуморхон. Ведь это заглавие. Зачем же восклицательный знак, да еще с многоточием?

Заргаров. Ладно, поставьте... что-нибудь. Ну-с, с чего же начнем?

Хуморхон. Раз доклад о семье, то сначала следует сказать о женщинах.

Заргаров. Верно! (*Листает альбом.*)

Хуморхон (*думая вслух, записывает*). «Женщина, бесправная в прошлом, теперь наравне с мужчиной...»

Заргаров. Верно, но... зачеркните! Надо писать торжественно.

Хуморхон. А это не торжественно разве?

Заргаров (*быстро и беспокойно перелистывая альбом*). Сейчас, сейчас... А, вот, пашел! Пишите! (*С пафосом.*) «Товарищи! До Великой Октябрьской социалистической революции...»

Марасуль. Голос вам еще понадобится, берите тонком ниже, ака.

Заргаров. Совершенно верно! (*Немного понизив голос, но все же с пафосом докладчика.*) «...Женщины были совершенно бесправны...» Вот теперь напишите, что вы хотели сказать, а именно: «Они были рабынями своих мужей. Теперь женщины обрели равные с мужчинами права и пользуются полной свободой». Гм-м... А не лучше ли вырезать весь этот кусок до сих пор и целиком приклеить, а? Водится в этом доме клей?

Марасуль (*кричит*). Насиба! Где-то там был клей, найди и принеси его сюда! Ножницы тоже...

Голос Насибы за сценой: «Сейчас».

Заргаров. Н-ну-с, теперь что будем писать? (*Перелистывая альбом.*) Ага, вот тут имеется высказывание Чернышевского, вырежьте его и приклейте туда же! Кстати, а где теперь работает товарищ Чернышевский? (*Задумавшись.*) Вот поди же ты, вертится на кончике языка, а никак вспомнить не могу! Ну ладно, вспомню потом. Н-ну-с, дальше что мы напишем?

Марасуль и Заргаров сидят и думают. Насиба приносит клей и ножницы, видно, что она занята стиркой.

Насиба. Вот... (*Уложив ребенка в люльку, Марасулю.*) Платок у вас чистый?

Марасуль машет ей рукой, дескать, не мешай нам думать и отдает ей грязный платок, затем молча протягивает ногу и показывает на носки. Насиба начинает стаскивать с его ног носки.

Голос Фатимы за сценой: «Невестушка-а!»

Насиба. Иду...

Марасуль. Пишите! «Тысячи и десятки тысяч наших женщин и девушек...»

Насиба собирается уходить, но ребенок начинает плакать.

Да уберни ты его отсюда! Не видишь, люди работают!

Насиба берет ребенка и уходит.

Вот что еще надо добавить: «Для воспитания здорового и сильного подрастающего поколения...»

Входит Фатима с бидоном в руках, она спотыкается, бидоны с шумом падают. Все вздрагивают. Фатима собирает свои бидоны и выходит на улицу.

Заргаров. Гм-м... времени осталось в обрез...

Хуморхон. Послушайте. Что вам, впервые, что ли? Скажите что-нибудь, и дело с концом! Стоит мучиться, писать, вырезывать, наклеивать!

Марасуль. Верно! В таких случаях достаточно несколько заковыристых фраз, вот вам и доклад!

Заргаров. Верно-то верно! Но хочется, чтобы люди цитировали меня: «Так сказал товарищ Заргаров!», «Так говорил Ахаджан-ака!»

Марасуль. Ну и черт с ними, пускай не цитируют, беда большая!

Заргаров. Ладно, уговорили! Это верно. Была бы канва, а там и слова сами найдутся, только успевай

говорить! Идемте, Хуморхон, достаньте мой новый костюм и соломенную шляпу.

Хуморхон. Вот какой вы! Я должна вам даже пуговицы застегивать. Эксплуататор! *(Уходит.)*

Заргаров *(уходя, Марасулю)*. На то и жена, чтоб застегивать мужу пуговицы! *(Уходит.)*

Появляется Насиба с ребенком, ребенок плачет.

Марасуль. Эй, послушай, дадут мне наконец покой в этом доме?

Насиба. Но ведь ребенку нездоровится!

Марасуль. Оттого и нездоровится, что плачет, успокой его — и болеть перестанет!

Насиба. Что вы за человек!

Марасуль. Ого, у тебя, кажется, отрастает язык? *(Уходит.)*

Входит Фатима.

Фатима. Невестушка-а! *(Ставит пустой бидон перед собой.)* Не дала мне продавщица два бидона молока, чтоб она сдохла молодой! Молока ей девать некуда, а больше одного бидона не дает. Идем, тебе отпустит... Идем же!

Насиба. Нет, мамаша, я... не пойду!

Фатима. Да ведь всего-то пройти два шага. Бери с собой ребенка — отпустят без очереди.

Насиба *(решительно)*. Нет, мамаша, не пойду я!

Фатима. Да я же не прошу тебя ходить каждый день, только сегодня!

Насиба. Довольно, мамаша! Не стану я покупать в колхозном ларьке молоко, которое вы потом перепродавать пойдете.

Фатима. Ну что ж, сиди, а я, старая, пойду! *(Плаксиво.)* Горькая моя судьбина: вырастила сына, женила на свою седую голову. *(Надевает паранджу и, схватив бидон, уходит.)*

С улицы слышен ее голос: «Поглядите, люди добрые! Замучила меня сноха, замучила до смерти!»

Насиба *(укачивая ребенка)*. «Небо спит, звезды спят, спи и ты, малышка». *(С трудом сдерживает слезы.)* «Небо спит... звезды спят...» *(Горько плачет.)*

Входит Зухра.

З у х р а. Насиба...

Насиба поднимает голову и, увидев Зухру, старается сдержать слезы, но обида переполняет ее сердце, и, плача, она бросается в объятия Зухры.

Что случилось, моя голубушка? Скажи мне...

Н а с и б а. Что теперь говорить... Нечего... Предупреждали меня подружки мои... Тогда мне казалось — завидуют. Говорили, предупреждали меня и учителя мои! Куда я попала? Среди каких людей живу? И ради этого бросила я школу, подруг!..

З у х р а. Заблудившегося медведь загрызет, одинокого волк заест, говорят. Опомнилась ты, это уже хорошо!

Н а с и б а. Лучше умереть, чем так жить!

З у х р а. Что ты! Все это не так страшно. Ты споткнулась только, не упала же! Поднимешься и пойдешь рядом со своими подружками в ногу. Все зависит от тебя самой. Прав твоих никто не отнимал. Слова твои найдут слушателей, рука твоя найдет руки друзей. Вот нам было трудно в твоем возрасте! *(Задумчиво.)* Наши стоны не доходили даже до ушей родителей. *(Неожиданно, страстно.)* Не плачь, слезами никто ничего не добивался. Идем!

Н а с и б а. Куда?

З у х р а. В клуб. Ахаджан-ака, товарищ Заргаров, делает доклад о советской семье. Послушаем, что он скажет.

Н а с и б а. Надо мужа спросить... Вы скажите ему...

Появляется М а р а с у л ь.

М а р а с у л ь. Ба! Да никак моя тетушка пришла! Добро пожаловать. И не видно вас, и не слышно... и не заходите...

Насиба роняет платок. Марасуль быстро поднимает его и отдает ей.

Ваш платочек, ханум...

З у х р а. Насиба со мной в клуб пойдет...

М а р а с у л ь. Вот это чудесно, вот это замечательно... *(Берет ребенка на руки.)* Идите одевайтесь!

Н а с и б а, удивленная и обрадованная, уходит.

Не любит она никуда ходить, что ты скажешь! Вот уже целый год не могу из дома ее вытащить!.. Идем хоть в кино, говорю, а она в ответ: «Пойти в кино — чего же тут интересного». Черт знает, что обо мне могут подумать люди...

Зухра. Да, можно подумать многое! Можно, например, подумать, что ты бай, можно подумать, что ты феодал...

Марасуль. Но-о!..

Зухра. Сходи и ты на доклад. Может быть, услышишь полезные для себя слова.

Марасуль. Да я со всей душой!..

Входят Заргаров и Хуморхон.

Заргаров. А-а, здравствуйте, Зухра-ханум, здравствуйте. *(Берет со стола бумаги и кладет в портфель.)* Вы за мной? Спасибо, спасибо... Ну, пошли!

Зухра *(Марасулю)*. Где же Насиба?

Марасуль. Вы идите, мы догоним.

Зухра *(к Хуморхон)*. А разве вы не пойдете?

Хуморхон. Что-то с сердцем плохо...

Зухра. Вот потому и советую вам сходить: увидите здоровых людей, свежим воздухом подышите, как рукой все снимет, верно говорю!

Заргаров и Зухра уходят. Слышен гудок и шум отъезжающей машины. Вбегает Насиба.

Насиба. Уже уехали?

Марасуль. Да.

Насиба. Идемте, Хуморхон-апа, со мной в клуб.

Хуморхон. О, дорогая моя! С меня хватит и того, что дома слушаю Ахаджан-ака!

Марасуль *(передавая Насибе ребенка)*. Держи! И печего тебе там делать!

Насиба. Да вы сами ведь сказали!

Марасуль *(разгневанно)*. Сказал так, а теперь говорю иначе.

Насиба. Что же тут такого, если раз в год схожу?..

Марасуль *(кричит)*. Не пойдешь!

Насиба. В гости зовут вас одного, про кино, про театр и вовсе забыла... И в парк меня не водите.

Марасуль. А чего я буду водить тебя в парк? При свете прожекторов любоваться тобой, что ли? *(Уходит в дом.)*

Хуморхон. Не следует перечить мужу, голубушка. Берите с меня пример! *(Уходит.)*

Насиба одна, несколько мгновений она стоит задумавшись, затем решительно выходит на улицу.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Сцена клуба. За столом президиума Зухра, Пулатджан Домла. На трибуне Заргаров.

Заргаров (*отпив чай, продолжает*). ...Сотни тысяч наших женщин и девушек учатся в начальных, средних и высших школах!

Ризамат наполняет пнялу чаем и с подобострастием ставит ее на трибуну.

Благодарю. И наряду с этим, товарищи, многие из них выполняют свой священный долг по обеспечению человечества будущим поколением.

Г о л о с. Товарищ Заргаров, короче!..

Заргаров (*не появ реплики*). Громче не могу, товарищи, я и так напрягаю свой голос до высшего предела! Товарищи! Еще великий демократ Чернышевский писал: «Хотя природа и создала женщин талантливыми, хотя природа дала им глубокий ум и сознание, но тем не менее общество не признает этот их ум и их сознание, разрушает их, душит их!» (*Со страстью.*) Вот как было в прошлом, товарищи! На этом я кончаю.

Пулатджан Домла. Вопросы к докладчику будут?

Зухра. Можно мне задать вопрос? В прошлом все это было так... А разве нет и теперь среди нас людей, которые не признают ума и таланта женщины?

Заргаров (*с пафосом*). Конечно, нет! Потому что не может быть у нас таких, товарищи!

Пулатджан Домла. К сожалению, они еще есть. И даже иногда среди ответственных работников.

Заргаров. Не понимаю...

Зухра. Что же тут непонятного?

Заргаров. Товарищи! У нас нет, конечно, и не может быть личностей, которые... Мы не допустим этого! Мы никому не позволим!

Вера (*из зала*). Иногда допускаем!

Заргаров (*в том же тоне*). Но это нетипично. Мы должны равняться не на отсталые семьи, а на передовые, товарищи! Могу привести в пример хотя бы одну семью. Есть у меня сосед, доктор Хузурджанов. Я не ошибусь, если скажу, что эта семья полностью отвечает тем высоким требованиям, которые предъявляет нам сегодняшний день! Особенности этой семьи состоят в том, что...

Назира. Неправда!

Заргаров. Послушайте, если вам хочется высказаться, выходите на трибуну и говорите перед народом! Если вы, конечно, записаны в прениях...

Назира. И выйду. Можно мне, Пулатджан Домла?

Пулатжан Домла. Пожалуйста.

Заргаров. Порядка на собрании нет!..

Пулатжан Домла. Почему? Порядок есть: вас слушали и вы послушайте.

Назира поднимается на сцену.

Назира. Хузурджанов оторвал Насибу от школы, превратил ее в прислугу!

На сцену выбегает Насиба.

Насиба. Назира! Не надо!

Заргаров (*Насибе*). Вы?

На сцену вбегает Вера.

Вера. Это вашими руками Хузурджанов оторвал Насибу от школы!

Насиба. Вера!

Назира. Это вы дали ему веревку, которой он связал Насибу по рукам и ногам!

Заргаров. Что вы тарыхтите, как пустая арба! Неверно информируете... А еще комсомолки... Нехорошо! (*Тоном докладчика.*) Товарищи, жена товарища Хузурджанова готовится поступить в университет и, я уверен, поступит!

Вера. Ложь!

Заргаров (*гневно*). У нее тоже есть язык! Пусть сама скажет. (*Многозначительно покашливает.*)

Назира. Скажи, Насиба! Скажи!

Насиба стоит неподвижно, опустив голову.

Пулатжан Домла. Так ли это?

Насиба. Неправда! Простите меня, Пулатджан Домла... Я... я вас обманула тогда... (*Не в силах сдержать слезы, убегает. За ней — Вера и Назира.*)

Заргаров (*вытирая со лба пот*). Выходит, Хузурджанов дал мне неверные сведения!.. Проверим, выясним... (*Записывает.*)

Из зала в президиум передают записку.

Пулатджан Домла. Поступил вопрос.

Заргаров. Правильно, вопросы должны задаваться именно в письменном виде!

Пулатджан Домла. «Как докладчик, товарищ Заргаров, объясняет свою вторичную женитьбу на некоем Хуморхон, когда у него есть жена Окила Шамсиева и трое детей?.. И что об этом говорил Чернышевский?»

Заргаров (*в замешательстве*). Клевета! На днях будет ровно пять лет с того дня, как я развелся с Окилой!

Пулатджан Домла (*показывая бумагу*). Тут написано, что вашему младшему сыну два года!

Заргаров (*все в том же тоне*). Ну и что же! Рождение этого ребенка несколько... задержалось.

Зухра. Похоже, что это наследственное. Сами вы тоже, видно, были зачаты во времена Худоярхана, а на свет появились только теперь! Дайте мне слово, Пулатджан Домла!

Пулатджан Домла. Пожалуйста, Зухра-ханум.

Зухра. Товарищи! По-моему, докладчик интереснее доклада. Так что даром времени мы не потеряли. Своими собственными глазами увидели Худоярхана, и не в кино, а живого. Правда, у него не сорок жен, а две...

Заргаров (*огорошенный*). Зухра-ханум!

Зухра (*продолжая*). ...Правда, он ходит в шляпе, носит портфель, выступает с докладами. Правда, ему, бедненькому, трудно — надо обманывать общественность и обходить советские законы. Но он ведь не простой Худоярхан, а современный. Здесь помянули и другого Худоярхана в шляпе, брата Заргарова, Марасуля Хузурджанова...

Заргаров (*стучит кулаком по столу*). Зухра-ханум!..

Зухра (*не обращая внимания*). Товарищи!..

Заргаров (*с угрозой*). Я с вами поговорю в другом месте. Будете отвечать за оскорбление... (*Уходит.*)

Зухра (*вслед*). Эй, шляпа!

Ризамат, подхватив забытую Заргаровым шляпу, бежит за ним.

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Столовая в доме Заргарова. Хуморхон перед зеркалом.
Входит Марасуль.

Марасуль. Ахаджан-ака еще не вернулся?

Хуморхон. Нет. Что с вами?

Марасуль. У моей женушки, оказывается, не только язык — и ноги появились, ушла в клуб!

Хуморхон. Вы же запретили ей?

Марасуль. Ушла.

Хуморхон. Наверное, приглядела себе кого-нибудь. Мужчина становится львом, когда заводятся деньги. Женщина — львицей, когда заводятся любовники.

Марасуль. Не болтай!

Пауза.

Хуморхон. Вы опять собираетесь к Окиле?

Марасуль. Да!.. Боюсь, у нее в доме скоро порог развалится — так часто я его обиваю. Вам с Заргаровым счастье, мне и Окиле — неприятности. Очень уж бессовестно вы поступили! Жалко бедную Окилу!

Хуморхон. Вам? Окилу? А Насибу не жалко? Ведь у нее тоже есть соперница. Вспомните, чего вы только не делали, пока я не стала ее соперницей? На курорте кто давал Насибе снотворное и потом меня на руках носил? Кто целовал мои колени? Кто ронял слезы на мои туфли? Кто из нас бессовестный?

Марасуль. А кто тебе сказал, что муж, обманывающий жену, не будет обманывать любовницу?

Раздается стук в дверь.

Хуморхон. Войдите!

Входит Окила.

Марасуль. А-а, заходите, Окилахон-апа... Как кстати вы приехали, я собирался к вам завтра.

Хуморхон. Садитесь...

Окила. Где ж ваш муж?

Хуморхон (с издевкой). Наш муж? На собрании...

Марасуль. Он скоро вернется.

Окила. Я решила сама вручить ему вот эту повестку.

Хуморхон (берет повестку, читает). «Народный суд третьего участка...»

Окила (к Хуморхон). Отдаю его целиком вам.

Хуморхон. Зачем же... Нам бы обоим хватило... такого сокровища.

Марасуль. Обижаться не стоит, апа.

Окила. А чего мне обижаться! Семнадцать лет прожила я с Заргаровым и ничего, кроме целенок, кухни и корыта, не видела. Сама виновата. Терпела. Мне обидно другое: не перевелись у нас еще самки, и позорят они высокое имя женщины.

Марасуль (растерянно). Э-э-э-э!..

Хуморхон (кивая на Марасуля). Пусть вот он скажет... Я не заставляла жениться на мне!

Окила (с насмешкой). Конечно! Вас заставили... деньги и положение!

Хуморхон. Ах, какая вы некультурная женщина! Деревенщина!..

Окила. Вот не знала! Оказывается, ваши делишки и есть культура...

Хуморхон. Ну и язык! Иди-ка, милая, отсюда вместе со своим мужем. Забирай его и уходи! (В окно.) Дядя!

Окила. Теперь он мне не нужен...

Хуморхон. А кто слезы лил в три ручья?

Окила. Это было полтора года назад. Боялась, что мои дети окажутся на улице, но нет. Остались они сиротами при живом отце, но на улице не очутились. Нашла я свою тропу. И привела она меня на завод. Так-то. Не бойтесь, бить вас не стану. Руки у меня рабочие и должны чистыми быть.

Хуморхон. А все-таки я лучше тебя! Поэтому оп...
Окила. Какая собака не подберет кость, валяющуюся на улице! *(Уходит.)*

Марасуль *(вслед)*. Окилахон-апа, можно вас на минутку... *(Выходит.)*

Хуморхон. Чтоб ты сдохла!..

Возвращается Марасуль, платком вытирая лицо.

Марасуль. Напрасно поругались с ней. Накануне суда. Это не шутки... В ее руках...

Хуморхон. Если даже небо держится на ее руках, пусть валится на голову Ахаджан-ака. Его авторитет выдержит и небо!

В окне появляется Фатима.

Фатима. Что ты за мужчина!.. Как ты можешь сидеть спокойно, когда твоя молодая женушка по собраниям бегаешь? Вырядилась и упорхнула. До каких пор мне учить тебя! И когда ты ума наберешься!..

Марасуль. Сейчас... *(Уходит.)*

Бледный, сам не свой, входит Заргаров и опускается в кресло.

Хуморхон. Что с вами? Где ваша шляпа?

Ризамат входит, словно на похороны, со шляпой в вытянутой руке.

Заргаров *(вырвав из его рук шляпу)*. Иди позови Марасуля.

Ризамат уходит.

Я предчувствовал... Не надо было мне идти...

Хуморхон. Что случилось? Окила? Скандал устроила?

Заргаров. Что? Разве она приехала?

Хуморхон. Да, вам повестку принесла. *(С иронией.)* Хочет отдать вас мне целиком.

Заргаров *(берет повестку и с ужасом смотрит на нее)*. Я всем сказал, что с Окилой разошелся пять лет назад... Если выяснится, что я без развода женился на вас... *(Вдруг.)* Дорогуша! Момент критический. На женском вопросе не один ответственный мужчина погорел. Спасайте меня!

Хуморхон. А что я должна делать?

Заргаров. Одно ваше слово, и я спасен! Только одно слово! Если вы скажете: «Я не жена Заргарова, а любовница», — все будет в порядке. Нет закона, запрещающего женатым иметь любовницу! *(Становится на колени.)*

Хуморхон. Мне стыдно! Я из хорошей семьи. В нашем роду не было распутных женщин!

Заргаров. Свет очей моих!

Хуморхон. Да что вы так боитесь? Конец вам, что ли, приходит?

Заргаров. Авторитету конец. А он не только мне — и вам самой нужен.

Хуморхон. Что он мне, ваш авторитет? Единственный дядя до сих пор завхозом!

Заргаров. Но ведь он немного выпивает...

Хуморхон. Чепуха! Занимал бы он большой пост, никто не посмел бы близко к нему подойти, а издали не разберешь, кто пьяный, кто нет.

Заргаров. Хорошо, я его устрою.

Хуморхон *(подумав)*. Его надо жепить.

Заргаров. Хорошо, хорошо! Я сам думал. Женим... Этот дом отдадим ему, а сами выстроим новый!

Входит Марасуль. Хуморхон уходит.

Марасуль. Что я слышал! Какое счастье, что на собрании не было еще Окилы!.. Что же случилось?

Заргаров. Беда случилась! Несчастье случилось! *(Передразнивает.)* «Что случилось?» Во всем ты виноват, ты! Зачем тебе надо было затевать все это, когда женский вопрос натянут, как тетива!.. Все газеты о нем пишут...

Марасуль *(удивленно)*. Что же я сделал такого?

Заргаров. Он еще спрашивает!.. Если уж не терпелось ей учиться, надо было устроить ее в какую-нибудь школу, родила бы второго ребенка, сама бросила бы.

Марасуль *(побледнев)*. Да что же случилось? При чем тут это?

Заргаров. Весь пожар загорелся именно из-за Насибы! Выскочила ее подруга и запела так, выскочила твоя тетушка, запела этак! А потом все вместе запели — хором, смешали меня с тобой, а тебя со мной. Знаешь, как дрожжи. Положат их кусочек, а тесто из корыта лезет.

Марасуль. А Насиба? Она что сказала?

Заргаров. Она! Я было заступился за тебя, так обвинула меня во лжи.

Марасуль. Так, так!.. *(Засучивает рукава и собирается уходить.)*

Заргаров. Куда!.. Сиди уж! *(Опускает ему рукава.)*

Входит Насиба.

Насиба. Ваша мать сказала, что я вам срочно нужна?

Заргаров делает Марасулю знаки,— мол, не вздумай сейчас обидеть ее.

Марасуль *(насутившись, угрюмо)*. Да...

Марасуль подходит к пей, замахивается, но Заргаров удерживает его. На шум выбегает Хуморхон.

Заргаров. Гм... Так-то вы относитесь ко мне, да, Наспахон? Вы обижены на Марасуля — надо было сказать мне. Или вы и на меня обижены?

Насиба. Споткнувшемуся человеку нечего обижаться на камень.

Заргаров. Камнем меня называете, глядишь, кирпичом или еще как назовете, а я, как-никак, помогал вашему счастью. У вас прекрасный дом...

Насиба. И коровье счастье! Корове действительно только и нужно — теплый хлев да сытая жвачка!

Заргаров. Дом — не только стены, дом — это семья!

Хуморхон. Вы не чья-нибудь жена. Жена доктора Хузурджапова!

Насиба. У меня есть свое имя, пмя, с любовью и надеждой данное мне отцом и матерью!

Марасуль *(угрожающе)*. Ах так!..

Насиба. Да, так!

Марасуль *(вновь замахивается, и вновь его удерживает Заргаров)*. Я тебе покажу!

Насиба. Нет, Марасуль, больше вы не посмеете бить меня! Бьют тех, кто боится. Я не боюсь вас. *(Уходит.)*

Хуморхон. Ах, бедняжка Марасуль-ака!

Заргаров. Дурак! Разве теперь можно бить жену, а?

Хуморхон. Такую жену убить мало!

Звонит телефон.

Заргаров *(испуганно)*. Марасуль, бери трубку! *(Про себя.)* О господи, пронеси! *(Ища защиты.)* Хуморхон! Душа моя!

Марасуль (в трубку). Слушаю... Что?.. Из райкома? (Кладет трубку на стол и знаком приглашает Заргарова к телефону. Тот подходит к телефону так, словно трубка может укусить его.)

Заргаров (в трубку, пытаясь говорить бодро). Слушаю!.. Благодарю... Хорошо... (Вдруг весь съезживается и, уронив трубку, опускается в кресло. После паузы.) Марасуль!

Марасуль (безнадежно). А!

Заргаров. Что же это?

Марасуль. Это еще цветы, фрукты потом будут!

Заргаров. Хуморхон, душа моя!.. Спаси!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Во дворе дома Марасуля Хузурджанова. Назира, Вера, Пулатджан Домла пришли навестить Насибу. На руках Насибы ребенок.

Пулатджан Домла (приоткрыв лицо ребенка). Хорошо спит, сладко! Дай-ка мне. А то больших учу, а маленьких, наверное, держать разучился.

Девушки тихо пересмеиваются. Насиба передает ему ребенка.

Не разучился. Ну-ну, рассказывай дальше.

Насиба (проболжает). В тот день, после собрания, он был сам не свой. А теперь будто шелковый. Целый год не выпускал меня на улицу... а на этой неделе я уже два раза побывала в райопо. Сам сходил в школу, принес справку, что я училась в девятом классе.

Пулатджан Домла. Значит, действует критика!

С улицы заходит Фатима с бидонами в руках. Увидев гостей, незаметно прячет бидоны за угол и спешит к ним.

Фатима. Ах, дороге мой, мои желанные!.. Добро пожаловать, дорогой директор! Добро пожаловать... Когда же наконец начнутся занятия в школе, дорогой учитель? Идет не дожждется бедная моя деточка! Читает беспрестанно, все, поди, книги перечитала...

Пулатджан Домла. Ну, так и быть, я вас обрадую... (Роется в кармане.)

Фатима. Марасуль говорит, что наймет учителя, чтоб она дома училась.

Пулатджан Домла. Зачем же. (Насибе.) Я договорился с дирекцией вечерней школы, тебя приняли

в десятый. Вот. *(Передает ей бумагу.)* Будешь учиться и одновременно сдавать экзамены за девятый. Я помогу тебе. И вот они помогут...

Назира. Конечно!

Вера. Обязательно!

Фатима. Ах, не дай бог, потеряет бумажку!

Насиба. Спасибо, Пулатджан Домла!

Пулатджан Домла *(взглянув на часы)*. Ну, я пойду. Пора.

Фатима. Ах, нет, нет, оставайтесь, я плов приготовлю.

Пулатджан Домла уходит, Фатима идет в дом.

Насиба *(радостно)*. Теперь я всего на один год отстану от вас!

Все *(запевают)*.

Давно друзья веселые,

Простились мы со школою...

Вера *(показывая на ребенка)*. Девочки, тихо!

Назира. Все равно глазенки открыты. И нам пора идти.

Вера. Да, да...

Насиба. Уже? Ну, спасибо, что пришли... *(Провожает их.)* У меня просьба к вам, девочки: зайдите по пути к тетушке Зухре, передайте ей, что все у Насибы хорошо. Пусть успокоится.

Назира. Ладно, ладно, передадим!

Насиба, проводив их, остается одна. Входит Рохля.

Рохля. Не пора ли купать ребенка, доченька? Прислулась она?

Насиба. Ах, мамочка, радость-то какая! Меня приняли! В десятый! Это Пулатджан Домла постарался.

Рохля. Да продлятся дни его жизни!

Обе уходят. Появляется Марасуль и опускается на супу. Входит Фатима.

Фатима. А, ты. Пришел... Принести тебе поесть?

Марасуль. Ничего в горло не идет. Ахаджап-ака сняли с работы и исключили из партии.

Фатима. Ах ты, господи боже мой!..

Марасуль. Уф!.. Стоит счастьем повернуться к тебе спиной, пошло и поехало!

Фатима. Моли бога!.. И не кручинься-то больно,

Ахаджан из тех, кто из воды сухим выходит... Вот увидишь. *(Тихо.)* Учитель Насибы был. Принес какую-то бумажку!

М а р а с у л ь. Какую еще бумажку?

Ф а т и м а. Видно, с учебкой-то у нее ладится! *(Со слезами.)* Несчастливая я женщина... Тебя для нее вырастила, теперь ее ребенка должна растить.

Входит Заргаров.

З а р г а р о в *(упавшим голосом)*. Марасуль, друг мой, еду. Теперь вся надежда на друзей в области. Прощаться пришел.

М а р а с у л ь. Желаю удачи...

Ф а т и м а. Положитесь на бога.

З а р г а р о в уходит, входит Насиба.

Подай мужу поесть, невестушка! *(Уходит.)*

М а р а с у л ь. Куда ты ходила?

Н а с и б а. Никуда.

М а р а с у л ь. Кто приходил?

Н а с и б а. Пулатджан Домла, девушки...

М а р а с у л ь. Так, так...

Н а с и б а *(радостно)*. Буду в десятом учиться! Пулатджан Домла с дирекцией уже договорился и выписку из приказа принес! Вот!

М а р а с у л ь *(читает приказ)*. Гм... хорошо. Только вот что беспокоит меня: что же будет с твоим ребенком?

Н а с и б а. Всегда вы так: «Твой ребенок да твой ребенок!» Он и ваш. Не с собой же из дома я его принесла!

М а р а с у л ь. Я хочу только сказать, чтобы ты не рассчитывала на мою мать! Хватит и того, что она меня вырастила для тебя!

Н а с и б а *(поражена)*. Можно... и в ясли отдать.

М а р а с у л ь. Единственного ребенка — в ясли?

Н а с и б а. А чем же плохо? Я и сама выросла в яслях, в детском саду!

М а р а с у л ь. Я своего ребенка не отдам!

Н а с и б а *(растерянно)*. Хорошо, моя мать будет нянчить. Утром стану относить к ней, а вечером забирать...

М а р а с у л ь. Это — дело другое. *(Вдруг.)* Ну, хорошо. Ребенка ты будешь относить к матери, а меня куда отнесешь? Кто за мной будет ухаживать?

Н а с и б а. Я сама буду... Со всем справлюсь. И с учебкой и с домашними делами.

М а р а с у л ь (*после паузы*). Послушай-ка: зачем тебе учиться? Чтобы потом работать? А для чего тебе работать? Думаешь, я тебя не сумею прокормить?

Н а с и б а. Почему вы меня должны «кормить»? Я ведь не кошка...

М а р а с у л ь (*гневно*). Мы разговариваем! Мы — муж и жена. А твоим языком говорит чужой человек!

Н а с и б а. А что же я сказала?

М а р а с у л ь (*передразнивает*). «Почему вы меня должны кормить!.. Я ведь не кошка!» Это — слова его... Пулатджана Домлы! Такая философская мудрость от него!

Н а с и б а. Это моп слова, хотя, может быть, и не я их придумала. Я не хочу быть кошкой. Я человек, и у меня человеческие желанья.

М а р а с у л ь. Ну, допустим, твое желание исполнилось, ты стала учтться, и на работу поступила. Какой же оклад вы согласны получать?

Н а с и б а (*глядя ему в лицо*). А за какой будущий оклад вы согласились бы отпустить меня учиться?

М а р а с у л ь (*не найдя, что ответить, рвет бумагу*). С будущего года!

Н а с и б а. Ах! (*Собирает обрывки и прижимает к груди*.) Тогда, накануне свадьбы, вы щедро дарили мне цветы и обещания. А теперь... вот это — ваш подарок.

М а р а с у л ь (*выходя из себя*). Я хочу отдохнуть после работы! (*Кричит*.) Оставишь ты меня в покое или нет?

Н а с и б а. Не кричите на меня!

Вбегают Рохля и Фатима.

Р о х л я. Что такое? Что вы опять?

Ф а т и м а. С ума сошел? На улице слышно?!

Н а с и б а. Опять на попятную идете? Вчера одно говорили — сегодня другое. Это бесчестно!

М а р а с у л ь. Я — бесчестный, я тиран, я изверг! (*Широким жестом показывает на дом и двор*.) Любая бы пошла за такого изверга!

Н а с и б а. Ну и пусть идет!

М а р а с у л ь (*кричит*). И прекрасно!

Р о х л я. Послушайте, зятек, вы опять за свое? Посмотреть на вас — никто не поверит, что вы на жену так кричите.

М а р а с у л ь. Не пуцу я ее в школу, и баста! Пусть

поступает в университет, пожалуйста! Сам помогу! Но пусть готовится дома!

Н а с и б а. Довольно! Мне надоели ваши пустые обещания! Слепой только раз в жизни теряет свою палку.

М а р а с у л ь. Надоело, так иди на все четыре стороны!

Н а с и б а. А, вот как! Ну вот, мамочка, вы довольны? Увиделл счастье дочери!

Рохля и Насиба уходят в дом.

Ф а т и м а. Слушай, ты, полоумный! Ведь у нее ребенок! Она отберет себе половину дома, отрежет!

М а р а с у л ь. Уф!.. И с одной-то женой не совладаешь. Как это покойный отец управлялся с восемью!

Ф а т и м а. О, сын мой, в те времена с плеток мужей кровь капала! В те благословенные времена паранджа была!

Появляется Рохля с ребенком и узлом в руках.

Люди добрые!.. Как ты смеешь разлучать меня с моей сватьяшкой?..

Рохля. Своими собственными руками посадила свое дитя в золоченую клетку! Говорили добрые люди, да не верила я им...

Входит Насиба с двумя связками книг.

Н а с и б а. Идемте, мама!

Ф а т и м а (*преградив им обеим дорогу*). Люди добрые! Как ты смеешь разлучать меня с моей невестушкой!..

Появляется Зухра.

Помогите, люди добрые!

Зухра (*поражена*). Что случилось?

Рохля. Что может еще случиться... Случилось то, что вы предсказывали!

Ф а т и м а (*раскланивается с Зухрой*). Опять повздорили, помири ты их, ради бога! Из-за пустяка... (*Уходит.*)

Зухра (*вслед ей*). Мразь!

М а р а с у л ь (*Рохле, с упреком*). Нет того, чтоб поругать нас обоих, помирить, вы сразу за узлы!..

Рохля (*Зухре*). Все я поняла. Хотела выдать свою дочь замуж, пока жива, о себе думала, а что будет после свадьбы с моей Насибой — и в голову не пришло.

Когда наступает последний день в жизни матери, она во всем прощает свое дитя. У меня другая судьба — мне надо заслужить прощение дочери.

Зухра. Вот теперь, я вижу, вы взялись за ум!

Марасуль (*угрожающе*). Тетушка!.. Вы лучше не вмешивайтесь в наши семейные дела! Семейный вопрос — политический вопрос! В то время когда Советская власть принимает все меры к укреплению семьи... вы ответите за это!

Зухра. Советская власть укрепляет советскую семью!

Марасуль. Не руками ли таких вот малограмотных активисток, как вы? (*Преграждает дорогу Рохиле и Насибе.*)

Зухра. А сам-то ты грамотный? Одним глазом глядишь в рот людям, а другим — в их карман. Где же ты еще взял глаза, чтобы выучиться грамоте?

Марасуль (*Насибе*). Не надейся получить от меня деньги. Не разживешься!

Насиба. И не надо!

Зухра. Надо! Ничего, закон растрясет твои карманы!

Марасуль. По закону будет получать? Ну так я поступлю на работу, где будут платить не больше ста рублей!

Зухра. До чего же ты... скользкий!

Марасуль (*Насибе*). Смотри! Одумаешься, вернешься, а в этом доме окажется другая женщина!

Насиба. И не подумаю возвращаться! Всю жизнь буду жалеть о днях, загубленных в этом доме. Идемте, мама! (*Уходит.*)

Рохиля. Недаром они прошли, эти годы! Глаза наши раскрылись. Увидели, что такое счастье и что такое несчастье. Всем матерям скажу: неоперившийся воробышек, рвущийся в полет, непременно попадет в пасть змеи! Буду всем твердить — не пускайте его!

Рохиля и Зухра направляются к калитке.

Марасуль (*кричит*). Всего, чего хотели, добились, тетушка!

Зухра. Нет еще! Не всего. Я еще в долгу перед тобой!

Уходят.

ЗАНАВЕС

ЭПИЛОГ

Столовая в доме Заргарова. Абсолютно пустая комната. На полу пара старых калош и клочки газет. Входит Заргаров с чемоданом в руках. Замирает от удивления. Трет глаза, будто не верит им. Наконец, убедившись, что это не сон, опускается на чемодан.
Входит Марасуль.

Марасуль. Салам! С приездом!

Заргаров. Салам...

Марасуль. Я на улице окликнул вас,— не услышали.

Заргаров (*показывая на комнату*). Что это?

Марасуль. Ваша Хуморхон... Вчера... Покинула... Не горюйте, теперь все жены покидают мужей! И Насиба тоже...

Заргаров. Куда она переехала? К дяде?

Марасуль. К мужу.

Заргаров (*вскочив с места*). Что?

Марасуль. Да, вы не убивайтесь, если голова цела, тубетейка всегда найдется... Скажите лучше, с чем приехали.

Заргаров жестом отвечает — конец.

Ах, ах! А вы бы сказали: нельзя же так — взять и с корнем. Я, мол, полечусь, исправлюсь...

Заргаров. Чего только не говорил.

Марасуль. Да... Трудно стало жить на свете, Ахаджан-ака!

Заргаров. Тебе-то что! Выгонят из одной щели, а ты свой зубодерный инструмент в руки — да в другую, и будешь жить. А мне вот... Трудно!

М а р а с у л ь. Кажется, Ахаджан-ака, меня тоже вырвали... с корнем. Вместе с моим зубодерным инструментом. Из поликлиники уволили — за незаконную частную практику. Мало! Обязали за все время налоги уплатить. Вас-то теперь нет. Пришлось дом продать... Не знаю, что дальше будет.

З а р г а р о в. Ах, если бы все это было во сне... Проснуться и начать жить. Уж я бы знал, как... Оказывается, у меня на плечах не голова — тыква, обросшая шерстью. Тыква!

З А Н А В Е С

1954

«ГОЛОС ИЗ ГРОБА»

Фарс в трех действиях, семи картинах

Перевод Константиша СИМОНОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Нусрат Сухсуров — взяточник. По совместительству заведующий маленьким, но удобным для его основной профессии учреждением.

Нетайхон — жена взяточника. Женщина, не вникающая в то, во что не надо вникать.

Кары-ака — последняя профессия — мулла

Юсуф — собутыльник и сослуживец Сухсурова. На данном этапе скорей овца, чем волк.

Шабарат — брат еще одного, лично неизвестного нам взяточника.

Ходжар — по мнению одних — племянник, по мнению других — приемная дочь, а на самом деле — прислуга за всех в доме Сухсурова.

Абиджан — сводный брат Нетайхон, человек из другой пьесы.

Наврузов — капитан милиции.

Старик, свидетели.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Перед открытием занавеса на авансцену выходит Представитель автора.

Представитель автора. Конечно, вор есть вор. Я не оправдываю вора. Но, все-таки, обыкновенный вор — это еще полбеды по сравнению с взяточником. Вор ночью преграждает вам путь, залезает вам в карман, забирает ваши денежки и убегает. Только его и видели! А взяточник? Взятчик среди бела дня, сидя у себя в кабинете, преграждает вам путь, забирается к вам в карман, отбирает ваши деньги и не убегает — ничуть не бывало! А, наоборот, вас же еще и делает соучастником своего преступления! Взятчик ворует ваши собственные права и, украв их у вас, снова перепродает их опять-таки вам! Конституция дала вам право на труд. Взятчик ворует у вас это право и вам же его продает; он задерживает вас у двери, в которую вы хотите войти, и требует взятку! Конституция дала вам право на учебу. Взятчик ворует у вас это право и вам же продает его! Он задерживает вас у входа в вуз и требует взятку! Вы, не жалея сил, трудитесь до седьмого пота, а взяточник преспокойно ворует у вас плоды вашего труда. Если вы мне не верите, пожалуйста, посмотрите собственными глазами на портрет одного моего знакомого взяточника! Предупреждаю — это будет не водевиль-шутка, какие уж тут шутки со взяточниками! И не какая-нибудь там нежная лирическая комедия, а, наобо-

рот, самая что ни на есть грубая! Взятчики так насолдили нам, что нежничать с ними не приходится. Не знаю, как кто, а я считаю, что, имея дело с этими людьми, уж лучше пересолить, чем недосолить.

Занавес открывается. Парадная комната в доме Нусрата Сухсурова, двор которого по забору граничит с двором мечети. Комната эта, если б выбросить из нее все то великолепное барахло, которым она сейчас забита, вполне могла бы служить просторной спальней в детском саду, кроватей, атак, на двадцать. Одна дверь комнаты выходит в глубь двора, а другая — в сторону улицы. В углу комнаты большая черная круглая железная печка. На диване — халат и чалма. Видно, что в комнате всю ночь шло пьянство. На столе — пустые бутылки из-под коньяка, естатки ужина. Накануне все напилось до бессознательного состояния. Нусрат Сухсуров, видимо, полз к дивану, но так и не добрался до него; Юсуф свалился на пол, обнимая ногу Сухсурова; Кары, как уперся ночью челюстью в стол, так и застыл во сне, словно кот, подстерегающий мышь. Сухсуров храпит на высоких нотах, Юсуф берет ноты пониже и пореже.

Поют петухи. Из внутренних комнат выходит Нетайхон с растрепанными волосами, в нижней сорочке, в накинутом на плечи халате. Посмотрев на Сухсурова и убедившись, что он крепко спит, подходит к Кары.

Нетайхон (*тряся его за плечи, сильным шепотом*). Кары-ака! Кары-ака!

Кары (*спросонок*). Слава аллаху!

Нетайхон. Вставайте.

Кары (*намереваясь обнять ее*). О аллах, благодарю тебя за доставленное мне благодеяние!

Нетайхон (*спохватившись*). Обещали зайти, и я всю ночь, как дура, не смыкала глаз!

Кары. Аллах зачтет это тебе. (*Обнимает ее и тянет в соседнюю комнату. Из мечети слышится азан — утренний призыв на молитву.*)

Нетайхон (*с досадой*). Ну вот! (*Показывает на мужа.*) Сейчас он проснется! У него привычка, как только услышит азан, сейчас же просыпается, чтобы опохмелиться! Пустите меня!

Кары, опасливо посмотрев на Сухсурова и накинув халат и чалму, выходит на улицу. Нетайхон, проводив его, выглядывает в калитку на улицу, кого-то видит там и бегом возвращается в гостиную.

Нетайхон (*будит мужа*). Нусрат-ака! Нусрат-ака, вставайте!

Сухсуров (*всхрапнув еще сильнее и вдруг проснув-*

шись от собственного храпа). Почему я остался здесь лежать? Почему не разбудила?

Не тайхон. Да разве вас добудешься! Вставайте, опять кто-то ходит вокруг нашего двора. По-моему, он фотографирует!

Сухсуров (*глядя в окно*). Этот дом съест меня!

Не тайхон. И зачем только вы отправляли меня на курорт! Вернулась и за три дня снова разрушила себе все нервы! Все время мимо дувала идут какие-то незнакомые люди и пялят глаза на наш дом! Даже когда позавчера на той стороне был пожар, то я видела, как пожарный льет воду на огопь — туда, а сам во все глаза смотрит на наш дом — сюда! И доктор — шел к соседям, а смотрел на наш дом! И когда туда шел и когда обратно! Даже керосинщик, когда ехал и кричал в трубу: «Керосин!» — наставлял свою трубу прямо на наш дом!

Сухсуров. Если бы знать заранее, что выйдут такие законы, нечего было его и строить!

Не тайхон. А вы переведите его на мое имя!

Сухсуров. Вернулась из санатория такой же дурой, какой уехала! Я хоть получаю зарплату сто десять рублей! А ты? Если спросят: «Откуда столько денег нашла?» Что ответишь? Цыпляют, что ли, высиживала и на базаре продавала?

Стук в калитку.

Не тайхон (*с испугом*). Вот он! Тот самый!

Сухсуров (*вскакивает, кричит в окно*). Ходжар! Ходжар!

Входит Ходжар.

Сухсуров. Глухая, что ли? Открой калитку!

Не тайхон. Не надо!

Сухсуров. Погляди, если посторонний, не открывай.

Ходжар идет к калитке, муж и жена с нетерпением ждут.

Ходжар (*вернувшись*). Шабарат-ака!

Сухсуров (*к Нетайхон*). Нашла кого бояться! (*К Ходжар*.) Скажи ему, если есть дело, пусть завтра, в понедельник, приходит на службу.

Ходжар уходит.

Не тайхон. Издалека не узнала его!.. Чтоб ему провалиться, чего он лезет в такую рапь!

Не тайхон уходит.

Сухсуров (*будит Юсуфа*). Юсуф, вставай! Голова трещит! Сбегай в магазин!

Юсуф (*встает*). Ой, голова!

Сухсуров. В каждый висок словно по железному костылю забито!

Юсуф (*сливает остатки коньяка со всех рюмок в одну*). Сейчас выдернем! (*Собирается выпить*.)

Сухсуров. Это мне! (*Выхватывает рюмку*.) А ты сбегай в магазин! (*Приготовился выпить*.)

Юсуф (*с завистью*). Ладно! Там и закуска внутри — муха!

Сухсуров брезгливо отодвигает рюмку. Юсуф тут же выпивает ее.

Сухсуров. Зачем выпил, раз там муха?

Юсуф. Не выпьешь — до магазина не дойдешь!

Сухсуров. Иди скорей, голова лопается! Я никого из вас вчера не обидел?

Юсуф. Вы пьяный очень добрый, Нусрат-ака. Вы мне пьяный нравитесь даже больше, чем трезвый.

Сухсуров (*растроганно*). Иди, иди. (*Дождавшись, когда Юсуф выйдет, кричит в дверь*.) Нетайхон, позови Кары-ака!

Голос Нетайхон. «Сейчас! Ходжар! Эй, Ходжар!»

Голос Ходжар: «Что?»

Голос Нетайхон: «Сбегай, позови дядю Кары!»

Юсуф входит, потягивая из горлышка бутылки коньяк.

Сухсуров (*восхищенно*). Быстро!

Юсуф. А я вчера привязал одну нераскупоренную к собачьей будке.

Сухсуров. А осталась всего половина?

Юсуф. Значит, хороший коньяк нельзя доверять и собаке! (*Оба пьют*.) Там Шабарат сидит у калитки.

Сухсуров. Все еще сидит?

Юсуф. Не могу видеть этого парня. Как взгляну на него, так словно в тюрьму сел. И так она по ночам снится, а тут еще он на глаза лезет...

Сухсуров. Замолчи! Не каркай!

Юсуф. Нет, я... я хочу сказать, что, пока дело Шаджалила не замнется, лучше бы вы временно перевели меня на какую-нибудь другую работу...

Сухсуров. Уже испугался? Я привык работать с

мужчинами. Мне зайцы не пужны. Считай, что тебя уже нет около меня. И не временно, а навсегда.

Ю с у ф (*вытаскивая из кармана деньги*). А если я уже раскаиваюсь в своих словах?

С у х с у р о в (*не отрывая глаз от денег*). Раскаиваешься? (*Громко.*) Это что у тебя в руках? Да еще в такое время, когда вышли такие законы? (*Вырывает деньги.*) Не пачкай ими руки. Убирайся!

Ю с у ф. Я могу прибавить...

С у х с у р о в (*кричит*). Когда? Убирайся!

Ю с у ф, испуганно озираясь, выходит.
Входят Н е т а й х о н и К а р ы.

Н е т а й х о н. Что с ним случилось?

С у х с у р о в. Ничего. Выпил лишнего.

К а р ы. Слава аллаху!

С у х с у р о в. Садитесь... Есть дело, требующее совета. Этот наш дом мне просто в зубах навяз. Один знающий человек говорит так, другой — эдак! А в общем, после выхода новых законов никто еще толком не знает, как их обойти! Шаджалилу тоже особенно доверять не приходится. Надо искать выход...

К а р ы (*тогда*). Продать.

С у х с у р о в. А я-то считал, что обратился за советом к умному человеку. Кому продать? Кто его сейчас возьмет? Видно, у вас только и хватает ума, что твердить: «Слава аллаху!» Но этого на данном этапе мало.

Долгая пауза.

Н е т а й х о н. А что же делать?

С у х с у р о в (*вдруг*). Нашел!

Н е т а й х о н. Что нашел?

С у х с у р о в. Ты помирись со своим младшим братом, вот что!

Н е т а й х о н. С каким младшим братом? С Абидом? Да провались он! Столько лет ссорились, а теперь вдруг мириться?!

С у х с у р о в. Знаешь, есть поговорка: «Когда в горле рыба кость, спасибо кошке, если она ее когтями вытащит!»

Н е т а й х о н. Что же вы собираетесь делать?

С у х с у р о в. Ты напишешь Абиджану ласковое письмо. Начнешь с того, что кто старое помянет, тому глаз

вон! И что родство остается родством, и ты не можешь споконно умереть, не увидев его. Твой Абидджан — сердобольный человек — придет! А уж здесь мы его к полу обеими ногами приклеим. Приоденем нашу Ходжар да и подкинем ее Абидджану. А потом переведем дом на них обоих. Вот и будет шито-крыто!

Нетайхон. А его потом не спросят, на какие ты деньги это построил?

Сухсуров. Его не спросят. Он инвалид войны! С клюшкой ходит!

Кары (*в сторону*). Эх, обидно! Не дезертируй я тогда с военной службы, был бы сейчас в зятях и с домом!

Нетайхон. Правда, он уже много лет живет без жены, но возьмет ли он в жены старую деву?

Сухсуров. А она еще не такая старая! Зови ее!

Нетайхон. Вы что? Еще и ее согласия спрашивать будете?

Сухсуров. А как же! А то еще выскочит на улицу да завопит на весь квартал: «Меня силком замуж выдают!» Сейчас не то время! И всяких корреспондентов слишком много развелось! Иди, зови!

Навстречу Нетайхон появляется Юсуф с дубиной в руках. Завидев его, Нетайхон с воплем убегает. Все застывают. Юсуф, пошатываясь, приближается к Сухсурову.

Сухсуров (*заикаясь*). Ю-ю-юсуфджан...

Юсуф (*неожиданно отдает палку Сухсурову и нагибает голову*). Бейте, Нусрат-ака!

Сухсуров (*несколько придя в себя*). Юсуф!..

Юсуф (*плача навзрыд*). Не успокойсь, пока не побьете! Если уволите меня с работы, зачем мне моя глухая голова? Отдаю ее вам! Своими руками отдаю!

Сухсуров (*успокоенно*). Ладно, раз она моя, положи ее пока на диван! И пусть она с моего разрешения поспит! Идем!

Оба уходят. Из дома слышится пьяное бормотание Юсуфа.

Кары (*к Нетайхон*). Ваш младший брат, очевидно, недостойный человек?

Нетайхон. Да, мы с ним поругались...

Кары. Так чего же хорошего вам ждать от его приезда! Получит дом в свое владение да и откажется вас признавать!

Сухсуров возвращается с Ходжар.

Сухсуров. Садись!

Нетайхон. Замуж пойдешь, если выдадим? Или будешь до ста лет нам тут глаза мозолить?

Ходжар. За кого? Кто он?

Нетайхон (*хохочет*). Смотри, какая разборчивая! За мужчину! Мало тебе этого?

Сухсуров. За моего шурина. За сводного брата Нетайхон.

Кары (*легонько подтолкнув Ходжар, тихо*). Имей в виду — у него одна нога хромая. Вот такая! (*Идет по сцене прихрамывая.*)

Сухсуров (*заметив это*). Эй, Кары, что с вами?

Кары (*переходя с прихрамывания на приплясывание*). А это мы на свадьбе будем танцевать!

Сухсуров. Лет ему сорок. Или немного больше. Или немного меньше. Подойдет? (*К Нетайхон.*) Молчанье — знак согласия! Иди пиши письмо!

Ходжар продолжает молчать.

Нетайхон (*обращаясь к ней*). Вставай!

Обе выходят.

Кары. А вам известно, что это за человек, ваш Абиджан?

Сухсуров. Он работает механиком в одном из мирзачульских колхозов.

Кары (*после молчания*). А кроме этого? Честный ли человек? Подходящий ли для вашей цели?

Сухсуров. Эх, Кары, если б всегда заранее знать, где и что у тебя зачесется.

Кары (*недовольно*). Если вы так в себе уверены, то нечего и советоваться. Самп потом расхлебывайте!

Кары выходит. Входит Ходжар.

Ходжар. Вас спрашивает Шабарат-ака.

Сухсуров. Ладно, пусть заходит.

Ходжар выходит. Входит Шабарат.

Шабарат. Салам!

Сухсуров. Сказал же я — приходи завтра на службу.

Шабарат. Не хватает терпения ждать до завтра.

Сухсуров. Что хочешь сказать?

Шабарат. Я вчера носил передачу Шаджалилу-ака. Он передал мне костюм и просил прислать ему ватник. Это не значит, что дело его дрянь?

Сухсуров. Может быть, и так.

Шабарат. Я очень расстроился: ну что ж, пусть мой старший брат ест из тюремного котла, раз у него такая судьба! Но боюсь, как бы и вас не задела! Как ни говори, а он был у вас в подчинении, так сказать, у одной кормушки стояли... *(Исподтишка наблюдает за Сухсуровым.)*

Сухсуров *(поняв намек)*. Да, это верно. Стояли у одной кормушки, но при этом каждый жевал собственными зубами и глотал собственной глоткой! И у каждого будет своя могила, и за душой каждого придет свой ангел-хранитель!

Шабарат. Так-то оно так, но если дело раздуется, не соединятся ли и ваши могилы?..

Сухсуров *(смеясь)*. Значит: «Или помоги вытащить твоего брата, или он сам тебя за ноги потянет!» Так тебя понимать?

Шабарат *(уклончиво)*. Зачем так говорить, Нусрат-ака! Мой брат никогда этого не сделает!

Сухсуров. А если сделает, то он до моих ног и рукой не достанет!

Шабарат. Разве я об этом, Нусрат-ака!..

Сухсуров. А если достанет и я упаду, то упаду прямо на него. Это он знает, твой старший брат. И пока идет следствие, я ему нужен! И потом из тюрьмы, чтобы сократить срок, тоже попытается шарить в моем кармане. И если выйдет из тюрьмы вовремя, и если выйдет досрочно, все равно за работой придет ко мне! Понял меня?

Шабарат. Поэтому и пришел к вам. Брат просил, чтобы вы указали ему путь.

Сухсуров *(неожиданно)*. Путь? Не жалею денег и... бери адвоката! Вот и весь путь!

Шабарат. Вы, Нусрат-ака, говорите со мной не по-свойски.

Сухсуров. А я служу на государственной службе. У меня нет времени говорить с тобой по-свойски.

Шабарат. А когда у вас будет время? Сегодня девятое, какого числа прийти? *(Сухсуров, разглаживая волосы, делает пальцами жест «две», но Шабарат не понимает знака.)* Значит, одиннадцатого прийти?

Сухсуров (*вскипая от его тупости*). Две! Понял?
Шабарат (*не сразу, но понимает. Изумленно*). Две тысячи? Новыми деньгами?

Сухсуров. А разве у тебя еще сохранились старые деньги?

Шабарат. И это дело стоит две тысячи?

Сухсуров. Вот именно. Поэтому я и сказал тебе: «Бери адвоката!»

Шабарат (*уныло*). Да, видно, в камень высох тот хлеб, который вы с моим братом разламывали пополам!

Сухсуров. Не болтай лишнего, мне из этих двух ничего не достанется. Просто хочу сделать тебе добро. Возьму у тебя — отдам другому. Двадцать пять лет грозит твоему брату! А тот человек сведет на пять лет. Ладно, пусть пока на пять лет! Потом найдем другого человека, чтобы сделал из пяти — два.

Шабарат (*протягивает деньги*). Спасибо. Пусть поможет вам аллах!

Сухсуров (*приподняв на кровати ватное одеяло*). Клади! Передам ему для начала. А мне магарыч, ладно уж, потом дашь! А теперь помни, если кому заикнешься об мне — знаешь про новый закон? Тому, кто дал взятку, — тоже 15 лет!..

Шабарат. Знаю, как же не знать! (*Нерешительно*). Так за сколько же всего вы сторговались с тем человеком?

Сухсуров. Дурак! Разве в таких делах можно торговаться?

Шабарат. Хорошо, Нусрат-ака, да спасете вы моего брата и да спасет вас аллах! (*Собирается уйти*.)

Сухсуров. Подожди! Не забудь везде говорить, что твоего брата посадили из-за моей жестокости. Пусть его жена идет с плачем прямо в учреждение! Пусть погромче проклинает меня там! Не жалеет слез.

Шабарат выходит, рассыпаясь в благодарностях, Сухсуров запирает за ним дверь.

Сухсуров (*беря пачку денег щипцами, задумчиво*). Да, некстати вышел этот закон. Ладно, на этот раз возьму, а потом раз навсегда забью затычкой свою утробу. (*Бросает деньги в печку и открывает дверь*.)

Нетайхон (*входит с письмом*). Написала.

Сухсуров (*пробегая письмо глазами*). Не так глупо! (*Заклеивает конверт*.) Я сам снесу его на почту.

Нетайхон. Отправьте лучше заказным!
Сухсуров. Заказным или не заказным — только бы он приехал. Мы огородим этот дом одним твоим братом лучше, чем тремя заборами!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Двор Сухсурова. Длинный праздничный стол человек на двадцать. Нетайхон оглядывает стол. Автомобильный гудок. Входит Ходжар с тяжелым ящиком в руках.

Кары (*помогая ей нести ящик, тихо*). В лице у твоего жениха нет благообразия, Ходжархон! Ты права, что еще не дала своего согласия...

Вдвоем проносят ящик к кухне, возвращаются обратно и начинают таскать еще ящики, мешки, бумажные пакеты.

Кары. Когда брак не по душе человеку, он и аллаху не по душе... При наличии государственной власти женщины и девушки у нас свободны... Если будут тебя заставлять, обратись к общественности...

Нетайхон. Ходжархон, идите приоденьтесь, миленькая!

Ходжар (*удивленно*). А как? У меня другого платья нет...

Нетайхон. Ладно уж, наденьте мое желтое платье! Идемте, миленькая, приоденемся.

Обе уходят в дом.

Ведя барана, входит Юсуф. Он пьян.

Кары. Добро пожаловать!

Собирается взять за веревку барана.

Юсуф. Отойдите! Я передам его лично в руки Нусрат-ака. Пусть Нусрат-ака знает, что он обошелся мне в девяносто восемь рублей!

Кары (*берет за веревку барана*). Я сам ему все это скажу и передам, что этот баран — ваш дар!

Юсуф. Не согласен! (*Сам тащит барана в глубь двора.*)

Нетайхон выходит, неумело принаряженная и от этого подуревшая.

Кары (*глядя на декольте Нетайхон*). Если придут люди из учреждения, то не следовало бы открывать перед посторонними неразрешенные аллахом части тела...

Нетайхон. А что мне до этих людей из учреждения! Я нарядилась, чтобы понравиться своему брату.

Шабарат въезжает на мотоцикле.

Шабарат. Нусрат-ака дома?

Кары. Он дома, но у него нет времени для разговоров с вами. Приехал Абидджан, видите, уже стол накрыт!

Нетайхон (*приветливо*). Заходите... Заходите! Как вы обрадовали меня! Я как раз мечтала о таком мотоцикле для Абидджана. Как это хорошо вышло! Спасибо!

Шабарат (*не зная, что и говорить*). У меня дело к Нусрат-ака...

Нетайхон. Ничего, не смущайтесь! А если вы уж так смущаетесь, то я сама передам его Абидджану. Ах, какой красивый!

Сухсуров (*войдя, посмотрев на часы*). Уже полседьмого, почему людей нет? Что они там — умерли, что ли?

Нетайхон. Шабарат-ака привез подарок Абидджану.

Сухсуров. Вот это спасибо! Вот это подарок так подарок! (*Всхлипывает.*) Оказывается, ты самый истинный мой друг! Нетайхон, пойдн узнай-ка об Абидджане! (*Нетайхон выходит.*) Мотоцикл, конечно, хорошая вещь, но прежде чем он начнет ездить на твоём мотоцикле, я думаю послать нашего Абидджана на курорт. Нужный человек не должен болеть, нужный человек должен лечиться, как бы дорого это нам ни стоило...

Шабарат (*вздыхнув*). Сколько?

Сухсуров. Это зависит от твоего благородства... Я дам ему сто пятьдесят. Если и ты тоже...

Шабарат. Но ведь я уже...

Сухсуров. Впрочем, это не обязательно...

Шабарат. Что-то я плохо вас понимаю...

Сухсуров. А чего ты не понимаешь? До сих пор мне и лизнуть ничего не дал!

Кары выводит мотоцикл.

Шабарат. Мало вам мотоцикла?

Сухсуров. Я у тебя не просил мотоцикл. Ты сам пришел и подарил его!

Шабарат. Послушайте! Нусрат-ака, так можно и с мертвого саван содрать!

Сухсуров. Саван сдирает тот, кому я передал твои деньги! А за что ругаешь меня? За то, что сделал мне небольшой подарок?

Шабарат. Скажите мне, кто он, этот человек, я сам с ним поговорю! Почему дело не движается?

Сухсуров. А я советовал тебе: «Возьми адвоката!» И сейчас не поздно — бери! А с меня хватит, я в ваши дела больше не вмешиваюсь.

Шабарат. Ого, столько денег дал вам, а теперь они пойдут прахом?

Сухсуров. А разве мои труды не пойдут прахом, если ничего не выйдет?

Шабарат (*гневно*). Спасибо за ваши труды, Нусрат-ака! А те деньги, что я дал, пусть станут поперек горла и тому человеку и вам!

Шабарат уходит.

Сухсуров спокойно осматривает стол, очевидно, распределяя места для гостей.

Сухсуров (*в сторону дома*). Эй, так никто из учреждения и не явился! Нетайхон, ну-ка позвони еще раз.

Голос Нетайхон: «Сейчас!» Входят Юсуф и Кары.

Юсуф. Кары-ака, сколько, по-вашему, стоит баран, которого я привел?

Кары (*иронически*). Не знаю. Знаю только одно, что вы с этим бараном стоите друг друга!

Сухсуров. Так это ты приволок барана? Вот спасибо! (*Всхлипывает.*) Вот кто, оказывается, истинный мой друг!

Входит Нетайхон.

Нетайхон. В учреждении никого уже нет!

Сухсуров. Наверное, они все в пути...

Ходжар выходит из дома разнаряженная и помолодевшая.

Сухсуров. Ого!.. Как говорится: под богатым седлом и ишак — лошады!

Нетайхон. Не сглазьте ее, Нусрат-ака!

Входит А б и д д ж а н.

Су х с у р о в. Рассаживайтесь! Кто должен прийти, пусть придет, ждать их не будем...

Все садятся.

Н е т а й х о н. Прикатите мотоцикл. (*Кары подкатывает мотоцикл.*) Абидджан, примите от нас этот скромный подарок!

А б и д д ж а н (*не ожидавший такого подарка*). Что вы! Нет, нет! Да что же это такое?

Н е т а й х о н. Не отталкивайте мою руку, братец! Что такое один мотоцикл при нашей любви к вам!

А б и д д ж а н. Да ведь мотоцикл стоит денег.

Су х с у р о в. А что такое деньги? Земля, по которой вы ступаете, для нас на вес золота!

Н е т а й х о н. С вашей больной ногой вам будет очень хорошо ездить на этом мотоцикле!

Все садятся. Нетайхон усаживает Ходжар около Абидджана и сама садится рядом с ней.

Су х с у р о в. Наполняйте.

Ю с у ф (*наливает коньяк всем сидящим*). Сейчас!

Су х с у р о в (*быстро пробегает глазами написанный кем-то конспект*). Бокалы полны? Товарищи, в результате Великой Отечественной войны мы добились великой победы. Однако я лично, хотя и был вдохновлен патриотическим долгом, но не смог внести в эту великую победу... (*пугается*) свою долю... свою долю! Меня на период Отечественной войны против моей воли воткнули в торговую систему...

А б и д д ж а н (*смеясь*). Вас воткнули или вы сами так воткнулись, что вас до конца войны так оттуда и не выткнули?

Су х с у р о в (*не отвлекаясь, продолжает читать*). Товарищи, я переполнен сейчас большим счастьем, так как сегодня я имею честь принимать у своего скромного даштархана великого героя Великой Отечественной войны...

А б и д д ж а н. А нельзя чуточку пониже тоном?

Су х с у р о в (*по-прежнему не отвлекаясь*). Здесь сидит дорогой герой войны, дорогой мой друг, дорогой наш брат, дорогой Абидджан. (*Отложив, наконец, бумагу.*) Предлагаю отлить из этих бокалов по одному глотку под

ноги нашего дорогого гостя Абидджана, а все остальное выпить!

Все отливают из рюмок понемногу под ноги Абидджана и пьют. Юсуф незаметно для других осушает сразу две рюмки.

Н е т а й х о н. Кары-ака, давайте шашлык!
К а р ы. Сейчас!

Кары приносит шашлык.

С у х с у р о в. Пусть снова наполнятся бокалы! Слово...
Ю с у ф. Мне!

С у х с у р о в. Подожди... *(Взглянув на бутылку, стоящую перед Юсуфом.)* Только сели, а уже полбутылки нету!

Ю с у ф. Верхние полбутылки ничего не значат! Все дело в нижней половине! *(Абидджану.)* Кто не пьет до дна, тому не видать блаженства, как своих ушей! Пейте до дна! Слово мне!

С у х с у р о в. Пристал! Ладно, даю слово бывшему работнику нашего учреждения Юсуфджану!

Ю с у ф. Что такое? Я уже бывший? Тогда я молчу! *(Выпивает рюмку коньяка и садится.)*

С у х с у р о в. Ладно, говори!

Ю с у ф. С меня достаточно! *(Отодвигает стул от стола и, приговаривая: «Достаточно, достаточно, достаточно!» — пьет рюмку за рюжкой.)*

С у х с у р о в *(не обращая внимания на Юсуфа).* Ходжархон, ну-ка, скажи теперь что-нибудь сама...

Ходжар пугается.

Слово розе нашего двора, дорогой нашей названной доченьке Ходжархон!

Ходжар с непривычки оглушенно молчит.

Н е т а й х о н *(шепотом, обращаясь к Ходжар).* Встань с места. *(Сует ей в руку рюмку.)* Держи. *(Громко.)* Послушаем Ходжархон! *(Обращаясь к ней, тихо.)* Говори: «Добро пожаловать!»

Х о д ж а р *(обращаясь к Нетайхон).* Добро пожаловать!

Н е т а й х о н. Да не мне, а Абидджану!

А б и д д ж а н *(поняв состояние Ходжар).* Спасибо, спасибо! *(Чокается с ней.)*

Нетайхон заставляет Ходжар выпить рюмку до дна.

Сухсуров (*к Нетайхон*). Позвони еще раз в учреждение! Поиздыхали они, что ли, там?

Нетайхон выходит.

Ну-ка, да наполнятся бокалы!

Входит Нетайхон.

Нетайхон. В учреждении никого нет!

Сухсуров. Ну, если теперь кто-нибудь и придет, уже никого не впустим! (*Абидджану.*) Все наше учреждение уже направлялось сюда с подарками, чтобы вас приветствовать, да, наверное, их всех посадили на машины и послали на хлопок.

Абидджан (*удивленно*). У вас уже хлопок раскрылся? А у нас еще не цветет.

Сухсуров (*не смущаясь*). Наш район передовой! Вашу рюмку!

Абидджан. Достаточно, Нусрат-ака, я и так уже навеселе.

Сухсуров. Еще одну.

Хождар вдруг смеется.

Нетайхон. Что ты?

Сухсуров. В чем дело?

Ходжар. Абидджан-ака двойтся в моих глазах!..

Нетайхон. Пусть они прогуляются по саду. Ходжархон, миленькая, покажите Абидджану деревья, которые вы посадили. Соберите ему цветов!

Абидджан (*к Ходжар*). Оказывается, вы еще и садовница... Ну что ж, пойдёмте! (*Оба выходят в садик.*)

Сухсуров (*Нетайхон*). Зачем ты их спровадила?

Нетайхон. А что им здесь делать? В укромном уголке он скорее на нее клюнет!

Нетайхон и Сухсуров наблюдают за ними сквозь щель в калитке.

Кары уходит, очень недовольный оборотом событий.

Нетайхон. Ну как, похоже, что он клюнул?

Сухсуров. А почему бы ему не клюнуть! Что он, слепой, чтобы не клюнуть? Что он, мертвый, чтобы не клюнуть?

Юсуф вдруг просыпается, сливает коньяк из трех рюмок в один стакан и сокрушенно ударяет себя стаканом по лбу.

Юсуф. Докатился! «Бывшим» стал! Все, что в мою руку попадает, потом в его застревает! Вонзает все свои

тридцать два зуба мне в душу да еще называет «бывшим»!

Сухсуров. Эй, осел! Если я тебя временно уволил за пьянство, так я же сказал тебе, что опять приму. Чего тебе еще надо?

Юсуф (*испугавшись*). А я о чем говорю?

Сухсуров (*манит к себе пальцем*). Иди сюда!

Юсуф (*боясь подойти*). А ну-ка, попробуйте ударить, рука заболит!

Сухсуров. Иди сюда... (*Наливает коньяк.*) Цып-цып-цып! Я собираюсь послать Абидджана на курорт. Здоровье этого человека тебе еще нужнее, чем мне! До-стань ему денег на путевые расходы, а об остальном я сам позабочусь. Иди!

Юсуф, обрадованный, что его не пбили, сует в карманы две бутылки коньяку и уходит, бормоча: «Все на мои деньги... Все на мои деньги...»

Нетайхон (*неожиданно*). Возвращаются!

Вместе с Сухсуровым уходит в дом.
Входят Ходжар с Абиджаном.

Абиджан (*продолжая говорить*). А я думал, что вы родственница Нусрат-ака.

Ходжар. Нет, они меня взяли из детдома, вот уже тринадцать лет.

Абиджан. Тринадцать лет? И вы все тринадцать лет все время у них?

Ходжар. Нет, я один раз выезжала на хлопок. (*Сладко вспоминая.*) Девушек было много... мы песни пели... Я еще в канаву упала...

Нетайхон (*из окна*). И чего они там тянут!..

Сухсуров (*из окна*). Я вижу, братец у тебя — самая настоящая рохля!

Абиджан. А какое у вас образование?

Ходжар. В детдоме я закончила три класса. А после этого дядя Кары обучал меня по арабскому хафтияку: «Раббикумо туказзубон...» А начало-то я и забыла! (*Совершенно серьезно.*) А если это прочитать сорок тысяч раз, а потом дунуть па веревку, то она превратится в змею!

Абиджан. Вот как? Да ведь змей на свете и так много! Ну ладно, значит, как змей размножать, вас тут цаучили! А чему-нибудь еще вы хотели бы учиться?

Ходжар. Нет. Я для этого не гожусь. У меня ум не развит.

Абидджан. А откуда вы знаете, что у вас ум не развит. Сами решили?

Ходжар. Нет, Нетайхон так говорит. И Нусрат-ака тоже так говорит.

Абиджан берет Ходжар за руку.

Нетайхон *(из окна)*. Сейчас клюнет!

Сухсуров *(из окна)*. Да обними же ты ее, ну!

Абидджан. А у самой Нетайхон, думаешь, ум развит?

Ходжар. Наверно, развит. У нее чуть не каждый вечер голова болит. Но как только дядя Кары подует на нее с молитвой, так сразу все проходит.

Абидджан. А вы не слушайте их речей, Ходжархон! Вы очень хорошая девушка и учиться сможете не хуже их, а даже лучше. Просто вы зачали у них в этом доме. Я вас увезу и устрою в школу для взрослых. Поедете со мной?

Ходжар. А разве вы не насовсем сюда приехали?

Абидджан. Нет, я здесь только в отпуску. Хочу деньков пять-шесть походить по городу да и вернусь обратно.

Ходжар. А мне говорили совсем другое!

Абидджан. А я знаю, что вам говорили. Вас хотят выдать за меня замуж, да?

Ходжар. Да, они говорили...

Абидджан. А что вы сами скажете?

Ходжар *(погупившись)*. Раньше я боялась, хотела отказаться.

Абидджан. А теперь? Поедете со мной в Мирзачуль?

Ходжар. Нет! Не поедем! Нетайхон-апа сказала, что они перенишут этот дом на нас.

Абидджан. Да. Они мне об этом говорили... *(Взял ее за обе руки.)*

Нетайхон *(из окна)*. Ой, клюнул!

Сухсуров *(из окна)*. Обнимай скорей! Дом наш!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

В доме Сухсурова. Вечер. Сухсуров, Нетайхон и Ходжар.

Нетайхон. Абид все еще говорит тебе, что увезет тебя в Мирзачуль?

Ходжар молчит.

Сухсуров. Если он скажет, что увезет тебя, поедешь?

Ходжар молчит.

Нетайхон. Эх, башка!.. Жена всю жизнь должна поворачивать мужа в нужную сторону! Если сразу не повернешь, то потом пад твоей судьбой даже обезьяны будут смеяться.

Сухсуров. А если он, пожив с тобой, бросит тебя, то здесь ты в своем доме! А если он отвезет тебя в Мирзачуль и бросит, что там будешь делать? Скажи ему: «Ну куда мы поедем, зачем такой дом бросим? Если хотите на мне жениться, оставайтесь здесь». Так и скажи! Поняла?

Ходжар (*вздыхает*). Разве я вас просила, чтобы вы меня замуж отдавали?

Нетайхон. Не спорь! Чтоб тебе сдохнуть! Ишь как она заговорила!

С улицы входит Абидджан.

Сухсуров. Где это вы пропадаете? Ходжархон, доченька, несите обед!

А б и д д ж а н. Не беспокойтесь, Ходжархон, я сыт.

С у х с у р о в. Я сегодня кое-куда заходил, говорил о вашей работе. Если завтра утром сходите туда часов в девять... Можно сразу и оформиться...

А б и д д ж а н (*смеясь*). А зачем? У меня в Мирзачуле неплохая работа!

Н е т а й х о в. Ах, братец, не говори так! Если будет жена, будет дом, да и работа наклеивается тут же под боком, чего еще нужно человеку?

С у х с у р о в. Откровенно вам скажу, мы ведь тоже в этом заинтересованы. Не хочется состариться и остаться одинокими. Завтра утром напрямик и идите. В приемной не останавливайтесь, на секретаря не смотрите, прямо подходите к двери кабинета и стучите в нее своей клюшкой.

А б и д д ж а н. Ну, а если вдруг скажут: «Может, ты с этой целью и прихватил с войны свою клюшку, чтобы сю в двери стучать?» Тогда что?

Н е т а й х о в. Так не скажут!

С у х с у р о в. Не имеют права!

А б и д д ж а н (*помолчав, к Ходжар*). В кино не пойдете?

Ходжар смотрит на Нетайхон.

Н е т а й х о в. Идите! Идите, миленькая, приоденьтесь! Пойдемте, я вам волосы заплету.

А б и д д ж а н. Вы одевайтесь не торопясь, а я пока схожу за билетами.

Нетайхон и Ходжар выходят.

С у х с у р о в (*подмигивая Абидджану*). Будьте смелее!

А б и д д ж а н выходит.

Входит Ш а б а р а т.

Ш а б а р а т. Здравствуйте!

С у х с у р о в. Чего пришел?

Ш а б а р а т. Простите, Нусрат-ака, что я тогда со зла немного огорчил вас. (*Повышает голос.*) Я принес вам то, что вы просили для Абидджана-ака.

С у х с у р о в. Ну и молодчина.

Шабарат (*громким голосом*). Вот они, сто пятьдесят рублей.

Сухсуров. Принес сто пятьдесят, а шуму поднял на целую тысячу.

Шабарат (*все так же громко*). Если этого мало, то я еще принесу.

Сухсуров. Ладно, положи под одеяло!

Шабарат. Ну что ж, под одеяло, так под одеяло... (*Кладет деньги под одеяло.*)

Сухсуров. Иди, иди! Обо всем, о чем не договорили, потом, в другой раз договорим, меня что-то знобит. (*Выставив Шабарата за дверь, запирает ее на ключ и щипцами берет деньги из-под одеяла. В дверь стучат.*) Я же сказал тебе, что меня знобит, чего толчешься!? (*Бросает деньги в печку.*) С ума сошел, что ли? (*Подходит и открывает дверь.*)

Входят Наврузов, Шабарат, свидетели, Абиджан.

Наврузов. Салам!

Сухсуров. Салам!

Наврузов (*показывая на Абиджана*). Это что за человек?

Сухсуров. Мой шурич...

Абиджан. Я уже сказал вам, что я его шурич!

Наврузов (*показывает удостоверение*). Капитан милиции Наврузов. А это свидетели.

Сухсуров (*Абиджану*). Что вы такое натворили?

Абиджан (*с удивлением*). Ничего не натворил...

Наврузов. Мы не им, мы вами интересуемся.

Сухсуров. Вот как?

Наврузов. Вы, используя свое служебное положение, сейчас взяли у Шабарата Шарахимова взятку в сто пятьдесят рублей.

Абиджан (*удивленно*). Взятку?

Сухсуров. Какую взятку?

Абиджан. Да ведь я только что вышел отсюда!

Сухсуров (*Шабарату*). Эй, послушай, как тебя зовут? Ты, говорят, приходишь ко мне со взяткой? Так почему же ты мне ее не дал?

Шабарат. Как не дал?

Сухсуров. Если ты вот сейчас, только что, ничего не боюсь, дал мне взятку, значит, ты и раньше носил мне взятки?

Шабарат. А как же?

Сухсуров. И ты не откажешься потом от своих слов?

Шабарат. А зачем мне от них отказываться?

Сухсуров (*ко всем*). Вы слышали? (*Шабарату*.) Так почему же ты раньше об этом не заявлял?

Шабарат стоит, не зная, что ответить.

Наврузов. Почему вы молчите?

Абидджан. Не произошло ли здесь какого-нибудь недоразумения?

Сухсуров. Нет здесь нет никакого недоразумения! Но зато есть подоплека: этот негодяй хочет подорвать авторитет человека, находящегося на государственной службе!

Наврузов. Вы и раньше давали взятки Сухсурову?

Шабарат (*запугавшись*). Да. То есть — нет. Можно считать, что нет... Но сейчас я дал. Я дал сто пятьдесят рублей. Он мне сказал: «Дай мне денег, я пошлю шурина на курорт».

Абидджан. Да разве я собирался на курорт?

Наврузов. Вы об этом ничего не знаете?

Абидджан. Впервые слышу!

Сухсуров. Вы слышали? Этот негодяй возводит клевету не только на меня, государственного служащего, но и на героя Отечественной войны, на инвалида! Если бы Абидджан и нуждался в курорте, само государство послало бы его туда!

Наврузов (*протягивая бумагу*). Постановление на производство обыска. Прочтите и распишитесь!

Сухсуров. Пожалуйста! (*Расписывается*.) Если слово честного советского служащего не стоит ни гроша рядом с клеветой мошенника, пожалуйста! (*Сбрасывает с себя пиджак, ботинки, собирается снять брюки*.)

Наврузов (*останавливая его*). В этом нет необходимости!

Сухсуров (*подтягивает брюки, выворачивает карманы*). Пожалуйста!

Шабарат (*показывая под одеяло*). Деньги здесь!

Сухсуров. Пожалуйста! (*Подходит, хватает одно за другим одеяла и швыряет их на Шабарата*.)

Наврузов. Тише! Не утруждайте себя!

Входит Петайхон, следом за ней разнаряженная Ходжар.

Нетайхон. Что случилось? (*Увидев происходящее, в ужасе обнимает сундук.*) Караул!

Абидджан. Не поднимайте шума, здесь никому нет дела до вашего сундука!

Нетайхон (*несколько успокоившись*). А зачем они пришли? (*Снова в ужасе.*) За домом пришли? (*Обращаясь к Абидджану.*) Сколько раз я тебе говорила — переведи свой дом на мое имя. Пропади он пропадом этот твой дом!

Наврұзов. А вы кто будете?

Нетайхон. Я старшая сестра вот этого инвалида!

Наврұзов. Разрешите осмотреть и другие комнаты?

Нетайхон (*преграждая ему путь*). А чего вам там смотреть?

Сухсуров. Ладно, веди их. Пусть осмотрят! Да не останется у них и тени подозрения!

Нетайхон, Наврұзов и свидетели проходят в следующую комнату.

Сухсуров (*Шабарату*). Негодяй!

Абидджан. Из-за чего он оклеветал вас?

Сухсуров. Из-за чего? Из-за собственной глупости! Его старший брат арестован, так он считает, что я мог этого не допустить! Он не хочет понять, что его брат арестован за преступление! И теперь кляузники из моего учреждения действуют этим дураком, как кочергой!

Абидджан. И много в вашем учреждении таких кляузников?

Сухсуров. На государственной службе всех не ублажишь! Кому нравлюсь я, не нравится моя работа, кому нравится моя работа — не нравлюсь я...

Абидджан. Но все-таки так упрямо уверять, что ты давал деньги, которых ты не давал...

Сухсуров. Если бы он их дал, они были бы в этом доме!

Голос Нетайхон: «Помогите! Это деньги Ходжар! Ходжар! Ходжар!»

Абидджан (*выходя из комнаты на ее голос*). Сестра, не орите!

Сухсуров (*быстро Шабарату*). Дурак, плохо знаешь меня! Я кошка, меня сам пророк погладил! Если меня с неба свалишь, все равно я на ноги упаду! Скажи: «Я ошибся», — тогда не буду расписываться в протоколе, и ты останешься невредимым!

Голос Петайхон: «Не трогайте! Это деньги Ходжар! Ходжар! Ходжар!»

Входят Наврузов с коробкой, за ним цепляющаяся за него Петайхон, свидетели и Ходжар.

Петайхон. Это деньги Ходжар! *(Обращаясь к Ходжар.)* Да возьми же у него свои деньги!

Наврузов. Сейчас посмотрим... *(Сликает номера денег в коробке с записью на бумаге.)* Номера не подходят, значит *(обращаясь к Ходжар)*, это действительно ваши деньги?

Ходжар, удивленная, принимает коробку. Петайхон быстро выхватывает из ее рук коробку, и обе уходят в другую комнату.

Сухсуров. Ну как, нашлись деньги, данные мне как взятка?

Наврузов. Пока нет. *(Оглядываясь.)* Кажется, мы не посмотрели еще в печке?

Сухсуров. Пожалуйста! Можете влезть на крышу и заодно посмотреть еще и в дымоходе!

Наврузов *(заглядывает в печку. После долгой паузы)*. Нет!

Сухсуров. Ну, как же нам теперь быть? Говорят, в таких случаях какой-то акт пишется...

Наврузов. Не акт, а протокол. *(Садится и пишет протокол.)*

Сухсуров. Я прошу привлечь к ответственности клеветника. Так, в законе кое-что сказано про людей, клеветующих на работников государственных учреждений.

Наврузов *(передавая Сухсурову протокол)*. Распишитесь!

Сухсуров берет ручку и смотрит на Шабарата.

Шабарат *(подумав, Наврузову)*. Я ошибся простите...

Наврузов. Вы хотите сказать, что не давали этому человеку взятки?

Шабарат. Можно считать, что нет...

Наврузов *(посмотрев на него)*. Вот как? *(Пишет повестки Сухсурову и Абибджану.)* Завтра к десяти часам придете в управление и спросите меня. *(Шабарату.)* Ну, пошли!

Шабарат. Да я же...

Сухсуров *(Шабарату)*. Иди, иди, я сам выручу тебя!

Наврззов. Пошли. (К Сухсурову.) Извините за беспокойство!

Сухсуров. Пожалуйста, пожалуйста! Заходите, если будет желание...

Наврззов. Если будет, приду!

Наврззов с Шабаратом выходят, за ними и свидетели.
Сухсуров хохочет, обнимая печку.

Абидджан (*задумчиво*). Странно, очень странно!

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Двор Сухсурова.

Сухсуров, Нетайхон, Абидджан

Нетайхон. Чтобы он себе голову сломил, этот Шабарат!

Сухсуров. Дело не в Шабарате. Этот дурень только кочерга в руках кляузников!

Абидджан. А что оспаривают у вас эти кляузники?

Сухсуров. А вы что, с неба упали? Что оспаривают? Мое место оспаривают! Мое положение оспаривают?

Абидджан. Если скажу вам сейчас правду, не обидетесь?

Сухсуров. Хоть с утра до вечера! Я — раб правды!

Абидджан (*смеясь*). Какую получаете зарплату?

Сухсуров. Сто десять...

Абидджан. А если бы кто другой получал сто десять в месяц и построил бы такой вот дом, что бы вы на это сказали?

Нетайхон (*торопливо*). Да ведь мы все это по займам выиграли!

Сухсуров. Я бы ничего дурного не подумал, купи бы барана и пошел бы на новоселье!

Нетайхон. А что делать, если такое счастье? Один выигрыш придет, а другой уже следом бежит. Была новая «Победа», а недавно по лотерее еще «Волгу» выиграли!

Абидджан. Вот так! У вас есть и «Волга»? Не видел.

Сухсуров. Старая... ходит плохо.

Нетайхон. Ой, зачем вы так говорите. Из-за этих

кляузников никак не можем поставить здесь гараж, держим машину на другом нашем дворе.

Сухсуров. Не мели ерунду! *(К Абидджану.)* Машина старая, нужен большой ремонт, вот и подбросил пока на двор к ее тетке. *(Толкает ногой Нетайхон.)*

Нетайхон *(не зная, что говорить)*. По займам выиграли...

Абиджан. Выигрыш — вещь хорошая. Но говорят, что есть такие люди, которые покупают чужие выигрыши по двойной цене...

Сухсуров *(язвительно)*. Может быть, вы таким деликатным поворотом разговора хотите намекнуть мне: дескать, кое-какие взятки, видимо, все же берешь.

Нетайхон. Да что он, сдурел, что ли?

Абиджан. Ах, Нусрат-ака, вы, наверное, все-таки не знаете, что такое в моих глазах взятка и какая тварь взяточник! Если б знали, наверное, никогда бы не сказали того, что сказали!

Сухсуров. Да, слышал, слышал, что есть на свете такие бессовестные люди...

Абиджан. Бессовестных людей на свете нет. Совесть есть у каждого. Только один ее слушает, а другой ей приказывает.

Сухсуров. Что приказывает?

Абиджан. Молчать приказывает. Спать приказывает. Притворяться мертвой приказывает!

Звонит телефон.

Нетайхон. Ходжар, иди к телефону!

Ходжар *(из комнаты)*. Да! Сейчас... Нусрат-ака, вас...

Сухсуров. Давай его сюда! Наверное, из учреждения! Нет мне покоя! *(Ходжар приносит телефон. Сухсуров берет трубку.)* Я! Что? Когда? Где? Не плачь, сейчас приду! *(Кладет трубку.)* Жена Юсуфа. Говорит, Юсуфа в милицию отвели. Прямо из бани взяли.

Нетайхон. Прямо из бани? Неужели так велика его вина?

Сухсуров. Пойду узнаю, успокою его жену, а вы здесь пока посидите, поговорите. *(Тихо к Нетайхон.)* Этот твой — совсем бестолковый. Осади-ка его, пока не поздно!

Сухсуров выходит.

Нетайхон. Что тебе плохого сделал Нусрат-ака? Сидишь у него в доме, так хоть соблюдай приличия.

Абидджан. А что я такого ему сказал?

Нетайхон. Разве удобно говорить о взятках, когда только что вышел такой закон?

Абидджан. А почему неудобно? Если б Нустрат-ака был взяточник — тогда другое дело!

Нетайхон. Да, я вижу, ты все такой же, как был. Если змея тебя укусит, то сама раньше тебя подохнет!

Нетайхон раздраженно встает и уходит в комнату.

Входит Ходжар.

Ходжар (глядя вслед Нетайхон). Что случилось, Абиджан-ака?

Абидджан. Голова у нее заболела... *(Ходжар направляется к дувалу.)* Куда вы?

Ходжар. Раз у нее болит голова, я позову дядю Кары. *(Через дувал.)* Дядя Кары! Дядя Кары!

Абидджан (смеясь). Идите лучше сюда, садитесь!

Из-за дувала показывается голова незаметно подслушивающего Кары.

Абидджан. Ваш дядя Кары давно здесь живет?

Ходжар. Уже два года.

Абидджан. Он не родственник вашему Нусрату-ака?

Ходжар. Нет.

Абидджан. А семья у него есть?

Ходжар. Нет. Он отрекся от мирской жизни.

Абидджан. Кто это вам сказал?

Ходжар. Нетайхон-апа сказала!

Абидджан. А его келья где?

Ходжар. С той стороны дома, прямо за стеной.

Абидджан. А этот Кары с вами о чем-нибудь говорил?

Ходжар. Говорил... Говорил про вас: «Не выходи за этого парня, потому что у него в лице нет благообразия». *(Часть дувала валится, и Кары внезапно летит кубарем.)* Ой, дядя Кары свалился!

Абидджан. Ай, Кары-ака, каждый день лазаете через этот дувал и до сих пор не научились!

Кары. Воля аллаха...

Кос-как с трудом поднимается.

Вбегает Нетайхон.

Нетайхон. Что случилось?

Абидджан. Да вот, свалился с забора по воле аллаха...

Кары растирает ногу.

Нетайхон. Ой, вы ногу расшибли! Идите прилягте в компате, я вам компресс приложу. *(Обращаясь к Ходжар.)* Иди постели там на диване! *(Ходжар уходит.)* Кары-ака, осторожнее! *(Абидджану.)* Хоть бы дал ему свою клюшку!

Абидджан. Бери, пожалуйста! Я думал, что с такой клюшкой, как ты, ему удобнее!

Нетайхон уходит в дом, поддерживая опирающегося на клюшку Кары.

Абиджан. У этих дело на мази: если Кары ушибает ногу, то сестра моя приложит ему компресс, а если у нее заболит голова, то он подует на нее с подходящей молитвой...

Сухсуров *(входит)*. Дурак! Осел!

Абиджан. Ну что там?

Сухсуров. А что может быть с таким дураком после нещербудной пьянки? Не зря я на время снял его с работы! Нетайхон где?

Абиджан. В доме. Кары-ака расшиб себе ногу, и она прикладывает ему компресс.

Сухсуров *(не то серьезно, не то двусмысленно)*. Вот так... Совсем стали как брат-сестра... Болезненная! То и дело голова болит. Каждый год сидит на курортах — и не помогает! А у Кары дыхание легкое, чуть подует на нее с молитвой и сразу — здорова!

Сухсуров уходит в дом.

Абиджан *(один)*. Или слепой или вдвойне жулик! *(В сторону дома.)* Ходжархон!

Голос Ходжар: «Я слушаю!»

Абиджан. Вынесите мою клюшку!

Голос Ходжар: «Сейчас».

Ходжар выносит клюшку.

Абиджан. Я снял в гостинице номер и буду жить там.

Ходжар. Ой, а я что буду делать?

Абиджан. Потом я вас вывезу!

А биджан уходит.

Из гостиной выходят Сухсуров и Нетайхон.

Нетайхон. Чего торчишь, как столб?

Ходжар. Абидджан-ака ушел, сказал, что взял номер в гостинице.

Сухсуров. Чего ты болтаешь?

Нетайхон. Ничего удивительного! (К Ходжар.) Что уши развесила? Иди, занимайся своей работой!

Ходжар уходит. Из дома выходит Кары.

Сухсуров. Почему встали?

Кары. Когда благочестивый шейх Даззориддин приласкал замерзшего скорпиона, сказав, что это «божья тварь», скорпион воткнул свое жало в благочестивую руку! (К Нетайхон.) И ваш брат — увы! — из рода этих же божьих тварей. (Сухсурову, пророческим тоном.) У этого безбожника только одна цель — всадить жало в благочестиво протянутую вами руку.

Сухсуров (деловито). То есть?

Кары. Он вчера пришел в мечеть и сказал о вас вслух перед несколькими правоверными, что вы находитесь в распутной связи со своей воспитанницей. А меня, недостойного, обвинил (всхлипывает), будто бы моя келья служит тайным местом ваших прелюбодеяний!..

Нетайхон (с подозрением). Ох, боюсь, как бы этого и вправду не было!

Сухсуров. Ты что, с ума спятила?

Нетайхон. Молчите! Я знаю вас! Вы — развратник! (Всхлипывает.) Это вы со мной солоней соли, а с чужими, наверное, — слаще меда бываете!

Сухсуров. Не расстраивайся, а то опять голова заболит...

Кары. Обмануть такого ангела, как вы, созданного на утешение нам аллахом, и стать на путь прелюбодеяния! Да кто же способен на такую черную неблагодарность!

Нетайхон. Молчите, вы, сводник, давший ему свою келью! Сейчас я все узнаю! (Бегом устремляется на кухню.)

Сухсуров. Он действительно так сказал?

Кары. Клянусь аллахом!

В кухне что-то гремит. Ходжар с растрепанными волосами, в разорванном платье пробегает на улицу. Входит задыхнувшаяся

Нетайхон.

Сухсуров. Ну что ты делаешь из-за какого-то вранья!

Негайхон. Молчите! Если бы она была не виновата, она бы не убежала! *(Плачет.)* Я, дура, мучаюсь, веду дом, хозяйство, а вы! О наследнике заботитесь! *(Вдруг.)* Сейчас же переведите дом на мое имя! Все три дома переведите!

Сухсуров. Хорошо.

Негайхон. И машины переведите на мое имя! И отдайте ключ от сундука!

Кары. Но это же все клевета.

Негайхон. Убирайся прочь, сводник!

Сухсуров. Неужели ты не веришь даже Кары-ака?

Негайхон. Поклянитесь!

Сухсуров *(от всей души)*. Да разразит меня аллах! Чтоб мне умереть на этом месте!

Негайхон *(несколько успокоившись)*. Даже если и так, а Ходжар все равно пусть проваливает! Сейчас я ее найду! *(Выбегает на улицу.)*

Сухсуров. И в самом деле, пусть проваливает! Пусть Абид забирает ее с собой.

Кары. О нет! Только не это! Отдать ему Ходжар — это не выход! Как бы далеко теперь не уполз этот скорпион, он все равно вонзит в вас свое жало!

Сухсуров. Так что же тогда делать?

Кары. Надо посадить Абиду в тюрьму.

Сухсуров. Как?

Кары. А вот это бремя я уже приму на себя. И донесу его до цели! Слава аллаху!

КАРТИНА ПЯТАЯ

Двор Сухсурова. Утро. Тишина. Негайхон выносит из комнаты телефон.

Негайхон *(в трубку)*. А что вам сказали в милиции? Ах, как я рада! Только будьте теперь тверды, Нусрат-ака, не давайте пощады Шабарату! Если хотите кушать с друзьями плов по этому случаю, то лучше сегодня организуйте его в чайхане: у меня болит голова. А я лягу отдохнуть и буду ждать вас! *(Кладет трубку, запирает ворота, подходит к забору и по-перепелиному вызывает Кары: «Ва-ак! Ва-ак!»)*

Голос Кары: «Пытпылдык! Пытпылдык!» Кары появляется на дувале: «Слава аллаху!»

Нетайхон. Мой Нусрат-ака звонил по телефону. У него все хорошо, и он будет вместе с друзьями кушать плов в чайхане.

Кары. Это хорошо! И мы в честь такой большой радости тоже доставим себе немного удовольствия. *(Спрыгнув с дувала, тянет ее к дому.)*

Нетайхон. Ой, боюсь...

Оба входят в дом, но почти сразу же раздается стук в ворота.

Голос Абидджана: «Сестра!»

Голос Нетайхон: «Ох, умереть мне на месте! Ведь это Абиджан». Нетайхон выскакивает во двор.

Провались ты! *(В окно.)* Бросьте мне мой халат! Уходите! Бегите!

Голос Абидджана: «Эй, сестра!»

Кары в растерянности бросает ей свой халат. Нетайхон, накинув на плечи халат, идет к воротам. Кары, накинув на себя халат Нетайхон, выскакивает из окна и бежит к дувалу. Нетайхон, увидев свой халат на Кары, бежит вслед за ним и стаскивает свой халат с карабкающегося на дувал Кары. Кары сначала ничего не понимает, потом оба впопыхах надевают свои халаты. Кары снова карабкается на дувал, но от волнения не может перелезть.

В ворота стучат.

Нетайхон *(в сторону ворот)*. Сейчас. *(Помогает Кары сзади.)* Сколько раз я говорила своему Нусрат-ака: сделай здесь калитку. Провались такой муж!

Кары *(его кавуши падают. Из-за забора слышен его голос)*. Ой, мой нос!

Нетайхон идет и открывает калитку на улицу.

Входит Абиджан.

Абиджан. Только что встали?

Нетайхон. Нет. Но со вчерашнего дня в ушах такой шум, что не сразу тебя услышала... Почему не пришел к завтраку?

Абиджан. В милицию вызывали.

Нетайхон. Кстати, Нусрат-ака звонил. Шабарата так посрамили, что он не знал, куда деться! Таких клеветников расстреливать надо.

Абиджан. А где Ходжар?

Нетайхон (*растерянно*). Ходжар... пошла тебя звать.

Абидджан (*удивленно*). Зачем же? Я ведь обещал ей, что сам приду.

Нетайхон. Ах, так... Ну тогда, значит, пошла за хлебом. Придет...

Нетайхон уходит в дом.

Абиджан ходит взад и вперед и вдруг видит у дувала пару кавуш.

Нетайхон (*выходит с дастарханом и замечает, что Абиджан смотрит на кавуши*). Это мои кавуши... Заказала, чтобы одеть на праздник, а сшили не на меня, а неизвестно на кого! (*Снимает туфли и нацепляет кавуши.*)

Абиджан. А вы в другой раз, когда будете заказывать себе кавуши, не меряйте их на чужую ногу.

Нетайхон (*шлепая кавушами, идет к столу*). Садись, завтракай! (*Абиджан садится.*) Я тут подумала. Ладно, раз хочешь уезжать, увози ее с собой в Мирзачуль, хоть завтра!

Абиджан (*усмехнувшись*). Вчера дарили мне свой дом, а сегодня говорите: «Уезжай поскорей»?

Нетайхон. Почему? Если хочешь взять дом — бери! Хоть сейчас перепишем его на твое имя.

Абиджан. И отдадите совсем, навсегда? И что я захочу, то и могу сделать с ним?

Нетайхон. Конечно. Воля твоя, хочешь — сноси, хочешь — поджигай!

Абиджан. А если я отдам его под детский сад?

Нетайхон. Хоть бы уж сказал «продам»!

Абиджан. А зачем же продавать то, что досталось без труда? Ведь вы же выиграли этот дом по займам!

Нетайхон (*резко*). Ну чего ты ко мне пристал? Вот уж именно — сводный брат! Родной бы так не пристал!

Абиджан. А я к вам не приставал. Это вы меня вызвали! Это вы хотели всучить мне для вида ваш дом и превратить меня с моей клюшкой в ширму для вашей, выигранной по займам, жизни!

Нетайхон. Как тебе не стыдно говорить такие вещи? (*Плачет.*)

Абиджан. Не плачьте. Если вам слишком сильно жмут ноги ваши кавуши, то скиньте их!

Не тайхон (*попяв намек*). Не твое дело! И вообще — проваливай! (*Снимает кавуши и переобувается в туфли.*)

Абидджан. Ладно! Придет Ходжар, и я уйду.

Не тайхон. Иди, на улице жди!

Абидджан. Пойду, если вы скажете, куда она ушла?

Не тайхон (*с раздражением*). Не знаю, я ей не сторож!

Не тайхон сердито уходит в дом. Там внутри что-то гроыхает. В калитку входит Кары. На нем чь-то чужие, не по размеру, спадающие с ног кавуши. Нос с кровоподтеком.

Кары. Салам! Да пребудет над вами милость аллаха!

Абидджан (*хмуро*). Салам!

Кары. Что, никого нет?

Абидджан (*подняв с земли кавуши и передавая их в руки Кары*). Недавно прилетал какой-то ангел. Кавуши оставил здесь, а самого-то не видно!

Кары. Не пойму вас, о ком говорите? (*Заложив кавуши за спину, оттуда, из-за спины, тихонько отбрасывает их в сторону дувала мечети.*)

Абидджан. И вечно вы получаете какие-то увечья, Кары-ака, что с вашим носом?

Кары. Дверью прищемило немного. Слава аллаху!

Абидджан. А вы не суйте свой нос в каждую встречную дверь.

Кары. Ваш покорный слуга хотел обратиться к вам по одному вопросу. Хотя мы вероучители и толкователи шариата, но, слава аллаху, мы готовы служить нашему правительству.

Абидджан. Это понятно. А что дальше?

Кары. Слава аллаху, в нашу эпоху твердо установились справедливость и правосудие. Однако, к сожалению, взятки все еще то здесь, то там подрывают устои справедливости. И я решил кое о чем намекнуть вам в связи с этим.

Абидджан. А нельзя ли попроще? Вы хотите мне рассказать о каком-нибудь взяточнике?

Кары. Да, слава аллаху!

Абидджан. А о ком именно?

Кары. Хотя мне, недостойному, известно, что Нусрат-ака ваш родственник, но если даже над моей головой

будет сверкать священная сабля пророка, все равно я не отвращу своего лица от истины!

А б и д д ж а н. Так, а что дальше?

К а р ы. Нусрат-ака так умело высасывает из людей взятки, как из яйца желток и белок через булавочный укол. Скорлупа целая, а внутри — пусто.

А б и д д ж а н (*удивленно*). А у вас есть доказательства?!

К а р ы. Клянусь кораном!

А б и д д ж а н. А почему вы все это вдруг говорите мне?

К а р ы. Сам аллах вложил эти слова в мою душу.

А б и д д ж а н. А почему же аллах не вложил в вашу душу мысль пойти и сообщить это туда, в его учреждение?

К а р ы. А потому, что еще неизвестно, порадует ли мой приход государственное учреждение?

А б и д д ж а н. Допустим так. Но раз вы знаете, что Сухсуров бесчестный человек, почему не порвете с ним близкие отношения?

К а р ы. Потому что на мне лежит бремя не покидать правоверных и не отказывать им в утешении, как бы грешны они ни были!

А б и д д ж а н. Нет! Все равно не верю! Нусрат-ака взятки не берет!

К а р ы. Если сомневаетесь, можете сами проверить, дав ему взятку.

А б и д д ж а н. Под каким предлогом?

К а р ы (*задумавшись*). Как вы знаете, Нусрат-ака, оклеветав, засадил в тюрьму Юсуфа. Жена Юсуфа приходила к нему с воплями, но Нусрат-ака алчен до денег; женщина давала ему только сто рублей, и он не взял, сказав, что этого мало! Несчастливая пришла ко мне и сказала: «Умолите его взять эти деньги!» И сколько я ни отказывался, она оставила мне деньги и ушла. Если вы сделаете это вместо меня, то вы и утешите бедную женщину и заодно убедитесь в нравах Нусрата-ака. А это, быть может, позволит вам остановить его на пути порока, — он ведь все же муж вашей сестры.

А б и д д ж а н. И вы думаете, что он возьмет взятку из моих рук?

К а р ы (*доставая деньги*). Он смотрит в руку, а не в лицо того, кто дает ему деньги?

А б и д д ж а н (*берет деньги*). Хорошо, Кары-ака, попробую дать.

К а р ы. Если мы оба предупредим его: вы от взяток, а я от прелюбодеяний, то, быть может, он возвратится на путь истины...

А б и д д ж а н. А при чем тут прелюбодеяния?

К а р ы. Я говорю о Ходжар.

А б и д д ж а н. А что случилось с Ходжар?

К а р ы. А разве вам неизвестно? Ваша Нетайхон выгнала ее!

А б и д д ж а н. За что?

К а р ы. Оказывается, Нусрат-ака прелюбодействовал с ней.

А б и д д ж а н (*вскакивает с места*). Ложь!

К а р ы. Слава аллаху, если это ложь! Но то, что Нетайхон еще вчера выгнала ее, — это правда!

А б и д д ж а н. Вчера? Куда же она пошла?

К а р ы. Людские пути известны только аллаху.

А б и д д ж а н поспешно уходит.

Н е т а й х о н (*из окна*). Что вы там устроили?

К а р ы. Подлил в него немного керосину.

Н е т а й х о н (*хихикнув*). А когда поднесете спичку?

К а р ы. Если будет угодно аллаху, завтра!

З А Н А В Е С

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кабинет капитана Наврузова в управлении милиции. Абидджан ходит в волнении взад-вперед. Входит Наврузов.

Наврузов. Ходжар нашлась!

Абидджан (*взволнованно*). Где она? Где ночевала?

Наврузов (*с напускной серьезностью*). Вот тут-то и загвоздка. Есть у них в махалле один непутевый парень, в его доме и осталась...

Абидджан. О нет! Ходжар не такая девушка... Товарищ капитан, бросьте шутки!

Наврузов (*еле сдерживая смех*). Милиция шуток не признает, товарищ Ибрагимов! (*Стук в дверь.*) Войдите!

Старик (*заглядывая*). Можно?

Наврузов. Входите, отец! (*Абидджану.*) Вот этот человек и есть тот самый непутевый парень!

Абидджан успокаивается и горячо здоровается со Стариком. Тот в недоумении.

Наврузов. Садитесь, отец! Вы один пришли?

Старик. Один. У старухи моей времени нет — занята...

Наврузов. Нет, я... спрашиваю про Ходжархон... Разве вам не сказали, что нам нужна была Ходжар?

Старик (*язвительно*). Ах, вот как вам теперь понадобилась Ходжар? Когда несчастная девушка страдала в доме Сухсурова, никто из вас не справлялся, как она живет...

На в р у з о в. Правильно, но...

Ст а р и к. Когда бедняжка стояла и плакала на улице, никто из милиции не спросил, почему ты, девушка, плачешь...

На в р у з о в. Правильно, но...

Ст а р и к. А теперь, когда я ее приголубил, она вдруг и тебе понадобилась!

На в р у з о в (*смеясь*). Ваши упреки справедливы, отец, но если мы своевременно не спросили у бедной девушки, как она живет, то ведь и вы, живя с ней в одной махалле, даже на одной улице, тоже не спросили ее об этом? Или спрашивали?

Ст а р и к (*сердито*). Я считал, что эта девушка племянница Сухсурова.

На в р у з о в. Вот как? А если и я тоже так думал?

Ст а р и к. А если ты думаешь не больше, чем я, за что же тогда правительство нацепило тебе на плечи эти погоны?

На в р у з о в. Ладно, будем считать, что вы положили меня на обе лопатки, но ведь и вы, хотя на ваших плечах нет погон, тоже не чужой человек для милиции? Вы служили в рабоче-крестьянской милиции в двадцать третьем году, когда меня и на свете не было!

Ст а р и к. Не подлизывайся. Все равно Ходжар не приведу к тебе. Что хотел сказать ей, говори мне. У меня было две дочки, стало три. Я двух дочек выдал замуж и этой найду жениха, как сабля, чтоб стал зятем в моем доме!

А б и д д ж а н. Эх, отец!

На в р у з о в. Не рано ли вы стали искать жепихов? У нее у самой уже есть жених, как сабля! Вот!

Ст а р и к (*пренебрежительно Абидджану*). Ты? Девушку, как розу, оставил желтеть у чужих дверей, а теперь, потеряв ее, сидишь и плачешь в милиции! Разве это — жених, как сабля! Не сабля ты, а тупой нож! Пила без ручки! (*Решительно*.) Нет, не отдам!

На в р у з о в. Ходжар любит этого человека. Они уже дали друг другу обещание.

Ст а р и к (*взглянув на Абидджана, после длительного раздумья*). Как твое имя?

А б и д д ж а н. Абидджан.

Ст а р и к. А паспорт у тебя есть?

На в р у з о в. Есть, все есть!

Старик. Через загс проходил?

Абидджан. Мы только собирались.

Старик. Сначала пройди через загс, а после будем с тобой разговаривать.

Наврузов. Что же он один пойдет в загс?

Старик (*подумав*). Верно. Я пойду спрошу ее. Если из ее собственных уст услышу то же самое, что из ваших, то приведу. А если не услышу, то и не ждите.

Старик уходит.

Наврузов. Теперь успокоились?

Абидджан. Спасибо, товарищ капитан!

Наврузов. Ладно... Это хорошо, что вы взяли деньги у Кары. На данном этапе, как он говорит, так и нужно делать! Мы уже сейчас приставим человека следить за ним... Думаю, что все затеяно с ведома самого Сухсурова. Вы давно знаете Кары?

Абидджан. Никогда раньше не видел.

Наврузов. Ну если так, то мы эту крысу знаем лучше вас! В сорок втором году дезертировал с военной службы и был осужден на десять лет; после отбытия наказания семь лет чем только не занимался: и спекуляцией, и знахарством, и мясником работал, мясо рубил! И коран наизусть читал. Теперь два года как устроился в мечети имамом.

Абидджан. Неплохое местечко себе подобрал!

Наврузов (*задумчиво*). Значит, они не знают, что Юсуф посажен только на пять суток?

Абидджан. Разве только на пять суток?

Наврузов. Завтра кончается срок, и мы обязаны его выпустить.

Абидджан. Тогда весь наш план рухнет: ведь Юсуф, как только выйдет, сразу пойдет к Сухсурову.

Наврузов. Верно, но приговор суда тоже нельзя нарушать. (*Придя к какому-то решению, берет телефонную трубку.*) Дежурный! Я капитан Наврузов! Пришлите сюда Юсуфа Зиямова! (*Кладет трубку.*) Хотя и освободим, но сделаем так, что он не пойдет к Сухсурову.

В дверь, стесняясь, входит Юсуф. Все его лицо в синяках.

Абидджан. Салам!

Наврузов. Садитесь. Завтра выходите на свободу.

Юсуф. Лучше б мне умереть, чем в таком виде выходить на свободу! *(Умоляюще.)* Только не пишите ничего товарищу Сухсурову!

Абиджан. А что с вами случилось?

Юсуф. В бане заблудился.

Абиджан. Да, чего только с пьяных глаз не бывает!

Юсуф. Пошел за шайкой и попал в женское отделение! *(Смеется.)* Все голехонькие! *(С горечью.)* Так били меня шайками, что сознание потерял! Открываю глаза — лежу среди пьяных.

Наврузов. Да, в вырезителе. А куда же еще было нам девать человека, заблудившегося в женской бане?

Юсуф *(Наврузову)*. Пусть только Сухсуров ничего не знает. Пусть не пишут! *(Абиджану.)* Скажите им!

Наврузов. Мы-то можем пока не писать, но вы ведь сами не вытерпите: как выйдете, так и побежите прямо к Сухсурову.

Юсуф. Не пойду. Пока опять не стану на человека похож, буду лежать и говорить, что я болен.

Абиджан. Неужели вы так боитесь Сухсурова?

Юсуф. Я его не боюсь, но... Сейчас денег нет. А если я, после того, как подмочил себя в этой бане, не отнесу ему что-нибудь, он совсем с работы выгонит!

Абиджан *(переглянувшись с Наврузовым)*. Значит... иногда даете ему?

Юсуф *(искоса взглянув на Наврузова)*. До выхода нового закона давал...

Наврузов. Эх вы! Сухсуров честит вас последним мошенником и вором, а вы все еще заботитесь о его репутации!

Юсуф *(возмущенно)*. Что? Он у меня все, что увидит, изо рта вырывает, и я же еще стал вором и мошенником! Он, который, даже, если ангел придет за его душой, и с ангела взятку потребует! *(Всклинув.)* Все, что заработаю, — тащу ему, а сам с семьей только шкуру с овцы жую!

Наврузов. А вы не сгоряча все это говорите?

Юсуф. Мне горячиться поздно! Дайте бумаги — напишу!

Наврузов. Ладно... Скажите дежурному, чтобы он вам дал ручку и бумаги.

Юсуф. Пусть дает бумаги побольше! Если начну пи-

сать про все проделки Сухсурова, по толщине второй коран получится!

Юсуф выходит.
Пауза.

Абидджан. Неужели так трудно поймать такого, в общем, наивного взяточника, как Сухсуров?

Наврзов. Эх, товарищ Ибрагимов, легче поймать двадцать прожженных воров, чем одного наивного взяточника. Разные рефлексy: обкраденный вором кричит: «Караул, держите вора!» А давший взятку молчит как могила! И если не закинете удочку да не подцепите, да не потянете как следует, то и не скажет ни слова! А иной простофиля пройдет мимо взяточника и не заметит. А другой — сам заметит, но уклонится от разоблачения: «Эх, по судам еще я не таскался!» А третий, словно собака, стоит рядом, слизывает масло, капающее ему в рот с локтей взяточника, да еще приговаривает: «Спасибо доброму человеку!» И взятку не взяткой зовет, а благодарностью!

Абидджан. Действительно, таких удобных условий ни у какого вора нет. Им есть чему позавидовать!

Входит Старик, за ним Ходжар.

Старик. Заходи, доченька, заходи. Ты этого парня знаешь?

Ходжар *(плача)*. Абидджан-ака!

Старик. Эх, доченька... *(Абидджану.)* Ничего, пусть поплачет...

Наврзов *(чтобы отвлечь внимание Старика)*. Как вы себя чувствуете, отец?

Старик. А вы?

Наврзов. Отец!

Старик *(не слушая его)*. Смотри, как плачет от радости.

Наврзов. Милый отец, слушайте, что я вам скажу... *(Берет его за руку и пытается отвести в сторону.)*

Старик *(не обращая на него внимания, растроганно)*. Почему девушки так красиво плачут, когда они плачут от радости? *(Рассеянно садится на место Наврзова. Наврзов что-то шепчет ему на ухо.)* Ладно, сам вижу, что уже не нужен им! *(Снова подходит к Абидджану и Ходжар.)* Только смотрите больше друг друга не теряйте! Прощайте!

Абидджан. Спасибо, отец!

Наврзов (*Старику*). Я провожу вас. Хочу еще по-советоваться с вами о вашей махалле. Там еще не всюду порядок!

Старик. Это хорошо!

Наврзов. Что хорошо?

Старик. Хорошо, что советуешься — не думаешь, что там, где увидели издали твои погоны, там сразу уже и порядок!

Оба выходят.

Абиджан. Что случилось?

Ходжар. Нетайхон-апа меня била.

Абиджан. За что?

Ходжар. Она сказала: «Ты испорченная».

Абиджан. Она сказала: «Ты испорченная»? А вы не сказали ей: «Была бы испорченная, была бы на вас, как две капли воды, похожа!»?

Ходжар (*с признательностью*). Абиджан-ака... я знала, что вы ей не поверите!...

Абиджан. Все, что знаете, расскажите капитану Наврзову!

Ходжар. Ой, да как же?

Абиджан. А что?

Ходжар. Ведь сказано: «Тому дому, где один день вкушал соль, кланяйся потом сорок дней».

Абиджан. Кто это сказал?

Ходжар (*подумав*). Аллах.

Абиджан. Это вам аллах сказал, а вот Нусрату-ака он почему-то не сказал: «Эта девушка, как себя помнит, работает на вас; хоть бы одно платье ей сшили, чтобы не таскала обносков после Нетайхон!»

Молчание.

Абиджан. Что, хотите вернуться туда, где вкушали соль.

Ходжар (*покачивая головой*). Нет...

Абиджан. А что будете делать?

Ходжар. Не знаю. (*После длительного молчания.*) Вы же сами мне говорили: «Поезжай со мной в Мирзачуль».

Абиджан (*улыбнувшись*). Если не будете от меня требовать, чтобы я переписал на себя их дом, я и сейчас вам повторяю: «Поезжайте со мной в Мирзачуль!» Не

надо нам ни их дома, ни их соли! Или, может быть, вам все это надо?

Ходжар (*тихо*). Нет, не надо!..

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

В доме Сухсурова.

Сухсуров, Нетайхон, Кары.

Кары. Что, так и не вернулась?

Нетайхон. Не пришла, окаянная!

Кары. Наверно, подала жалобу в какую-нибудь канцелярию. Чего у нас слишком много, так это канцелярий, внимающих жалобам!

Нетайхон (*вспылив*). А на что она будет жаловаться?

Сухсуров. А на то, что ты ее била!

Нетайхон. Ну и что, что била... Я так ее била, что, если порядочная, не пойдет свои синяки показывать!

Сухсуров. Больше всего боюсь — не сделала бы эта дрянь чего-нибудь над собой!

Нетайхон. А нам-то что?

Сухсуров (*вспылив*). Из-под следствия нам тогда не вылезти, вот что! Надо поскорей сообщить в милицию, что она пропала.

Кары (*подняв указательный палец*). Не забудьте такой добродетели, как терпение! По-моему, она сама вернется, а если не вернется, ее найдет ваш Абидджан. Когда он услышал от меня, что Ходжар ушла, то его ноги выскочили за ворота на три шага раньше головы.

Сухсуров. А зачем вы сказали об этом Абиду?

Кары. А я вообще воздерживаюсь от лжи. Слава аллаху!

Молчание.

Сухсуров. Как наши дела? Абид пошел на это?

Кары. Деньги я ему вручил.

Сухсуров. Боюсь, что сейчас ему не до этого.

Кары. Наоборот! Он, наверняка, с этими деньгами направился в милицию.

Сухсуров. Это было бы замечательно.

Нетайхон. Что вы там замышляете?

Сухсуров. Вызвав сюда твоего братца, мы сами

положили камень себе на голову; теперь помолись аллаху, чтобы он снял с нас этот камень.

Нетайхон. А достаточно ли только молитвы?

Кары. Аллах сказал: «От меня благодать, а деяние — от вас!» Мы уже действуем!

Сухсуров. Если Абид придет и следом за собой приведет людей из милиции, сейчас же идите в свою келью.

Кары. По-моему, я еще никогда не опаздывал, Нусрат-ака! Слава аллаху!

Входит Ходжар.

Кары. Не говорил ли я вам?

Сухсуров. А... доченька, заходи...

Нетайхон. Где тебя черти носили?

Кары. Скажите лучше, слава аллаху! Повинную голову и меч не сечет.

Нетайхон. Ну, говори же!

Сухсуров. Оставь ее, разве не видишь, что она раскаивается...

Нетайхон. Ага, вам ее жалко! *(Обращаясь к Ходжар.)* Чтоб тебе провалиться вместе с твоим любовником! *(Хочет ударить ее.)*

Ходжар *(схватив ее за руку)*. Не прикасайтесь ко мне. Хватит!..

Все поражены.

Кары. Спаси нас, аллах!

Входит Абиджан.

Абиджан. Салам!

Нетайхон демонстративно выходит.

Сухсуров. А... уважаемый Абиджан, милости просим!

Кары *(Сухсурову)*. Иду на молитву. Задержался с вами...

Кары выходит.

Абиджан. Мы едем, Нусрат-ака, и пришли извиниться и проститься.

Сухсуров. Неужели уезжаете? И нас здесь оставляете? И ты, Ходжархон, уезжаешь? *(Со слезами в гла-*

зах.) А мы так привыкли! Особенно Нетайхон. Не знаю, выдержит ли она?..

А б и д д ж а н (*насмешливо*). Да, ей, наверное, придется трудно.

С у х с у р о в. Твоя сестра, обучая Ходжархон уму-разуму, иногда горячилась, но я надеюсь, вы простите ее. Будьте счастливы! (*Плачет.*) На свадьбу-то хоть нас пригласите?

А б и д д ж а н. Если будете иметь к тому времени желанье... (*Обращаясь к Ходжар.*) Собирайте свои пожитки! Это, по-моему, у вас много времени не займет.

Х о д ж а р выходит. Сухсуров плачет.

А б и д д ж а н. Нусрат-ака, я хотел поговорить с вами о Юсуфе.

С у х с у р о в. О каком Юсуфе?

А б и д д ж а н. О вашем служащем. Он, оказывается, сидит.

С у х с у р о в. А... этот пьяница... А что с ним делать? Я ведь не халиф, чтоб решать, как мне вздумается. Я на государственной службе...

А б и д д ж а н. Жена его пришла ко мне с плачем!

С у х с у р о в. Даже к вам приходила? Была я у меня, но я ее прогнал.

А б и д д ж а н. Но ведь есть какие-то пути, чтобы помочь ей!

С у х с у р о в. Эти пути идут не через меня. На этих путях стоит соответствующий человек...

А б и д д ж а н. Вот об этом-то соответствующем человеке я и говорю!

С у х с у р о в. Что такое взятка и что такое взяточник, вы, кажется, знаете лучше меня! И посредником быть тоже преступно! Это вы знаете?

А б и д д ж а н. Знаю.

С у х с у р о в (*обидчиво*). И, зная об этом, все-таки толкаете меня на преступление?

А б и д д ж а н. Но ведь только вы и можете помочь этому бедняге.

С у х с у р о в (*смягчившись*). Юсуф, действительно, бедняга, и тот, кто хочет помочь бедняку... (*Рассмеявшись.*) Ведь, чтобы потушить пожар, не брезгают и мутной водой. Ладно, родство есть родство, так и быть, для вас окуну руку в эту мутную воду!

А б и д д ж а н. Спасибо... *(Передает ему деньги.)* Жена Юсуфа дала.

С у х с у р о в. Да пропади она пропадом! Для вас, не для нее делаю! Сами положите под одеяло. Не люблю касаться руками таких денег!

А б и д д ж а н *(кладет деньги под одеяло)*. Что так воизится Ходжар? Пойду посмотрю!

А б и д д ж а н выходит из дома.

С у х с у р о в *(запирает за ним дверь)*. Глупец! Если я теперь не отдам тебя самого в руки приведенным тобою милиционерам, значит, я уже ничего не стою! *(Достает щипцами деньги из-под одеяла и бросает их в печку)*.

Х о д ж а р *(в окно)*. Где Абидджан-ака? Дверь закрыта...

С у х с у р о в. Плохо потянула, дверь открыта... *(Сам себе.)* Не увидела ли?.. *(Идет, открывает дверь.)*

Входят Наврузов, Абидджан, Старик, два свидетеля и Ходжар. Свидетели поражены богатством обстановки.

Первый свидетель. Прямо-таки дворец Худояр-хана!

Второй свидетель. Скажите лучше — бухарского эмира!

Н а в р у з о в. Салам!

С у х с у р о в. Салам! Еще что-нибудь случилось?

Н а в р у з о в. У вас много врагов, то и дело заводят на вас кляузы!

С у х с у р о в. Раз я на государственной службе, значит, у меня должны быть и враги! Надеюсь, вы не думаете, что классовая борьба окончена!

Н а в р у з о в. Мы старые знакомые, полагаю, что нет нужды предъявлять удостоверение.

С у х с у р о в. Никакой...

Н а в р у з о в. Это свидетели. Вы через своего шурина Абидджана Ибрагимова сейчас получили взятку в сумме трехсот рублей, чтобы замять дело Юсуфа Зиямова. Ознакомьтесь с постановлением и распишитесь.

С у х с у р о в *(берет постановление, Абидджану)*. Что же это получается?

А б и д д ж а н. Ничего особенного! Как вы выражаетесь, «мутная вода».

С у х с у р о в. Вы дали мне взятку?

А б и д д ж а н. Я дал, а вы взяли!

С у х с у р о в. Знал, что мои враги в учреждении прибрали вас к рукам и натравливают на меня, но не думал, что вы пойдете на такую низость. Негодяй!

А б и д д ж а н. Пусть это слово пока побудет в вашей глотке. Оно еще понадобится вам для самокритики!

Н а в р у з о в. Расписывайтесь!

С у х с у р о в (*дрожащим голосом*). Такова уж моя участь: кому сделаешь добро, тот платит злом... (*Расписавшись на постановлении, передает Наврузову.*) Пожалуйста, обыскивайте! Но предупреждаю — на этот раз не прощу! Пусть жена обидится, пусть из-за ее брата хоть до развода дойдет, все равно не прощу ему! Быстрее делайте обыск и пишите протокол!

Н а в р у з о в. Куда он положил ваши деньги?

А б и д д ж а н. Под одеяла. (*Поднимает одеяла.*) Денег нет.

Наврузов тоже подходит и смотрит.

Х о д ж а р. Абидджан-ака, посмотрите в печке!

С у х с у р о в (*спокойно*). Посмотрите! Посмотрите! Уже один раз смотрели!

Абидджан быстро подходит к печке, глубоко засовывает туда руку и что-то крепко схватывает. Сухсуров застывает, как столб.

А б и д д ж а н. Товарищ капитан, держу! Ходжархон, скорей проведите капитана в келью Кары!

Все удивлены.

Н а в р у з о в. Крепко держите?

А б и д д ж а н. Крепко!

Н а в р у з о в. Не отпускайте! (*Свидетелям.*) Пошли!

Голос К а р ы: «Ой, ой, моя рука! Ой!»

Наврузов, Ходжар, Старик и свидетели выходят. Входит Н е т а й х о н, увидев происходящее, всплескивает руками.

Голос Кары: «Ой, рука... рука ломается!»

Н е т а й х о н. Это вы, Кары-ака? (*Абидджану.*) Что случилось?

А б и д д ж а н. Готовьтесь прикладывать компресс к руке вашего Кары-ака.

За стеной, в келье, шумный говор.

Голос Наврузова: «Товарищ Ибрагимов, отпустите!»

Х о д ж а р. Абидджан-ака, отпустите!

Абидджан освобождает внутри печки руку Кары.

Н е т а й х о н (*Абидджану*). Что случилось? Теперь что же, заберут наш дом? Абидджан, неужели заберут наш дом? И сделают из него детсад? Неужели я не поживу здесь хотя бы до своей смерти!

А б и д д ж а н. «До своей смерти»? А вы думаете, что сейчас живая? У вас и у вашего мужа только челюсти шевелятся, когда вы жуете нечестно заработанное! Других признаков жизни у вас с ним не осталось! Нет, вы с ним давно уже умерли, только как следует похоронить вас все никак не соберемся! Все еще нет-нет да и услышим, как доносится ваш голос из гроба!

Входит Наврузов с фотоаппаратом в руках, за ним Кары с девьями в руках. Ходжар, Старик и два свидетеля.

Наврузов приступает к сличению номеров денег.

С т а р и к (*Абидджану*). Печка-то, оказывается, настоящий тайник! Прямо через стену. Раз — и ничего нету!

С у х с у р о в (*задыхаясь от злости, обращается к Кары*). Что случилось? Почему опоздали?

Н а в р у з о в. А об этом лучше меня спросите. Вчера у Кары-ака погас свет. И только сейчас пришел монтер, наладил. Не так ли?

К а р ы (*кивнул*). Да... Вот оно что! Теперь понятно!

Н а в р у з о в. Понятно? Только жаль, что немножко поздно дошло, да? (*Делает снимки печи.*)

К а р ы (*поспешно*). Я скажу вам все. Я вообще воздерживаюсь от лжи, когда имею дело с государственной властью. Несколько минут назад гражданин Сухсуров вызвал вашего покорного слугу и сказал: «Я брошу в печку некоторую сумму денег и прошу, чтобы они лежали у вас на временном хранении!»

С у х с у р о в (*выгаращив глаза*). Никогда и никаких денег в печку я не кидал. Это он сам прячет в печке деньги, которые стащил у себя в духовной канцелярии!

К а р ы (*выйдя из себя*). Клевета! Нет, это он каждый раз бросает сюда в печку свои взятки!

А б и д д ж а н. А вы подбираете их? И какая же часть вам достается?

К а р ы. Ничего мне не достается. Он по собственной воле жертвует один рубль из десяти на украшение мечети! Шайтан проклятый!

С у х с у р о в. Сам шайтан! Дармоед!

К а р ы. Скряга! Взяточник!

Н а в р у з о в. Ну, пошли! Там доругаетесь!

С у х с у р о в. Дезертир! Уголовник! Святого из себя корчишь!

К а р ы. Вор! Мошенник! А еще на государственной службе!

Н е т а й х о н. Ой, что же я теперь буду делать?

А б и д д ж а н. Что вам теперь делать? Догрызете то, что осталось на вашу долю от мужа, а если заболит голова...

Х о д ж а р. Ой, если голова заболит... Неужели они в тюрьму будут ходить, чтобы подули с молитвой...

Опускается внутренний занавес.

Представитель автора. Ну, как вам понравилась эта история? Может быть, некоторым кажется, что я немножко пересолит? Несколько друзей уже говорили мне это. Но у меня упрямый характер, и я еще раз повторяю то, с чего начал.

Есть случаи, когда лучше пересолить, чем недосолить! Лишь бы, действительно, поскорей загнать в могилу этих людишек и больше не слышать их голоса из гроба!

К О Н Е Ц

'1963

МИЛЫЕ МОИ МАТУШКИ

Комедия в трех действиях, шести картинах

Перевод А. НАУМОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Каримджан — молодой врач.
Умида — молодой врач, его невеста.
Бустан — мать Каримджана.
Ашуралиев — отец Умиды.
Шакар — мать Умиды.
Тутинисо — соседка Бустан.
Хайри — дочь Тутинисо.
Джамал — председатель колхоза.
Почтальон, санитар.

Действие происходит в наши дни.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Уютный уголок в парке аэропорта. Низенький столик. Три кресла. Слышен гул самолетов. Голос диктора: «Объявляется посадка на самолет, следующий по маршруту 672 рейсом 67. Пассажиры просят пройти на посадку через выход номер 3».

Ашуралиев и Шакар.

Ашуралиев (*сердито запикивает за пазуху бумаги*). Я вам кто — муж или шляпа какая-нибудь?

Шакар. Ой, отец, да не сыпьте вы соль на рану...

Ашуралиев. Отец, отец!.. Ну, я отец — так чего ж вы действуете через мою голову?

Шакар. Ну, что я такого сделала через вашу голову?..

Ашуралиев. Умида полюбила Каримджана — ну, ладно, я на это ничего не скажу, от любви не уйдешь. Однако вы меня об этом моменте почему-то не информировали. Расписались они в ЗАГСе, ну, ладно, я и на это ничего не скажу, известно (*философски*) — единственное лекарство от любви — это ЗАГС... Но что это такое — мой зять, так сказать, новый кусочек моего сердца! — уезжает в свой кишлак, даже в мой дом не заявившись! Даже моих дверей не повидав!..

Шакар. Что ж вы носили обиду в себе, а? Вот бы и высказались, чем выступать по бумажке!.. Дочка-то уж целую неделю дома...

Ашуралиев. Я бы и высказался... Только собрался, как уже дочку сюда привели.

Шакар. Ничего, еще много разговоров будет, вот и скажете свое слово кстати.

Ашуралиев. И скажу!.. Ох, до чего пить хочется. Пойду горло промочу. (*Уходит.*)

Входит Умида.

Умида. Самолет сейчас прибует, мамочка.

Шакар. О-ох!.. Раз уж сплелись ваши с Каримджаном судьбы, пусть ваша любовь крепнет, что я еще скажу?.. Но как же это так, доченька, сама подумай: кишпачные девушки в город уезжают, а ты в кишпач едешь, а?..

Умида. Ну, мамочка, я же вам сказала: мы обязаны поехать на работу по распределению и отработать там два года... И нас обоих в один район отправили! Нам туда только явиться надо, об остальном Каримджан еще зимой с рансом договорился... Поработаем год-два, а там видно будет... (*Взглянув на часы.*) Ой, самолет уже прибыл! (*Смотрит в сторону.*) Вон Каримджан!

Выбегает и возвращается с Каримджаном.

Каримджан. Здравствуйте, мама...

Шакар (*целует его в лоб*). Дай бог счастья...

Каримджан. Как папа, здоров?..

Шакар. Спасибо, здоров. Он сейчас придет. Каримджан, ну, как же так, даже в дом не зашли...

Каримджан. Умидахон вам уже, наверное, сказала. Мы решили поскорее сдать документы, устроиться, на работе определиться... А там уже будем в гости ездить.

Шакар (*в сердцах*). Одна-единственная дочка... Моя жизнь, мое сегодня и завтра... Я ее вскормила, я ее вырастила... Вы оба такие красивые, ходили бы под ручку по городским проспектам! А Умидахон девочкой ни разу и за иглу не взялась, ни одной пиалы не вымыла, только училась, только училась! У ней и от гребешка мозоли будут!

Умида. Ну, мама — что это, вы меня хвалите или хаете? Я в общежитии и полы мыла, и окна...

Шакар (*не слушая*). Мы в свое время учиться не могли и жизнь свою получше не устроили. А вы теперь люди ученые, с высшим образованием! И должны жить в достатке. Были б вы в городе, я бы и постирала, и погладила...

Каримджан. Ну, что вы, мама...

Шакар. Нет, нет, вы сами доктор, вам касаться домашней работы тоже никак нельзя! А то есть такие жены:

мужа и стирать заставляют, и чуть ли брови себе не выщипывать. Они бы рады мужа и рожать заставить... Что это отец задержался?.. Мы ведь с ним уже наметили, как свадьбу устроить... В городе свадьбы сейчас так неинтересно празднуют!

К а р и м д ж а н. Что касается свадьбы — это все, как вы хотите.

Входит **А ш у р а л и е в** с бумагами в руках.

А ш у р а л и е в. Приветствую и поздравляю. Поздравляю и... и приветствую.

К а р и м д ж а н. Здравствуйте, отец.

А ш у р а л и е в (*становится, несколько отступив, по стойке «смирно» и взволнованно читает*). Приветствую и поздравляю. Поздравляю с получением высшего образования и вступлением на благородное поприще верного служения... э-э... народу в должности врачей и... э-э... выражаю уверенность в том, что вы достигнете высоких показателей и станете маяками... э-э... маяками труда.

К а р и м д ж а н. Спасибо.

А ш у р а л и е в. Одновременно поздравляю вас с принятием на себя семейных обязательств и выражаю уверенность, что вы их выполните и перевыполните... э-э... с честью.

К а р и м д ж а н. Спасибо.

Ш а к а р. Послушайте, отец, Каримджан, оказывается, еще своей матери не сообщил.

А ш у р а л и е в (*вздрагнул*). Как это — не сообщил?

К а р и м д ж а н. Да, это правда. Я Умиде о матери тоже только недавно сказал...

А ш у р а л и е в (*взволнованно*). Почему же вы не информировали вашу матушку? А если она для вас наметила другую девушку?..

К а р и м д ж а н. Да нет...

Ш а к а р. А раз нет, почему ж вы ей не написали?!

К а р и м д ж а н. Каждый раз, как я приезжал, она мне говорила: «Женю тебя на такой девушке, женю тебя на эдакой девушке...»

Ш а к а р. На какой это девушке?

К а р и м д ж а н. Вы поймите, мама у меня немножко отсталая... Я ей потому и не написал, чтоб она за полгода вперед плакать не начала.

Ш а к а р. Какле же ей все-таки девушки нравятся?

К а р и м д ж а н. Да что там говорить, зайдет речь о девушках — она об их косах только и твердит...

Ш а к а р. Ну, если так — слава богу. Волос у Умиды достаточно. А то есть девушки — так они к голове целый килограмм овечьей шерсти прицепляют.

А ш у р а л и е в. Однако это нехорошо, что вы свою матушку заранее не информировали. Начала б она плакать за полгода вперед, глядишь, сейчас бы уже и выплакалась, а теперь вы перед ней явитесь, как снег среди лета... Хорошо — она вас добром встретит, а если прогонит? Возьмет обоих да и прогонит!

К а р и м д ж а н. Я уж об этом по дороге думал. Оно и вправду может неловко получиться, если мы к ней одни явимся... Хорошо бы — вы с нами поехали. Там уж она из уважения к вам, если не к нам...

Ш а к а р. Ну, как же это так...

К а р и м д ж а н. Я что хочу сказать... уговорить бы маму без слез, без скандала...

Ш а к а р. Да уж, не дело то, что с плачем и скандалом начинается!

К а р и м д ж а н. Тут надо учесть... пережитки... Они в душе у матушки глубокие корни пустили.

А ш у р а л и е в. Эти самые корни надо было своевременно вырвать.

К а р и м д ж а н *(с сожалением)*. Когда же? Сперва я маленький был, потом учился, учился — шестнадцать лет учился! Некогда было голову от книг поднять. Нелегко мне было, знаете, корни выдирать.

У м и д а. А что — теперь разве легче?

К а р и м д ж а н. Теперь я не один — вы со мной... и вот, мама.

А ш у р а л и е в. Гм-м... Вы, два человека с выпим образovanцем, неужели вы не сможете по-хорошему взять в руки одну неграмотную старуху?

К а р и м д ж а н. Не такая уж она неграмотная, моя мама, она читать умеет, в годы войны в колхозе работала... Даже медалью ее наградили... Ну, а вы с нами поедете, мама?

Ш а к а р *(подумав, с сомнением)*. Хорошо ли это будет — мы, все четверо, перед вашей матушкой выстроимся?

К а р и м д ж а н. А почему нет?

А ш у р а л и е в. Ну, как сказать — почему... Вот яв-

ляемся мы вчетвером, а ваша матушка в гневе опрокинет на нас целый воз лишних слов — что мы ей ответим? Она нам говорит: «Не хочу я вашей дочери!» — а мы, что, скажем: «Нет, примите?»

Умида (*содрогнулась*). Неужели она может так сказать?

Каримджан. Ну, не совсем так...

Ашуралиев. Кто знает, всего можно ожидать. Нет, вы поезжайте сначала сами, о том, что в ЗАГСе зарегистрировались, сразу не говорите, подготовьте сперва. Захочется ей поплакать — пусть выплачется, захочется пошуметь — пусть пошумит, пусть выложит все, на что способна. А после того как выговорится, она, конечно, покалечит о лишних словах...

Умида. Неужели она скажет такое, о чем потом жалеть придется?..

Каримджан. Не скажет...

Ашуралиев. Лучше, если она выскажется и покалечит. Вот тогда мы и явимся и разговор заведем. Когда все уже поостынет. Ну, что скажете?

Каримджан. Совет хороший.

Ашуралиев. Вот и поезжайте. А мы следом явимся.

Шакар (*подумав*). Отец... Каримджан, как-то неудобно Умиде без свадьбы, без ничего в ваш дом войти!..

Умида. Ах, мамочка, оставьте вы эти формальности.

Ашуралиев. Ладно, ладно. Но вы, Каримджан, постарайтесь вашу матушку по-хорошему уговорить, хоть бы она и очень разошлась. А то, смотрите, ежа только за день, — когда он выпустит иглы, его уже в руки не возьмешь...

Шакар. Да, Каримджан, а как зовут вашу матушку?

Каримджан. Бустан. Бустан Эрматова.

Шакар. Имя хорошее. Ну, значит, договорились.

Каримджан (*протягивает бумагу*). Вот наш адрес, не забыть бы.

Все выходят, прощаясь. Шакар и Ашуралиев возвращаются.

Шакар. Ох, не подумав, они поехали, отец. Лучше бы Каримджан письмом мать уговорил... Лишь бы все добром кончилось: а то, о-ох, боюсь, нехороший она чело-

век! Кто это в наше время невесту по косам выбирает?!
А шуралиев. Насчет кос — верно. Но разве мать может быть плохой? Мать же! Плохая она или нет, а вырастила не вора, не бандита... В конце концов она просто немного отсталая... и по-своему желает Каримджану счастья.

Шакар. Я не говорю, что она плохая! А что, если она решит мою дочь на старинный лад невесткой сделать, а? Косы — веник, руки вместо кочерги! Ни за что не стерплю, чтобы мою дочь превратили в кишлачную невестку! Заберу ее!

А шуралиев. Вот это да! Что же дальше будет? Ва-ша сватья говорит «косы», вы говорите «кишлачная»...

Пролетает самолет.

Вот наша девочка и полетела в жизнь... Да будет счастливым твой полет, дочка!

Шакар. А-а, какой ужас, я забыла ей сказать, чтоб косынку на плечи скинула — а то кос не видно!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Улица... Ворота дома Каримджана. Когда входят Умида и Каримджан, Бустан с шумом выталкивает из дома Джамала ата. Каримджан и Умида останавливаются. Каримджан прячет чемодан в траве и тянет Умиду в сторону.

Бустан. Все законы, которые ты знаешь, я тоже знаю! Права не имеешь! Не имеешь права!

Джамал. Да послушай ты, Бустан-буви, что это с тобой приключилось! Я же твоих прав не оспариваю.

Бустан. Ой, люди! Какое беззаконие! Я властям пожалуюсь. Ой, власти мои родимые!.. Ты погоди у меня, я с тобой в исполкоме буду разговаривать.

Бустан убегает в дом.

Умида. Что это за женщина?

Каримджан (*растерянно*). Мама, моя мама.

Умида. А что случилось?

Каримджан. Сейчас узнаем...

Оба прячутся.

Выходит Бустан с медалью на груди.

Бустан. Я т-тебя сейчас в исполком потащу... (Кричит.) Тутинисо-о! Эй, сватья-а! Сватья, тебе говорю!

Входит Тутинисо.

Тутинисо. Что? Что? (Плюет себе за ворот.) Что случилось? Пожар?

Бустан. Какой там пожар! Хуже! Видите ли, ему вздумалось мой дом в ясли превратить, люльки в моем доме решил повесить...

Джамал. Все равно этот дом на снос пойдет. Самый разгар работ, женщины заняты, прошу ее — все равно ведь не работаешь, хотя бы за детьми присмотри, всего четыре люльки и хотел подвесить! Так смотри, какую бучу подняла, можно подумать, наследство делит.

Бустан. Где Хайрихон?! Пусть ведет меня в исполком!

Тутинисо. Хайри на работе...

Бустан. Идите, позовите Хайри, сватьюшка, пусть с работы отпросится, пойдет со мной в исполком.

Джамал. Да ты меня послушай, чего тебе в исполкоме делать! Постановления уже приняты, подписи поставлены.

Бустан (категорически). Сказала нет, значит нет.

Джамал. С тобой говорить — что в пустой дом стучаться. Все, нечего мне с тобой время тратить, не сегодня-завтра Каримджан приедет.

Бустан. Дом на меня записан, ты Каримджана не вмешивай! Ты мне всегда был врагом! Если б ты, проклятый, тогда не написал вместо ордена медаль, я бы сейчас орденосцем была!

Джамал. Если б ты тогда со злости из колхоза не ушла, получила бы орден. А для тебя и медали жалко. (Уходит.)

Тутинисо. Сватья, возьмите себя в руки!

Бустан. Не возьму! Сейчас же в исполком пойду, все там кверху дном переверну.

Бустан и Тутинисо уходят. Входит почтальон.

Почтальон. Бустан Эрматова... Бустан-буви!

Голос Бустан: «Нету Бустан-буви. Переехала. Умерла».

Почтальон. Умерла? Аллах, помилуй! Поторопилась маленько — подожди она капельку, ушла бы с пенсией.

Входит Бустан.

Бустан. Ой, родненький, это ты...

Получает письмо и пенсию, прячет деньги, вскрывает конверт.
Почтальон уходит.

«Здравствуйте...» Здравствуйте. «Дорогая матушка, как ваше здоровье, как живете?..» Слава богу, сынок. «Вот я и закончил учебу, еду на сосуд...» На сосуд! На какой это сосуд?! А-а, насовсем... «Шестого буду дома». Ой, какое сегодня число? Суббота — третье, базар — четвертое, понедельник — пятое. Спаси аллах, сегодня шестое! Сватья-а! Каримджан едет. Сейчас приедет.

Входит Тутинисо.

Тутинисо. Ой, правда?

Бустан. Что ж ты пораньше не написал, сынок!.. Вся молодежь теперь такая, все впритык делают. Как же теперь быть-то?.. Во дворе уберем.

Сцена поворачивается. Обе выходят во двор.

Тысяча благодарностей аллаху! Не зря я столько мучилась, не зря Каримджан столько трудился — кончилась учеба!.. И вам, сватюшка, повезло. А свадьбу я пышную устрою, все выложу, что накопила, пускай и сынок задолжает, не беда!.. А то у меня врагов много.

Тутинисо. Откуда у вас враги?

Бустан. Есть, есть. И у вас врагов полно... Созову гостей из семи махалля.

Тутинисо. Ну, немножко поубавьте.

Бустан. Ладио, из пяти махалля. На плов семь мешков риса велю пустить. Мукарраму-ханум приглашу, Халиму-ханум, Тамару-ханум... Всех привезу на машине! Каждую своими руками одарю. (Вдруг.) Дувал придется ломать, сватья, народ не поместится.

Тутинисо. Да, иначе не получится. Теперь все, кто свадьбы устраивает, дувалы ломают.

Бустан. Ох, чуяло мое сердце! Хорошо, что начала плов готовить, мясо и морковь зажарила. (Вынимает деньги.) Сватья, вы ходите на базарчик, купите дыню, конфеты... Нет, я сама пойду, а вы за Хайри ходите, пусть с работы отпросится.

Тутинисо. Ой, сватюшка, неудобно. Все-таки де-вушка. Вернется с работы, сама зайдет.

Бустан. Оставьте эти отсталые разговоры. В наше

время парни и девушки за руку по улицам гуляют, в район ездят футбол смотреть. Ничего зазорного нет.

Т у т и н и с о. Я и говорю. Другое дело, если б они встречались, хоть переписывались бы.

Б у с т а н. Это вы виновати. У меня сын молчальник. Велели бы Хайри ему написать.

Т у т и н и с о. Почему это Хайри Каримджану писать должна! И между соловьями принято: самец запеваёт.

Б у с т а н. Каримджан у меня не певчий соловей, вот я сама и запеваю. Ну, ладно, на базарчик я сама схожу. Вы замесите тесто, лепешки испечем. Мука на кухне. *(Выходит.)*

Т у т и н и с о. Вообще-то хорошо, что Каримджан не певчий соловушка, а то привез бы оттуда какую-нибудь.

Т у т и н и с о выходит.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сцена поворачивается. Улица... Каримджан и Умида выходят из своего укрытия. Умида берет свой чемодан и собирается уходить.

К а р и м д ж а н. Куда вы?

У м и д а. Нет дыма без огня.

К а р и м д ж а н. Какой дым? Оставьте вы эти загадки.

У м и д а. Тут вся жизнь полна загадками... Кто такая Хайри?

К а р и м д ж а н. Хайри? Соседская девчонка.

У м и д а. Ваша матушка называет соседку сватьей.

К а р и м д ж а н. Ну и пусть называет.

У м и д а. Это у вас в кишлаке так принято — называть соседок сватьями?

К а р и м д ж а н. Хайри — ой, Умидахон, да я об этом понятия не имею!

У м и д а. Была, значит, все-таки причина, что вы своей матери не сообщили! А меня сюда на посмешище привезли?

К а р и м д ж а н. Умида, ну что это с вами! Ну что мне сделать, чтоб вы поверили? Зайдем-ка в дом, выясним. Если это правда, плюньте мне в лицо!

У м и д а. Хорошо. Сдам направление райсу — и уеду.

Сцена поворачивается. Умида сидит на чемодане.

Никак не могу понять, почему же вы все-таки матери не сообщили. Прокляла бы она вас, что ли?

Входит Тутинисо, руки в муке.

Тутинисо. Ой, Каримджан приехал...

Каримджан. Здравствуйте, тетушка, как живете?.. Сестренка моя, Хайрихон, как, здорова?

Тутинисо (*обрадованно*). Спасибо. Матушка ваша на базарчик ушла. Письмо ваше получили. (*Увидела Умида*). Растерянно). Здравствуйте, как поживаете?..

Умида. Вы как поживаете?

Тутинисо выходит.

Каримджан. Умидахон, отдохните, я сейчас самовар поставлю. Поднимитесь-ка на тахту.

Умида. Не рано ли...

Каримджан. На душе у меня легко, все будет в порядке... Поднимайтесь смело! Уголь на кухне, наверное.

Умида. Дайте, я сама.

Забирает самовар и выходит. Входит Тутинисо. Растерянно смотрит ей вслед. Входит с покупками Бустан.

Каримджан. Здравствуйте, матушка...

Бустан (*обняв сына, плачет*). Сынок, дитя мое, наконец-то насовсем приехал... Кончилась учеба, да, кончилась? Не уедешь больше?

Каримджан. Не уеду больше, мама, врачом я вернулся. Все болезни теперь из кишлака прогоним!

Бустан. Прогони, сынок, все прогони, до единой... Тутинисо, поставьте самовар. Стелите дастархан.

Тутинисо. Самовар сам на кухню пошел. (*Насупившись, стелет дастархан.*)

Каримджан. Я вижу, в честь моего приезда вы и медаль надели.

Бустан. Да нет! Джамал проклятый хочет в нашем доме ясли устроить, вот я и решила идти скандалить в исполком!

Каримджан (*смеется*). Медаль, значит, чтоб скандалить?.. Что, правда, в нашем доме ясли хотят открыть?

Бустан. Ну да.

Каримджан. Не допустим.

Бустан. Не то что ясли. Совсем снести хотят.

К а р и м д ж а н. Ну, снести-то — пускай сносят, другой дом дадут.

Б у с т а н. Не надо мне другого! В этом доме твой отец умер.

К а р и м д ж а н. Отец же в Белоруссии погиб, мама.

Б у с т а н. Все равно. В этом доме я извещение о его смерти прочитала.

Входит У м и д а с самоваром.

Это кто?

К а р и м д ж а н (*горопливо*). Гостья. Гостья.

Т у т и н и с о (*Бустан*). Что же это — гость в чужом доме самовары носит, что ли?.. Похоже, ваш соловей запел.

Б у с т а н. Не дай бог. Здравствуйте, гостья, откуда вы, куда направляетесь?

К а р и м д ж а н. Она тоже закончила учебу. Сюда и направляется... Врачом.

Б у с т а н. А вы какой доктор?

У м и д а. Детский... Детский врач, педиатр.

Б у с т а н. Если так, осмотрели бы своих сестренку и братишек сначала, родителей своих осмотрели бы. Они где живут?

У м и д а. В городе...

Б у с т а н. Если они в городе, вы почему здесь?

К а р и м д ж а н. Она же на работу приехала.

Б у с т а н (*недоверчиво*). А ваши родители чем занимаются?

У м и д а. Папа лектор, мама в магазине работает...

Б у с т а н (*искоса взглянув на Каримджана*). В каком магазине?

У м и д а. В книжном.

Б у с т а н. Тутинисо, сватьяшка, вымойте рис, я плов заварю. Бедные родители нашей гостьи — наверно, подобрали ей хорошего жениха да и ждут не дождутся. Она поест плов и уедет... Приезжайте на свадьбу Каримджана, деточка. На свадьбе как раз нужна такая помощница, как вы. А невесту я нашла Каримджану, как цветочек — ее вот дочка, Хайрихон. Косы до колен, образованная, почти что доктор — в аптеке работает, всему кишлаку одна лекарства готовит... Ну, сватья, поторапливайтесь.

Обе выходят.

Умида (*грустно*). Пока вы издалека речь заводили, ваша мать все высказала.

Каримджан (*взволнованно*). Умида, чепуха все это. Я и не думаю. Ну, что мне сказать, что мне сделать, чтобы вы поверили!

Умида (*чуть не плача*). Да верю же я!

Каримджан. Вижу, как вы верите! Ей-богу, сейчас как заору. На мать заору...

Умида. Не надо, я ей тогда еще хуже покажусь...

Каримджан. Я понимаю, это все нелегко стерпеть, но, пожалуйста, не загорайтесь вы от того огня, что мать развела...

Умида. Ну, мы же с самого начала так договорились...

Каримджан. Ну, раз так... (*Словно нашел выход*.) Знаете что, холодная вода успокаивает, умойтесь-ка вы.

Умида (*сквозь слезы*). Еще что сделать?

Каримджан. Да нет, я серьезно. Ну, пожалуйста. Там и полотенце есть. Вот сюда пройдите...

Умида (*вздыхнув*). Начинаем жизнь с холодной воды. Что-то в конце будет? (*Выходит*.)

Входит Бустан, неся на шумовке вареное мясо.

Бустан. Отведай пока этого мясца... (*Обрадованно*.) Гостья ушла, да?

Каримджан. Нет, умывается.

Бустан. Чего это она умывается, разве свою грязь в чужом доме оставляют?

Каримджан. Она чудесная чистая девушка, мама.

Бустан. А мне все равно, мне ни грязи ее не надо, ни чистоты. Чистая девушка к постороннему мужчине не привязывается! И вообще, по ней видно, что она детей не способна иметь, боже нас упаси от этого!

Каримджан. Как это вы можете, матушка, такие вещи о незнакомом человеке говорить! Ведь и она для кого-то любимое дитя. Скажи такое кто-нибудь обо мне — что бы вы ответили?

Бустан. На такое сам за себя ответишь. Что, не сможешь?.. И что я сказала? Пусть, говорю, не умывается в чужом доме... Да и того не сказала... (*Вдруг*.) Ну-ка, взгляни на меня, чего это ты ее так облизываешь? Или между вами что-нибудь есть?

К а р и м д ж а н (*нерешительно*). А если есть?

Б у с т а н. А если есть, ни на том, ни на этом свете тебя не прошу. (*Плачет.*) Я тебя своим молоком вскормила!.. Значит, так, да? Стал доктором, так и мать не нужна, и благословения материнского не надо? Так, да?

К а р и м д ж а н. Хорошо, эта вам не нравится, другая будет.

Б у с т а н. Мне и другая не нужна! Мне Хайрихон нужна.

К а р и м д ж а н. Мама, да ведь об этом и речи никогда не было.

Б у с т а н. Почему это не было!.. Мы с Тутинисо уже пять месяцев только об этом и говорим. Недавно Хайри уговорили. Мать ее все слезы выплакала. Да и я наплакалась. Измучились, пока уговорили.

К а р и м д ж а н. И что — Хайрихон сказала, что, пойдет за меня?

Б у с т а н. Разве девушка такие слова скажет? Она сказала: «Посмотрим». Но в душе-то она согласна!

К а р и м д ж а н. Ладно, в душу Хайри вы заглянули. А в мою заглянуть собираетесь?

Б у с т а н (*с угрозой*). Что, Хайри тебе не нравится? Такая девушка!.. (*Всхлипывая.*) Такая красивая, как нарисованная. Косы — до колен. Готовит — пальчики оближешь. Гостей принимает еще лучше своей матери. И к тому же образованная! Одна всему кишлаку лекарства выдает! И не фасонит, старого и малого уважает, почитает. Если в махалле свадьба какая или праздник, всегда пойдет, поможет. (*Со слезами.*) Вся моя жизнь в труде прошла, если на старости невестка меня слушать не будет, так и помру, словно не жила...

К а р и м д ж а н. Матушка, и Умида вам послужить может.

Б у с т а н (*встревоженно*). А?..

К а р и м д ж а н. Нет, я говорю, я такие девушки умеют послужить свекрови.

Б у с т а н. Этот твой доктор будет детские животы слушать или меня?

К а р и м д ж а н. Хайрихон тоже работает, сами же говорите, готовит лекарства всему кишлаку.

Б у с т а н. Да я Хайри на третий день после свадьбы заставлю работу бросить!

К а р и м д ж а н. Ну да, бросит аптеку и будет готовить лекарства для вас одной! А она сама — знает об этом?

Б у с т а н. Я равьше времени шум поднимать не люблю.

Входит У ми да.

Что это, гостья, у вас дома вода, что ли, кончилась?

У ми да. Нет, мама, есть вода. (*Заметив свою ошибку.*) Ой, извините...

Б у с т а н. И не стыдно ни с того ни с сего меня мамой называть? (*Каримджану.*) Ты слышал, она меня так назвала?

К а р и м д ж а н. Она же извинилась.

Входит Т у т и н и с о.

Т у т и н и с о. Сватья, принесемте плов.

Б у с т а н. Принесите. Хотя нет, Хайри подождем... Или, ладно, ей оставим. Сама отложу. А то гостье ехать надо. Вы пока чай заварите.

Обе выходят.

К а р и м д ж а н. Умида, я сейчас взорвусь.

У ми да. Каримджан, милый, идите умойтесь, вода холодная, она так успокаивает!

К а р и м д ж а н (*про себя*). Похоже, похолодней воды еще много понадобится.

Каримджан выходит. Входят Б у с т а н с пловом, Т у т и н и с о с чаем.

Б у с т а н. Ну-ка, гостьюшка, присаживайтесь, ешьте быстрее, нас не ждите. Тутинисо, налейте чаю — в две пиалушки наливайте, быстрее остынет. Где это Каримджан?

У ми да. Умывается.

Б у с т а н. Боже милостивый, что это с вами!

Х а й р и (*в проеме стены*). Мама здесь?

Б у с т а н. Козочка моя, иди сюда, детка.

Х а й р и входит.

Х а й р и. Здравствуйте.

У ми да. Здравствуйте.

Б у с т а н. Садитесь же, гостья.

Входит, вытирая лицо полотенцем, К а р и м д ж а н.

Х а й р и. Ой, Каримджан-ака, здравствуйте!

К а р и м д ж а н. Здравствуйте, Хайрихон, здравствуйте, сестренка.

Х а й р и. Закончили учебу?.. Поздравляю вас!

К а р и м д ж а н. Спасибо... вот Умидахон тоже... И тоже доктор.

Х а й р и (*поняла, искренне*). Поздравляю. (*Обнимает Умиду*.) Как хорошо. Я тоже об этом мечтаю!

Б у с т а н. Ну-ка, поднимайтесь на тахту. Плов совсем остыл. Хайри, возьми воду, начни со свекрови.

Хайри берет кумган для обмывания рук, подмигивает Каримджану и Умиде. Лица обоих явно проясняются. Бустан поднимается на тахту. Входит Д ж а м а л.

Д ж а м а л. Здравствуйте.

К а р и м д ж а н. Э-э, Джамал-ата...

Обнимаются, приветствуют друг друга.

Д ж а м а л (*внимательно смотрит на Умиду*). Здравствуйте, дочка... Молодец... Гм-м, хорошо, хорошо. Каримджана-то я знаю, ну а вы кем приехали?

К а р и м д ж а н. Она тоже доктор. Детский врач.

Д ж а м а л. Ну-ка, иди сюда. Это та самая девушка, о ком ты зимой говорил? Вижу, вижу, вы две половины одного яблока! О-о!.. Никому вас обоих не отдам. Мы тут новую больницу строим! Почти кончили уже.

К а р и м д ж а н. Вот оно как!.. Поднимайтесь на тахту, Джамал-ата... Направления наши — вам здесь отдать или в правление нести?

Д ж а м а л. Здесь давай.

Х а й р и. Каримджан-ака, будете руки мыть?

К а р и м д ж а н. Нет, дайте-ка мне ложку, сестренка.

Б у с т а н (*раздраженно*). Может, и вам ложку подать, сватья?

Д ж а м а л (*не поняв*). Чего шум подняла, ложек у тебя, что ли, не хватает?..

Все заняты пловом. Молчание.

К а р и м д ж а н. Джамал-ата, говорят, вы в нашем дворе хотите люльки повесить?

Бустан оживает.

Д ж а м а л. А-а, эти женщины совсем расплодились. Под каждым талом по четыре люльки. Уже и талов не хватает. У вас тут прохладно, вот я и хотел пару люлек подвесить, так твоя мать мигом свою медаль выставила.

Б у с т а н. И правильно сделала. Видишь, он сам тебя спросил!

У м и д а. А ясли вы не построили?

Д ж а м а л. А вот закончим больницу, три-четыре комнаты под ясли выделю.

У м и д а (*улыбнувшись*). Это вы ясли в больнице разместите?

Д ж а м а л. А что, дочка, все правильно, и расходов половина. Медсестры и за детьми присмотрят.

У м и д а. Экономия-то, конечно, большая. Только интересно, какие родители оставят своих здоровых детей в больнице? И какой врач вам это разрешит? Вы уж лучше такого больше вслух не говорите, Джамал-ата, газеты узнают — разнесут вас в пух и прах. (*Смеется.*)

Д ж а м а л. Верно, дочка, верно, об этом я не подумал... Хозяйствуешь, крутишься — все хочешь одним камнем двух ворон подбить.

Б у с т а н. Да оставьте вы эту проклятую ложку, ешьте быстрее руками. (*В сторону.*) Чтоб ты сгнула, а не смеялась...

Эти слова слышали все. Каримджан меняется в лице.

Х а й р и (*кладет ложку, смотрит на Каримджана, на Умиду*). Тетушка, не желайте зла чужому ребенку, у вас тоже сын есть. (*Встает с места.*) Извините, Умидахон, ко мне подружки должны прийти... Приходите и вы, у меня есть хорошие пластинки.

Х а й р и выходит.

Неловкое молчание.

Д ж а м а л. Э-э, какая ты бутозерка. (*Каримджану.*) Она невеста-то твоя?

Каримджан кивает головой.

Разве человек может будущей невестке зла пожелать? (*Не в состоянии понять.*) Бустан, она же ведь доктор, ты понимаешь, что такое доктор? И не совестно тебе? Стыд и позор!

Б у с т а н. Да что я такого сказала?.. Сказала только: «Ешьте быстрее».

К а р и м д ж а н. Ладно, ладно, матушка. Так-то вы учите молодых уму-разуму...

Д ж а м а л. Ну, мне пора. Поговорим еще. Идем со мной, дочка, колхоз наш покажу.

Каримджан провожает их. Тутинисо по знаку Бустан убирает дастархан и выходит. На улице останавливается автомобиль.

К а р и м д ж а н. Мама Умиды приехала.

Б у с т а н. Еще п мама должна была приехать!..

К а р и м д ж а н. Да, чтобы свою дочку забрать.

Входит Ш а к а р.

Ш а к а р. Гроза прошла?

К а р и м д ж а н. Проходит.

Ш а к а р. Слава богу.

К а р и м д ж а н. А папа где?

Ш а к а р. В правление зашел, сейчас явится.

Бустан поневоле сходит с тахты.

Б у с т а н. Здравствуйте...

Ш а к а р. Здравствуйте, как живете, Бустан-буви?

Б у с т а н. О-о! *(Бросив взгляд на Каримджана.)* Откуда вы мое имя знаете?

Ш а к а р. Дорога-ая, кто же не знает медалистку Бустан-буви Норматову!

Б у с т а н. Не Норматову, а Эрматову...

Ш а к а р. Какая разница. Главное — ваше имя. И медаль.

Б у с т а н *(польщенная)*. Как вас зовут?

Ш а к а р. Шакар-буви Ашуралиева. Ношу фамилию своего старика.

Б у с т а н. Ваша матушка дала вам хорошее имя... Ну, прошу к плову. Мы только что ели, он еще не остыл.

Ш а к а р. Сказать по правде, я такая голодная — хоть прошлогодний плов дайте, и то съем.

Б у с т а н. Веселая вы женщина!

Ш а к а р. Ах, дорогая Бустан-буви, лучше уж быть веселой! А горе — будь оно проклято. И сам не огорчайся, и других не огорчай.

Б у с т а н. Я вот никого не обижаю. А меня — все обижают.

Шакар. Ах, дорогая, почувствуешь запах паленого — огляди собственный халат. Ну, да вы не тратьте сил на пустяки — приехал Каримджан, вот и радуйтесь.

Бустан. Конечно, как же не радоваться... Вот и вы дочку дождались. Подыскали ей жениха?

Шакар. О, Бустан-буви, вы же образованная женщина, разбираетесь, что к чему, книги читаете. Недаром там пишут о любви и верности. Хорошо, когда молодые сами себе пару находят.

Бустан. Вы для того и распустили дочке уздечку, чтоб она подходящую пару нашла?

Шакар. О-о... ну, а если я взнуздаю и не будет она с любимым человеком — вся ее жизнь прахом пойдет!

Каримджан. А это и для вас горе...

Бустан (*в сердцах, глянув на Каримджана*). Ладно, это ваше дело, распускать свою дочь или нет, а я уздечку сына из рук не выпущу. Такого не бывает, чтобы родители детям зла пожелали!

Шакар. Правильно, не бывает. Те родители, что в старину своих девчушек старикам отдавали, тоже им не желали зла...

Бустан (*разъясняя*). Такие вещи в старые времена бывали.

Каримджан. И сейчас такие найдутся... Разве что немножко другого требуют. Только нынешняя молодежь не соглашается. Одни прямо говорят, ну, а другие... другие стариков жалеют, вот и стараются им объяснить...

Бустан. Мне объяснять нечего, сама понимаю. С какими трудами я тебя вырастила, воспитала... Если я тебя теперь на желанной девушке не женю, — все, так и уйду из жизни, вичего не получив!

Каримджан. Матушка, да кто с моей женой жизнь-то проживет — я или вы?

Бустан. Я тебе найду, а ты проживешь.

Шакар (*Каримджану*). Ну и ну.

Каримджан (*еле сдерживается*). Матушка, вы меня выкормили, вырастили... ну... я вас на руках носить готов! Все мое — ваше... Все! Но сердце-то вы мне оставьте.

Бустан. Знаю я этих сердечных: сперва сердце, душа, «мамочка», а потом все заботы на голову свекрови, вся работа ей на шею. Да еще если б только это!.. А то — плач, скандалы, собрание, суд... Только детей жалко.

Ш а к а р. Бустан-буви, таких семей в вашем кишлаке, может, одна и найдется.

Б у с т а н. Одна!.. С ними вот две будет.

Т у т и н и с о с опухшими от слез глазами выходит из кухни, идет в сторону своего дома.

Б у с т а н. Тутинисо, подождите, поговорить надо.

Обе выходят.

Ш а к а р. Ну и ну. Не думала, что ваша матушка до такой степени... *(Встает.)* Не могу я больше. Сами заварили кашу, сами и расхлебывайте. Меня в это дело не путайте. Вон, может, отец поговорит. Он человек терпеливый. Сейчас подойдет... Пойду позову!

К а р и м д ж а н *(вне себя)*. Ну, что это такое! Мама уж все границы... Нет, ей-богу сейчас взорвусь, все выложу.

Ш а к а р. Э, Каримджан, накричите на свою мать, так моя дочь ей покажется в сто раз хуже.

Ш а к а р выходит, входит радостная У м и д а.

К а р и м д ж а н. Ну, посмотрели колхоз?

У м и д а. Посмотрела. *(Поднимает чемодан.)*

К а р и м д ж а н *(подавленно)*. Уезжаете?

У м и д а. Нет, теперь уж не уеду. Хоть бы и вы заодно с матушкой меня гнали.

Входит Б у с т а н.

Б у с т а н. Господи, уйдет эта девушка по-хорошему или нет?

К а р и м д ж а н *(нервно)*. Куда она уйдет, сейчас ее отец придет.

Б у с т а н. Так еще и папочка явится на мою голову!.. *(Решительно.)* Хорошо, пусть идет. Пусть. Я ему в лицо скажу про все штучки его дочери. Пускай идет!

К а р и м д ж а н *(мягко)*. Мама, неужели вы и при нем меня срамить будете?

Б у с т а н. А когда ты меня от срама умирать заставляешь, это ничего, да? Это можно?.. *(Вдруг.)* Женишься на ней? Ладно, женись, только знай: я твою жену в мартышку превращу! Я так сделаю, что она места в доме не найдет где ступить, будет у меня, как лягушка, прыгать.

К а р и м д ж а н. Это вы так — невестку-врача?

Бустан. Одной семье одного врача хватит. Если у тебя два топора — знай, второго ты у соседей не отберешь.

Каримджан. А Джамал-ата что сказал?..

Бустан. И Джамала твоего, как лягушку, прыгать заставлю.

Каримджан. Ладно, матушка, мы все будем прыгать, а вы будете хлопать в ладоши.

Входят Шакар и Ашуралиев.

Здравствуйте, папа. Входите, пожалуйста.

Ашуралиев (*Бустан*). Приветствую и поздравляю.

Бустан. Эй, послушайте, не желаю я вашу дочь себе в невестки! Оставьте вы меня в покое или нет?! Что это за насилие над чужим сыном?

Ашуралиев. Ого... (*Отбрасывает бумаги.*) И это вы говорите теперь, когда они расписались в ЗАГСе?

Бустан. А-а... (*Ей дурно.*)

Все растерялись. Каримджан ее поддерживает.

Бустан (*придя в себя*). Ах, вот оно как?..

Каримджан. Да, так получилось.

Бустан. Это почему же ты мне не сказал?

Каримджан. Матушка, если б вы мне дали сказать...

Ашуралиев (*хочет поднять свои шаргалки, но не берет*). Эти двое полюбили друг друга, как Фархад и Ширин, как Тахир и Зухра, как Руслан и Людмила, как... Э-э, зачем вам становиться между ними, как ведьме? Вы... вы же замечательная женщина нашей страны, славная медалистка...

Шакар (*слегка заискивая*). Она ошиблась. Ошибиться может каждый человек, даже орденносец...

Бустан. Нет, ЗАГС не считается, главное — свадьба!

Ашуралиев. Но мы-то согласны.

Бустан. Нет! Заберите свою дочь.

Каримджан. Мама...

Ашуралиев (*выходит из себя*). Да вы что говорите! Опомнитесь!

Шакар (*всхлипывая*). Да что же это такое! Разве моя дочка подкидыш какой-нибудь... (*Умиде, готовая раз-*

рыдаются в голос.) Лучше мне умереть бы, чем такие слова слышать!

Бустан. Заберите, говорю, а то весь кишлак сейчас соберу!

Шакар (Умиде). Я говорила, что так и будет! Это мне награда за твое воспитание!.. Пойдем отсюда.

Умида колеблется.

Ашуралиев. Пойдем, пойдем, дочка! Ты у меня не бездомная! А вы что за человек? Ни стыда, ни совести!

Оба они, схватив Умиду, тащат ее к двери.

Каримджан. Папа! Мама... *(Вне себя.)* Матушка, вы знаете, что вы делаете? Вместе с Умидой внука прогоняете! Она ребенка ждет!!

Бустан. А-а?! Ждет ребенка? Верни! Верни. Говорю, верни, пусть родит, потом убирается!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Декорация та же, только часть дома разрушена. Слышен гул мотора.

Б у с т а н - б у в и, нарядная, с медалью на груди, сидит на тахте, на семи разостланных ватных одеялах; ей, видимо, скучно, она ложится, встает, опять ложится, снова встает, смотрится в зеркало, пытается разглядить свои морщины, слезает с тахты, подбирает валяющиеся клочки бумаги чтобы выбросить, но кидает их обратно, раскалывает несколько орехов и раскидывает скорлупу в разные стороны, снова взбирается на тахту и усаживается.

К а р и м д ж а н, усталый, возвращается с работы.

К а р и м д ж а н. Здравствуйте, мама. Когда же мы переедем, путаемся тут в ногах у строителей...

Б у с т а н. Я никуда не перееду. Пусть меня переедут. Трактором пусть переедут! Куда я уйду из дома, где умер твой отец? Вот здесь я читала извещение о его гибели.

К а р и м д ж а н. Где?

Б у с т а н. Точно вот здесь... нет, вон там.

К а р и м д ж а н (отмечает это место). Ладно... Не устали?

Б у с т а н (слезливо). Все хозяйство на мне. Когда же твоя вьется и двор подметет. И не похоже, что в этом доме женщина живет... Со стыда стораю перед соседями! Могла бы чуть пораньше с работы возвращаться. Можно подумать, дети только и ждали этого доктора, чтоб заболеть!

К а р и м д ж а н. Матушка, вы же сами работали, разве вы с работы раньше возвращались?

Бустан. Я работала, чтоб тебя прокормить, а она кого кормит, тебя, что ли? Что ж ты — столько учился и сам себя прокормить не можешь? Меня можешь не кормить, мне своей пенсии хватает!

Каримджан берет в руки веник, чтобы подмести двор.

Эй, ты мужчина, не бери в руки веник, это дурная примета!

Каримджан. Да я в общежитии не только подметал, я и полы мыл, и обед готовил!

Бустан. Вот-вот... нынешняя учеба только женщинам на пользу. Садись сюда. Получил зарплату?

Каримджан. Получил...

Бустан. Давай сюда. *(Берет кошелек, кладет под подушку.)* Еще и не невестка, а уже сует руку в твой карман.

Каримджан. Мама, зачем вы так говорите? Она лучше любой невестки за вами ухаживает. На самом почетном месте сидите.

Бустан. Ты что, мне ее таким путем навязать хочешь, а? Пусть родит и убирается! Родит — и убирается!.. Купи мне ичиги...

Каримджан. Ичиги же у вас новые, мама.

Бустан. А что, если у меня будет две пары? За те деньги, что стоит пара туфель на гвоздиках, — три пары ичигов дают. Вон — выстроила четыре пары туфель!

Выносит четыре пары туфель и швыряет.

Каримджан. Мама... Умида же молодая, потом она ведь доктор, на виду у всех... Вам же почет, если она будет хорошо одета.

Входит Умида с фотоаппаратом, перекинутым через плечо, с тяжелым пакетом в руках. Каримджан быстро убирает туфли.

Бустан. Зачем же вы тяжелое поднимаете, что за женщина! *(Каримджану.)* Да возьми у нее, чего рот ранинул.

Обрадованный Каримджан торопливо забирает пакет, кладет его рядом с Бустаном.

Умида. Здравствуйте, матушка... Муку дают...

Бустан *(посмотрела муку)*. Хорошо. *(Оглядела Умиду.)* Вот это я понимаю, но... *(не найдя, что сказать)* нечего волосы корзинкой носить, косы заплетите!

Каримджан. Косы на работе мешают.

Бустан. Ну, пусть хоть дома косы носит.

Умида. Ладно, матушка, запомню...

Входит Джамал, очень взволнованный.

Джамал. Каримджан, эй, Каримджан, что вы за люди! Что вы там прорабу наговорили?

Каримджан. Здравствуйте, заходите, пожалуйста.

Умида (*прячет улыбку*). А что мы такое сказали?

Быстро и легко накрывает дастархан. Бустан обращает на это внимание и улыбается.

Джамал. Я за них боролся, с таким скандалом их у себя оставил, а они что творят! Это называется, вы мне помогаете?

Каримджан. А что ж мы другое можем делать, ата? Ваш прораб, похоже, еще меньше нашего в этом деле понимает. То здание, что вы строите, для больницы не годится...

Джамал. Чем это оно не годится?

Каримджан. Во-первых, не годится уже то, что чертежи вы сами изготовили! Вы же не архитектор. Вы можете чайхану спроектировать, ну коровник...

Джамал. Знаю, что я не архитектор, но твой архитектор на сто тысяч нацелился. Это по-старому миллион! Что ж я, больницу за миллион буду строить? Килограмм хлопка за копейки продаю. У меня деньги близнецами не родятся.

Умида. Больницу для кишлака район должен строить.

Джамал. Район! Ха! В этом вопросе район уши хлопком заткнул! Понимаешь? Хлопком!

Каримджан. Это правильно, но надо у них затычки из ушей вытащить! Вам некогда — я сам буду хлопотать. Выколотим средства — больницу на холме в саду будем строить, там чудесный воздух.

Бустан. Правильно Каримджан говорит. Больницу еще дальше отсюда надо строить.

Джамал. Ладно, обещаете помочь — ничего, кроме спасибо, не скажу. А сейчас пусть строится. Пока нету коня, на ишаке поездим...

Умида. Нет, Джамал-ата, давайте уж сразу на коня сядем. Это здание пусть достраивается, подправим немножко — если будут. Вот вы сказали: «Под каждым та-

лом четыре люльки», — а я обошла и все эти «ясли» сфотографировала. (*Кладет перед ним фотографии.*) Видали такие ясли? Вон, смотрите, старуха спит, а чтоб детишки к арыку не уползли, она их за животики веревкой привязала! Хороши ясли?

Джамал (*победил*). Ты зачем такие вещи фотографируешь? Ты что, шпионка? Хочется тебе фотографировать, иди снимай правление, радиозел, баню... Зачем недостатки выискиваешь?

Умида. Я же не корреспондент, я врач. Была бы корреспондентом, засняла бы баню, радиозел — и поехала восвоис. Вся тяжесть колхозного труда на женских плечах, так вы еще и детьми их по рукам и ногам связываете... Разве может женщина толком работать, если она за детей не спокойна?

Бустан. Верно говорит.

Джамал (*горячится*). Какой колхоз не имеет временных недостатков?

Каримджан (*смеется*). Джамал-ата, сколько лет, как колхоз организовали? Понятие «временные» какие-нибудь границы имеет?

Джамал (*побежден*). Ладно, построит район больницу — это здание яслям отдадим. Вопрос надо вынести на правление. Сама и выступишь. А фотокарточки мне отдай.

Умида. Э, нет, я их правлению покажу.

Джамал (*отнимает*). Отдай, говорю, не дай бог еще кто-нибудь увидит. Если решение будет, хватит тебе? (*Прячет снимки за пазуху.*) Ну, я пошел. Да, кстати, когда свадьба?

Каримджан. Как мама скажет.

Джамал. Сам буду на свадьбе председателем! (*К Бустан.*) Бесценная у вас невестка!

Бустан (*Джамалу*). Так-то так, зато не похоже, что она мне услуживать будет.

Джамал. А с чего это она тебе должна служить? Ты что, колхоз, что ли?

Джамал выходит.

Бустан. Какой обед собираетесь готовить?

Умида (*встревоженно*). Как скажете...

Бустан (*подумала*). Лагман, только шнурком, а не резаный.

Умида. Хорошо.

Бустан. Пойду погуляю. А то лопну от скуки.

Уходит.

Каримджан. Умидахон, уедем!

Умида. Куда-а?

Каримджан. Куда глаза глядят!

Умида. А как ваш тяжелобольной?

Каримджан. Немного лучше.

Умида. Куда же вы уедете от такого счастья — увидеть своего выздоравливающего больного. И кто будет людей лечить? Кто — больницу строить? И ясли?.. Сегодня одна женщина малыша принесла. Воспаление легких. Весь горит. А мать на меня смотрит — и словно молится, и вся надежда у нее на меня... Как же я ее обману?.. Ну, неудобно вам передо мной за свою мать, ну ничего. Не надо... Интересно, какая я буду свекровь?

Каримджан (*задумчиво*). Говорят, в раю трон стоит. Для хорошей свекрови... Так он, говорят, до сих пор пустой! (*Улыбается.*) А может, он вас дожидается?

Умида. А вы каким свекром будете? Небось наследственность скажется?

Смеются.

Ох, а как быть с лагманом?

Каримджан. Даже не знаю... Разное готовить приходилось, а лагман шнурком — ни разу! (*Подумав.*) Во всяком случае фарш должен быть. (*Быстро.*) Вы рубите мясо, а я тесто приготовлю.

Умида смеется.

Что? Не умеете мясо рубить?.. Что, никогда не видели? Мама от вас по секрету мясо рубила?.. Положим на досочку... во-от... и будем рубить ножами... во-от. И получится фарш.

Каримджан насыпает в миску муку, Умида берется за мясо.

Хайри (*в пролом*). Извините...

Каримджан. О-о, Хайрихон, заходите! Правду говорят: если больному суждено выздороветь, лекарь к нему сам явится.

Умида. Здравствуйте.

Хайри. Несколько дней пыталась застать вас одних,

да все никак не получалось. А сейчас, смотрю, тетушка Бустан идет к базарчику — думаю, хоть неудобно, а зайду. Вы уж меня извините...

К а р и м д ж а н. Э, сейчас есть дело поважнее извинений. Лагман пшурком готовить умеете?

Х а й р и. Умею.

К а р и м д ж а н. Так научите Умиду.

Х а й р и. С удовольствием! *(Принимается за работу.)* Мы с вашим Каримджаном росли вместе, как брат и сестра. А когда повзрослели, ни у него, ни у меня никаких... вот мукой клянусь... Верно, ведь, Каримджан-ака?

К а р и м д ж а н. Как в аптеке.

Х а й р и. Но вот уже пять месяцев тетушка Бустан все говорит и говорит, мама плачет, надоели они мне! Решила я от них отделаться и говорю однажды: «Ладно, мол, там видно будет!» Ну, они и ухватились за это. Лучше бы мне не говорить этих слов... *(Смотрит в землю.)* У меня ведь тоже... друг есть... Мы с ним еще год назад друг другу поклялись...

К а р и м д ж а н. Вы бы своей матери хоть намекнули об этом.

Х а й р и. Да я боюсь, она в обморок упадет! Моя мама ничем от вашей не отличается... Вот вы вдвоем постепенно берете тетушку Бустан в руки, а я одна... *(Плачет.)*

К а р и м д ж а н. Не огорчайтесь, Хайрихон, мы вам поможем. Общими усилиями уговорим вашу матушку! Выйдете замуж за любимого человека, учиться будете... А кто этот юноша, он чем занимается?

Х а й р и. Ой, ну Азимджан же...

К а р и м д ж а н. Как? Азимджан, наш учитель?.. А он обо всех этих разговорах знает?

Х а й р и. Я ему рассказала. Вот он смеялся! Он в воскресенье вас навестить собирается.

К а р и м д ж а н. Прекрасно! Будем рады.

Х а й р и. Ну, я пойду. Сейчас, наверно, тетушка Бустан вернется...

К а р и м д ж а н. А как же лагман?

Х а й р и. Сейчас, сейчас.

Забирает все продукты, идет на кухню.

У м и д а. *(вслед, подражая свекрови.)* Ах, какие ко-сы!

Гаснет и зажигается свет. Улица. Дом Каримджана. Входят Бустан и Тутинисо.

Тутинисо *(плачет)*. Вы меня опозорили, осрамили... Раз не можете взять сына в руки, чего болтать зря.

Бустан. Да наберитесь вы терпения, сватья. Ничего же еще не произошло.

Тутинисо *(плача)*. Она уже ребенка ждет, это называется ничего не произошло? Как теперь моя дочка будет жить в кишлаке? Да я сама — что я теперь людям скажу?

Бустан. Не плачьте, не к добру это. Если все так и будет, на меня не меньше вашего позор падет. Я вам говорю, ничего еще не произошло. Во-первых, это еще вопрос, беременна Умида или нет. Я тихонько прислушивалась к ее дыханию, когда она спала, — беременная женщина так не дышит! Каримджан это нарочно сказал, чтобы меня сломить...

Тутинисо *(обрадованно)*. Ей-богу, я вам не верю...

Бустан. Да что там ребенок, я не верю, что они и в ЗАГСе расписались. После ЗАГСа так не бывает.

Тутинисо. А что, они не спят вместе?

Бустан. Да вы что? Разве я позволю? Каримджан внизу, а Умида на айване, рядом со мной.

Тутинисо. Да откуда вы знаете...

Бустан. Я всю ночь сторожу, оба и не шелохнутся.

Тутинисо. Ну, разве так, чего ж вы ее не отправили? Пусть себе едет в свой город!

Бустан. Эй, сватьяшка, всего-то и ума у вас! Ну, уедет она к себе в город, а Каримджана я что, стреножу, что ли? После того как она устроилась на работу, вздумала в гостинице жить. Но я не согласилась, не-ет, дудки. В гостинице ей, конечно, отдельную комнату дадут, и Каримджан, чуть вечер, к ней и поскачет потихоньку, не углядишь. Нет, пусть лучше оба при мне будут... А она, хоть в невестки и не годится, а девушка порядочная, это видно.

Тутинисо. Вот, вам самим уже она нравится, я знаю.

Бустан. Э, не говорите так, сватьяшка. Наоборот, я изо дня в день Каримджана от нее отваживаю. Но это надо потихонечку делать, исподволь. Если горячее сердце холодной водой облить, оно разорваться может. *(По секрету.)* Я ей велела сейчас лагман шнурком приготовить.

А она, ясное дело, не умеет — вот я ей покажу! Так распишу ее при Каримджане, так распишу... Вы, немного погодя, подойдите к пролому, а как я скажу: «Вай, чтоб сло-мались твои руки», — сразу и заходите. Сами увидите!

Хочет положить под язык нас. Наса нет.

Я схожу на базарчик за насом.

Бустан уходит.

Из дома выходит Каримджан.

Каримджан. Здравствуйте, тетушка... Вы, тетушка, не обижайтесь, пожалуйста, вы тут, оказывается, договорились по-своему, а вышло иначе...

Тутинисо (*плачет*). Да согласись только моя дочка, тыща женихов готовых... Во всем ваша мать виновата! Она все говорила и говорила, ну я и решила себе: «Дочка у меня не доучилась, выйдет за вас — будет дальше учиться».

Каримджан. Да матушка вовсе не собиралась разрешить Хайри дальше учиться! Наоборот, она думала после свадьбы ее с работы забрать, чтобы Хайри дома сидела и ей прислуживала...

Тутинисо (*ошеломленно*). А... вон как... Что ж, моя девочка сиротка, что ли, как скажут «бросай работу», так она и бросит, чтоб вашей матери прислуживать?!

Каримджан. Можете у матушки у самой спросить.

Тутинисо. Как это, все работают, а моя дочка будет дома сидеть! Я не училась и не работала — вот кем стала! Если б я в свое время чему научилась, так и дочку доучить могла бы... (*Плачет.*) Отец ее, покойный, не дал мне ни работать, ни учиться... Ни мне пользы, ни дочери! Вот — плету кантики для тюбетеек, а сколько на этом заработать можно? И на кантики теперь спросу нет совсем... (*Плачет.*)

Каримджан. Конечно, тетушка, ваша дочка — не сирота. Хочет она учиться — значит, будет учиться!

Тутинисо. Хочет — не то слово. Как придет с работы — головы от книги не поднимает... Весь дом книгами завален! Она больше ничего и знать не желает.

Каримджан. Значит, добьется своего... Только я вам, тетушка, одну вещь сказать хочу: у нее любимый юноша есть...

Тутинисо. Вай, моя дочь не из таких девушек!

Каримджан. А что в этом плохого? Все честь честью, и юноша он достойный, что ж тут не по вас?

Тутинисо. Нет, конечно, но... а вам кто сказал?

Каримджан. Она сама сказала.

Тутинисо (*царапает лицо ногтями*). Вай, стыд какой!.. Срам! Так прямо вам и сказала?!

Каримджан. Не мне. Умиде она сказала.

Тутинисо. Кто же он? Какой юноша?

Каримджан. Да они еще до всех этих разговоров сговорились. Больше года уже...

Тутинисо. Ах ты тихоня! Пусть только явится, я ей покажу. Ай, тихоня! Нет, лучше я сейчас сама в аптеку пойду!

Тутинисо уходит.

Гаснет и зажигается свет. Двор.

Входит Бустан.

Бустан. Ну, э-эй, где лагман шнурком?

Каримджан. Пришли, матушка?.. Лагман готов. Невестка ваша показала все свое искусство. Теперь в мире самые лучшие мастера по мучным блюдам — это китайцы. А у вашей невестки была подружка — китайянка, вот она ее и учила готовить лагман шнурком.

Бустан (*грубо*). Китайцы, говорят, лягушек кушают.

Каримджан (*торопливо*). Лягушек тоже едят в тете. Может, вы перед обедом холодной водой умоетесь, она успокаивает человека...

Бустан. Пусть лагман принесет.

Каримджан (*на кухню*). Умидахон, несите обед, у нас уже слюнки текут.

Голос Умиды: «Сейчас...»

Входит с тревогой на лице, вносит еду, ставит на стол. Берет воду для омывания рук.

Бустан (*моет руки, с сомнением смотря на блюдо*). Гм...

Каримджан (*пробует*). О-ох... Что это вы положили в фарш, Умидахон?

Умида (*поддельваясь под китайский акцент*). Чере-па-ха шим-пан-зе.

Бустан. А это дозволено нашей верой?

Каримджан. Черепаху шимпанзе делают из рогов джейрана. Вы же знаете, на джейранов падишахи охотились.

Бустан (*ковыряет пальцем в пище*). Не буду есть! В лагман шнурком фарш не кладут...

Каримджан. А по-китайски — кладут.

Входит санитар.

Санитар. Каримджан-ака, с Астанаулом плохо.

Каримджан. Иду!

Умида. И я с вами.

Все трое уходят. Бустан-буви пробует лагман.

Бустан. Ах, этот Китай, чтоб ему пусто было... (*Ест с аппетитом.*) Проклятый Китай...

Входит Тутинисо.

Тутинисо. Хайри! Эй, Хайри!

Бустан. Заходите, Тутинисо, заходите.

Тутинисо. Хайри тут не была?

Бустан. Нет! Идите сюда, сватья, лагман шнурком по-китайски вы, наверно, в жизни не ели.

Тутинисо уничтожающе смотрит на Бустан, которая с удовольствием ест. Входит Хайри.

Тутинисо. Ты что здесь делаешь, проклятая! Чтоб ноги твоей в этом доме не было!

Бустан (*Тутинисо*). Не получилось на этот раз, завтра другой обед закажу! Тогда увидите.

Тутинисо (*приближаясь*). Бустан-буви, никогда не думала, что вы такая. (*Направляется к пролому в стене.*)

Бустан (*вслед*). Что вы за нетерпеливая женщина, Тутинисо, сказала же, завтра закажу другое блюдо!

ЗАНАВЕС

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Те же декорации, но дом снесен полностью. Остался только часть дувала и кухни. Площадка перед зданием будущих яслей открыта. На краю тахты сидит, задумавшись, Бустан-буви.

Вдали радио поет о любви.

Тутинисо (*в комбинезоне, несет ведро с известкой*). Вай, Бустан-буви, что вы здесь еще делаете? Сегодня же ваши сваты должны приехать — о свадьбе советовать! Неужели опять все расстроите?.. Измучили вы бедного Каримджана, дайте волю молодым...

Бустан. А вы своей дочке волю уже дали! Посмотрю-ка я на ее женишка! Я вижу, он вас в маляра превратил...

Тутинисо. Вы сперва думайте, потом говорите. Какой я маляр, я в яслях работаю... Днем работаю, вечером учусь. Санитаркой буду... Дальше стану учиться — сестрой могу стать! Умидахон сказала.

Бустан (*пренебрежительно*). Это вы-то сестрой можете стать?

Тутинисо (*гордо*). Да, и буду ходить вместе с докторами. Уколы делать! И вам укол сделаю...

Бустан. Я в вашем уколе не нуждаюсь. У меня сын доктор. Захочу — и невестку из докторов возьму!

Тутинисо. Ай, молодец! Так чего ж вы здесь сидите? Ступайте и берите!

Входит Каримджан.

Каримджан. И вы здесь, тетушка!.. Рабочий день же кончился. Идите переоденьтесь... Подождите — постелите, пожалуйста, курпачи.

Тутинисо стелет курпачи на тахте, забирает ведро и уходит. Ах, матушка, тысячу раз спасибо вашей догадливости! (*Бьет себя по лбу.*) А я, зеленая башка, об этом и забыл:

какой же совет о свадьбе без участия отца? *(На деревце, около которого им была сделана отметка, вешает портрет отца.)* Он во главе совета должен быть. Спасибо, что помнили...

Бустан. Когда сваты приезжают?

Каримджан. Сейчас... Они сюда приедут, я соседей предупредил.

Бустан. Когда заговорят о свадьбе, будешь мне в рот смотреть.

Каримджан. Хорошо, мама, мы оба будем вам в рот смотреть. Мы и так от него глаз не отрывали. Шагу без вас не ступили...

Бустан и Каримджан выходят. Входят Шакар и Ашуралиев. Он вынимает бумаги, привезенные тайком от жены.

Шакар *(увидела бумаги)*. Опять по бумажке!

Ашуралиев. Да пет... тут только три странички. Я не буду читать, лишь бы их за пазухой чувствовать.

Шакар. Неужели двух слов не найдете, чтобы сказать о свадьбе собственной дочери? *(Отбирает бумаги, прячет в свою сумку.)*

Ашуралиев. Сказал же, не буду читать... Не верите, очки заберите.

Входит Джамал.

Джамал *(всматриваясь в лицо Ашуралиева)*. Вы — лектор?

Ашуралиев. Лектор Ашуралиев.

Джамал *(шутливо)*. То-то я смотрю... Если приехали с путевкой, давайте, подпишу. *(Шакар.)* Вы не обижайтесь. Мне тут как-то сказали — лектор из района приехал. Ну, я все дела бросил, в клуб побежал. Смотрю — вот он, на трибуне стоит, головы не поднимая, и бубнит, а все сидят, как убаюканные... Прямо не лекция, а мертвый час! Господи боже, и откуда вы такие слова спотворные берете!.. В старицу уличные рассказчики своими небылицами про святых людей плакать заставляли, а теперь сущие факты так излагают, что людей смех берет...

Ашуралиев. Справедливая критика, товарищ председатель. Но я... *(Доверительно)* по правде говоря, я и сам не знаю, как на этой работе очутился. Хоть и привыкаешь читать чужие слова, но своим-то они не становятся...

Джамал. Да вы разве не свой текст читаете?

Ашуралиев. Никак нет!

Джамал (*смеется*). Вы, значит, как петух, опившийся сурьмы: шею тянет, клюв раскрывает, а голоса нет!

Ашуралиев. А голоса нет.

Джамал. Нелегко это вам приходится... А слушателям вашим и того трудней! Может, вам другую работу найти.

Шакар. Вот бы хорошо было!

Ашуралиев. Какую, к примеру?

Джамал. Ну, к примеру... вон, сельпо большой книжный магазин открывает. Можно заведующим.

Ашуралиев. Извините, по книжному делу специалист товарищ Ашуралиева.

Джамал. А вы... а ваша профессия?

Ашуралиев. Руководящий работник. Мелкий руководящий работник.

Джамал. Ну, что ж, у нас и руководящая работа найдется! У нас вон клуб есть, радиоузел, баня. Над ними всеми один руководитель нужен.

Ашуралиев. Многовато сразу три объекта...

Джамал. На радиоузле ребята энергичные, в бане работа и так идет, народ сам моется, там только идейное руководство требуется. Остается клуб, ну, там надо и руководить и работать... Подумайте!

Входит Каримджан.

Каримджан. Здравствуйте! А я только собрался за вами идти!

Входит Бустан.

Бустан. Здравствуйте...

Ашуралиев (*думает о бумагах в сумке*). Как поживаете?..

Находит удобный момент и выкладывает свои бумаги.

Бустан. Хорошо доехали?

Ашуралиев. На сто процентов.

Джамал. Салют, что ли, заказать? Наконец-то все собрались. И чего это здесь? Почему не дома?

Каримджан (*показывает на портрет*). Мама здесь читала извещение о гибели отца, вот мы и решили: во главе свадебного совета пусть отец будет.

Джамал (*тронут*). Спасибо тебе, сынок!

Шакар. Умницы.

Каримджан. Это мамина мысль.

Джамал. Йе, неужели из тебя выходят такие тонкие мысли?

Бустан. Это только ты мной пренебрегаешь!

Ашуралиев. Светлая память о нем сохранится в наших сердцах!

Джамал. Ну ладно, я тороплюсь, давайте о свадьбе говорить. Я, значит, специально одного барана откормил. Килограммов сто риса дам. Ну, и еще там, по-колхозному... (*Каримджану.*) Вы оба в колхозе на виду... Свадьба большая будет. И новоселье заодно справим!

Ашуралиев. В тезисах сказано, что нельзя устраивать большие свадьбы.

Джамал. А мы свадьбу по вашим тезисам проводить не будем! Так где хотите свадьбу-то делать? Послушайте вы меня, давайте в клубе. Сейчас многие так делают. Хорошо получается. (*Бустан.*) Ты же видела.

Бустан (*слезливо*). И что тебе стоило этот дом не ломать?

Джамал. Ну, а если б я его не сломал, ты что — людей сюда позвала бы, что ли? Не стыдно тебе?

Каримджан. Мама, мы увеличим фотографию отца и поставим в клубе...

Джамал. А вы что скажете?

Ашуралиев. В клубе — это хорошо, и трибуна есть.

Джамал. Да вы что — и в день свадьбы лекцию читать собираетесь? Уберем трибуну!.. Ну, хорошо. Теперь давайте день назначим. Мы с Каримджаном следующий выходной наметили. Что скажете?

Все одобрительно кивают.

Значит, решено. Аминь.

Бустан. Подожди еще «аминь» говорить. Любое дело сначала обговор любит. Умидахон хорошая, не скажу, что плохая... Но, говорят, удача благословенным сопутствует! Если она будет дома сидеть и мне служить...

Шакар кривит губы.

Джамал (*рассердился*). Послушай, что это ты все твердишь «мне служить» да «мне служить»! Почему это

Умидахон тебе одной служить обязана? Она в государственной школе училась, на деньги народа, пусть теперь народу и служит! Поняла? А если ты требуешь, чтоб она после свадьбы работу бросила да сидела дома, за тобой ухаживала — так я этот вопрос на колхозном собрании подниму! Поведу тебя на собрание — сама всем и скажешь...

Бустан (*испугалась*). Я такого не говорила и не скажу.

Джамал (*по-прежнему*). Ну-ка, как тебе надо служить? Каримджан, бери бумагу да записывай, потом повесим ей вместо медали. Ну, говори! Пока мать совершает пятикратную молитву, Умида должна подавать воду для омовения... Так, что ли?

Бустан. Слава богу, я не молюсь...

Шакар (*торжествующе*). И в самом деле... на бедную девочку уже фартук нацепила.

Джамал. А, теперь и вы. Что особенного, если она и надела фартук? Умидахон — доктор, но умение готовить еще никакой женщине не помешало... Вы сами — разве дома не готовите? Или одни консервы едите?

Ашуралиев. Ох, председатель, и не говорите. Как раз консервы всю жизнь и едим. Не дом, а товарный вагон. В коммунизм в теплушке едем!

Шакар (*толкает мужа в бок, негромко*). Что вы за муж, сор из избы выносите!..

Ашуралиев (*продолжая о наболевшем*). Кипяток — и тот из чайханы носим!.. Ей-богу правда!

Джамал. Ну, все? Аминь. Слава аллаху, аминь. Я пошел.

Каримджан. Подождите!

Сватым преподносят подарки, на Джамала одевают чапан.

Бустан (*плачет*). Несчастливая... Если б можно было — сгинула бы, в Мекку ушла!

Каримджан. В Мекку бы ушли — и меня оставили?

Бустан. Я у тебя царства не просила, трона не требовала, всего-навсего и сказала — пусть твоя жена дома посидит и мне послужит!..

Каримджан. Матушка, вы только о себе и твердите. Испокон веку матери наперед о детях думали, а вы обо мне и забыли!..

Ш а к а р (*вдруг*). Почему это моя дочь должна вам служить, вы что, принцесса?

Б у с т а н. Да, принцесса. В своем доме я принцесса!

Ш а к а р. Значит, ваш дом никогда не будет домом Умиды?

А ш у р а л и е в. А в тезисах об этом — ничего...

Ш а к а р. Если вам дорог ваш сын, так мне моя дочка дорога! Я ее тоже не легко растила! Что, у меня меньше молока было?!

Б у с т а н. Может, и не меньше. А мужчина есть мужчина. Он выше женщины!

Входит Тутинисо.

Т у т и н и с о (*задорно*). Эй, Бустан-буви, что это вы так принижаете женщин? Не так уж мы с вами унижены!

Б у с т а н. Вы помолчите, вас никто не спрашивает.

Ш а к а р (*вдруг*). Ладно, если уж служить, пусть они один день оба вам служат, а другой день — мне.

К а р и м д ж а н. Все, умнее ничего не скажешь, на этом кончаем дискуссию.

Б у с т а н. Вай, это почему ты, мужчина, должен женщине служить! Пусть бы себе сына родила и взяла невестку!

А ш у р а л и е в (*про себя*). Она что, на меня намекает?

Б у с т а н. Надо было себе сына родить!

К а р и м д ж а н. Мама!..

Т у т и н и с о. Ай, Бустан-буви, неужели вы такая бессовестная женщина!

Б у с т а н. А-а... Я бессовестная! А вы давно ли совестливая стали? Скажите, с какого числа, будем звать!

Т у т и н и с о. Стыдитесь!

Б у с т а н. Это вы стыдитесь. Я еще на базаре кантиками не торговала.

К а р и м д ж а н. Мама...

Т у т и н и с о (*бледнеет*). Вы меня проплыв не попрекайте, Бустан-буви, я... (*горько*) я это не от хорошей жизни делала...

Б у с т а н. От хорошей или нет, а торговали!

Т у т и н и с о. Торговала... не отказываюсь... (*Вдруг*) А вы никогда не ошибались?

Б у с т а н (*горделиво*). А в чем я ошибалась?

Т у т и н и с о (*мстительно*). А кто хотел закабалить сначала мою дочь Хайри, кто теперь хочет закабалить Умидахон, кто этот злодей, феодал?

Б у с т а н (*встает, грозно*). Кто феодал? Кто злодей? Вон из моего дома!

К а р и м д ж а н. Маман!

Т у т и н и с о. Злодейка! Феодалка!

Т у т и н и с о уходит.

Б у с т а н (*вслед*). Торговка!

Ш а к а р. Думайте, когда говорите, сватья! Разве дочь — не дитя? Разве вы своей матери не были дороги?

Б у с т а н. Я не говорила, что дочь не дитя. А свет в доме — испокон веков сын, а не дочь.

А ш у р а л и е в (*запихивая бумаги в карман*). Значит, когда вы родились — ваша мать не обрадовалась? Что же это вас назвали «Бустан» — цветник? Надо было вас назвать «Гуристан» — кладбище!

Ш а к а р (*мужу*). Ну вот, все испортили! Теперь придется прощения просить! «Я ошибся, извините...»

А ш у р а л и е в (*Шакар*). Я ошибся? Извините.

Б у с т а н (*задыхаясь*). Ах, так... Я еще не успела их дочь в невестки взять, а они уже меня в могилу толкают! Знать не хочу такого родича! Помогите!! Люди-и!

Входят Джамал и Хайри.

Люди-и!! Помогите!!

Д ж а м а л. Что еще случилось? Ведь помолвка уже была!

Б у с т а н. Насилие над чужим сыном! Прошло то время! Люди!!!

А ш у р а л и е в. Да вы просто гнездо феодализма!

Швыряет подарки.

Б у с т а н. Теперь, на старости лет, меня феодалом сделали? Помогите, люди!!

Д ж а м а л. Да послушай ты! Чего ты орешь, как ишак на пожаре! Ори не ори — все равно Каримджан на Умиде женится! Чего зря надрываться?

К а р и м д ж а н. Матушка, по-моему, вы сказали все, что хотели, и еще сверх того — и свои слова сказали, и чужие повторили. А теперь меня послушайте. Вы говорите, все от бога... Не знаю уж, от бога или от кого дру-

того, но наша судьба с Умидой — одна, и что нам суждено, того вы у нас не отнимете.

Бустан. Ах, вот как!..

Каримджан. Да, так.

Бустан. Ну, раз так (*произнося как проклятие*), пусть она тебе даст жизни. Пусть... Но уходи туда, откуда ее привел. В моем доме вам нет места-а!

Каримджан. Новый дом весь ваш, мы с Умидой себе угол найдем.

Бустан. Можете там жить, я откуда все равно не уеду. (*Джамалу.*) Мой дом мне обратно отстрой!

Джамал. Ладно, отстрою. Если б я знал, так не сносил бы, ленточкой огородил, в музей превратил бы!

Снимает дареный чапач, накидывает на Бустан и уходит.

Бустан. Люди-и! Помогите! Сына украли-и!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Лунная ночь. Площадка перед новым зданием яслей. Обессиленная Бустан, шатаясь, входит и садится с краю. Вбегает Каримджан.

Каримджан (*встревоженно*). Куда она могла уйти в полночь? Не имела она такой привычки.

Входят Умида.

Умида. Не волнуйтесь, может, ей просто не спалось, она и гуляет где-нибудь. (*По сторонам.*) Мама! Мама-а!

Каримджан. Вы не зовите. (*По сторонам.*) Мама-а! Мама-а-а!

Умида. Каримджан, повторите подробнее, что Ойджамал сказала? Может, она в старый дом пошла?

Каримджан. Да нет же старого дома!

Умида. Дома нет, но место-то осталось. Я схожу, посмотрю.

Умида выходит.

Каримджан (*про себя*). Да... думаешь, поедем в кишлак, сделаем то, сделаем это, жизнь будет в сплошных радостях. А в кишлаке у врача, кроме болезней, еще

и вон какие заботы... Правду говорят: пока старое побо-
решь — состаришься...

Входит У м и д а.

У м и д а. Нет ее, все обыскала... Разбудила Хайри.

Входит Х а й р и.

Х а й р и. Ужас какой! Я ее вечером видела. Она го-
ворила, что уйдет из кишлака, но я не подумала, что
всерьез... успокаивала ее.

К а р и м д ж а н (*озабоченно*). Вот оно что...

У м и д а (*успокаивающе*). Ну, куда она пойдет
ночью...

Все трое расходятся в разные стороны. Слышны их голоса: «Мама!
Мама! Тетушка!»

Входит Т у т и н и с о. Ищет дочку.

Т у т и н и с о. Хайрихон! Хайрихон! (*Про себя.*) Мо-
жет, Азимджан приехал? Никогда такого не было.

Видит кого-то, приближающегося издали, пугается, отступает.
Входит, как привидение, Б у с т а н, явно не в себе, доходит до
цветника и падает. Тутинисо невольно к ней подходит.

Бустан-буви!.. Что это с вами? Что это вы здесь бродите?
Откуда шли?

Б у с т а н (*вслыпнув*). Испугалась я, испугалась...

Т у т и н и с о. Чего испугались?

Б у с т а н. Воды... Я ходила к реке...

Т у т и н и с о. Да что вы там делали ночью, у реки?

Бустан плачет.

Чего вам там надо было, а? Да говорите же вы, язык в
реке оставили, что ли?

Б у с т а н. Искандер Двурогий поведал свое горе во-
де... вот и я... я тоже хотела... поведать... испугалась...
Вода заговорила — иди ко мне, ты такая одинокая, без-
домная... Испугалась я...

Т у т и н и с о. Так вы же сами себя и одинокой и без-
домной сделали! Меня, свою ближайшую соседку, из дома
выгнали, сватью и свата обидели, прогнали, от сына и не-
вестки отвернулись... Ну, и что вы сказали, когда вода
вас позвала?

Б у с т а н (*кладет голову на плечо Тутинисо, ее бьет
дрожь*). Я сказала... я сказала: нет, у меня есть сын!

Тутинисо. Ну и молодец. Вот вы и в себя приходите. У вас такой сын, такая невестка, а вы... Уже сколько людей все переживают, всем неудобно... Бедный Каримджан прямо высох. Вот утром ясли откроют, митинг будет. Весь кишлак поднимет на руки вашего сына и невестку, все им аплодировать будут, а вы что же, будете сидеть, как чужая?

Бустан (смотрит на здание яслей, на деревья, на цветник, наконец, на скульптурную фигуру под покрывалом). Что это такое? Я здесь извещение читала, что это поставили? (Хочет заглянуть под покрывало.)

Тутинисо. Подождите, Бустан-буви. Раз накрыто, значит, нельзя смотреть.

Бустан. А почему нельзя? Наверно, голая какая-нибудь?

Тутинисо. Не знаю, не видела, днем стояла тумба, вечером, смотрю, верх появился. Да ну, что вы, не поставят тут голую женщину!

Бустан. Ой, вы что, не видели ворота в парк? С одной стороны стоит женщина с тарелкой, с другой — с мячом, и обе голые! (Умоляюще.) Тутинисо, голубушка, позвольте хоть кусочек посмотреть...

Тутинисо. Будет утром митинг, тогда не кусочек — все увидите... Да нет, Бустан-буви, не может быть.

Бустан. Что не может быть?

Тутинисо. Да неужели наш председатель додумается до такого, он вон сколько хорошего в колхозе сделал.

Бустан. Э, Тутинисо, при чем тут председатель? Про ясли-то ему Каримджан сказал!

Тутинисо. Ну, раз так, разве ваши сын и невестка согласятся, чтоб тут голую женщину поставили?

Бустан. Они-то не согласятся, а вот Джамал проклятый, говорят, любит такие дела.

Тутинисо. Ну, хватит, Бустан-буви, пошли, я вас провожу. Хороший у вас сын, и с невесткой повезло. Пошли.

Бустан (не знает, что сказать). А вы? Вам тоже повезло. Говорят, Азимджан будущую жену на учебу готов отправить... (По секрету.) Другой человек, глядишь, заставил бы Хайри дома сидеть.

Радио: «Внимание, внимание. Говорит колхозная радиостанция. Товарищи колхозники, будьте соседей. Будьте ваших соседей».

Бустан. Ах ты, господи, не дай бог, война!
Тутинисо. Тицун вам на язык!

Радио: «У микрофона наш председатель Джамал-ата. Слушайте!»
Джамал (по радио): «Товарищи колхозники! Извините, что нарушил ваш сон. (Печально.) Несколько часов тому навад мать нашего уважаемого доктора Каримджана...»

Бустан. Ой...

Джамал (продолжает): «..То есть свекровь нашей уважаемой невестки доктора Умидахон, Бустан-буви Эрматова, исчезла.»

Бустан. Ой...

Джамал (продолжает): «Бустан-буви ночевала в доме колхозницы Ойджамал. Во сне она встала и ушла. С ней такое бывает. Каждый, кто увидит Бустан-буви, должен крепко схватить ее и немедленно привести в правление.»

Тутинисо (тянет Бустан). Пошли!

Бустан. Подождите...

Тутинисо. Пошли, говорю, не то поташу.

Бустан. Председатель же колхозникам сказал, вы тут причем? Чего это вы меня тащите, вы же не колхозница?

Тутинисо. Я работаю в яслях, значит, колхозница!
Пока они препираются, вбегают Хайри. Увидев их, бежит обратно.

Хайри, где тебя носит!

Бустан. Не пойду! Не пойду! Что я ему скажу?

Тутинисо. То же, что мне сказали.

Бустан (умоляюще). Голубушка Тутинисо, пусть это останется между нами! Ну, дорогая! Ведь это чужому нельзя сказать.

Радио: «Внимание, внимание. Товарищи колхозники, Бустан-буви Эрматова нашлась. Бустан-буви нашлась.»

Бустан. Ну вот, нашлась я.

Входят Каримджан, Ашуралиев, Шакар. Молчание. Бустан смотрит в землю. Входит Джамал. Тутинисо ему пересказывает.

Каримджан. Мама, мама, ну что вы натворили!

Бустан. Джамал же сказал по радио — это я во сне...

Джамал. Ты где была, бессовестная?

Бустан. Я?

Джамал. Да, ты. Ты что у реки делала?

Бустан хмуро смотрит на Тутинисо.

Ладно, у Искандера рога были, вот он реке горе и поведал... А у тебя какое горе? Сын — доктор, невестка — доктор, такая пара — весь кишлак не нарадуется — об этом, что ли, ты реке сказать хотела? Так ты лучше людям скажи! Пойдем, скажешь по радио, люди еще уснуть не успели...

Ашуралиев. Пожалуйста, я буду аккомпанировать.

Шакар (мужу). Да замолчите вы.

Входит Умида.

Джамал (показывая на Умиду, Бустан). Скажи, что ты одинокая, бездомная, скажи.

Бустан (плачет). Хватит!.. Нашлась я, чего ты еще хочешь? Что было, то прошло... А на это (показывает на скульптуру) я никак не согласна! На этом месте я читала извещение, чтоб моль съела твою совесть!

Джамал. А что я такого сделал на этом месте?

Бустан. Небось сам знаешь, раз прикрыл. Убери! Убери, не открывая! Нечего детей развращать...

Джамал. Да ты хоть знаешь, что это такое? (Сдерживает покрывало. Под ним — скульптура ребенка, тянущегося к солнцу.)

Бустан. Ой... какой хорошенький! (Обнимает Умиду.) Дай бог и тебе... Мне на радость... Э, Джамал, неужели из тебя выходят такие тонкие мысли?

Джамал. Это только ты мной пренебрегаешь... (Поворачивается к Каримджану и Умиде.) Дети мои, вот матушка ваша и впрямь нашлась... Это вы ей помогли найти!

Умида. Матушка, да мы вас никогда и не теряли. Это вы сами... (Обрывает себя, улыбается.)

Ашуралиев. Теперь держитесь, не потеряйтесь снова!

ЗАНАВЕС

1966

- Айван* — терраса. *Ака* — старший брат, в разговоре обычно уважительное обращение к старшему. *Амин* — сельский староста. *Ана* — мать. *Апа* — старшая сестра; уважительное обращение к женщине.
- Аския* — острота, остроумная шутка, сказанная экспромтом. *Ата* — отец. *Афлотун* — Платон.
- Бешик-той* — праздник по случаю того, что младенца впервые укладывают в колыбель.
- Гуджа* — каша из джугары. *Гузар* — оживленное, бойкое место на дорогах, перекрестках.
- Джузара* — сорго, кормовая культура; в прошлом в Туркестане — хлеб бедняков. *Додхо* — один из высших чинов в Бухарском ханстве, в обязанности которого входил прием прошений на имя эмира. *Дувал* — глинобитный забор.
- Едгор* — памятник, предмет, являющийся памятью, сувенир, реликвия.
- Ичиги* — сапожки без твердого задника и каблука с мягкой подошвой.
- Кавуши* — кожаные калоши. *Казий* — судья, судивший по законам шариата. *Казы* — колбаса из сырой конины, выдержанная в течение нескольких месяцев. *Кадакчи* — мастер, скрепляющий разбитую фарфоровую или стеклянную посуду. *Кары* — чтец корана. *Кукнар* — мак, употребляемый как наркотик. *Кумган* — медный кувшин с ручкой. *Курпача* — узкое ватное одеяло для сидения.
- Махалля* — квартал города. *Минбаши* — тысяцкий, волостной правитель. *Мирза* — писарь, господин.
- Улем* — богослов, высшее духовное лицо. *Усма* — растение, содержащее вещество, употребляемое для окрашивания бровей.
- Сай* — долина речки. *Сим* — старое название Ферганы. *Суна* — глиняное возвышение в саду или во дворе. *Суфи* — суфий, праведник.
- Райхон* — базилик.
- Табиб* — лекарь. *Танап* — мера площади, различная в разных районах: от $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{2}$ гектара. *Тандыр* — небольшая глиняная печь для выпечки лепешек. *Танга* — бухарская серебряная монета стоимостью в 15 копеек.
- Чачван* — покрывало для лица, сплетенное из черных конских волос. *Чилёсин* — религиозный обряд, совершаемый в доме, где есть тяжелобольной, — сорокакратное повторение молитвы «ёсин». *Чиммат* — сетка из конских волос, которой женщины закрывали лицо.
- Эликбаши* — пятидесятник, кпшлачный староста. *Эффенди* — господин.
- Ходжа* — потомок одного из четырех халифов.
- Янтак* — колючее растение, используется как топливо. *Яхтак* — длинная, до колен, рубаха с открытым воротом.

СОДЕРЖАНИЕ

РАССКАЗЫ

Прозрение слепых, <i>Перевел М. Никитин</i>	5	Одно из двух, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	140
Мастон, <i>Перевела Г. Хантежирова</i>	21	Жены, <i>Перевел И. Киссен</i>	142
Городской сад, <i>Перевела Т. Калякина</i>	29	История одной телеграммы, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	159
Неудача Баки-Мирзы, <i>Перевел М. Никитин</i>	31	Речь, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	164
Воры, <i>Перевела И. Боролина</i>	41	Кроватка, <i>Перевел М. Никитин</i>	167
Большая, <i>Перевела И. Боролина</i>	45	Картина, <i>Перевел А. Садовский</i>	173
Гранат, <i>Перевел А. Садовский</i>	47	Говорит Ганишер, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	184
Знамение, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	53	Тысяча одна жизнь, <i>Перевел А. Рахими</i>	189
Два сапога — пара, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	61	Мертвые слова, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	196
Человек искусства, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	64	Траур на свадьбе, <i>Перевел Г. Каменский</i>	199
Националисты, <i>Перевела Т. Калякина</i>	67	Икота, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	203
Учитель словесности, <i>Перевел А. Наумов</i>	71	Соображение по поводу... <i>Перевел Л. Ленч</i>	205
Бывают же огорчения... <i>Перевела Н. Аргунова</i>	75	Голос из бутылки, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	208
Свадьба, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	77	Клевета, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	211
Джанфиган, <i>Перевела Т. Калякина</i>	81	Страх, <i>Перевел А. Рахими</i>	217
Годы, <i>Перевела Г. Хантежирова</i>	85	Кувшины, <i>Перевел Л. Ленч</i>	226
Этакий упрямец, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	90	Хвостатые люди, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	231
Дружки, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	95	Махалля, <i>Перевел А. Наумов</i>	238
Диспут на том свете, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	99	Потухший вулкан, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	244
Бек, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	103	Сняющие вершины, <i>Перевела Д. Рашиди</i>	248
Девушки, <i>Перевела Т. Калякина</i>	108	Большевики, <i>Перевела Г. Хантежирова</i>	258
Нажми на спусковой крючок, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	112	ПЬЕСЫ	
Барон фон Ринг, <i>Перевела Н. Аргунова</i>	115	Шелковое сюзане, <i>Перевели Ю. Герман и В. Рест</i>	267
Синий конверт, <i>Перевел А. Садовский</i>	118	Больные зубы, <i>Перевел А. Кеслер</i>	341
Старый Асроркул, <i>Перевел И. Киссен</i>	123	«Голос из гроба», <i>Перевел К. Симонов</i>	399
Хи-хи... <i>Перевела Н. Аргунова</i>	137	Милые мои матушки, <i>Перевел А. Наумов</i>	449
		Пояснительный словарь	494

АБДУЛЛА КАХХАР

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В 3-х ТОМАХ

Том I

РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ

Перевод с узбекского

Редактор И. ЗАЛЕНСКАЯ
Художественный редактор И. ДЫГАНОВ
Технический редактор М. МИРКАСЫМОВ
Корректор Л. КАЗАКОВА

Сдано в набор 31.X—71 г. Подписано к печати 11/1—1972 г. Формат 84×108¹/₂. Печ. л. 15,5. Усл. печ. 28,04. Уч.-изд. л. 24,05+0,11 (1 вкл.) Тираж 15 000. Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма. Ташкент, Навои, 30. Договор № 133—69.

Набрано и отматрицировано на Киевском полиграфкомбинате Государственного комитета по печати при Совете Министров УССР Киев, улица Довженко, 8.

Отпечатано на Ташкентском полиграфкомбинате Государственного комитета по печати при Совете Министров УзССР Улица, Навои, 30. Бумага № 1. Заказ № 1747. Цена 1 р. 24 к.

Уз
КЗО

Каххар, Абдулла.

Избранные произведения. В 3-х т. (Редколлегия: С. Бородин и др. Сост. канд. филол. наук Н. В. Владимирова). Т. I. Т. Изд. лит-ры и искусства им. Г. Гуляма, 1972.

Т. I. Рассказы и пьесы. 496 с.

Уз 2

Индекс 7—3—3